Юлия Фирсанова

АПП, или Место для чуда!

АПП, и... навсегда!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

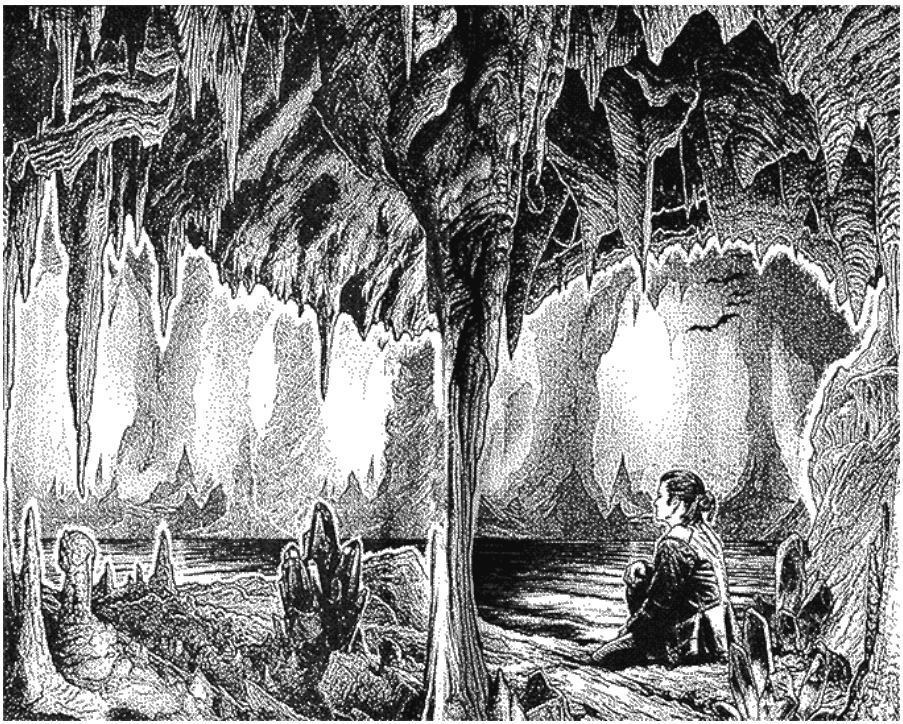
Спасать утопающих на берегах туманной реки, стучать зубами от холода перед живым воплощением стужи, искать загадочное Зерцало в лабиринте пещер… Каких только миссий не выпадает студентам Академии пророчеств и предсказаний! Но все это кажется веселой и легкой прогулкой в сравнении с заданиями преподавателей и пророчеством, куда в очередной раз угодила компания друзей. Опять? Декан Гад уже не удивляется, лишь пытается защитить своих непоседливых студентов от беды. Даже выходить за ворота АПП запретил. Только что толку? Приключения найдут компанию везде. Ведь академия — самое подходящее место для чудес! Эльф Стефаль, тролль Хагорсон, юный дракон Машьелис о Либеларо и Яна Донская смогут проверить это на собственном опыте. А будущее приоткроет им свои тайны!

- Юлия Фирсанова
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23

    - Глава 24
    - Глава 25
- notes
    - 1

Юлия Фирсанова

АПП, ИЛИ МЕСТО ДЛЯ ЧУДА!



Пролог
ВОЗВРАЩЕНИЕ В АПП

Каникулы — есть в этом слове из восьми букв волшебство, способное пробудить радостные воспоминания у любого — от школьника до убеленного сединами старца, если он хоть однажды изведал сладость отдыха от учебы. А вот магия иных звуков, складывающихся в слова «начало семестра», более противоречива. Кто-то воет волком от перспективы вновь бултыхаться в океане учебной программы, кто-то обреченно вздыхает, но есть и маньяки, радостно предвкушающие грядущие занятия.

Янка ни к одному из перечисленных типов студентов не относилась. Пусть дома после рождения крохотной сестренки Алины (Димка Донской у папы опять не получился!) было очень и очень здорово, но девушка ужасно соскучилась по друзьям и напарникам. Также ей очень хотелось увидеть однокурсников, даже вечно недовольную жизнью вампиршу Ириаль и капризного сирена Пита Цицелира.

В этот раз, как обычно, декан явился для транспортировки студентки в последний день каникул. Яна, в отличие от всей семьи, дружно растящей младенца на дачных просторах, уже ждала мастера Гадерикалинероса с сумками припасов, собранными бабулей. Потому сначала Гад забросил девушку в общежитие, где они оставили багаж и по-быстрому отсчитали деканские банки с земляничным вареньем, а потом перенес землянку на площадь. Там уже привычно толпились студенты, жаждущие зрелищ — прибытия абитуриентов АПП и эффектного явления Арки Выбора. Охотники до хлеба отирались совсем в другой стороне — у столовой. Силком на площадь перед Башней Судеб в последний день каникул никто никого не волок, но так уж сложилось, что почти все учащиеся собирались здесь по негласной традиции: и на волшебство поглазеть, и с друзьями-знакомыми повидаться-пообщаться после каникул.

— Донская! — Вопль, потрясший, казалось, сами основы Мироздания, оглушил Яну, едва она оказалась с деканом на Площади выбора. Девушку стиснули до хруста в медвежьих объятиях. Гад только коварно ухмыльнулся и исчез в очередном облаке серой пыли, оставив жертву на растерзание оборотню.

— Уф, ясного дня, Авзугар, — жалобно пискнула выпущенная из тисков медведя студентка. — Я тебя тоже рада видеть, но не до перелома ребер. И вас, ребята!

Рядом с бугаем радостно заулыбались, приветствуя девушку, его низкорослые напарники — староста курса гоблин Кайрай и пещерница Тита.

— Извини, чуток не рассчитал, — белозубо, или скорее белоклыко, осклабился однокурсник. — Я чего тебя искал-то, мы после площади все собирались на пикничок. За мной еще с прошлого года должок остался.

— Так ты же пару раз устраивал нам шашлыки?! — удивилась Янка странным долгам.

— Творец троицу любит! — поразил землянку желтоглазый горец-оборотень вариантом старой поговорки. — Так что все идем мясо жарить, вино пить, гулять, отдыхать, а учиться завтра будем! Ясно, да?!

— Ясно, — покорно согласилась девушка, мысленно облизнувшись при упоминании мяса, знатоком приготовления которого в походных условиях считался оборотень-медведь. После того как Авзугар прекратил попытки сосватать ее за кого-нибудь из своих родственников, общалась девушка с сокурсником с искренним удовольствием. — А вы моих напарников не видели?

— Вей-хо, как не видел? Видел! — провозгласил собеседник.

Перебивая оборотня-напарника, пещерница Тита вставила под согласный писк Кайрая:

— С утра в Лапе виделись, скоро, небось, на площадь придут, коли уже не здесь!

Проверяя гипотезу, Авзугар трубно заорал, запросто перекрывая шум громкоголосой толпы:

— Лис! Хаг! Где вы там? Айда к Янке!

Ледокол для бурного моря студентов из тролля Фагарда Хагорсона получился великолепный. Под напором массивной и твердой как камень туши расступались все, кто не хотел упасть. Худощавый, если не сказать тощий, Машьелис о Либеларо из породы крайтарских радужных драконов с удобством следовал в кильватере.

Впрочем, это в прошлом году Лис был худеньким пацаном, способным с комфортом спрятаться за шваброй. Сейчас Янка только головой в изумлении покачала. Напарник вырос почти на голову, раздался в плечах, он уже не казался тощим, только высоким и гибким, а еще юноша сменил прическу. Мелкие светлые кудряшки, делавшие его похожим на барашка, превратились в длинные локоны, небрежно завязанные в высокий хвост. Словом, Машьелис внешне повзрослел настолько ощутимо, будто расставался с друзьями не на несколько циклад, а не меньше чем на несколько лет.

— Привет, ребята! — Радостно улыбающаяся Янка была

сграбастана напарниками в объятия. — Хаг! Лис! Ух, как ты вымахал-то, балбес! Настоящая сухота девичья, а не парень!

— Так, я не понял! Сухота или балбес? — сразу шутливо возмутился дракон, прижимая девушку к себе. Довольная улыбка нарисовалась на физиономии Лиса, когда тот с удовольствием отметил, что перерос Янку на пяток сантиметров.

За напарницу ответил веселящийся Хаг:

— Одно другому не мешает! Сухота — это внешний признак, а балбес — внутренний и постоянный. Как был ты балбесом, мой друг, так и остался.

Слушая беседу друзей, громко заржал Авзугар, будто решил переквалифицироваться из медведя-оборотня в кентавра или лошадь. Кайрай, исполняя роль гласа разума, шикнул на шутников, вернее, пискнул:

— Тихо вы, сейчас Арка Выбора засияет!

Обиженно запыхтевшая сплетница Тита поскорее, пока гоблин не выдал всей информации, затараторила:

— Одного студента в АПП до сегодняшнего утра не хватало, он с полчаса назад в ворота сегодня прошел.

— И кто этот счастливчик? — навострил уши Машьелис.

— Я не успела разглядеть, — обиженно шмыгнула носом пещерница, досадуя на невысокий рост, ставший досадной помехой для сбора сплетен. За каникулы она ничуть не выросла, впрочем, по меркам своего народа Елбаст и так считалась высокой, видной девицей. Зато немного сменила прическу. Локоны у Титы теперь по большей части собирались на затылке, а не висели по обе стороны головы забавными ушками-пружинками, как у спаниеля.

— Какой-то хлюпик мелкий, — прогудел Авзугар, не особенно заинтересованный в идентификации новичка, его больше привлекало шоу. — Сейчас Арка загорится, увидим.

Свет от радужного моста, перекинувшегося через всю площадь, пресек разговоры получше удара гонга. Восторженно загудели все, от перваков до пятикурсников. Все-таки Арка Выбора сияла лишь несколько дней в году, помогая абитуриентам АПП определиться с факультетом.

Студенты отхлынули в стороны, чтобы не мешать ритуалу. Только теперь Янка с компанией, оказавшись в отливе общей волны, увидали растерянно озирающегося паренька. Оборотень не соврал: мелкий и худенький, лопоухий и веснушчатый — будущий студент действительно выглядел хлюпиком. Он как раз выслушивал последние наставления мастера Сейата Фэро, но, кажется, не столько вникал в инструкции, сколько пытался сбежать подальше от рогатого и когтистого преподавателя, на

Янкиной памяти не обидевшего и мухи.

Едва Сейата замолчал, как мелкий рванул вперед к Арке, теряя тапки. Нет, в самом деле! С левой ноги у заморыша слетел явно неподходящий по размеру, просящий каши не то тапок, не то ботинок, подвязанный бантиком из бечевы. Обувка так и осталась на плитах. Избранник АПП, как был в одном почти целом представителе рода ботинок, пробежал под аркой-радугой и продолжил забег прямо в толпу. Казалось, он несся по дуге, не слыша веселых криков наслаждающейся представлением молодежи:

— Куда ты, чудик?! Уже все! Тормози, в Дрейгальт умчишься! Стену головой протаранишь! Эй, ботинок подбери!

Стену герой дня, конечно, не протаранил, зато едва не врезался на всех парах бедовой башкой Янке под дых. В последний момент Хаг успел тормознуть разогнавшегося парня, выбросив вперед руку и сцапав за ворот застиранной безразмерной рубахи.

— Эй, эй! Слышь, все! Ты уже студент! Охолони! — прогудел тролль.

Подоспевший мастер всунул в руки новоиспеченному студенту его потерянный обувной комплект — ботинок и веревочку. Оглядев троицу знакомых блюстителей, рядом с которыми встал новенький летописец, Сейата остался доволен итогами осмотра. Потому облегченно пробормотал нечто вроде: «О, Яна, ребятки… Вы-то о нем точно лучше позаботитесь и найдете, кому передать, а я на педсовет», — и слинял. Для скорости даже знаком портала воспользовался.

— Спасибо за доверие, мастер! — иронично выкрикнул Лис в смыкающийся за сбежавшим преподавателем зев портала.

Хотя, если новичка повергал в трепет рогато-клыкастый вид безобидного в общем-то предсказателя Фэро, то учитель поступил правильно. С первого же взгляда не поймешь, что единственная угроза студентам от любого из здешних мастеров — это очень дотошные лекции и дополнительные занятия. Тот же Сейата был ученым до мозга костей и никакого удовольствия от третирования подопечных отродясь не испытывал. А что ученики порой выли от его щедрых научно-предсказательных выкладок и экспериментов — это уже другой разговор.

Между тем свежеиспеченный студент стал дрожать поменьше, ясные желтые глазищи распахнулись пошире, а изо рта вырвался возглас:

— А?

Мелкий шмыгнул сопливым носом, машинально сжал башмак, однако дергаться в пятерне тролля перестал.

— Ты — студент, — вмешалась сердобольная Яна и ткнула пальцем в руку заморыша: — Видишь, желтый браслет на запястье появился! Ты теперь студент-летописец Академии пророчеств и предсказаний!

— О, — моргнул паренек, пока изъяснявшийся исключительно междометиями.

— Точно-точно! Дорожки, конечно, чистые и сейчас тепло, но босиком ходить неудобно. Потому давай обувайся. Тебе надо в общежитие к коменданту зайти. Там получишь вещи, ключ от комнаты. Хочешь, попрошу кого-нибудь из летописцев проводить тебя? — предложила девушка и завертела головой, пока новичок, потихоньку приходящий в себя, занимался возвращением ботинка на голую и уже сероватую от грязи пятку. Хаг прищелкнул когтями на пальцах и чего-то коротко бормотнул. Просящий каши башмак захлопнулся. Тролль отметил:

— До общежития продержится, а там форму получишь, обноски в мусор кинешь.

Паренек благодарно вздохнул и запасливо сунул бечевку в кармашек. Яна же оповестила компанию о результате поисков:

— О, там Лестор, кажется! Кликнем его?

С первого заочного знакомства — показательной демонстрации записи пророчества на сводной лекции для первокурсников — Лестор успел стать старостой факультета летописцев. И это несмотря на специфическую расовую особенность! Способность к производству вони в обществе симпатичных девушек сочли ничтожным минусом по сравнению с обязательностью и организаторскими талантами студента-феоха. А уж парни и вовсе общались с умницей-старостой свободно, да и в дван летописец хорошо играл. Под плотным слоем жирка прятались изрядные мускулы. В прошлом семестре именно феох свел вничью финал между сборными командами блюстителей и летописцев.

Лис с энтузиазмом завопил товарищу по играм:

— Эй, Лестор, пойди к новенькому!

— Ой, — снова по-совиному заморгал свежеиспеченный летописец.

— Вот чудик, — рассмеялся Машьелис. — Такое впечатление, что вообще не понимает, куда попал и зачем.

В ответ на эту сентенцию лопоухий малыш с готовностью закивал и попытался объяснить, как было дело. Хаг и толстячок-феох присоединились к слушателям.

— Мы, домов***и***чи, завсегда, как вырастем, новый дом искать отправляемся. Тут молодой хозяин в путь-дорогу отправлялся, я с ним и увязался. С кем-то из знакомцев проще. Молодой хозяин

сюда сыры привез, я с фургона слез, и тут как ударило — такую силу почуял. Решил, хочу в таком доме жить! Вот и пошел. Ворота открыты, а тут этот когтистый встретил и чего-то про светящиеся дорожки толковать начал. Я и пошел по желтенькой, думал — в новый дом приду, а тут нету домов… — Рассказчик жалобно всхлипнул.

— Да-а-а, дела, — почесал затылок Хаг, а Янка тишком спросила у Лиса:

— Кто такие домов***и***чи? Это что-то вроде домовых?

— Почти, только они первым делом о своем угле пекутся, а потом уж обо всем доме, где оказались. Ну и росточком побольше, точнее, менять его могут от крошечного до вот такого, — Машьелис кивнул на новичка.

— Спасибо, блюстители. Я ему все объясню, пойдем-ка в Лапу. Это так наше общежитие называется, — шумно вздохнул Лестор и, как мама-наседка, приобняв мелкого лопоухого домовичи за плечи, зашагал к общежитию. — Как зовут-то тебя, дружок?

— Ясеком кличут, — отозвался лопушок.

Новоиспеченный студент, в планах которого никакого присоединения к студенческому братству не было и в помине, шмыгнул носом, утерся рукавом и засеменил рядом со старшим товарищем. Уходя, еще и на девушку потеряно-благодарный взгляд бросил. Возможно, мелкому домовичи почудилось, что из доброй Яны Донской вышла бы замечательная хозяйка отличного дома.

Сдав с рук на руки новичка, блюстители и сами ушли с быстро пустеющей площади. Представление закончилось, завтра начнутся учебные будни, а сегодня еще оставалось время на обустройство, отдых, общение с друзьями и обмен новостями.

Яна предложила сразу заняться получением книг в библиотеке, вещей у коменданта и наведением порядка в комнатах. Парни переглянулись и сдались перед женской предусмотрительностью. Больших очередей у проворно летающих силаторхов, знавших свое хозяйство, будь то библиотека или склад, как свои восемь щупальцев, не бывало отродясь. Так что часа через три все срочные дела оказались сделаны. Янка даже успела душевно поболтать с Иоле, перед тем как соседку увлек на прогулку в город жених василиск. Тут объявились напарники землянки, взяли под белы рученьки и потащили на пикник к Авзугару.

Глава 1
ПИКНИК ДУБЛЬ ДВА, ИЛИ ТУМАННЫЕ ВОПРОСЫ НА ЗАСЫПКУ

Веселый гомон студентов доносился издалека. На лужайке уже собрались едва ли не все третьекурсники-блюстители. Ребята бурно общались после каникулярных циклад. Насколько видела Яна, так сильно, как Машьелис, не изменился никто. Разве что Цицелир кардинально сменил прическу. Теперь его длиннющие синие волосы были заплетены в косу, а не ниспадали свободной волной. Наверное, парень, вдоволь намучившийся со своими лохмами на втором курсе, наконец решил, что практичность важнее красоты, и освоил искусство простейших манипуляций с собственной растительностью.

Эта самая мысль синхронно пришла в голову Хага, и тролль радостно загудел:

— Эй, Пит! Ты никак прическу сменил?

— Ясного дня, Хагорсон, отныне я Младший Поющий Напутствия нашего Дома, потому удостоен Владыкой Глубин права носить косу, — высокомерно задрал нос хвастливый сирен и театрально махнул головой, чтобы толстая коса перелетела с правого плеча на спину.

Звякнули вплетенные в волосы крохотные бубенчики, Янка едва удержалась от смешка при мысли о том, кому и для чего навешивают бубенцы на Земле. К крупному рогатому скоту Пит точно отношения не имел, а вот представить его в роли упрямого бодливого козленка экзотической синей расцветки девушка могла запросто.

— Удостоен… А я-то думал, ему в ветках на полигоне путаться надоело, — разочарованно прокомментировал Машьелис и отправился здороваться с девичьей компанией.

Там его встретили радостно-удивленными охами, ахами, а кое-кто и краснеющими щечками и стреляющими глазками. Честно сказать, Янка не ожидала такой реакции от Тааты, которую, кажется, раньше парни вообще не волновали как объекты приложения сердечного интереса, и сдержанной заучки Ольсы. Когда при встрече Донская называла напарника «девичьей сухотой», хотела лишь сделать ему комплимент. И вот на тебе! А ведь о Либеларо еще старшекурсницы не видели. Или видели, и теперь всю их команду ждет орда девиц, жаждущих познакомиться поближе с красавчиком-драконом?

Как же хорошо, что они с Лисом не афишировали своего неудачного обручения. Нет, обручение-то вышло успешным и сняло с Янкиной шеи ярмо невесты Сейата Фэро, заполученное на неудачном гадании. Только вторично войти под своды храма Ветров и Судьбы для сдачи браслетов помолвки с Машьелисом о Либеларо за весь прошлый год так и не получилось. Храм, словно шкодливый пацан, играл со студентами в прятки. Ерошил ветерком волосы, шутливо звенел колокольчиками в переулке, показывал кончик башенки, будто дразнился, высовывая язык, но «встречаться» с Яной и Лисом отказывался наотрез. Наверное, Судьбе виднее, в конце концов решила Янка. Может, эти браслетики на руках, как рассудила строгая бабушка Машьелиса леди Левьерис, ее внуку пригодятся для защиты от ненужных домогательств. А там ему и настоящую невесту подберут из богатого и знатного рода, подходящую по магической силе и ауре. Наверное, тоже из радужных драконов. Почему-то на миг при мысли об этом стало грустно, и Янка жестко отчитала мысленно саму себя за собственническое нежелание делиться друзьями. Все равно рано или поздно каждый из них встретит того, с кем захочет завести семью, детей. Это вовсе не значит, что они четверо: Хаг, Стеф, Машьелис и она сама, Яна Донская — перестанут быть друзьями. И вообще, впереди еще три года обучения и совместной работы в команде блюстителей пророчеств.

Между тем, пока девушка размышляла, костер, не без магической помощи Еремила и Авзугара, успел превратиться в оранжевые уголья. Над ними разместили прутья и решетки с мясом и одну — с рыбой и овощами для не признающей животной пищи дриады Ольсы.

Аромат готовящейся пищи поплыл по поляне такой, что Янка невольно сглотнула слюну и подумала о том, как давно был завтрак. Пока Лис распускал хвост перед девицами, а Хаг общался с парнями, к Янке подсели Таата и Кайрай. На большой пушистой шкуре места хватало всем. Староста-гоблин завел речь о новом расписании, а Таата стала расспрашивать, привезли ли ей книги о хоббитах, как обещали. Донская клятвенно заверила, что трилогия «Властелин Колец» и «Хоббит» ждут приятельницу в Лапе.

Почему-то фэнтезийные книги с Земли еще с середины прошлого года стали пользоваться у Янкиной группы завидной популярностью. С тех самых пор как землянка привезла Лису заказанные романы о драконах-девственниках и еще несколько увлекательных вещиц, подсунутых подруге Санькой, фанатом жанра. Томики стали гулять по всему общежитию, кочуя из

комнаты в комнату, и в итоге исчезли с концами на просторах Лапы, где-то в районе крыла летописцев. Яна не стала скандалить и учинять следствие, только порадовалась, что не одолжила книги, а предусмотрительно выкупила их.

За беседой время до момента готовности мяса минуло быстро, и вот уже все третьекурсники жадно заглатывали горячие куски с острым соусом. Запивали, правда, соком. После разноса, устроенного деканом оборотню Авзугару и его спиртосодержащим коктейлям, даже бесстрашный медведь не рискнул нарушить запрета. Со строгого дэора сталось бы воплотить в жизнь страшное обещание: подлить всем участникам попойки настойку, вызывающую отвращение к спиртному на декаду — на десять… лет.

Мясо — сочное, пряное, с корочкой — просто таяло во рту. Даже овощей и сыра не хотелось, только самого мяса, чем-то похожего на очень нежную нежирную свинину. Янка жмурилась и чавкала не хуже других. Да что землянка! Ей-то нравилась практически любая пища в академии. Даже Цицелир, хоть и сирен, которому полагалось питаться дарами моря — рыбой, устрицами да водорослями, — мясо лопал, только подавай добавки.

Расправившись с шашлыком, ребята сидели у огня. Пусть до сумерек еще далеко, но разве же это повод отказываться от любования бесконечным танцем живого пламени? Лениво текли ручейки разговоров, пока Авзугар — устроитель пикника — не рыкнул довольно:

— Вей-хо! Поели, попили, теперь честным вопросам время пришло! А? Честный огонь — честный ответ! Третий год наш пошел! Такие дела делаем, а друг друга худо знаем! Пусть дым нас рассудит, коль готовы, и круг разговора создаст!

Радостно оскалившись, оборотень залез за пазуху и проворно швырнул в тлеющие угли какие-то листики, по мнению Яны, внешне очень похожие на коноплю. Почти мгновенно от кострища повалил белый ароматный дым. В голове у девушки мелькнула паническая мысль: «Споить Авзугар нас уже пытался, декан запретил, так теперь в токсикоманов превращает! Что делать?!» За себя Донская если и боялась, то не слишком, подышит, помучается дурнотой или галлюцинациями да придет в норму. Но на курсе имелись куда более опасные создания, чем безобидная землянка. Они под воздействием наркотиков могли натворить жутких бед. Если потеряет над собой контроль она, обычная девчонка — никому худо не будет, а если полудемон Еремил или дракон Машьелис, вампирша Ириаль, да тот же тролль Хаг, обладающий гигантской силой, или сам оборотень-медведь?! Ой,

худо!!!

Яна еще не начала как следует паниковать, попутно пытаясь зажать Машьелису нос и рот выхваченным из кармана платком, а дым уже перестал валить из костра пышными клубами, больше походящими для дымовой шашки, и повел себя совсем не так, как полагалось дыму от травы. Пусть даже аналогу конопли. Белые клубы просочились между студентами, расползлись по периметру полянки, на которой блюстители устроили пикник, и встали стеной, отгораживая третьекурсников от всей академии.

— Вэй-хо! Круг сотворился! — довольно осклабился Авзугар и звучно хлопнул в ладони.

— Яна, прекрати меня душить, — тихо прошипел Лис, отбиваясь от настырной спасительницы, продолжавшей закрывать ему все дыхательные отверстия платком. — У тебя все равно скверно получается. Возьми пару уроков у мастеров, Брэдока или Теобаля попроси.

— Это что за горская забава? — хмыкнул Картен, пока большая часть ребят подозрительно принюхивалась и настороженно озиралась. Не слишком нравилось студентам-блюстителям затеянное оборотнем, и в первую голову потому, что затеяно было без предварительного объяснения и согласия. Внезапностей в учебе и жизни всем и так хватало с лихвой.

— Не игра, обычай такой, да! — насупил Авзугар густые брови и сверкнул желтыми глазищами, вины за собой не чуя.

— Шаманский круг откровений, — спеша поведать удивительную новость раньше друга, затараторила Таата, возбужденно блестя глазами. — Когда вождя выбирают, преступника ищут, новичка в род принимают иль иной обряд проводят — дымом шайрай-травы всегда у оборотней круг создают. А клубы-то дымные от костра белые шли, стена белая встала. Значит, чисты помысли наши, никто недоброго не замыслил!

— А предупредить? — мягко укорила организатора экзотического развлечения Юнина, склонив набок изящную головку, пока ее напарница подбирала цензурные слова для выражения негодования.

— Нельзя, не по обычаю, — почти извинился парень, разводя лапами.

— Что там у вас дальше по обычаю? — лениво прищурился Лис.

Освободившись от платка спасительницы-душительницы, он снова разлегся на шкуре и нахально умостил голову на мягких коленях виновато сопящей Янки. Хотела как лучше, а получилось как всегда. Дракончик жмурился, как большой кот, и балдел от

ласковых пальчиков напарницы, перебирающих его кудри.

— Честный круг для честных вопросов сотворен, — торжественно повторился оборотень и выдал простые правила игры: — Я кормил-поил, мне первому и спрашивать! Кто ответил, тому и следующий вопрос задавать! Как все вопросы заданы будут, а ответы приняты, так дымный круг сам развеется.

— Почему бы и нет, — повела плечом успокоившаяся Ириаль. Она пересела поближе к Еремилу и теперь прижималась к нему плечом. — Если не захотим отвечать — промолчим.

— Расскажи, вызнал ты, Ема, какой волей Судьбы полудемоном оказался? — выпалил свой вопрос Авзугар, как и любой из оборотней, в первую очередь интересующийся силой физической, а уж потом всякой магией-шмагией, будь она хоть тысячу раз священной и исходящей от Первого Древа Игидрейгсиль.

Надалик повернул голову к любимой вампирше, принявшей его чувства только благодаря открывшейся сути демона, и, чуть помрачнев, спокойно ответил:

— Выяснил, ничего таить не стали. Мать с караваном ехала, когда на них банда сектантов-демонопоклонников напала. Отец тогда в отряде стражей, хранящих пути, служил. О нападении их известили, схватились за мечи, да только опоздали. Всю охрану и почти всех путешественников безумцы порешить успели. Кровью, говорят, все залили. Матушку мою, тоже окровавленную, батя с алтаря снял, сам выхаживал. Потом они поженились, а я в положенный срок родился. Для человека положенный, да только они ж не подозревали, что у демонов дитя в утробе на три луны больше пребывать должно. Что не родной я бате, он знал. У него, оказывается, детей вовсе быть не может, проклятие старое, в битве давней насланное, сказывается. Брат его семенем с матерью моей делился по благословению храма Плодородия. А теперь в семье знают и о демонской крови, но для них я все равно как был сыном родным, так и остался!

— Хороший у тебя папа, — восхитилась Яна человеком, нашедшим мужество принять такие новости и сохранить любовь к неродному ребенку, не сыну брата, а потомку демона.

— Он меня растил, учил, из утробы материной принимал, в свою рубашку заворачивал. Как иначе-то? — пожал плечами Еремил. — Кровь демона силу дает, но разума людского и обычая не заменяет и не отменяет.

— Принят ответ, спасибо тебе, — не кивнул, а, скорее, поклонился Авзугар однокурснику в благодарность за откровенный рассказ. Мог ведь Еремил не отвечать так подробно любопытствующему приятелю, а все же сказал. Неужто потому,

что отцом настоящим, тем, который воспитывал, бесконечно гордился?

Дымная пелена вкруг поляны после слов горца ритмично всколыхнулась, словно принимала ответ вместе с ним. Надалик кривовато усмехнулся и спросил, крепче прижимая к себе вампиршу Шойтарэль:

— Ириаль, ты выйдешь за меня замуж после окончания АПП?

— Выйду, — коротко ответила грозная красавица и трепетнула ресницами, положив голову на плечо избранника.

— Спасибо, — шепнул Еремил и поцеловал запястье зарозовевшей (для вампирши это было равносильно сильному смущению) возлюбленной, благосклонности которой добивался столь долго и безуспешно.

— Если клан воспротивится, отрекусь от клана. Ты теперь нас защитить сможешь, — гордо прибавила девушка и погладила свой чеканный браслет. Тот подтвердил слова хозяйки, маякнув короткой вспышкой темного света. Наверное, обещание вампирши слышали не только ребята в кругу, но и боги, покровительствующие Ириаль Шойтарэль. Странные, а все равно справедливые боги.

Дымное кольцо вкруг поляны вновь колыхнулось, принимая ответ. Ириаль задумчиво оглядела однокурсников, соображая, у кого и что спросить. Как назло ничего на ум не приходило, а долго думать и обстоятельно принимать решения девушка никогда не умела. Потому выпалила первый вопрос, залетевший в голову:

— Юнина, ты бы хотела узнать, кто твой отец?

— Не уверена, — растерялась Ройзетсильм. Эльфийка потупилась, покрутила в тонких пальцах яблоко. — По обычаю, встретившись в ночь обряда, мужчина и женщина расстаются навсегда. Ребенок считается подарком богов. Но, наверное, мне хотелось бы узнать имя родителя, может быть, поговорить, и если… — Эльфийка, проглотив соображения о своей нужности и вопросы к неизвестному отцу, закончила: — Иногда видеться.

Ириаль кивнула, одобряя такой подход, а дым вкруг поляны снова пошел плавной волной, указывая «переход хода». Ребята начали получать удовольствие от затеянной Авзугаром игры в вопросы-ответы и предвкушали новый раунд.

— Яна, каково это — жить в мире техники без магии? — спросила эльфийка, виновато пожимая плечами — дескать, ничего другого не придумалось.

В отличие от Титы, чужие секреты никогда не тревожили покой тактичной девушки. Удивительно светлая и терпеливая Юнина равно благожелательно принимала всех однокурсников,

невзирая на их успехи в учебе, расу и прочие особенности. Даже чужим проступкам и выходкам она почти всегда находила оправдание, ну если только иной раз удостаивались гневного взгляда девы сморозившие очередную феерическую глупость Рос или Цицелир.

Теперь пришел черед землянки ненадолго задуматься над вопросом, чтобы в конце концов выпалить по-простому:

— Да как вам без техники. Не знаешь — не замечаешь, что нет. Я теперь про магию знаю, а все равно, пока дома, она вроде как и не нужна особо, о ней даже не вспоминаешь почти, привычки-то пользоваться не имеется. А в АПП с каникул вернусь, и сразу волшебству место находится. Хотя сейчас у нас такая техника, что от магии и не отличишь порой.

— Это точно! Хладный шкаф в теплом доме — чем не магический ледник? Коробка, где пищу за секунды греют, и кувшин, чтобы воду за минуту кипятить — как наши горячие пластины. Свет по щелчку квадрата на стене включается — легче, чем зажигается магический шар. В комнате на шкафу ящик тонкий стоит, диковинные картинки показывает. Точно через портал смотришь или кристалл-хран, — поддакнул и принялся перечислять Машьелис, лениво приоткрыв один глаз. Сейчас он напоминал вовсе не дракона, а кота, караулящего мышь. Наблюдал за игрой исподтишка, внешне ничем своего интереса не показывая.

— И впрямь на магию похоже, — согласились заинтригованные студенты.

— Только воздух у них в мире не лучше, чем около серных источников, — добавил о Либеларо, разом убив большую часть интереса однокурсников к техническому миру.

— За все приходится платить, — пожала плечами Яна. Она припомнила зеленоватую физиономию Лиса и откровенно сине-зеленую мордочку эльфа Стефаля, пытающихся подышать воздухом Земли у дороги во время краткого визита команды в родные пенаты Донских на втором курсе. Больше никто из друзей в гости не напрашивался, как подозревала Яна, из-за разницы в составе атмосферы и ее удушающего воздействия. — Сейчас за экологией стараются больше следить, раньше хуже было. Магия — это сила, идущая изнутри, а для того, чтобы техника работала как магия, много чего снаружи сделать надо.

Волшебный туман подтвердил искренность ответа Янки. Теперь уже она растерялась, не зная, какой вопрос и кому задать, а потому, обведя однокурсников ищущим взглядом, брякнула:

— У меня никаких важных вопросов нет. Если только… Пит, а почему ты нам ни разу песен сирен не спел? Другие-то ты очень

красиво поешь.

Цицелир растерянно приоткрыл рот. Вместо обычной мины в стиле «я венец творения, а вы лишь массовка, оттеняющая мое совершенство» на его мордочке отразилось легкое замешательство. А потом юноша ответил, поглаживая толстую косу:

— Когда сирен проходили, меня на расоведении не было, я в лекарском крыле лежал, а так… Наши песни на песнопения сухопутных совсем не похожи. Они слишком другие. Их, конечно, переводят, стараясь передать смысл, но истинные песни не нуждаются в переводе…

— Спой что-нибудь из любимого, пожалуйста! Вот у меня в мире даже сказки о дивных песнях сирен есть. Очень хочется послушать. Ты можешь? Для людей не опасно? — озаботилась девушка, ничего не припомнившая с расоведения об опасностях неспецифических, не завораживающих песен.

— Хорошо, — неожиданно просто, без обычного кривляния, согласился Пит. — Я вам спою «Хвалу рассвету».

Он встал со шкуры, откинул назад косу и, даже не приняв позу поизящнее, запел о рассвете в океане. В людском представлении Пит не соврал, это вообще не являлось песней с куплетами и припевами, в ней вообще не было слов. Музыка лилась из горла сирена потоком, будто играли сразу несколько инструментов. Перед мысленным взором слушателей представала картина возникающего из темных глубин бездонного океана солнца, танцующих на волнах рыб, парящих в облаках птиц, плещущихся в воде сирен…

Внимали все, а Яна благодарно думала: если Цицелир умеет так петь, то даже не важно, хороший он человек, то есть, нечеловек, или не очень. Главное, чтобы он просто был, если способен творить такие чудеса.

Когда сирен смолк, несколько секунд молчали все. Яна, Ольса и Юнина утирали с глаз слезы, как-то подозрительно моргал Хаг, шмыгали носами Тита с Таатой и Макс. Музыка произвела впечатление.

— Спасибо, Пит, это было грандиозно! Я никогда не была в океане, даже на берегу не стояла, а под твою песню видела, чувствовала, кажется, даже нюхала все, как наяву! — от всего сердца поблагодарила заказчица певца.

Тот, тяжело дыша, присел на шкуру и прикрыл глаза, показывая, что слышал слова девушки.

— Ну, ты даешь! У вас все так здорово поют? — Наверное, впервые за два года в голосе Картена, напарника Цицелира, прозвучало что-то близкое к уважению и восхищению.

— Все сирены — прекрасные певцы, я один из лучших в нашем клане, — на удивление скромно по своим собственным меркам объяснил Пит.

Голубокожий хамоватый парень цокнул языком, сунул в руки сирену свой стакан с соком и заботливо посоветовал:

— На, попей. Небось в горле пересохло.

Напарник с благодарностью принял напиток. Туманный детектор порадовал публику колыханием белых вихрей, засчитывая Питу песню в качестве ответа. Теперь уже сирен обводил задумчивым взглядом публику. Хотелось спросить о многом, но завистливая натура взяла верх, и парень спросил у Машьелиса:

— Почему вам по жребию больше всех пророчеств выпадает? Из-за Стефаля?

Касательно численности выпавших на долю Янкиной четверки пророчеств, подлежащих исполнению, Цицелир не ошибался. Никому другому так часто не «везло» с миссиями блюстителей пророчеств. В прошлом году не проходило и пары циклад, чтобы у компании не начинали зверски чесаться зеленые браслеты на запястьях, подающие сигнал вызова студентов в Зал порталов для очередной эскапады. Как они помогли исполниться первому простенькому пророчеству на турнире лучников, так и повелось. Хорошо еще все остальные свитки разбирали с помощью Стефаля. Поддержка эльфа как старшего и более опытного друга, опытного в первую очередь в выборе и применении листов Игиды, оказалась поистине незаменимой. Да, предсказаний команде доставалось много. Но все-таки Янка не думала, что жребии им выпадают исключительно из-за Стефа или в первую очередь из-за него. Однако послушать мнение напарника ей было не менее интересно, чем сирену.

Машьелис соизволил открыть оба глаза и даже сесть, оторвавшись от притягательных колен подруги.

— Думаю, любят нас Силы Судьбы, — весело оскалился дракончик. — Вот и засыпают подарками.

— Ничего себе подарочки, — поежился Максимус, так и не привыкший к миссии блюстителя пророчеств. Каждый раз, когда жребий обрушивался на него и напарницу Ольсу, парень больше всего боялся ошибиться или подвергнуть опасности хрупкую подругу. По счастью, им не выпадало ничего опасного, но все ведь когда-нибудь случается в первый раз. И Макс ждал испытаний почти с ужасом и ворохом очередных сожалений о том, что не выбрал простую карьеру военного. Там есть приказ, есть меч и враг — все четко и понятно. Мастера, конечно, работали над страхами юного блюстителя и понемногу утишали их, но до

идеала еще было куда как далеко.

— Так они же Силы, вот такая странная любовь получается, — окончательно развеселился Лис. — К тому же, знаешь, Пит, наша четверка связана фиолетовыми лучами шэ-дара. Небось за такие нитки Силам нас проще дергать, чтобы пророчества побыстрее исполнялись.

Ничего о своих талантах, исключительном уме или прочих дарованиях Машьелис сирену не сказал, чем вызвал у того приступ задумчивости, начисто вытеснивший легкую зависть к любимчикам декана. Почему зависть была легкой? А потому что сам Пит даже для того, чтобы мастер Гадерикалинерос стал его боготворить, не пожелал бы взваливать себе на шею такой объем работы. Того, как его третировали в прошлом году из-за шарообразных личинок нидхег, пронесенных по незнанию в стены АПП, юному зазнайке хватило на всю жизнь.

Признать полноту данного ответа Цицелир не поспешил, за него это сделал туманный круг, подавший сигнал о смене вопрошающего. Потому Лис хищно прищурился, раздумывая над каверзным вопросом, получил от бдительной напарницы воспитательный щипок и сдался, брякнув элементарное:

— Эй, Хаг, а кем ты мечтал стать до того, как в блюстители угодил? Небось воином?

Вообще-то о своей жизни, доме, семье Хагорсон говорил вроде бы и охотно, и даже много, но как-то настолько обтекаемо, что друзья до сих пор знали точно лишь одно: Фагард седьмой сын вождя клана, у него три сестры и три брата. Остальную информацию приходилось получать, наблюдая за другом и ловя случайные или неслучайные (в отношении немногословного тролля про случайности стоило забыть) оговорки.

— Нет, я хотел быть мореходом. Может, еще и стану. Не век же блюстителем куковать, — степенно отозвался Хагорсон. — Да и не помеха одно другому.

— Так ты ж тяжелый! — неподдельно удивился дракончик, как-то попробовавший поднять друга. — Как сам-то плыть будешь, случись что?

— Освою в совершенстве левитацию или научусь ходить по дну с воздушным пузырем на голове, — предъявил сразу две разумные версии Хаг, и было непонятно, серьезен он или шутит.

Больше ничего о своих чаяниях тролль не сказал. Впечатленный мореходными планами не меньше Машьелиса, туман признал его ответ. Отвернувшись от напарника, Хагорсон обратился к старосте, вызвав оживление среди ребят:

— Давно хотел спросить, Кайрай, ты такой заботливый аккуратист и педант сам по себе или воспитывал нужные

качества?

Гоблин польщенно пискнул, задумчиво пошевелил ушами-лопухами и, поразмыслив, добросовестно объяснил:

— Я старший сын в семье. У меня семь сестер, одна другой меньше. Маму унесла черная гниль после рождения младших близняшек. Лишь отец да бабка остались. Обо всех заботиться приходилось, пока сестры подрастали, вот как-то само и получилось.

Третьекурсники еще долго сидели на поляне, даже после того как каждый задал по вопросу и исчез волшебный туман. Говорили обо всем на свете и так откровенно, как не говорили прежде. Авзугар, сам того не ведая или ведая каким-то звериным чутьем, оказал всем большую услугу: помог сделать последний шаг к почти полному доверию. Тот самый последний, какой и давно бы пора сделать, а что-то мешало. То ли непонятно откуда взявшееся смущение, то ли остатки предрассудков.

Словом, как показалось Яне, устраивались на пикник однокурсники-блюстители, а расходились если не товарищи, то наверняка добрые приятели.

Вечер в обществе друзей (а Иоле и Стефаль присоединились к компании) прошел замечательно. Правда, не хватало Йорда, закончившего обучение в прошлом году. В АПП он остаться не смог, зато бывшего студента-летописца и будущего выдающегося артефактора с удовольствием приняли на работу в Коллегию артефакторов, где юный василиск в ранге ученика и планировал ждать суженую, копя деньги на семейную жизнь. В ближайших целях у него стояла покупка своего дома в Дрейгальте. В этом и следующем году василиск и ифринг могли встречаться лишь в выходные дни и на каникулах, а если щедрый декан подпишет пропуск Иоле или разрешение посетить академию Йорду, то и среди циклады. Насчет пропусков и разрешений тихая скромница Латте начала дожимать Гада уже со вчерашнего дня.

Зато Стефаль, который тоже завершил обучение в академии, остался в стенах АПП на законных основаниях для написания научной работы под руководством дэора Гадерикалинероса. Потому эльфу разрешили сохранить за собой место в общежитии. С другой стороны, как сказал Лис, зрелище переселения эльфа с его любимой изрядно разросшейся са-ороей — «маленьким», занимающим всю комнату деревцем — наверняка показалось руководству АПП столь эпическим и незабываемым, что они решили еще немного морально к нему подготовиться. Лет эдак пять или лучше семь. А там, глядишь, руководство в академии сменится, и обязанность выселить Стефа с деревом из Лапы ляжет на другие плечи.

К занятиям первого дня готовиться никто не собирался, потому сидели ребята ровно до сигнала, извещавшего обитателей общежития о необходимости разойтись по своим комнатам. Студентам мужского пола после десяти вечера в женской части коридора оставаться настоятельно не рекомендовалось. Браслеты на руках загостившихся студентов каким-то образом подавали сигнал декану. А получить от Гада, нет, вовсе не нагоняй, а приглашение на дополнительную лабораторную, отработку или иное, еще более «завлекательное» мероприятие, способное компенсировать потребности в общении с девушками, никому не хотелось. Оторванный от своих экспериментов, каковые обожал проводить вечерами, декан становился особенно изощренным и изобретательным по части полезных наказаний. Картен как самый везучий попаданец на нарушениях правил проверил это пару раз на своей шкуре и зарекся.

Так что единственное, что сделали напарники вместе, — это, дружно спохватившись, что так и не глянули расписание, сбегали в общефакультетский зал, разграничивающий коридор «по половому признаку». На завтра блюстителям-третьекурсникам поставили риторику, лекарское дело, физкультуру и старые добрые знаки. Лекцию с лабораторной в придачу.

К этому сравнительно скромному расписанию блюстителям надлежало самостоятельно выбирать дополнительные часы и предметы, скромно именовавшиеся «факультативами». На деле оные оказывались порой важнее и нужнее иных обязательных занятий. Ну а если студенты этого не делали, то их ждала «интереснейшая» воспитательная беседа с любимым деканом, прочищающая мозги.

Парни, как обычно, собирались на факультативы по магическим и оружейным боям, а вот Яна пока только думала над выбором. Физические упражнения для восстановления формы от мастера Леоры и полезные занятия с Сейата Фэро по приговорам она и так считала обязательными. А добавить к списку еще что-то, просто для того, чтобы добавить, не спешила, рассчитывая на совет декана или мастеров.

Глава 2
КАК СТАТЬ НАСТОЯЩИМ СТУДЕНТОМ

Сигнал об официальной побудке подал колокол. Разленившаяся за каникулы Яна, упорно считавшая такое раннее утро ночью, вынужденно проснулась. До отвращения свежая и веселая Иоле, заполучившая-таки вчера поздним вечером постоянный пропуск за ворота АПП, уже вовсю порхала по комнате, аки весенняя бабочка на первых цветочках. А сонная землянка брызгала в заспанные глаза холодной водой.

Обиженно заурчал требующий завтрака живот, и девушка решительно встряхнулась. Отдых кончился, пора втягиваться в учебный ритм! Ради Янкиной лени никто расписание уроков и, что самое обидное, завтраков менять не будет. Колокол-будильник вообще магический артефакт и «ломается» только по воле и прихоти мастеров, то есть, по сути, вечен!

Прихватив с собой банку с солеными огурчиками, девушки решительно выдвинулись в сторону столовой. По пути они привычно стукнули в двери ребят. Те ответили бодрой дробью и присоединились к подругам. В двери заведения общепита ввалилась целая голодная компания.

— К чему у нас на завтрак-то огурцы? — удивился Лис, заглядывая в матерчатую сумку напарницы. — Вроде вчера ничего, крепче сока, не пили, только нюхали.

— Это не нам, — отрезала Янка и, подойдя к стойке, протянула трехлитровую банку силаторху с вежливыми словами:

— Ясного утра! Мастер Вархимарх, вы нас весь год кормите и поите, позвольте вас угостить! Это соленые огурчики с моего дачного участка!

Осьминог на несколько мгновений впал в ступор. За все время работы в АПП ни один студент не порывался угостить его чем-либо. Банка в руках Яны замерла рядом с синим щупальцем. Повар быстро отмер и аккуратно принял подарок. На макушке у Вархимарха выступило несколько ярких фиолетовых пятен, отражающих волнение силаторха.

— Спасибо, девица.

Больше мастер-повар не сказал ничего, но баночку с огурчиками припрятал молниеносно, как корова языком слизала, и посмотрел так проникновенно, что ребята понимающе облизнулись. Лис готов был хоть сейчас спорить: подарочек без

отдарочков не останется. Какой бы вкуснотищи благодарный силаторх ни приготовил в ответ, в любом случае это будет объеденьем.

Он и сейчас, прекрасно зная вкусы всех студентов, в восемь щупалец накидал им на подносы самых лучших блюд, не дожидаясь заказа. Потому друзья почти не разговаривали за завтраком и только жевали, закатывая в восхищении глаза.

Третьекурсники и вовсе не спешили молоть языком по объективной причине: впереди их ждали прекрасный предмет, высокопарно именуемый «риторикой», и старая гномка — мастер Кихшертп. Само ее имя на незамутненный взгляд землянки уже было риторическим упражнением на артикуляцию. Правильно называть бабушку Яна, конечно, научилась, заставив себе раз двадцать повторить неповторяемое, однако мысленно именовала старую даму «Черепахой Тортиллой».

Вслух произносить девушка такое не отваживалась, ибо чревато! Слишком легко, как малыши ветрянку, друзья и однокурсники подхватывали прозвища, походя данные ею учителям. А ведь далеко не каждый из мастеров мог отнестись к собственному новому «имени» столь благосклонно, как мастер Лесариус! Тот считал свое прозвище «старичок-молоток» чем-то вроде второго имени и почетного звания одновременно. Сатана Феррум, то есть Сейата Фэро, к примеру, комплиментом свою кличку не считал, хорошо еще она «в народ» массово не пошла, потому как нужных ассоциаций у большинства студентов не вызывала. Но и «камерного пользования» для назначения нескольких отработок самым языкастым мастеру хватило.

В схожести старой гномки с черепашкой Яна была уверена так же, как и в распространении этих животных в мирах, потому крепко держала язык за зубами. Обижать пожилую женщину с риском нарваться на уникальное задание вроде «Приведите в защитной речи семь доказательств обоснованности данного прозвища» не хотелось совершенно.

Яна не стремилась сердить, да и вообще привлекать внимание преподавателя риторики. В первую очередь из-за собственной явной неспособности к предмету. Это болтун Машьелис был готов сымпровизировать речь на любую тему, стоило только мастеру дать задание. У Хага получалось достойно ответить, предварительно хорошенько обмозговав вопрос. Несчастная землянка в сравнении с напарниками чувствовала себя косноязыкой дурой. Ужасное задание, над которым бедная студентка корпела час или больше, дракончик с вызывающей белую зависть небрежной легкостью походя выполнял и приводил в достойный зачета вид за какие-то пять, максимум пятнадцать

минут. Так что на первое занятие Янка не шла как на каторгу только в силу отсутствия домашки на каникулы.

Когда мастер — квадратно-форматная, морщинистая и низенькая пожилая дама с короткой стрижкой и большими круглыми очками, одетая в консервативную фиолетовую мантию с темно-зеленым кантом, — вскарабкалась на кафедру и оглядела аудиторию, у всех третьекурсников зашевелились нехорошие предчувствия. А когда госпожа Кихшертп радостно улыбнулась и возвестила:

— Ясного дня, деточки! Вижу, вы все хорошо отдохнули и набрались сил для новых свершений! — предчувствия переросли в уверенность.

Оная же моментально получила подтверждения, стоило доброй бабушке закончить монолог:

— Давайте-ка разомнемся! Мы с вами готовили длинные речи, импровизировали в диалогах, отправляли в полет воображение, наслаждались красотами эпитетов, сравнений, метафор, но! — Тортилла сделала многозначительную паузу. — Помним ли мы, для чего все затеяно? Кто дерзнет поведать о высшей цели наших занятий?

Мастер обвела аудиторию испытующим взглядом из-под очков. Народ безмолвствовал. У Янки же, как назло, совершенно не вовремя зверски зачесался кончик носа. Бедная девушка крепилась, сколько могла, и все-таки звучно чихнула в ладони.

— Яна Донская?! Просим-просим! — рассиялась старая гномка, принявшая конфуз за инициативу.

Девушка тяжко вздохнула и поплелась на сцену перед кафедрой как на казнь. Выступать с места мастер дозволяла очень редко. Как назло ни одной мысли о том, с чего начать, в голове не мелькнуло. Нет, о самой миссии и долге блюстителя пророчеств Яна знала, но, как собака, все понимая, не могла облечь свои мысли в достойные слова. А связать слова в предложения и выдать речь хотя бы минут на пять нечего было и думать. Бедную девушку — добровольца поневоле — ждало позорное поражение.

«Еще бы в стихах мастер говорить потребовала», — обреченно взвыла землянка, понимая, что в любом случае неизбежный провал — дело нескольких минут. Импровизировать на заказ Яна не умела катастрофически. Она уже открыла рот, чтобы заявить о своей неспособности ответить, но тут случилось чудо! То самое, которое случается тогда, когда в нем нуждаются больше всего! Девушку осенило. Она увидела даже не скромную калитку выхода, а парадные ворота с оркестром, играющим туш, цветами, красным ковром и ликующей массовкой.

Янка встала на сцене и на всякий случай осторожно

справилась у мастера:

— Можно в стихах?

— Конечно же! — приятно удивилась преподавательница и умиленно сложила ладошки лодочкой перед грудью.

Донская откашлялась и объявила:

— Редьярд Киплинг. «Заповедь». — А потом с выражением начала читать заученное еще в школьные годы стихотворение: «Владей собой среди толпы смятенной…»

Без запинки Янка в абсолютной, почти звенящей тишине прочла произведение гениального автора. Замолчала, не зная, нужно ли говорить что-то еще, или можно садиться на место. А старенькая мастер Кихшертп, явственно борющаяся с волнением, проглотила подступивший к горлу комок, часто-часто заморгала, сняла очки, протерла платочком стекла, судорожно вздохнула и лишь после этого взволнованно выпалила:

— Удивительное стихотворение! Как емко, четко и в то же время образно отражены в произведении призвание блюстителя и суть миссии! Автор был блюстителем, летописцем или пророком, Яна?

— Вряд ли, — чистосердечно ответила девушка. — Это поэт и писатель моего мира, где никто не знает об Академии пророчеств и предсказаний. У нас вообще техническое измерение, магии как таковой нет.

— Гении! Они живут и прозревают сквозь время и пространство миров, о том не ведая, — прочувствованно объявила мастер и, наверное, впервые за все время занятий похвалила студентку за ее собственную, а не сделанную добрыми напарниками работу: — Вы выбрали удивительное стихотворение для решения поставленной задачи, Яна. Я ставлю вам зачет за семестр. Но, надеюсь, к урокам готовиться не перестанете?

— Не перестану, — выдохнула пораженная девушка.

И так понятно, лодырничать Тортилла никому не позволит. Однако мысль об уже поставленном зачете принесла девушке несказанное облегчение. Когда не висит над душой дамокловым мечом страх провала, даже учиться как-то легче и спокойнее. Неужели мудрая старушка просекла состояние студентки и решила помочь? Может, она и вызвала ее первой с такой целью?

Дальше занятие шло спокойно, лишь напоследок Яну попросили записать бессмертный шедевр Киплинга для ознакомления с ним других студентов. Тут же влез Машьелис и предложил начертать гениальные строки несмываемой краской на стене кабинета риторики. Дракончик думал чуть-чуть пошутить и дошутился. Мастер Кихшертп благосклонно одобрила инициативу. Зачет, правда, Лису не пообещала, лишь посмотрела

ласково-ласково и улыбнулась. Пришлось Машьелису пообещать в ближайшие дни явиться для каллиграфического запечатления бессмертных строк классика. Зато у Янки отпала нужда переписывать стихотворение. Раз услышанное о Либеларо не забывал никогда, лишь время от времени разыгрывал забывчивость.

Лекарское дело мастер Лесариус начал с повторения самых актуальных тем первых двух курсов. По счастью, мудрый старичок не зверствовал над наотдыхавшимися и чуть-чуть заотдыхавшимися студентами. Вопросы задавал спокойно и дозволял самым памятливым выручать склеротиков, отвечая мастеру с места. Так мало-помалу третьекурсники бегло освежили в памяти основные моменты пройденного материала. Если кто что не вспомнил, так теперь точно знал, какие именно темы вероломно ускользнули из памяти, да и старичок-молоток приметил самых забывчивых и взял на заметку.

Окрестности спортивного корпуса встретили студентов обновленной комплексной полосой препятствий, на которую мастера-тренеры для занятия-разминки с радостью запустили разом всех. Ждать своей очереди больше не было нужды. Артефактное сооружение распалось на полосы для прохождения командами в соответствии с распределением шэ-дара.

Из грязи-льда-огня-шипастых кустов и творчески перемешанного набора прочих вдохновляющих на подвиги препятствий разленившуюся за каникулы напарницу Хага с Лисом выволакивали чуть ли не на себе. Ладно хоть ехидный дракончик придержал язык и не прошелся насчет плохой физической формы девушки. Красноречиво промолчавшая Леора ограничилась лишь укоризненным покачиванием головы и добавлением в расписание студентки парочки вечерних занятий. Чего, в общем, Яна и так ожидала.

Гад, как и следовало предполагать, поступил типично по гадски. Устроил контрольную на знаки. Ничего, кроме простановки имени знака перед символом, правда, не потребовал, но символов-то выдал столько, что студенты схватились за головы. И ведь не спишешь! Вариантов работ коварный декан тоже выдал не меньше десятка, а потом, вот зараза, велел обменяться листками с соседями и проверить друг друга. Таким образом, объем проверочной работы для каждого блюстителя и почва для оценки оной у преподавателя увеличились ровно вдвое. По счастью, Янка была уверена в своих ответах. Если она что-то и зубрила все эти годы до посинения, так это внешний вид и значение знаков Игиды. Листики со значками являлись весомым подспорьем в работе команды, к тому же единственным, что

девушка была в силах дать напарникам. Талант приговорщицы, пусть и важный, и сильный, казался Яне чем-то вроде огнемета, стрелять из которого по воробьям — субъектам пророчеств — было, по меньшей мере, неспортивно. Да и применять свои силы Донская считала нужным лишь на настоящих врагах или хотя бы противниках. До таких высот владения даром, чтобы приговаривать друзей и незнакомцев ради их пользы, не нанося настоящего вреда, как об этом говорил на занятиях мастер Фэро, землянке было еще очень и очень далеко.

Словом, денек выдался не из легких. Зато ужин показался Донской пиром, достойным богов. Благодарный силаторх был в ударе. Студенты едва язык не проглотили от удовольствия и за добавкой ходили трижды. Потому выходящую из дверей столовой осоловевшую после сытной трапезы землянку волновала только парочка вопросов: «Зачем я так объелась?» и в продолжение первого: «Кто покатит меня до общежития?»

Куда-то идти не было ни сил, не желания. Хотелось приземлиться на скамеечке и немного отдышаться. Что Янка и сделала, благо скамеек на территории АПП хватало на всех желающих. Никуда не спешащие напарники хлопнулись рядом.

На скамье, послужившей пристанищем объевшейся девушке и ее друзьям, уже сидел студент. Эти уши и жалобный взгляд девушка узнала сразу. Первокурсник-летописец из домовичи замер пародией на роденовского мыслителя и активно страдал.

— Привет, мелкий! — фамильярно провозгласил Лис.

— Ясного вечера, как ты, Ясек? Обжился? — вежливо поздоровалась девушка.

— Ясного, — попытался улыбнуться новенький и, не удержав покерфейса, всхлипнул, а потом и вовсе бросился Янке не грудь и разрыдался, как ребенок.

У русской девушки моментально сработал родительский инстинкт. Ясека сграбастали в объятия, начали гладить по голове, спине, приговаривая что-то ласковое и утешительное. Потихоньку юный летописец успокоился и даже смог поведать о своей грусти-печали.

Никаких трагедий у домовичи, конечно, не случилось. Но вот с соседом-человеком ему не очень-то повезло. Вчера вечером, когда новичок спросил о предназначении тюбика на полке, ему с усмешкой посоветовали намазать содержимым лицо. Лопоухий простофиля последовал коварной рекомендации. Когда спустя несколько секунд кожу начало пощипывать, наивный домовичи высунулся из ванной и спросил, долго ли следует держать мазь?

Тюбик оказался зубной пастой с легким флюоресцирующим эффектом для усиления белизны зубов, а сосед попался очень

впечатлительный. Орал он так, что переполошил все крыло летописцев. От старосты Лестора по итогам разбирательства влетело обоим. Человеку — за дурную шутку над новичком, домовичи — за безалаберное пользование неизвестным продуктом, пренебрежение собственным здоровьем и нарушение общественного спокойствия.

Все было бы не столь страшно, если бы этим и закончилось. Но в каждой избушке свои погремушки. Нашлись они и у мирных с виду летописцев. В общем, бедолага Ясек попал под коллективный каток. Оказывается, каждый год один из первокурсников-летописцев, выбираемый по жребию, обязан был придумать что-нибудь эдакое, способное потрясти как можно большее число студентов — какую-нибудь грандиозную выходку. Чем больше охваченного шуткой народа, тем круче! Неудача ложилась позорным пятном на репутацию всего факультета!

Теперь лопоухий домовичи, выбранный в добровольно-принудительном порядке на должность главного шутника сезона, сидел и страдал. Он никого потрясать не хотел. Ясек даже напуганного до легкого заикания соседа жалел от всего сердца. Пухлик-добрячок Лестор, взявшись за гуж власти, научился не только оперативно решать вопросы и находить общий язык со студентами, феох поневоле в кратчайшие сроки освоил и искусство ругани вкупе с чтением морали проштрафившимся летописцам. На почве общих мук из-за грандиозной выволочки старосты соседи быстро помирились.

Находчивый Машьелис, не видя проблемы в задачке-пугалке для первокурсника, с ходу сгенерировал и предложил вариант решения:

— Стефаль, наш напарник, говорил о постоянном доступе летописцев к архиву пророчеств. Почему бы тебе не поискать какой-нибудь свиток по миру Игиды, а еще лучше по академии или Дрейгальту. Почитай, возьми за основу, переври и распространи как слух о грядущих великих потрясениях. Должно сработать! Летописцы, конечно, не пророки, но впечатлительных и у вас хватает.

— Я не умею врать, не смогу… — уныло протянул Ясек, не поддаваясь на провокацию.

Машьелис разочарованно поморщился. Ему было дико слышать отказ. Сам дракончик, соблазненный перспективой безнаказанно покопаться в залежах пророчеств и мистифицировать уйму народа, заглотнул бы наживку моментально.

— Эх, не хочешь, как хочешь, у меня других идей нет, — нахохлился доброхот. — Может, у Янки есть?

Блестящей идеи от доброй девушки Лис, конечно, не ждал, зато видел в отказе напарницы способ надавить на Ясека, чтобы тот сдался и принял идею дракончика к исполнению.

— Не знаю, — подергала кудряшку у виска Яна. — У нас в институте никто сильно не шутил. Бывало, надписи смешные на кабинетах делали, объявления об отмене занятий или внеплановом зачете писали. Правда, мама рассказывала, когда сама девчонкой была, в летнем лагере ребята по ночам ходили друг друга пастой зубной мазать. Ох, и шуму утром было!

— А вот так я бы смог, — оживился домовичи. — Мне ж теперь все общежитие дом, я в любую комнату попасть могу. Только после пасты лицо шибко жжется и красные пятнышки остаются. Меня кремом лечили. Может, чем другим мазать? Чтобы не пострадал никто.

— Светящимися красками, — подкинул мысль Хаг, с легкой улыбкой наблюдавший за действиями провокатора драконьего племени. — Деньги-то у тебя есть? Вроде подъемные уже выдавали.

Ясек с готовностью закивал и похлопал ладошкой учебную сумку.

— Вон там лавка. — Палец тролля указал на заведение фееры, стоящее неподалеку от столовой. — Купи краски, какие пожелаешь, и ночью, производя впечатление, распишешь всех хоть с головы до пят. Только к девчонкам не ходи, сигналка у декана застукает, из отработок не вылезешь, до конца семестра будешь драить площадь и лестницы в Башне Судеб.

— Спасибо, — расплылся в улыбке Ясек, подпрыгнул и чуть ли не бегом припустил к дверям волшебного магазина.

— Пойдем в Лапу? — уточнил дракончик у друзей.

— Я пока никуда не пойду, объелась, — честно объявила Янка, всем своим видом демонстрируя, что готова прилипнуть к скамье, но не сдвинуться с места.

— Как хочешь! — беспечно объявил Лис, мгновенно подобравший себе другое занятие по душе. — А я, пожалуй, схожу, гляну, чего там малыш покупать будет. Может, посоветую!

Хаг чуток подумал и решил составить другу компанию, чтобы тот с домовичи на пару не вляпался в очередные приключения, читай, неприятности. Нагнав первокурсника у дверей, блюстители подхватили его под белы рученьки и чуть ли не на буксире внесли внутрь под тихое звяканье колокольчиков. Мелкий домовичи сиял доверчивой улыбкой — его не оставили, подсказали, помогают!

Янка еще немного посидела, подставляя лицо прохладному вечернему ветерку, поплотнее запахнула куртку и отправилась в

общежитие. Задания по знакам, которыми щедрый и справедливый декан одарил всех студентов вне зависимости от уровня успешности выполнения контрольной, никто не отменял.

Вечер после работы над упражнениями от Гада и выполнения нового задания от Тортиллы прошел у Янки и Иоле под знаком сплетен. Девушки долго шептались, лежа в кроватях при выключенном свете. О чем? Так о чем могут шептаться девушки? Конечно, обо всем на свете и в первую очередь о мальчиках. Латте могла говорить о своем Йорде часами, а подруга ей поддакивала и искренне по белому завидовала.

Романтические увлечения у Янки бывали, а вот романтических отношений — так, чтобы влюбиться насмерть, взаимно, и забыть обо всем на свете — нет. Не считать же серьезными отношениями пару неудачных институтских романов, о которых и сама девушка предпочла бы забыть как о двух самых больших ошибках в жизни. За вторую из этих «ошибок» Яна уж и замуж с дури собиралась, пока случайно не услышала разговор по телефону «любимого», планирующего скорую продажу квартирки невесты. Причем беседовал тот с любовницей, отношения с которой даже не думал прекращать из-за грядущей женитьбы. Летели тогда с лестницы горе-жених и его вещи со свистом. Девушка даже потом не плакала. Слишком зла была, и не столько на обманщика, сколько на саму себя. Это какой же дурищей надо было быть, чтобы поверить и довериться такому! Ведь чувствовала, что-то не так, ведь и мама с бабушкой, и отец намекали, а она на все глаза закрывала, пока их пошире поневоле распахнуть не пришлось.

В общем, за подругу Донская радовалась от всей души и немножко, самую капельку, потихоньку надеялась на то, что и ей когда-нибудь выпадет хоть кусочек настоящего счастья. В магию-то она никогда не верила, однако в магическую академию угодила. Так почему бы не случиться еще одному чуду? Счастливой любви! Яна вовсе не бурных страстей жаждала, а встретить, как Иоле, того, кому не страшно будет открыться. Того, кому нужна будет не ее жалкая квартирка, а она сама, какая уж есть: немножко ленивая и любящая покушать. Конечно, пусть он встретится не сейчас, а когда-нибудь попозже.

А пока можно и браслет Машьелиса поносить. Бедняга-напарник так подрос и похорошел, точно от девиц отбою не будет. Пока на скамье сидели, шедшие мимо студентки глазками стреляли да улыбочки дракончику раздаривали. Лис, конечно, все видел и даже кое-кому мимолетно улыбнулся, но шалость с домовичи его в те мгновения заботила больше девичьих авансов, потому юноша предпочел сделать незаинтересованный вид.

Глава 3
ОПЯТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Второй учебный день в расписании начался с нового предмета. Название его магический переводчик АПП для землянки перевел заковыристо: «Технология блюдения исполнения пророчеств».

Надо сказать, аудитория третьекурсников-блюстителей в ожидании мастера бурлила вовсю. Кто-то смеялся, кто-то возмущался и недоумевал. Каждый из студентов, а кое-кто — не будем показывать пальцем на Янкину команду — отнюдь не по одному разу уже побывал в прошлом году в Зале порталов по жребию блюстителя пророчеств. Потому ребятам казалось странным: с чего это их вздумали учить работе *после*, а не *до* ее начала.

Ответ прозвучал с ударом колокола, и был он оглашен голосом преподавателя самых сложнопостигаемых, а оттого и наименее любимых среди студентов предметов — мастером Ясмером. Свет дурно-головоломной славы основ Мироздания и истории Игиды неизбежно осенял и чело изрекающего великие истины. Словом, любимым учителем молодого педагога не мог назвать никто. Если у мастера и имелись поклонники, обожествляющие его манеру чтения лекций, то афишировать свои пристрастия они не спешили. Наверное, опасались, что их в принудительном порядке доставят в лекарский корпус для освидетельствования мастером Лесариусом на предмет психического здоровья.

— Ясного дня, студенты, весь этот семестр мы будем встречаться с вами на занятиях по технологии блюдения пророчеств. Итогом наших встреч станет зачет, — поздоровался Ясмер.

Аудитория, у которой еще были свежи воспоминания о лекциях мастера, взвыла, предвкушая неисчислимые муки. Мастер, молодой симпатичный шатен с шоколадными глазами, опушенными длинными ресницами, позволил себе короткую, совсем не мстительную улыбку и сухим тоном, не вязавшимся с приятной внешностью, пояснил:

— Данный предмет, в отличие от предыдущих, изученных вами под моим руководством, не должен вызвать серьезного умственного напряжения. Разумеется, при систематическом посещении лекций, семинаров и общении с приглашенными специалистами. Теперь отвечу на озадачивший вас

хронологический вопрос. Руководство АПП считает, что часть теоретической базы блюстителям пророчеств надо давать на практическом фундаменте. Проще говоря, дабы вы, господа студенты, со вниманием отнеслись к предмету, вам требовалось отследить в реальности исполнение простейших пророчеств зеленого, реже желтого маркера. Итак, приступим. — Мастер Ясмер встал за кафедру и окинул настороженный коллектив беглым взглядом. — Кто скажет, что можно считать первым этапом работы блюстителя пророчества?

Студенты обреченно переглянулись. Кажется, насчет отсутствия «серьезного умственного напряжения» мастер рассудил неверно. Самоотверженная Ольса подняла растопыренную ладошку.

— Блюститель пророчества начинает свою работу с изучения печати свитка пророчества.

— Точнее, — потребовал ответа Ясмер.

— С маркировки печати, — поспешно поправилась зарозовевшая девушка.

— Неужели? — приподнялись вверх обе брови мастера.

— С чесотки у блюстителя из-за жеребьевки у летописца-дежурного, — выпалил, вставая на защиту напарницы, Макс.

— Уже ближе, — милостиво намекнул мастер.

— С приближения срока исполнения пророчества, о котором предупреждает свечение печати свитка пророчества, — четко, как по писаному, выдала Юнина, опередив остальных студентов, сообразивших, куда клонит учитель.

Милостивый кивок возвестил о достижении нужной точки-начала. И лекция по теме, о которой, как казалось чрезвычайно опытным третьекурсникам, они знали практически все, а оказалось, что имели лишь представление об основах, потекла дальше.

Нет, ничего ужасного мастером не изрекалось, даже писать много не пришлось, просто было немножко обидно. Студенты привычно строчили конспекты и внимали Ясмеру, радуясь отсутствию головных болей. В отличие от зачета их можно было опасаться.

За «технологией» снова шли Гад и знаки, знаки, знаки на лекции, практической и лабораторной по очереди. С точки зрения систематизации знаний — все продумано и замечательно, с точки зрения количества знаков на одну студенческую душу — несварение мозгов гарантированно получили все, кроме трудяжек вроде Ольсы, Юнины и Кайрая. Машьелис, гениальный балбес, взял драконьей памятью.

Физкультуру и следующую за ней тренировку с рогаткой

заучившаяся Янка встретила чуть ли не со слезами радости на глазах. Пусть лучше доконает физическая нагрузка, чем треснувшая от обилия информации черепушка.

Как-то на первом курсе Латте утешала соседку, говоря, что нагрузка в первые дни у поступивших в АПП больше, чем у студентов других курсов. Дальше, дескать, будет легче. Нагло соврала! Или это Янкиному курсу выпало столько эксклюзивной радости по какой-нибудь столь же эксклюзивной причине вроде особенной любви декана Гадерикалинероса к третьекурсникам?

В общем, тройка Донской, так же как и другие однокурсники, двигалась на ужин в столовую со скоростью тяжелогруженой баржи. Даже выносливые парни не спешили обогнать напарницу. Им-то, чтоб не сачковали и не вздумали расслабиться, почувствовав силу, добросовестные Теобаль с Леорой нагрузку подобрали такую, чтобы вымотать по полной программе и чуть-чуть сверху.

Кажется, сегодня все преподаватели организованно вступили в секретный клуб «Замучай студента!», сговорились и всерьез взялись доказывать третьекурсникам, что для успешного выполнения функций блюстителей пророчеств надо не только «учиться, учиться и еще раз учиться», а еще и «тренироваться, тренироваться и еще раз тренироваться».

Потому ужин нынче радовал Яну не только возможностью хорошенько покушать, а и шансом хоть ненадолго отложить заботы о занятиях. Дракончику, начавшему было вспоминать что-то о знаках Гада, Хаг недолго думая свободной от вилки рукой отвесил легкий подзатыльник и с ласковым оскалом посоветовал сменить тему. Если же другу не кушается спокойно, убраться из столовой, да вот хоть в кабинет риторики, и заняться настенной росписью. Даже если Машьелис и собирался лишь пошутить, напарники были не в состоянии выслушивать шутки об уроках.

Латте и Стефаль, с которыми компания встретилась за столом, хором посочувствовали замученным друзьям, но с соболезнованиями тактично не полезли. Только эльф, теперь уже не студент, но аспирант, имеющий право питаться в стане преподавателей, отлучился к раздаче и вернулся с невзрачными на вид умопомрачительно благоухающими пирожными и молча поставил блюдечки рядом с каждым из друзей.

К концу трапезы замученные третьекурсники немного отошли от шоковой терапии мастеров, подобрели и уже не взирали на мир мутными от усталости глазами. Потому знакомую фигурку Ясека на скамеечке заметили сразу.

— Опять лопоухий страдает, — констатировал очевидное Хаг.

— Жаль паренька. Пойду узнаю, как он, — предложила Яна и

первая направилась к летописцу. Хаг и Лис потопали следом, а остальная компания, не знакомая с домовичи, предпочла вернуться в Лапу, чтобы не ставить новичка в неловкое положение.

Скорбящий студент не замечал блюстителей до тех пор, пока с ним не поздоровались:

— Ясного вечера, Ясек.

— Ты как? Получилась шутка? — влез неугомонный Машьелис, бесцеремонно плюхнувшись на скамью рядом с понурым студентом.

— Ага, получилась, — мрачно согласился домовичи и почему-то потрогал левое ухо. Насколько можно было разобрать под торчащими в разные стороны вихрами, оно было краснее и больше левого.

— Рассказывай! — потребовал нахальный блондин.

И летописец рассказал. Вчера в лавке феера за сущие копейки продала новичку большой набор светящихся красок для тела. Прошлой ночью домовичи, обладающий врожденной способностью проникать в любую комнату того места, каковое считает домом, навестил всех парней-летописцев с первого по пятый курс и расписал их «под хохлому». Хорошо еще пареньку хватило ума послушаться предостережения Хага не посещать комнаты девушек. А то одним помятым ухом он бы не отделался. Ну что сказать, то ли у юного живописца оказался врожденный талант к нательной росписи, то ли столь выдающееся отсутствие такового, однако первая же жертва, пробудившаяся среди ночи из-за неотложного дела и свидевшаяся с зеркалом в кабинете задумчивости, огласила общежитие громким воплем. К одиночному крику очень скоро присоединились другие. Через несколько минут в Лапе у летописцев, как в мужской, так и в девичьей части общежития, спал только глухой.

По итогам ночных развлечений было признано, что напугать и поразить лопоухий паразит смог многих, за что получил признание масс и в ухо от самого пораженного. Декан летописцев, мастер Ротамир, поднятый среди ночи с постели, оптом оценил ночной беспорядок и талант живописца в цикладу мытья лестниц в Башне Судеб. Вот и печалился паренек о несправедливости мироустройства: все загаданное исполнил, и ему же за это попало.

— Бедолага! — посочувствовала Яна домовичи и сунула в руку прихваченный с ужина пирожок.

— Наплюй на всех! Лестницы мыть несложно. Считай отработку не наказанием, а признанием твоего успеха! Подрастешь и такую им шутку учинишь да так напугаешь, чтоб

никто тебя поймать не смог! — по-своему утешил первокурсника Машьелис.

— Полы я мыть умею, а что другое… Из того, чему здешние обучены, не умею толком почитай и ничего, нашему роду то не надобно было, вот в памяти и нету, — вздохнул домовичи, откусил от пирожка и снова машинально потер ухо. Оно уже не болело, но служило живым напоминанием недавнего не то триумфа, не то фиаско.

— Какие твои годы! — легонько хлопнул малыша по плечу Хаг. — Пять лет впереди! Выучишься! Зато потом каждый потомок сразу летописцем будет, коль склонность в душе найдется.

Янка поддакнула и заботливо вложила в свободную руку лопоухого Ясека еще один пирожок. Утешив молодое поколение, девушка еще разок подробно объяснила пареньку, где именно и как ему надо отрабатывать наказание. Распрощавшись с домовичи, третьекурсники двинулись в общежитие. По дороге Донская растерянно уточнила:

— Хаг, а почему ты Ясеку сказал, что его потомки летописцами будут? Это заранее известно?

— Так он же домовичи! Память от деда к отцу, от него к сыну и далее передается. Что старший знает, то и младшим ведомо будет. Понятное дело, не сразу, чтобы не свихнулись, а как подрастут и в копилку знаний заглядывать научатся, — пожал плечами тролль, поясняя само собой разумеющийся для него факт.

— Здорово, — искренне позавидовала уникальной расовой особенности Донская, она не отказалась бы от такого бонуса. — У людей по наследству только склонность к какому-нибудь делу или талант передаваться могут, да и то не факт. Болезни чаще. Вот папа мой красиво рисует, а у меня, сами знаете, какие кракозябры выходят, стоит карандаш в руки взять.

— Каждому свое, — провозгласил Машьелис, когда отсмеялся над забавным словечком «кракозябры» и, принявшись привычно покусывать еще сочную зеленую травинку, заметил: — У нас в АПП вообще бесталанных неучей нет, если кто сюда угодил, значит, Судьба достойным сочла и привела.

— То есть ты хочешь сказать, что в академию поступают лишь те, у кого есть не только способности летописца, пророка или блюстителя, а еще и какое-никакое образование? — переварила и перевела для себя девушка, следя за очередным акробатическим номером, который откалывал живчик-дракончик. Сейчас он промчался по тоненькому бордюру, как по бульвару, прошелся на руках по спинке скамьи, сделал пару сальто и снова побежал по поребрику к друзьям.

— Именно, — пожал плечами Лис, не видя повода обсуждать очевидное. — Зачем время на ерунду тратить?

Яна вынужденно согласилась. В программе Академии пророчеств и предсказаний не было никакой общеобразовательной ерунды, вставляемой для «расширения кругозора и повышения культуры личности». Все знания, даже казавшиеся на первый взгляд головоломкой-издевательством, являлись необходимыми в настоящей и будущей работе с пророчествами, а не нужными для того, чтобы пригодиться где-то и когда-то, как знак интеграла из проволоки для вылавливания связки ключей из унитаза.

— Хм, а если к АПП придет талантливый неуч, он поступить не сможет? — задумалась вслух Донская, машинально поймав по пути слетевший с ветки дерева желтый листик.

— Если есть дар, Силы сами направят по нужной дороге сначала за знаниями и, коль нужные обретет, в свой черед к вратам АПП, — степенно ответил Хагорсон. — Если имеются желание и цель, Судьба приведет.

Парни уже привыкли к некоторой вопиющей безграмотности подруги в подобных вопросах бытия. Проживание в техническом мире плохо способствовало сохранению веры в чудеса.

Яна только кивнула и спорить не стала. После лекций Ясмера и общения с другими студентами девушка начала понемногу привыкать к здешней спокойной, нет, даже не вере — спокойному знанию о «тех, кто там, наверху». Для себя она рассудила, что, наверное, не так уж и плохо, когда знаешь — есть те, которые приглядывают за жизнью, пусть не твоей, а миров, и, коль обратишься с просьбой, помогут. Пусть порой совсем не так, как хотел бы ты сам, но, может, и лучше, чем сам хотел. Из-за деревьев-то лес не всегда виден…

В комнате землянка переобулась, добрела до кровати, сбросила тапки и со стоном рухнула на постель. Полежала несколько секунд в виде растекшегося желе. Сил двигаться, думать, ходить не было. Вообще ничего не хотелось!

— Устала? — сочувственно спросила Иоле, присаживаясь рядом.

— Не то слово, подруга! Чувствую себя так, что лучше бы меня убили, — пожаловалась девушка и коротко поведала подруге о сегодняшнем учении-мучении.

Латте изумленно ойкала и цокала языком, а потом и вовсе удивленно призналась, качая полосатой головкой:

— Нас так не гоняли и сейчас не гоняют!

— Вот и мне казалось, что ничего такого ты не рассказывала. Правда, поначалу думала, пугать заранее не хочешь, —

согласилась Донская и все-таки заставила себя повернуться на бок и переползти с кровати в кресло. Не потому, что силы нашлись. Лежать с полным пузиком оказалось неудобно. Там что-то сразу принялось бурчать и побулькивать, будто возмущалось вместе с хозяйкой непосильной нагрузкой и требовало выходной.

— Чайку? — предложила соседка, не зная, чем еще помочь подруге, кроме выражения сочувствия.

— А давай, того, с мятой, — согласилась Янка. Ни малейшего желания повторять сегодняшний материал у девушки пока не возникло. И вообще, если внутрь организма сегодня что-то еще и можно было засунуть, то только несколько глотков хорошего чая, но никак не еду и знания.

Насчет чая мысли у команды сошлись. Потому не успела вода согреться, а в комнате у девушек уже стало не то чтобы людно, скорее немножко ифрингно, троллльно, драконно и эльфно. Словом, пришли все ребята и, разумеется, получили по законной чашке горячего ароматного напитка.

Едва успели пригубить и как раз начали слушать неторопливый рассказ Стефаля на привычную каждому студенту тему «как я провел лето», дополняющийся в случае эльфа словами «с семьей и невестой близ Великого Древа», как в дверь снова постучали.

Иоле, добрая душа, пожалела притомившуюся Янку и открыла сама, впустив декана Гада. Вид дэор имел озадаченно-хмурый. Ежик волос с экзотическим фиолетовым отливом не топорщился задорными иголками, а выглядел потрепанным и немного поникшим. Даже нос-сосиска висел печально и казался длиннее обычного. Кажется, учебные будни замотали не только блюстителей, а еще и их декана. По внешнему виду не скажешь сразу, кого больше.

— Только не говорите, что мы опять в пророчество попали, — вместо «ясного вечера, дорогой декан Гадерикалинерос» ляпнул Машьелис, отстучав ложкой по кромке чашки несколько тактов бравурного марша.

— Могу помолчать, посидеть на диване и попить чая… с вареньем. Заодно проверим, откликнется ли вселенная на ваше желание изменить обстоятельства, — саркастично выдал в ответ мужчина.

— Умеете вы обрадовать, мастер, — пробурчал Хаг, тогда как дракончик ощутимо оживился, подобрался перед прыжком, как рысь, и, кажется, сбросил весь груз дневной усталости.

— Я разносторонне одарен, — невозмутимо поведал студенту дэор Гад.

Янка же, уловив «тонкий» намек, встала и полезла в шкаф за

вареньем. На что только не пойдешь ради декана и порции важной информации!

Получив свой чай и земляничное варенье, тот посидел несколько минут, наслаждаясь хорошим напитком, любимым лакомством и почти благоговейной тишиной. Студенты, затаив дыхание, ждали откровений. Прекратив издеваться над изнывающим от нетерпения Машьелисом и прочими присутствующими, Гад заговорил:

— В этом семестре руководство АПП приняло решение увеличить начальные нагрузки на третьекурсников. Причиной тому слишком большой объем пророчеств, перемещенных в Зал свитков. Чтобы быстрее натаскать вас для работы блюстителей, была скорректирована программа…

«Так вот где собака зарыта!» — обнаружила причину сегодняшнего учебного террора Яна.

— Чего сразу мы-то? — наморщил лоб Хаг. — Вон, четвертый и пятый курсы еще есть.

— При их переходе на третий курс, то есть на уровень студентов, способных к серьезной работе блюстителей, такого количественного возрастания пророчеств не наблюдалось. Руководство полагает, дело в вашей группе, — растолковал декан, вылавливая из варенья сразу три ягодки разом.

— А что там с пророчеством? — не утерпел дракончик.

— А то, — теми же интонациями отозвался декан, проглотил варенье, запил чаем и нехотя процитировал:

Исчезнут до поры судеб важнейшие плетенья,
Что всем основа и опора древних стен,
Нет повода тревоге в том, но зло в твореньи
Мести того, кто яд сберег и преуспел
В искусстве подчиненья…

Коль все исполнится незримым пауком,
Четыре нити в АПП прервутся, чтоб потом
Все спуталось неправильным клубком…

— Понятно, что ничего непонятно. Мы-то тут при чем? — ляпнула Яна, у которой аж в голове зашумело от коряво-загадочного стихотворения. Вот хоть бы раз что-то красивое и внятное их команде попалось из той прелести, которую однокурсники цитировали! Так нет, очередная хромающая на обе ноги белиберда под названием «всем каюк!».

— При желтом свете из-под вашей двери, Донская, и при том, что вы вот уже третий год «причем» всегда, когда дело касается

пророчеств о благополучии АПП, — хмуро поведал Гад, отправил в рот еще ложку варенья и расщедрился на объяснение: — Меня вызвал дежурный. У пророчества, о котором идет речь, не выбран блюститель, оно относится к редкой для академии и почти никогда не изрекаемой нашими пророками категории самореализуемых. То есть реализуемых исключительно через субъектов при минимальном участии блюстителей или вовсе без участия оных. То пророчество, чью печать нечаянно взломали Картен и Максимус на первом курсе, близко подходило к грани самореализуемых, а сегодняшнее ее пересекло. Верный признак того — печать, треснувшая и распавшаяся до выбора блюстителей. Вовремя коснувшись треснувшей печати, я обходил АПП в поиске субъектов и объектов пророчества. Вы — единственные за полчаса блужданий, кто оказался отмечен сиянием. Или, не исключаю, единственные, кого я смог заметить. — Очевидно, под «обходил» дэор имел в виду себя и все свои копии, живой цепью прочесывавшие территорию академии.

— И чего опять мы-то? — неожиданно забухтел Машьелис.

— Сам говорил — любимые игрушки АПП или Судьбы, она нас сама выбирала для себя, как погремушку, — философски напомнил Хагорсон другу его недавнее заявление.

— Я не поняла, — честно призналась девушка. — Нас кто-то захочет убить?

— Очевидно, так, Донская, — подтвердил декан и порадовал друзей. — А потому вплоть до исполнения пророчества я закрываю для вас выход в город. Иоле, тебя запрет не касается. Стефаль, ты ярким сиянием блюстителя не отмечен. Слабый зеленый отблеск списываю на твою принадлежность к команде. Тебе рекомендовать воздержаться от прогулок по Дрейгальту не стану, просто попрошу быть осторожнее.

— Понял, мастер, — послушно кивнул эльф.

— У-у-у, — взвыл возмущенный Лис. — И сколько нам ждать-то? Как у самореализуемых срок исполнения определить?

— Кто-то зачет по «пророчествам и предсказаниям» получил у мастера Сейата за красивые глаза? — не по-хорошему удивился декан, наставив на дракончика ложечку.

— Не-не-не, у Сатаны ничего задарма не получишь, кроме лишней задачки для семинара. Я, конечно, помню совокупность общих признаков, как то: выцветание текста пророчества и степень разрушения остатков печати. Но разве же по ним наверняка скажешь? — Дракончик выжидательно уставился на мудрого дэора.

— Как это ни удивительно, Машьелис, — скупо улыбнулся Гадерикалинерос, опуская ложечку так, словно вкладывал меч в

ножны, — вам дали нужные сведения, но не смогли продемонстрировать образец подобного пророчества по той самой причине, что совокупность косвенных признаков, свидетельствующих об исполнении самореализуемого пророчества, фактически уничтожает его как предмет материальный.

— То есть совсем? — недоверчиво приподнял бровки домиком о Либеларо.

— Остаются чистый лист и пыль, годная для производства артефактов и чернил, — скрупулезно уточнил детали Гад.

— Почему же нам этого не сказали? — простодушно удивилась Яна, огорченная важным пробелом в знаниях.

— Насколько я знаю мастера Сейата, потому, что вы об этом не спросили, — с ехидцей усмехнулся декан. — Студенты, не проявившие интереса к предмету, наказываются отсутствием знаний.

Дракончик сердито фыркнул, а остальные блюстители, даже Стефаль, угодивший в категорию «не поинтересовавшийся», устыдились или сделали вид, что устыдились. Мастера в АПП учили на совесть, но бегать за студентами с домкратом для разжимания челюстей, чтобы впихнуть очередную порцию бесценных знаний в упрямо сомкнутый клювик, обязанными себя не считали.

— Я вас предупредил, — опустошив банку с любимым вареньем и допив чай, констатировал декан. — Будьте осмотрительнее, в случае чего вызывайте меня. Знак СУАЗ, надеюсь, все носят в кошеле?

Студенты дружно заверили начальство в наличии знака первой необходимости. Гад довольно хмыкнул и вышел из комнаты.

— Пришел, напугал, гулять запретил и ушел… Люблю я нашего декана, — выдал Машьелис.

— Да ты мазохист, — хмыкнул Хаг.

— Жалко, что гулять запретили, — посетовала Яна, пристрастившаяся за последний год к прогулкам по чистеньким улочкам волшебного города. А уж сколько она всякого разного для маленькой сестренки там накупила и думала еще прикупить с первой стипендии! Те монетки-листики от благодарного мастера Сейата, которыми с напарницей честно поделился Лис, когда Хаг оплеухой пробудил в нем совесть, землянка по совету дракончика положила в банк под выгодный процент и не собиралась трогать до окончания АПП. Стипендию-то платили очень хорошую! С таким запасом только и бродить по лавочкам.

Как любая девушка, Яна любила бродить по магазинам в свое

удовольствие, правда, покупала больше подарки друзьям и родным, чем что-то себе. А теперь и по лавкам прогуляться не выйдет. Придется у фееры стипендию тратить или кого-нибудь из девочек просить об одолжении. Ту же Таату, сейчас увлеченно читающую «Повесть о кольце». Хоббитянка, в отличие от Юнины или Ольсы, обожала бродить по магазинчикам и частенько составляла компанию Янке. Да и вкусы у студенток в общем совпадали. В компании со сплетницей Титой землянка делать покупки не любила. Пещерница так отчаянно торговалась за каждый медный листик, что у ее спутниц терпение заканчивалось значительно раньше, чем у Елбаст кураж. И пусть экономия выходила приличная, терпеливо сносить процесс торга Яна была не в силах.

Конечно, хотелось по городу побродить, но безопасность важнее. Мама наверняка предпочтет здоровую старшую дочку, а не пострадавшую из-за собственного упрямства. Янка тихонько вздохнула и вернулась мыслями к общему разговору.

Ничего важного друзья не придумали. Покрутили так и сяк пророчество, процитированное деканом, повыдвигали самые нелепые, странные и страшные версии о ядах, мести, пауках реальных и символических, после чего единогласно решили прекратить пустые гадания на кофейной гуще, чтобы самих себя не запутать до смерти. Парни выпили еще чаю, как-то невзначай съели вазу конфет и решили помочь убирать со стола, когда случилась авария. Взявшийся помогать девушкам Хаг столкнулся с преисполненным аналогичным благим порывом Машьелисом. Эльф успел увернуться и в общей куча-мале не поучаствовал. Как обычно бывает в таких случаях, пострадала ни в чем не повинная утварь. Со звоном врезались друг в друга чашки. Та, что потоньше, не пережила аварии и распалась на две аккуратные половинки.

Янка огорченно скривилась. Эта желтая позитивная посудина с изображением пушистого цыпленка ей особенно нравилась. Но чего теперь-то? Осколкам прямая дорога в мусорное ведро!

Так думала девушка, зато дракончик считал иначе. Видя огорчение напарницы, он мигом вручил свою долю грязной посуды Стефалю, схватил две половинки чашки, соединил их и дыхнул.

Чашку окутала радужная дымка. Когда она рассеялась, довольный Лис с поклоном преподнес подруге совершенно целую посудину. Янка покрутила ее, потыкала пальцем, даже ногтем щелкнула по стенке. Фарфор отозвался мелодичным звоном. Чудеса, да и только! Будто не разбивали!

— Здорово! — оценил Хаг. — Это у тебя одно из свойств

радужного пламени?

— Ага, соединяет разрушенное, коль на то желание мое есть! — похвастался о Либеларо с довольной улыбкой: друзья оценили, поразились и восхитились! — На каникулах научился. Замок, ясное дело, не восстановлю, но чашку, тарелку или безделицу какую, если все части имеются, — запросто!

— Спасибо! — от души поблагодарила дракончика девушка и осторожно заметила: — Ты нам про каникулы еще ничего не рассказывал.

Только сейчас Янка запоздало удивилась, что болтун Машьелис, в отличие от обыкновенно отмалчивающегося Хага, не поведал друзьям о своих обычных страданиях под гнетом властной бабули, пытающейся найти счастье для внука вопреки желанию оного. Кандидатки «на счастье» отметались Лисом настолько искусно, что у леди Левьерис, кажется, до сих пор сохранились иллюзии по части придирчивости и переборчивости внучка и не родилось стойкой уверенности в нежелании о Либеларо-младшего вообще жениться и продолжать славный род радужных драконов. Хотя кто ее знает, эдакую бабушку, может, все она поняла и просто давала любимому внуку возможность погулять.

— Не говорил, — признался Лис, привалившись к стене, и скривился от странной смеси восхищения и ужаса. — Это, Ян, сложно даже пережить, а описать и вовсе почти невозможно. Дядюшке, брату своему, меня бабуля на дрессировку сдала. Тот гонял нещадно, я даже о Теобале и Леоре мечтать порой начинал, чтоб пришли и вырвали из когтей садиста. А еще время у него во владениях такое мудреное, и не скажешь, вечность или миг средь радужных туманов провел, ощущение полностью теряется.

— У драконов, особенно старых, свои отношения с Силами Времени, — с уважительной осторожностью промолвил Стефаль. Он разглядывал юного представителя крайтарских радужных драконов так, словно хотел его если не препарировать, то подробно исследовать и подвергнуть нескольким десяткам тестов для определения новых способностей.

— Так вот почему ты так вымахал и в силе прибавил, — покачал головой Хаг.

— Не всем же радоваться жизни в обществе шестерых братьев-сестричек, — скривился Машьелис, тряхнув локонами. — Нет, я не жалуюсь, так надо было, но вспоминать, как меня корежило от волн силы, когда расширялись каналы в большом теле, приноравливаясь к потоку, как до обмороков гонял меня дядюшка Кинтэор из облика в облик, не хочу.

— Значит, не надо! — поспешила успокоить друга Яна,

ласково поглаживая по плечу.

— Восьми братьев-сестер, — отвлекшись от уборки посуды, вставил тролль. Он мгновенно понял, насколько неприятно дракончику вспоминать о каникулярной дрессировке, и ловко перевел тему.

— Это как же? — удивилась Иоле, попытавшись подсчитать сестер-братьев тролля и сбившись со счета.

— Близнецы! Парни! — хохотнул, объясняя необъяснимое самым простым образом, серокожий здоровяк. И принялся веселить друзей коротким рассказом о житье-бытье большой семьи вождя, обрадованной громкоголосым и вечно голодным пополнением. В суровом роду троллей звание жены вождя и его детей не освобождало от массы обязанностей, напротив, в дополнение к бытовым навешивало еще и кучу общественных. Так что каникулы у Хагорсона выдались те еще.

Дальше уборка пошла без неловких вопросов и битья посуды. Смысл колотить, коль Лис в два счета все чинит? И друзья разбрелись по комнатам общежития на ночевку.

Глава 4
О ПОСЛЕДСТВИЯХ БЛАГИХ ПОРЫВОВ

Погруженные в учебную круговерть третьекурсники сами не заметили, как минула первая циклада, со свистом пронеслись выходные и началась вторая учебная восьмидневка со знакомого по второму курсу предмета — «Существа, создания и сущности». Длинное название студенты давно уже сократили до «ССС». Пусть дроу обыкновенно считались родней паукам, мастер Клиог ап Рас больше походила на мудрую змею, потому название-шипение к предмету с легкой руки Лиса прилипло намертво.

Судя по всему, мастер Анита — суровая дроу, и так не отличавшаяся человеколюбием в целом и студентолюбием в частности, тоже вступила в общий преподавательский заговор по усиленной дрессировке блюстителей. Ее предмет нагонял на ребят не только тоску из-за объема поставляемого педантичной преподавательницей материала, а частенько даже ужас из-за подробностей жизни или не-жизни изучаемых разновидностей объектов и щедрой демонстрации наглядного материала. Создания и существа попадались разные. Почти всегда странные на человеческий взгляд, порой забавные. Зато сущности чаще всего оказывались по-настоящему жуткими. Хотя за прошедший год Янка успела как-то притерпеться к этой жуткости до такого состояния, когда перестала пугаться и начала зубрить, опасаясь позабыть особенности страховидл. Может, у мастера на то и был расчет?

Сегодня Анита начала урок с коварного вопроса, почему-то не рассматривавшегося детально на лекциях в прошлом году или не рассматривавшегося в подробностях намеренно. Уж слишком ловко когда-то обошла эту тему дроу, никогда и ничего не делающая просто так.

— Скажите-ка мне, господа студенты, к какой категории в рамках предмета вы относите себя?

— Когда ни демона в лекциях не понимаю, то существо, когда после занятий вчера в Лапу шел, точно созданием себя чувствовал, а с утра вроде как сущностью, — тихохонько пошутил Машьелис.

— Интересная, хоть и бездоказательная точка зрения, — скривила губы в призраке ироничной улыбки мастер. — Есть иные версии?

— Мы вне предложенных курсом категорий, — высказалась умница Ольса, взмахнув пушистыми ресницами.

Юнина, не успевшая опередить подругу с ответом, энергично кивнула в знак согласия.

— Ха, это смотря кто! — хохотнул Картен.

— А мне кажется, мы создания — разум есть, плоть есть, — пожал плечами Еремил.

— Записываем! Разумные создания плоти, наделенные душой, выделяются в особую над-категорию, — скомандовала дроу, одарив голубокожего остряка неодобрительным взглядом. Странно, что на Машьелиса, вылезшего с шуточкой, и Еремила, отвечавшего без дозволения, Анита так не рассердилась. Возможно, дело было в том, как точно и изящно оперировал дракончик понятиями курса и насколько верно рассуждал полукровка-демон.

— Мастер, а как отличить-то? — задал с места вопрос Хаг, морща в серые складки могучий лоб, и машинально почесал жесткие волосы на затылке.

— Что именно вам неясно, Хагорсон? — приподняла тонкую бровь дроу, развернувшись в сторону студента, чем явно продемонстрировала вероятную важность диалога.

— Разумность при минимальной близости способа мышления как-то по поведению определить можно, — пожал плечами задумчивый тролль. — Но как узнать-то, есть душа у создания или нет? Мы не боги, не жрецы, не маги великие и уж тем паче не Силы. Тонкие структуры такого уровня с ходу зреть не обучены.

— Вы блюстители пророчеств, — почти улыбнулась Анита, довольная важным и нужным вопросом. Положив руку на кафедру, дроу продолжила почти торжественно: — Все вы внимали лекциям мастера Ясмера по основам Мироздания и истории Игиды. Коль сейчас вы здесь, а не за воротами академии без браслета студента, значит, ваша суть, ваша душа приняла истину, даже если разум не осознал услышанное в полной мере. Потому, если возникнут сомнения, доверьтесь себе. Слушайте голос Творца в своем сердце и не ошибетесь.

«Словом, нам посоветовали доверять интуиции и сердцу», — решила Янка, чаще всего именно так, сердцем, и реагировавшая на все события жизни, если требовалась моментальная реакция. Решать мгновенно разумом у неторопливой девушки никогда не получалось.

Потому она сразу невольно задумалась вот о чем: если силаторхи создают для работы фантомы, то те, ориентированные на одну задачу и исчезающие после ее завершения, душой, понятное дело, не обладают. А как быть с двойниками дэора,

которые, по сути, есть он сам, только существующий в нескольких экземплярах одномоментно? Если Гада одновременно во плоти несколько штук, душа тоже тиражируется как физическая оболочка или она одна на все тела?

— То есть заклинаний или знаков Игиды для определения наличия души не существует. Мы должны руководствоваться исключительно субъективными ощущениями, скорректированными в нас посредством лекций, — перевел тролль, задумчиво морща лоб.

— Именно так, — уточнила важный аспект темы мастер и, четко уловив погруженность землянки в размышления, спросила:

— О чем задумались, студентка Донская? Надеюсь, вас озадачила именно тема, поднятая Хагорсоном?

— А? Да, — немножко смутилась девушка, не заметившая, как невольно привлекла внимание преподавателя. — Я про дэоров думала. Как у них с душой. Она разве делится, когда дэор одновременно в разных местах разными делами занят?

— Хм, интересный вопрос. У этой расы душа особого плетения. Разумеется, она не делится на части, не колбаса, и не дублируется. Она является надстройкой над прочими оболочками, потому при создании подобий никаким трансформациям не подвергается, — быстро дала справку Анита, что-то пометив в своем журнале преподавателя, и одарила Яну на удивление благосклонным взглядом. Кажется, мнение дроу о девушке впервые за все время занятий изменилось в лучшую сторону.

Осветив «душевный» вопрос, лектор вернулась к тонкостям классификации свободно перемещающихся, а потому особо опасных сущностей. Народ застрочил в тетрадях. Диктовала Анита быстро, пугаться, переваривая информацию, времени не оставалось.

Посвящать оба учебных часа теории дроу сегодня не собиралась. В планах сурового мастера, ориентированного на практическое натаскивание студентов, был еще небольшой — как раз на один урок — практикум. Таким образом Анита убивала сразу стаю зайцев: заставляла студентов освежить в памяти подзабытый за каникулы материал, проверяла способность блюстителей ориентироваться и применять на деле теоретические знания, побуждала к работе над собой по преодолению инстинктивных страхов, а заодно и воспитывала.

С ударом колокола лекция закончилась, дверь в коридор не открылась. Зато мастер Клиог ап Рас исчезла вместе с кафедрой. На этом месте проявилась дверь, ведущая в зал, где шла отработка практики. Хотя как раз залом это помещение назвать

было невозможно. Каждый раз оно принимало новый вид, повинуясь целям и планам преподавателя. Причем магически настраивалось оно так, чтобы сразу все команды блюстителей могли выполнять практическое задание, каждый в своем времени и пространстве. Именно по аналогии с артефактным залом по ССС создавалась новая полоса препятствий академии.

Наученные опытом, порой горьким, студенты не стали тратить время на споры, болтовню, попытки взломать дверь и с боем прорваться в коридор. Собрали сумки, разбились на команды в соответствии с выбором шэ-дара и двинулись к двери в зал практикума. Туманная дымка на проеме не давала ни разглядеть, ни расслышать происходящего внутри. Отгадывать, зная причудливую фантазию мастера, тоже было бесполезно.

— Развлечемся? — подмигнул напарникам Машьелис.

Какие бы «ужасные ужасы» ни изобретала дроу, чутье дракончика, оберегающее его от страшных неприятностей и сильно обострившееся после визита в храм Ветров, на ССС всегда молчало. Практику у Аниты он отрабатывал с удовольствием, в отличие, скажем, от многих других блюстителей, не желавших тесно знакомиться с духами, мантикорами, гигантскими пауками кицеларисами и тому подобным, порой очень уж наглядным, экзотическим материалом. Пока по части непереносимости практических Аниты с отрывом лидировали брезгливый Пит и трусихи Тита с Таатой.

Ольса и Юнина, хоть и выглядели тонко-звонкими, чувствительными к малейшему дуновению ветерка барышнями, никогда на занятиях в бесконтрольную панику не впадали. Возможно, дело было не в крепости нервов дриады и эльфийки, а в их куда большей терпимости к иным, непохожим на них самих созданиям, существам и сущностям и готовности понимать других?

Еремил, когда проходили завесу, для страховки крепко держал напарницу Таату за руку, то ли оберегал, то ли предупреждал побег девушки, который вполне могли спровоцировать «сюрпризы от мастера Аниты». Работа в паре приучила Надалика к ответственности и снисхождению с чужим слабостям. Зная сильные и слабые стороны маленькой хоббитянки, напарник учился пользоваться ими. Картен же обыкновенно поступал с Питом куда грубее. В данном случае он банально дал замешкавшемуся напарнику точно выверенного пинка, чтобы летел, да не упал.

Как раз вслед за Росом и воспарившим Цицелиром в дверь вошла и Янкина тройка. Вошла-то тройка, а пришла лишь одна девушка. Куда в процессе делись друзья, оставалось лишь гадать.

Самым вероятным ответом был стандартный: мастер приготовила на сегодня индивидуальное задание. Осталось только разобраться с тем, какое именно. Как вариант, с напарниками Яна могла встретиться в процессе выполнения задания при соблюдении каких-то условий.

Первым делом студентка огляделась, пытаясь сориентироваться. Место, где она очутилась, было каким-то строением. Судя по стропилам наверху и скошенной крыше — чердаком. Пыльным, полутемным, загроможденным всяким хламом, который копился даже не годами — десятилетиями, потому что выбросить не поднималась рука. У Янкиной семьи такая же, только чуть менее пыльная, свалка имелась в сарае и в откосах на втором этаже дачного дома.

Снаружи, если судить по узкому лучику, просочившемуся через полукруг маленького оконца чердака где-то наверху, царил день. Птичий щебет и чуть слышный шелест листвы деревьев подействовали на Яну успокаивающе.

Все еще не понимая, зачем ее сюда отправили и с каким созданием, существом или сущностью предстоит встретиться, девушка начала осторожно пробираться через завалы хлама к чердачному люку. Не следовало с ходу отметать вариант с длительным поиском объекта где-то внизу или вообще вне дома. Сам спуск вниз по задумке дроу вполне мог оказаться чем-то вроде очередной полосы препятствий.

Вдруг помимо чириканья и шелеста до ушей Янки донесся тихий безнадежный плач. Так горько и искренне могут плакать лишь дети, делясь своей обидой со всем миром разом.

Девушка резко повернула влево. Там, в дальнем углу чердака, громоздился большой старый комод с надстроенными полками, в котором отсутствовала половина ящиков, а из уцелевших трех как следует был вставлен лишь один, остальные перекосились и рассохлись.

За этим монстром столярного промысла и раздавался плач. Янка решительно, не обращая внимания на отбитые до синяков в борьбе с препятствиями ноги, полезла в угол. Сжавшись в комочек, за комодом сидел мальчонка лет четырех. Он и рыдал, размазывая кулачками слезы по лицу.

— Ты чего плачешь, кроха? — вырвалось у сердобольной девушки.

— Никто не хочет со мной играть! — совершенно как маленькая соседка Галинка, пожаловался малыш, хлюпнув носом.

— Давай играть! — тут же привычно отреагировала Донская.

— Давай! — подскочил с места малыш и тут же вновь насупился, надув губенки бантиком. — Только мои игрушки в

ящике, не могу открыть!

— Сейчас все достанем, — пообещала Янка и вступила в неравный бой с мебелью. Ничего удивительного, что мальчику не удалось справиться с тяжеленным ящиком. Землянка и сама сумела открыть его лишь с третьей попытки, рванув за ручку.

Ящик выдвинулся, демонстрируя детские сокровища: медвежонка без одного глаза, зайку с оторванной лапкой, тряпичный мячик, деревянную пирамидку с облупившейся краской, кубики, кем-то попробованные на зубок. Малыш издал восторженный писк.

— Во что будем играть? — деловито уточнила Яна.

— Во все! — категорично объявил мальчик.

И они поиграли во все — во все один раз, потом другой, потом третий. Энтузиазм ребенка, переключавшегося с одной игрушки на другую, никак не утихал. Яна немного устала, но терпела и изображала то трусливого зайку, то лезущего за медом косолапого, спасающего нос от пчел, затем строила башенку… В общем, чего только она не делала, потеряв счет времени, как вдруг ее маленький товарищ по играм замер, светло улыбнулся и, шепнув: «Спасибо, тетя!» — рассыпался искрами.

В следующую секунду Яна уже стояла в пустом зале практикума — том самом помещении, где творились иллюзорные пространства для тренировок. Анита сидела за рабочим столом, изредка поглядывала на что-то и делала пометки в своем журнале. Вернее, она делала их до появления землянки, а едва та материализовалась, покачала головой с некоторой озадаченностью, закрыла книжечку, встала и хлопнула в ладоши.

От этого сигнала в зале дезориентированной толпой появились все третьекурсники-блюстители, буквально выдернутые в реальный мир в разгар выполнения задания.

— Мастер, что случилось? Я еще призрак не развеял! Почему он исчез?! — возмущенно взвыл Картен, поцарапанный и подожженный местами, основная часть которых концентрировалась в нижней задней части формы.

Его голосу вразнобой вторили и другие студенты со схожими претензиями и в разной степени потрепанным видом.

— Можете поблагодарить студентку Донскую за окончательное упокоение призрака. Она исполнила предсмертную волю и тем самым провела не временное, а окончательное развеивание, — сухо проинформировала учеников дроу.

— Ух, Ян, как ты это сделала? — тут же пристал к напарнице с вопросом Машьелис.

— Мы только поиграли с мальчиком, — растерянно ответила

невольная творительница несвоевременно-доброго дела.

Что она играет не с человеком, Яна все-таки сообразила. Пусть далеко не сразу, а примерно к середине процесса игры, когда поняла, откуда сквозит холодком. Но поднять руку и обидеть несчастного ребенка, пусть он даже не живой и не дух, а всего лишь призрак или привидение, не смогла. Решила для себя: пусть уж лучше она не получит зачет у мастера. Пересдать проще, чем мучить малыша.

— Далеко не всегда для развеивания сущности требуются строгие рамки ритуала. Порой достаточно исполнить желание, условие-ключ, размыкающий наложенные оковы. Мы с вами об этом уже беседовали, — напомнила студентам Анита.

— Мастер, у нас у всех призрак исчез, потому что он был отражением одного призрака в разных вариантах смоделированной вами реальности? — озадаченно уточнил Кайрай.

— Именно, — коротко подтвердила Анита, не слишком довольная уничтожением ценного наглядного пособия и в то же время высоко оценившая точность способа, избранного студенткой для избавления от призрака.

— Ой, — запоздало взвизгнула Таата, подпрыгнув на месте, как мячик. — Так он был настоящим?

— Разумеется. Что вас так удивляет, студентка? Я еще на первых занятиях говорила о своем намерении использовать как иллюзии, так и настоящих существ, созданий и сущностей для ваших тренировок. — Анита приподняла бровь, изогнув ее в удивительном подобии лежачего вопросительного знака.

Хоббитянка смутилась и что-то пробормотала себе под нос. Не сообщать же ей учителю о своих страхах, которых до сих пор было поменьше из-за наивной уверенности в иллюзорности предлагаемых образцов. Из-за этого девушка чувствовала себя поспокойнее, пусть порой и доставляла Еремилу проблемы приступами паники. Сегодня наивной вере Тааты пришел конец, а полудемону в перспективе прибавилось проблем с фобиями напарницы.

— Часто мы с настоящим материалом работаем? — Не страхом, азартом загорелись желтые глаза Авзугара.

— Тогда, когда я считаю это необходимым, — сухо проинформировала блюстителей Анита, по сути, не сказав ничего. — Сейчас же, увы, придется воспользоваться иллюзией. Всем, кроме Донской. Она практическую часть задания выполнила, потому мы с Яной побеседуем о более стандартных способах развеивания призраков и привидений, известных студентке.

Вот в эту секунду, пожалуй, бедная Яна испугалась сильнее, чем за все время занятия. Но делать нечего, пришлось напрягать извилины и вспоминать, благо старым конспектом Анита великодушно дозволила воспользоваться. Способов-то было немало, разве все упомнишь после каникул?

Каким образом мастер, внимательно слушая ее, одновременно умудрялась контролировать процесс прохождения практики каждым студентом, Янка сообразить не смогла. Однако готова была ручаться, что дроу за всем следит и все подмечает. Наверное, тут применялись сложные артефакты и личные таланты преподавателя. Может, она, как паук, раскидывала на студентов какую-нибудь незримую сеть и по дрожанию паутинок отслеживала ход занятия?

Счастье в жизни есть! Ни один урок не длится вечность! Удар колокола освободил студентку из сети вопросов. В аудитории, куда вышла отпущенная с миром и благосклонным кивком Янка, как раз появлялись однокурсники — все и одновременно. Впрочем, как всегда. Анита ценила свое и чужое время, но была сторонницей дисциплины, из ее кабинета студенты выходили только после сигнала колокола, дабы не множить без нужды доли хаоса на территории академии.

За ССС снова следовали физкультура и «горячо любимая» полоса препятствий, существенно усложнившаяся со времени первого курса. Пожалуй, Цицелиру повезло со сменой прически, если бы не коса, он бы точно пожег и подрал великолепные синие волосы подчистую. Дриада Ольса вот, поскольку никому войны не объявляла и вообще числилась пацифисткой, приспособилась, не заплетая косы, заворачивать свою густую шевелюру в хитрый пучок с деревянными шпильками, чтобы не мешала занятиям. Яна и сама делала что-то похожее, только из косы. Длинные шпильки и заколки для закрепления волос еще в прошлом году были куплены в лавке у доброй фееры, к которой студентка пришла с проблемой, умаявшись мыть и распутывать кудряшки, ставшие жертвой интенсивных занятий спортом.

После полосы препятствий студиозы, разукрашенные сажей, грязью и болотной тиной, со стонами и причитаниями (если на это еще хватало сил) заползали в раздевалки. Янка плюхнулась на лавку и, развязывая шнурки, простонала:

— Полцарства за бутылку воды!

— Ой, а у меня есть с собой! Не бутылка, а фляжка из тыквы-невелички! Их специально не для еды, для хранения воды растят! Хочешь попить? — добродушно улыбаясь и пыхтя, Таата залезла в сумку и вытащила миленькую бутылочку. Желтовато-прозрачную, будто стеклянную, но на ощупь теплую и неимоверно легкую.

— А сама? — засовестилась Янка.

— Пей, я после, — до ямочек на щечках заулыбалась щедрая хоббитянка и вынула пробку из горлышка.

— Спасибо, — выдохнула Донская, вот только взять предложенную бутылку не успела. В раздевалку ввалились Юнина и измочаленная Ириаль, которую за какие-то огрехи в прохождении полосы отчитывала Леора.

— Вода? Кстати! — рыкнула вампирша, выхватила бутылочку из короткой лапки однокурсницы и жадно присосалась.

Таата и Янка переглянулись и синхронно покачали головами. Вырывать тару из когтистых пальцев скандалистки девушки не стали. В конце концов, можно и из-под крана напиться. Вообще-то Ириаль по сравнению с первым курсом стала вести себя помягче, но до высокого статуса «любезной девушки» ей еще было как до Луны пешком. А уж когда вампирша испытывала какую-то физическую нужду, становилась совершенно невыносимой. Наверное, срабатывали глубинные инстинкты, сметающие налет цивилизованной благовоспитанности ради единственной цели — выживания.

— Шойтарэль, ты грубиянка! — негодующе потрясая кудряшками, сердито запыхтела Тита.

— Тебя не спросили, — оторвавшись от тыквочки, хмыкнула Ириаль и небрежно всучила опустевшую фляжку Таате. Почти тут же вампирша захрипела, с ее губ сорвались хлопья черной пены.

Возмущенная Тита, приоткрывшая ротик для нового упрека, завопила неожиданно тонко, почти на уровне ультразвука, да так пронзительно, что уши заложило у всех. В раздевалку, едва не выбив дверь, ворвалась Леора, готовая к драке с неведомым противником.

И пусть такового не нашлось, горгона все равно в доли секунды обнаружила причину вопля и среагировала моментально. Одним прыжком она оказалась перед медленно клонящейся на бок Шойтарэль и впилась в девушку взглядом. На пол рухнула уже хорошо парализованная, абсолютно нечувствительная к боли тушка с полностью остановленными физиологическими процессами.

Янка тем временем нашарила в кошельке пластинку со знаком СУАЗ, надломила ее, вызывая декана, и, чувствуя себя гонцом, приносящим дурные вести, оперативно доложила:

— У Шойтарэль черная пена изо рта.

Гад прибыл практически мгновенно, да не один, а в компании с мастером Лесариусом и его знаменитым молоточком. Леора только успела скомандовать ринувшимся было к однокурснице девчатам:

— Не трогать!

— Вот-вот, девоньки, не следует этого делать, — добродушно согласился старенький целитель и одобрительно поцокал языком, оценивая оперативность действий мастера Леоры. — Вовремя вы ее обездвижили, дорогая. Черное безумие опасная штука и действует почти мгновенно. Но теперь-то мы успеем и противоядие приготовить, и влить. Яд-то девочка где взяла? — Лекарь окинул внимательным взглядом студенток, замерших так, будто и на них подействовал вводящий в оцепенение взор горгоны.

— Донская? — потребовал от землянки ответа Гад.

— Я пить хотела, Таата мне свою фляжку с водой предложила, а Ириаль вырвала ее из рук и сама всю выдула, а потом вот… — Яна развела руками, кивком головы указывая на черную пену, хлопьями повисшую на губах вампирши. — Получается, она нас спасла.

— Да уж, — помрачнел декан, изымая из сведенных судорогой пальцев правой руки хоббитянки замечательную пустотелую тыкву, а из левой — пробку. Дэор осторожно, внимательнейшим образом осмотрел и обнюхал емкость и затычку. Покачал головой и заткнул пустую бутылочку пробкой.

— Оно? — уточнил Лесариус, принимая фляжку и тоже внимательно ее изучая.

— Оно, — согласился Гад, постучав пальцем по пробке.

Кому как не ему, представителю расы знатоков, изготовителей и изобретателей ядов, определять источник отравы! Мертвенно-бледная, без обычного живого румянца во всю щеку, Таата взирала на свою фляжечку в руках лекаря как на смертельно опасную тварь.

— Вы исцелите Ириаль? — жалобно всхлипнула Юнина, утирая крупные слезы, без остановки катящиеся из прекрасных глаз.

— Разумеется, Ройзетсильм, утрите лицо, развели тут сырость. Как уже было сказано, приготовление противоядия займет некоторое время, но оно у нас есть, — успокоил всех девушек и эльфийку Гадерикалинерос, поднимая парализованную студентку с пола. Ему, иммунному к большинству ядов, прямой контакт с пострадавшей ничем не грозил.

Покачивая головой, старичок-молоток полез в мешочек на поясе, пошуршал, позвенел свободной рукой и достал… нет, не еще один молоток, а маленький пузырек с изумрудно-зеленым содержимым. Вручил Леоре с наказом:

— Вот, голубушка, девонькам по три капли на язык, чтоб нервишки подлечить. Сердечко-то смолоду беречь надо!

— Голвин, Донская, после уроков в мой кабинет в общежитии, — напоследок бросил дэор, исчезая в портале, открытом мастером Лесариусом. Фляжку лекарь прихватил с собой, то ли в качестве вещественного доказательства, то ли как особо опасную тару из-под отравы, чтобы до нее случайно чьи-нибудь не в меру загребущие студенческие ручки не добрались!

Проводить опрос на предмет выявления особенно переволновавшихся и нуждающихся в лечении свидетельниц трагического происшествия горгона не стала. Недолго думая построила пятерку студенток, велела раскрыть рты и накапала на язык каждой по три капли тягучей зеленой сладости. Затем скомандовала:

— Принимайте душ и переодевайтесь, девушки! А не то на следующее занятие опоздаете! И поторопитесь, боюсь, мастер Теобаль не сможет долго удерживать кавалеров, рвущихся вам на помощь. Я немного успокою парней, но пока они вас не увидят живыми и невредимыми, не угомонятся.

За дверью и впрямь слышались встревоженные голоса. Так что решение горгоны оказалось весьма своевременным — похоже, авторитета эльфа-физкультурника едва-едва хватало на то, чтобы ребята не начали штурмовать женскую раздевалку.

Пришлось девчатам нестройным хором покричать однокурсникам, что все живы и учителя уже со всем справились, а дверь ломать не надо, они не одеты. После этого заявления группа спасителей, готовая идти на штурм помещения, откатилась и затихла.

Оставшиеся впятером полураздетые, шокированные происшедшим девушки растерянно переглянулись. А Янка посмотрела на слетевший с ноги Ириаль спортивный тапочек, сиротливо забившийся в угол раздевалки, и невольно вздрогнула. На обуви запеклось несколько хлопьев черной пены, а благородно-коричневая кожа под этой коркой успела приобрести противный грязно-бордовый оттенок.

«Не везет Ириаль с обувью — то совсем развалится, то каблук сломается, теперь вот цвет изменила. Рок какой-то!» — мелькнула в опустевшей голове глупая мысль.

Но и ее прогнал панический писк Тааты:

— Ой, это что выходит, у меня во фляге яд был? Девочки, честное слово, я только обычную воду туда наливала! Никого отродясь не травила, только крыс в подвале, чтобы колбасы не лопали.

— Что ты, Таата, никто тебя ни в чем не подозревает, — мягко промолвила Ольса.

— Ты же сама, как и Янка, из фляжки чуть не выпила, —

содрогнувшись всем крепко сбитым телом, поддержала дриаду пещерница.

— Хорошо, что не выпили. Ириаль все-таки вампирша, у нее стойкость к ядам высокая, а если бы вы, девочки, хлебнули, Леора могла бы и не успеть. — Голос Юнины предательски зазвенел, истончаясь струной, и сорвался. Тонкие пальчики на миг прикрыли лицо.

— Декан во всем разберется, — уверенно пообещала Янка. Ее и саму почти мутило от озвученных однокурсницами мыслей и сознания того, что предсказание о враге и ядах начало сбываться так скоро и так страшно. — Пошли лучше в душ, а то на лекарское дело в теплицы опоздаем. Только Леоре надо тапок Ириаль отдать. Как бы за него случайно кто не схватился.

Шустрая Тита тут же высунулась из-за двери и кликнула преподавателя. Благо парни уже успели уйти в свою раздевалку и из-за гомона слов девушки не расслышали. Опасная обувка со всеми предосторожностями была конфискована. Девушки, конечно, не успокоились до конца, однако лекарство Лесариуса и напоминание о занятиях помогли им вернуться к реальности. Так что из раздевалки третьекурсницы вышли пусть с небольшим опозданием, но в относительно вменяемом состоянии. Поджидающие парни тут же взяли их в оборот и потребовали детального отчета на тему: «Куда делась Ириаль? Зачем вопили? И вообще, что происходит?»

Вот тут-то и настал звездный час Елбаст. По дороге в теплицы пещерница поведала о происшествии в таких подробностях, каковые Донская, к примеру, и не запомнила бы, описала бы происшествие в трех предложениях: «Ириаль выпила воду из фляжки Тааты. Отравилась. Мастера ее спасли и забрали лечить».

По счастью, до мастерства знаменитого писателя Кинга девушке было далеко, и никого запугать или даже напугать Тите не удалось. Чего только не навидались студенты-блюстители в АПП за два года, каких только историй не наслушались, но главное усвоили твердо: в стенах академии они в полной безопасности от всего, кроме недовольства мастеров, обрушивающегося на головы лентяев.

Лис, Хаг и Янка, слушая пещерницу, обменялись понимающими настороженными взглядами. Обсуждать, относится ли происшествие с вампиршей к опасностям, о которых предостерегало пророчество, рядом с однокурсниками напарники не решились, но все и так казалось очевидным. Относится.

Глава 5
ПОМОЩЬ ДЭОРА

Оставшееся до визита в кабинет к декану время прошло как в тумане. Безоговорочно веря в могущество Гада, о благополучии Ириаль студенты почти не волновались, однако сама история с отравой их определенно заинтриговала. Испуганную Таату буквально засыпали вопросами. В злой умысел хоббитянки студенты, разумеется, абсолютно не верили. Отравить кого бы то ни было крупнее и разумнее грызуна, покушающегося на семейные запасы колбасы, добрая девушка была совершенно неспособна, так же как и злословить или плести интриги. Вот и расспрашивали хоббитянку после рассказа Титы, стараясь понять, как получилось то, что получилось. Увы, ничего не поняли.

Девушка купила фляжку в небольшой лавочке с забавной вывеской «Разные разности» близ площади у академии. Там продавалось много всякой утвари и нужных поделок из растений: фляжки, плошки, чашки, ложки, коврики и прочее, и прочее. Экономная Таата частенько захаживала в «Разности» просто поглазеть и что-нибудь прикупить для дома, для семьи, лично для себя. Зашла и сразу после каникул. На этот раз бутылку из тыковки приобрела. Воду в нее наливала самую обычную, из-под крана. Никакой хлоркой или иными ядами воду в Дрейгальте не травили, и все, в том числе студенты АПП, пили, заваривали чай и готовили исключительно на такой воде. Сама Таата из фляжки ни разу не пила. Не успела, к счастью. Потому не догадывалась, каким образом и когда в емкость попал яд.

К декану в кабинет Янка с Таатой пришли, как и было велено, после занятий, но до ужина. Напарники девушек — Еремил, Хаг и Лис — остались караулить под дверью. К Ириаль в лекарский корпус Надалик уже пытался прорваться на одной из перемен, но влюбленного студента к отравленной не пустили. Сказали только, что жизни Шойтарэль ничего не угрожает, она спит, и отправили восвояси. Упрямый парень временно отступил, но собирался вечером снова наведаться к лекарям и взять их измором, добиваясь права на посещение. А пока Еремил составил компанию угодившей в переплет напарнице.

Декан что-то писал за столом, однако при появлении третьекурсниц отложил работу и, предложив парочке присесть на диван, опустился в кресло рядом. Первым делом Гад успокоил Таату:

— Ириаль дали противоядие, сейчас она спит, к утру будет

полностью здорова и сможет вернуться к занятиям.

Вздох облегчения вырвался из груди пухленькой хоббитянки, щечки забавно надулись и опали.

— Есть мысли о том, как в твоей фляжке оказался яд? — перешел к неприятным расспросам декан, и девушка снова повторила историю с покупкой фляжки, где не фигурировало ничего и никого подозрительного.

— Что ж, понятно, — привычно потер длинный нос дэор и спросил неожиданно: — Ты любишь нимский перец?

— А что это? — простодушно спросила Таата. — Я в здешних приправах плохо разбираюсь. Обычный перец вот не люблю, шибко он жжется и чихать хочется, другое дело горчичка, если с жареными колбасками, да под кружечку эля…

— Я понял, — терпеливо выслушав гастрономический спич, мрачно согласился декан. Вслед за этим он сунул руку в сумочку, извлек из нее листик Игиды с незнакомым Яне символом и сломал его. Таату окатило фиолетовой с зелеными искорками пылью, и девушка замерла неподвижно, почти как Ириаль от взгляда горгоны Леоры.

— Не волнуйся, это ей не повредит, — проинформировал Янку мастер.

— И так ясно, — пожала плечами землянка, сцепив пальцы в замок на коленях. — Я только не понимаю, что и зачем вы делаете, но вы ведь объясните. И зачем я вам тут нужна? Это из-за пророчества?

— В том числе. А также как свидетельница магического допроса. Привлекать кого-то другого, не посвященного в пророчество, не считаю целесообразным. Видишь ли, мы установили, как яд попал в воду. Его нанесли на пробку. Чтобы вода стала отравой, достаточно было разок встряхнуть фляжку, — тихо объяснил Гадерикалинерос.

— Таата не стала бы никого травить! — убежденно высказалась землянка. — Мы все так думаем!

— Конечно, — просто согласился мужчина, внимательно обследуя, оглядывая, чуть ли не обнюхивая, ай, нет, в самом деле обнюхивая маленькую хоббитянку. — Теперь подожди минутку, мне нужно провести проверку.

Дэор вынул из нагрудного кармана и поднес ко рту неподвижной Тааты маленькое прямоугольное зеркальце ярко-желтого цвета. Подержав безделицу несколько секунд, Гад хмыкнул, бормотнул себе под нос:

— Именно этого и стоило ожидать.

Развернув зеркальце в сторону Янки, декан показал ей отвратительные багровые разводы, выступившие на приятной

желтизне пластины.

— Видишь ли, Яна, я не зря расспрашивал Таату про приправы. Запах перца, неощутимый для обычных людей, свидетельствовал либо о пристрастии девушки к пище со специями, либо о том, что она подверглась магическому воздействию определенного рода.

Яна внимала декану в полном молчании и по-прежнему ничего не понимала. Впрочем, это было частым состоянием девушки на лекциях. Дэор покосился на студентку и исправился:

— Голвин дали один редкий яд. Нет, не пугайся, для организма он безвреден, влияет лишь на память и действия отравленного. Чтобы разобраться в происшедшем, я активировал один из сильнейших знаков Игиды — ТОРАН, знак транса для прояснения сознания. Теперь девушка сама поведает нам обо всем.

— Таата, расскажи, что случилось в лавке, когда ты покупала фляжку, водой из которой отравилась Ириаль Шойтарэль, — попросил Гад.

— Я рассматривала товары. Люблю подолгу рассматривать разные разности у дядюшки Гриха. Дядюшка меня знает, даже чайку попить уходит иной раз, а как выберу что-то, его зову. Я перебирала вещицы, и тут меня что-то в руку над локтем кольнуло, потом голос раздался, — начала отчитываться девушка каким-то равнодушным голосом, будто не о себе рассказывала, а учебник читала. — Меня спрашивали про то, где в АПП учусь, точно ли на третьем курсе блюстителей. Расспрашивали про всех в группе, особенно интересовались, учатся ли со мной Машьелис, Хаг и Яна. Потом велели купить фляжку, которую дали в руки, набрать в нее воды и напоить кого-нибудь из троих, а лучше всех разом. Никого другого не поить и не пить самой до тех пор, пока эти трое не попьют. А когда все сказано было, фляжку в руки всунули, велели забыть о разговоре и выполнять приказ.

— Ты видела того, кто отдавал приказ? Можешь его описать? — быстро бросил вопрос Гад.

— Нет, не видела, по голосу непонятно было, мужчина или женщина говорит, — по-прежнему безразлично ответила хоббитянка и замолчала, как говорящая игрушка, у которой кончился завод.

— Это паук из пророчества? — тяжело вздохнула Яна, заменяя вопросом рвущийся из груди вопль: «Опять!»

Все-таки одно дело блюсти пророчества, являясь по жребию в Зал порталов наравне с другими студентами — это было почти здорово, беспокоил только груз ответственности и тщательно скрываемый даже от своих напарников страх непоправимой

ошибки. Но с Янкиной тайной опаской играючи справлялись непробиваемое спокойствие Хагорсона и веселый задор Машьелиса. Девушка не раз мысленно благодарила судьбу за таких друзей. С ними, как верилось Янке, одолеть можно практически все! Так вот, одно дело — пророчества по жребию, на присмотр за исполнением которых отводился краткий период времени в иных мирах, и совсем другое — пророчества об угрозах АПП и непосредственно близким. Такое Яне не нравилось совершенно. За друзей было страшно. Беда пришла в академию, которую Донская уже привыкла считать своим вторым домом. Сегодня чуть не отравили ее саму и по-настоящему опоили ядом Ириаль. Но ведь с таким же успехом могли угостить Хага или Лиса!

Отвечая на вопрос студентки о пауке, Гад лишь кивнул. Он был слишком занят — осматривал руку Тааты, закатав рукав форменной блузки. Яна тоже вгляделась в загорелое, усыпанное родинками плечо однокурсницы. Кажется, среди черненьких и коричневых меток имелась одна красноватая. Или так только показалось? Нет, дэор задумчиво коснулся пальцем именно этой точки, прежде чем вернуть одежду девушки на место.

— И что нам делать? Ждать, пока кто-то другой угостит нас порцией более действенного яда? — взволнованно спросила землянка.

— Отнюдь, — возразил декан. — Давай я отпущу Голвин, а ты пригласи своих напарников. Уверен, ребята ждут известий.

— А что вы Таате скажете? Она ж себя поедом съест за фляжку с ядом! — нахмурилась Яна, озаботившись душевным состоянием приятельницы.

— Скажу, что произошла чудовищная ошибка. Вместо пробки для водной фляги ей попалась пробка для фляги с крысиным ядом. Конкуренты постарались или шкодливый ребенок — племянник мастера, перепутавший заготовки, — в этом мы еще разберемся. А мастера Гриха я предупрежу, — озвучил официальную версию случившегося дэор и стал приводить девушку в чувство.

Очередная пластинка листа Игиды подарила Таате новый душ из снимающих транс искр. Яна уже выходила, но успела услышать, как декан благодарит девушку за беседу. В коридоре рядом с дверью скучали лишь Еремил и Хаг. Звонкий голос Машьелиса доносился со стороны общего зала. Кажется, подросший дракончик, по-павлиньи распушив хвост, очаровывал сразу нескольких старшекурсниц. Если судить по довольному смеху девиц, о Либеларо действовал вполне успешно.

— Таата сейчас выйдет, — утешила Еремила землянка и

обратилась к Хагу: — А нас с Лисом зовут. Я пойду его кликну.

Развалившийся на диване в окружении трех красоток Машьелис травил байки. Девицы хихикали и стрекотали, то и дело тянулись, чтобы коснуться руки или мягкого локона красавчика-дракончика, превратившегося за лето из невзрачного худосочного ягненка в такого обаятельного симпатягу.

— Лис, к декану, — коротко позвала Янка, с теплой улыбкой наблюдая, как выпутывается из женских силков довольный успехом у дам напарник.

— Иду, увы, прекраснейшие, долг зовет, — подскочил о Либеларо, подхватил Янку под локоток и поволок по коридору.

— Не боишься, что жениться придется на самой очарованной или на трех сразу? — шутливо подколола девушка свежеиспеченного Казанову.

— Не-а, — беспечно отмахнулся дракончик. — Ты же меня защитишь! — и потряс в воздухе рукой с браслетом — знаком помолвки, заключенной в храме Ветров.

— Смотри, доиграешься, — покачала головой Янка, но читать мораль не стала, просто развернулась и пошла к кабинету. Лис догнал напарницу в два коротких прыжка.

Еремил и Таата, успокоенная мастером, из коридора уже исчезли. Хаг стоял около двери и бегло проглядывал какой-то конспект, чтобы не тратить время даром. Завидев друзей, сунул тетрадь в сумку. Втроем студенты зашли к декану. Дэор дождался, пока ребята рассядутся рядком на жестком диване, и коротко пересказал парням историю злополучной фляжки и неизвестного врага.

— Значит, нас пытаются отравить. Полагаете, мастер, именно об этом было пророчество? — почесал затылок тролль, получил в ответ короткий кивок и уточнил у декана: — Что делать-то будем? Сегодня повезло, но как в следующий раз обернется, поди угадай. Как эту паучью сволочь искать?

— Искать, разумеется, будем. Но для начала сделаем вот что.

Дэор повернулся к шкафу и извлек из него стеклянную чашу на высокой ножке. Затем достал из кошеля на поясе нож. Чиркнул по ладони и сцедил не меньше стакана своей темной крови, распространяющей странный, чуть терпкий, больше похожий на запах какого-то ягодного напитка аромат.

— По три глотка каждому. На несколько циклад это даст вам иммунитет к основной массе ядов. Сказал бы ко всем, но вселенная настолько многообразна, что не зарекаюсь. В любом случае защита у вас будет.

— А Ириаль вы тоже кровью поили? — не удержался от вопроса Лис.

— Нет, кровь дэора, данная добровольно, может защитить от яда, но не исцелить отравленного, — отметил Гад и многозначительно указал глазами на бокал. Дескать, меньше слов, больше дела.

Хаг, подавая пример, встал, не кривясь, сделал три положенных глотка и передал бокал Янке. Многое приходилось делать девушке в академии за два года, только вот пить чью-то кровь не доводилось. Зажмурившись, девушка храбро сделала первый глоток и чуть не подавилась от неожиданности. Кровь Гадерикалинероса на вкус напоминала хорошо разбавленный и подслащенный кагор, каким поили когда-то давно маленькую Яну, когда у нее болело горло. Еще два глотка землянка сделала почти с удовольствием. Все-таки сознание того, что она пьет кровь, сильно мешало процессу дегустации. Лис весело подмигнул девушке и выдул свою порцию за милую душу, причмокнул и благодарно отсалютовал декану пустым бокалом. Дэор так точно рассчитал дозу для каждого, что лишней жидкости не осталось.

Гад забрал грязный бокал и кивнул: теперь за тройку самых непоседливых студентов он был практически спокоен, во всяком случае, волновался не больше обычного. А хоть сколько-то мастер тревожился за своих подшефных любых возрастов всегда, такова уж участь декана факультета блюстителей пророчеств.

— Мастер, так как искать-то Паука будем? — снова насел с вопросами Машьелис.

— Пока никак, — мрачно констатировал декан. — Воздействие подобного рода — врожденный ментальный дар, усиленный введением под кожу жертвы вытяжки одного редкого растения. (Нет, Машьелис, не проси, я не буду тебе называть какого, дабы ты воздержался от экспериментов.) Оно не оставляет следов. Вернее, следы столь ничтожны, что выявить преступника невозможно. С Таатой нам сильно повезло. Присутствие того редкого яда в крови хоббита на короткий срок (не долее циклады) придает коже аромат нимского перца. Мы не можем досконально осматривать руки каждого студента, возвращающегося из города. Увы, использование знаков для поиска Паука в непосредственной близости от академии затруднено самим магическим фоном, создаваемым АПП. Вам об этом неоднократно говорили.

— И что, будем ждать, пока нас снова отравить попытаются? — возмутился Лис. — Так вы нас противоядием напоили! Мы ж теперь можем и не заметить подозрительных добавок в угощении!

— Для этого я и напоил вас противоядием. Чтобы, случись что, вы не стали клиентами мастера Лесариуса. Понимаю,

ожидание неприятно, но пока нам не остается ничего иного. Не переживайте, если вас попытаются отравить, я почувствую. Моя кровь в ваших венах подскажет, — спокойно объяснил декан, коснувшись кончиком пальца длинного и очень чуткого носа. — Вам, чтобы не подвергать себя дополнительной опасности и не провоцировать врага изменить приемы воздействия, остается малое — молчать о выпитом противоядии и вести себя как обычно. Надеюсь, ловля на живца принесет свои плоды. Если нет… Существует один ритуал для розыска преступника, увы, провести его немедленно мы не можем. Непременным условием ритуала является наличие как минимум трех подвергавшихся воздействию субъектов. Потому, повторяю для особо деятельных индивидуумов, — темный взгляд декана прожег дырочку на лбу гордо ухмыляющегося дракончика, — ваша задача — ждать.

— Мастер, а Стефа и Иоле тоже поить кровью будете? — озаботилась безопасностью друзей Яна.

— Нет, это лишнее, напомню, когда я искал субъектов пророчества, ярким маркером выделялись лишь вы трое, да и расспрашивали Таату лишь о вас троих, — успокоил девушку декан. — Короче, на всякий случай и вовсе не потому, что я не доверяю кому-то из ваших друзей, прошу: храните в секрете информацию о выпитом противоядии.

— Эх, знать бы еще, почему нас так невзлюбили. Кому это мы мозоль отдавили? — озадаченно наморщил нос Машьелис, продолжавший прокручивать в голове строки пророчества.

— Да мало ли кому, один прошлогодний экс-советник Ширьлу десятерых стоит, — прогудел Хагорсон.

— Так он в лечебнице для душевнобольных, — пожала плечами Янка. — Не могли же его выпустить досрочно за хорошее поведение?

— Из таких больниц за хорошее поведение не выходят. За плохое, впрочем, тоже. Господин бывший член городского совета Дрейгальта по-прежнему пребывает в закрытой лечебнице. Посетители к нему не допускаются, переписка и передачи запрещены. Впрочем, прошений о встрече никто не подавал, оставшихся на свободе близких родственников у советника нет, а дальним не до него, остатки состояния делят, — иронично согласился Гад. Первым делом после получения мутного пророчества о «ядовитых угрозах» мастер проверил состояние самого проблемного из потенциальных недругов команды.

Напоив кровью и предупредив третьекурсников, дэор выпроводил их из кабинета с очередным напутствием насчет осмотрительности, категоричным запретом лезть во все показавшиеся интересными дырки и новым предупреждением об

обязательном ношении при себе знака СУАЗ. Насчет действенности деканского вето Гадерикалинерос, не страдавший избыточной наивностью и приступами оптимизма, иллюзий не питал. Он рассчитывал лишь на то, что получившие очередное напоминание студенты будут хоть немного осторожнее. Иной раз «немного» это уже немало.

— Что будем делать? — подпрыгивая от нетерпения, выпалил Лис, стоило друзьям отойти от кабинета на несколько шагов.

— Ужинать, а потом учить ССС и знаки, — спустил напарника с небес на землю Хаг. — Про яд во фляжке мы Стефу вечером расскажем, а Янка Иоле передаст.

— Фу, ты скучный, — скривился дракончик, для которого запомнить что-либо в любом объеме, если это «либо» не включает в себя основы Мироздания или историю Игиды, проблемой не было в принципе.

Янка как раз вспомнила старый анекдот об экзамене по китайскому, до которого еще ночь впереди, и рассудила, что с Лиса станется за двенадцать часов выучить в совершенстве не только китайский, а еще и корейский с японским в придачу. Завидовать другу она даже не пыталась. Это все равно как завидовать портрету какой-нибудь средневековой красавицы — полюбовался и ступай себе дальше к зеркалу.

Напоминание трезвомыслящего тролля об уроках сделало свое черное дело. Мысли с отравления и смутных угроз переключились на совершенно точно существующих мастеров Аниту и Гадерикалинероса, которые неучей и лодырей по головке не погладят, а если и наградят за незнание, то лишь лечебно-воспитательным мытьем лестниц Башни Судеб и парой-тройкой дополнительных заданий в нагрузку.

Бесконечное множество незнакомых знаков Игиды и несколько меньшее число уже известных, нуждающихся в запоминании, поджидало Донскую. Хаг «очень вовремя» об этом напомнил, чуть ли не начисто весь аппетит отбил.

— Тогда до ужина, пойду сумку брошу и к вам стукну, — кисло улыбнулась девушка.

— Давай, — махнул напарнице рукой тролль и чуть ли не за шкирку поволок Машьелиса по коридору в их комнату, чтобы тот не завис в очередной девичьей компании. Правда, волочь сильно подросшего и раздавшегося в плечах дракончика стало немного труднее. Ну да Хаг все равно был выше, шире, сильнее и упрямее напарника.

Глава 6
ДЕЛИКАТЕСНЫЕ СТРАДАНИЯ

Сегодня, как и всю цикладу до этого, над блюстителями пророчеств опять издевались!

Мастер Брэдок на магических практиках выжал из третьекурсников все соки в смоделированных катакомбах. Тощий мелкий гоблин, чья масса тела значительно уступала объему хитроумия, нынче отличился. Он набил учебную модель темных подземелий плотной массой врагов, союзников и нейтралов. Причем так подгадал, что приходилось рассчитывать каждый шаг, чтобы, не дай Творец, не психануть да не долбануть фаерболом по площади, выжигая всех и теряя баллы, набранные за урок. Хаг с Лисом сразу задвинули Яну за спины и в четыре руки взялись за дело. Верная рогатка землянки иной раз оказывалась кстати, но большей частью друзья действовали вдвоем, прикрывая девушку. Лишь разок помощь ее оказалась очень кстати. Огромную пещеру, где сортировку «друг-враг-просто так» можно было проводить часами, Яна от безнадеги предложила накрыть знаком сна. Так и поступили. Выбрались, устроили обвал вместо закрывания несуществующей двери и продолжили путь к зачету. Тактика оказалась верной, в лимит времени друзья уложиться успели и даже штрафных очков немного нахватали.

Теобаль с Леорой в очередной раз модернизировали (а казалось, куда уж больше-то!) полосу препятствий. Мастера-физкультурники с горящими азартом глазами в этом сезоне напоминали Яне детишек, заполучивших в руки новый конструктор и никак не могущих наиграться с ним.

От учебных издевательств была освобождена лишь Ириаль, практически оправившаяся (своевременно изготовленное и принятое противоядие, как и обещал декан, поставило вредную вампирочку на ноги), но все еще блюдущая запрет целителей на физические нагрузки. Потому Шойтарэль пришла сразу к третьей паре — лекарскому делу.

Озвученную Таатой версию о крысиной отраве во фляжке, попавшей в емкости для воды из-за происков коварного конкурента, студенты приняли за чистую монету. К тому же ребята благодаря Леоре, мгновенно парализовавшей больную, даже не успели понять всей опасности ситуации. Картен утром, как только услышал от Юнины вести о здоровье вампирши, еще и пошутить умудрился. Дескать, Ириаль даже крысиная отрава не берет, надо было средство помощнее поискать. За что,

разумеется, получил в глаз от Еремила, глупость остроты признал и даже извинился. Парень-то Рос не злой, просто грубоватый и вечно молотит языком. Сострадательная Ольса даже убрала шутнику синяк, пошептав над ним пару минут. А еще третьекурсники дружно скинулись и поутру со смехом вручили Юнине деньги на очередную обновку для Шойтарэль, систематически портящей обувь. Заботливая эльфийка улучила момент и на перемене между магическими практиками и физкультурой успела заглянуть в лавку фееры за обновкой для напарницы. Вампирша, конечно, пошипела, однако мешочек с обувью, переданный напарницей, милостиво приняла. Никакая игра в ложную гордость или скромность не стоила, по мнению Ириаль, пары красивых туфелек!

Толпа на крылечке лекарского корпуса привычно окружила столик с кружками супа, вкус которого едва заметно менялся раз от раза ровно настолько, чтобы не надоесть за год. Кто им занимался, Шер, неизменно стоящий на раздаче, тайны не выдавал, лишь хитро подмигивал и объявлял рецепт фирменным секретом целителей.

Напившиеся студенты благодарили поильца-кормильца и сразу валили в аудиторию. Не то чтобы вся группа обожала занятия по лекарскому делу и хитрого старичка Лесариуса, потчующего своим увесистым молоточком не только больных, но и зазевавшихся или расшалившихся студентов — причина стремления в корпус была проста, как яйцо: любому из третьекурсников после интенсивных физических упражнений банально хотелось принять сидячее положение.

— Донская, на пару слов! — позвала Ириаль землянку, только-только пригубившую свою порцию.

Янка, как была с кружкой в руках, отошла к притопывающей от нетерпения девушке. Черные туфельки с острым каблучком и синими декоративными бусинами вампирша уже успела надеть. Теперь демонстрировала обновку. Шойтарэль и впрямь выглядела совершенно здоровой, а что бледновата, так вампиры никогда румянцем по всю щеку не славились. Вот хоть Гардема взять, Янкиного приятеля. Тот время от времени захаживал на кружку чая, чтобы отдохнуть душой от своих взбалмошных напарниц, которые отличались повальной влюбчивостью и сквозняком в головах. Этот «ветерок» периодически надувал неприятности всей троице.

— Что-то хотела, Ириаль? — Янка отхлебнула супа и с удовольствием облизнула губы.

— Да, помнишь мой долг и зафиксировавший его браслет? — постучала ногтем по массивному украшению девица.

— Помню, стильный у тебя артефакт, — согласилась Донская.

— Так слушай! Я тебе ничего больше не должна! — похвасталась Ириаль и снизошла до объяснения.

Оказывается, браслет, не принявший в прошлом году в качестве оплаты долга за спасение защиту Яны от пылающих угольков, на этот раз проявил оригинальность и признал долг оплаченным. Такой эффект произвела грубая выходка Ириаль, испившей яда вместо однокурсницы. О чем нынче гордо возвещала вампирша. Вот уж воистину не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Хотя некоторая извращенная логика в решении заколдованной вещицы все-таки прослеживалась. Чужую воду вампирша, мучимая жаждой, выдула совершенно бескорыстно, ни капельки не рассчитывая на благодарность. Сообщая о казусе, девица явно рассчитывала на Янкино возмущение.

Спрятав наползающую улыбку, а то забавная в своей высокомерной снисходительности Ириаль чего доброго могла и взбеситься, землянка ответила:

— Все хорошо, что хорошо кончается. Я рада, ты теперь из-за долга злиться не будешь.

— Вот чего ты такая добрая? — Ириаль осталось только досадливо плюнуть на землю перед незлобивой однокурсницей, гордо осушить свою кружку и удалиться трепать нервы кому-нибудь другому.

— Какая уж уродилась, — усмехнулась девушка и вернулась к неспешной дегустации супа.

— Ян… — робко позвала землянку Юнина, тоже на всякий случай задержавшаяся на крылечке. Эльфийка, может, и не слышала тихого разговора, но четко уловила интонации и раздражение напарницы. — Ты не сердись на Ириаль, она хорошая, только ей сложно…

Ройзетсильм замялась, пытаясь подобрать слова.

— Я знаю, нам Гардем говорил. У вампиров в обществе очень сильна иерархия. Они четко знают, кто равный, перед кем поклониться, а перед кем и на колени упасть, ну и в обратном порядке. А в АПП иерархию не построишь и как к кому обращаться не разберешь, вот Шойтарэль и теряется, поэтому грубить начинает, вроде как почву прощупывает. Если бы я ей в ответ хамить начала, значит, мы как бы силами мериться стали, а я так реагирую, что она ничего сделать не может, — кивнула Донская. — Я-то ладно, мы лишь однокурсницы, а вот тебе, напарнице и соседке, с ней небось вообще тяжко.

— Ничего, я тоже вне иерархии, потому что напарница. Ириаль уже привыкла, — рассеянно отозвалась эльфийка, кажется, подобно Стефалю, не умевшая подолгу сердиться или

таить на кого-то злобу. Иерархия иерархией, но, наверное, даже у вампирши не доставало стервозности, чтобы поссориться с солнечной Юниной.

Яна и Юнина переглянулись как две заговорщицы, допили суп и практически последними зашли в аудиторию.

А там полным ходом шла дележка экзотической вкуснятины, присланной Авзугару кем-то из многочисленной родни в честь прибавления в семействе. На этот раз передачка была не в виде орехов, сырого мяса или спиртных напитков, замаскированных под компот. Оборотень-медведь хвастался «малым» мешочком с копченым по особому семейному рецепту мясцом некоего эндемичного горного кролика под названием «рикбит».

После пресноватого супчика студенты с удовольствием лакомились приятно пахнущими дымком и лесом мясными полосками. Янка тоже соблазнилась и, пока все не расхватали, взяла пластинку, с удовольствием втянула носом запах копченого мясца. Только Ириаль, больше уважающая свежатинку, брезгливо фыркнула, ну и Ольса как вегетарианка от угощения воздержалась.

— В следующий раз попрошу рыбу копченую прислать! — пообещал дриаде Авзугар и с удовольствием впился крепкими зубами в очередной жесткий кусочек.

Звон колокола прервал трапезу. Мастер Лесариус вошел в аудиторию с вечной доброжелательной полуулыбкой, прячущейся в усах и жидковатой бороденке. Оглядел студентов, принюхался и резко посерьезнел.

— Позвольте-ка осведомиться, что вы едите, господа студенты? — потребовал ответа лекарь.

— Эй, мастер, не гневайтесь, мы сейчас все уберем. У моего старшего брата двойня родилась, вот прислали, чтоб, значит, отведали за здоровье малышей, — начал оправдываться Авзугар, не ожидавший нагоняя от вполне терпимого к выходкам и шуткам студентов старичка. Если, конечно, эти шутки не выходили за рамки и не нарушали учебного процесса. В противном случае добренький дедушка мог быть суров как настоящий дед, гораздый на дедовщину!

— На каких дровах коптили мясо? — нетерпеливо перебил студента старичок.

— Вестимо, на каких, рикбита только на тратсовых полешках коптят, чтобы вкус придать, — почти обиделся оборотень, будто его и всех родственников до седьмого колена заподозрили в чем-то непотребном вроде купания голышом перед стенами женского монастыря.

— В таком случае весь третий курс, принявший участие в

дегустации, встает и дружно переходит в медицинское крыло для промывания желудка и принятия противоядия. Не стоит дожидаться корчей и паралича конечностей, — решительно скомандовал Лесариус. — А вас, студент, я, пожалуй, отправлю в библиотеку для написания доклада о свойствах вечных деревьев, произрастающих в родном краю и именуемых тратсами.

— Это чего, он нас отравил? — первым сообразил и сорвался на взвизг Цицелир, резко позеленев лицом и с трудом сглотнув.

— Все зависит от объема употребленного продукта, но рисковать я бы на вашем месте не стал, — огладил бородку Лесариус, распахивая дверь лаборантской, через которую путь в лазарет был короче. Попутно старичок еще и мстительно приговаривал: — Задержать бы вас, лоботрясов, до конца лекции, чтобы первые симптомы ярче проявились. Так ведь все одно — материал усвоить не сможете.

Янка со вздохом облегчения отложила так и не успевшую попасть в рот полоску мяса и вытерла руки салфеткой.

Ириаль, шипя что-то явно матерное, вскочила и поволокла за дверь перетрусившую Юнину, попробовавшую деликатес лишь на зубок. Ушла и Ольса, подбадривая понурого Максимуса. Землянка единственная осталась сидеть за партой. За своих напарников, отведавших крови дэора, она была совершенно спокойна, а изображать беспокойство не умела, потому не стала даже и пытаться.

— Яна, тебе нужно выслать приглашение в письменном виде или паралич уже конечности разбил? — не понял старичок поведения обычно дисциплинированной студентки и негодующе затряс бороденкой.

— Я не успела угоститься, можно я посижу, конспект по знакам полистаю? — вежливо попросила Донская.

— Оставайся, конечно. Хоть у кого-то ума хватило незнакомую пищу сразу в рот не совать! — сменил гнев на милость лекарь и занялся менее везучими третьекурсниками.

Янка же переглянулась с Хагом и Лисом, Машьелис многозначительно щелкнул по поясной сумочке со знаками. Донская кивнула. Дракончик довольно ухмыльнулся, ткнул пальцем в себя и Хага, а потом мотнул головой в сторону оборотня-отравителя. В результате пантомимы напарников возникла молчаливая договоренность: девушка оставалась, чтобы доложить о происшествии декану, а ребята обещали понаблюдать за Авзугаром и проследить, не вздумается ли ему еще кого-то чем-то «вкусненьким» угостить.

Знак вызова рассыпался искрами. Декан отозвался мгновенно:

— Чем порадуете, Яна?

— Нас всех, весь курс, немножко отравил Авзугар. Угостил мясом рикбита, копченным на тратсовых дровах. Мастер Лесариус повел ребят в лечебницу.

— А вы почему остались? — уточнил Гад, с укором взирая на недотепистую студентку, нарушившую всю конспирацию и вчерашнюю договоренность о сохранении тайны.

— Мы никому про то, что универсальное противоядие пили, не говорили, — поспешила утишить недовольство декана Янка. — Я заболталась с Ириаль и попробовать мяса не успела. Зато Хаг и Лис пошли лечиться со всеми.

— Я сейчас прибуду, хотя не думаю, что Авзугар пошел по стопам Тааты. Слишком массовое и несмертельное отравление. Шуму много — толку чуть.

— Ага, закон парных случаев сработал, — машинально поглаживая тетрадь с конспектами, задумчиво согласилась девушка и в ответ на любопытный взгляд дэора объяснила: — У нас так называют ситуации, когда какие-то неприятности, редкие происшествия или казусы случаются пару раз или даже больше с кем-то одним или в каком-то одном месте.

Знак отработал свое, и Янка осталась в одиночестве. Гад, очевидно, собирался переместиться сразу к болящим третьекурсникам. Девушка вздохнула и, обхватив голову руками, углубилась в повторение. За лекарским делом в расписании стояло занятие по артефакторике, на которое декан убедительно рекомендовал захватить конспекты лекций по знакам Игиды.

— Яна?! Ясного дня, а почему одна? — Толстенький и бодрый колобок — мастер Байон — вкатился в лекторий и растерянно заозирался.

— Лечатся, — дисциплинированно доложила девушка и поведала новому учителю о печальных последствиях коварного угощения.

— Хм, зато впредь урок будет, — кивнул мастер, хотел было уже уйти, да вернулся от порога, спохватившись: — Я с тобой-то тоже собирался поговорить, как в академию из экспедиции вернулся. Про твой дар речь — семя Первого Древа.

— Как оно? Растет? — смущенно спросила девушка.

В прошлом году отец Стефаля — великолепный Айриэльд, если именовать по батюшке, Тианэрильдович, в благодарность за помощь в обретении возлюбленной вручил девушке дар — плод с Великого, именуемого также Первым, Древа. Выглядел плод как желтая крупная слива, зато свойствами обладал воистину волшебными. Помог излечить женские недуги Янкиной матери. Именно благодаря этому замечательному фрукту у Яны теперь

росла маленькая сестренка. А семечко — крупную косточку от волшебной сливы — мастер Айриэльд велел посадить в землю. Зная, что на Земле — в мире фиолетового спектра — не действует магия, девушка не стала закапывать косточку на даче или пытаться вырастить на окне в цветочном горшке. Она отдала ее в АПП великому знатоку всего растущего и цветущего — мастеру Байону. И, стыдно признаться, закрутившись в колесе учебного процесса, почти забыла об этом за прошедший год.

— Семя проросло и окрепло, — довольно, будто ему сделали комплимент, заулыбался мастер. — Теперь ты можешь высадить его там, где собиралась.

— Э-э-э… — Янка хлопнула ресницами.

Байон не был бы хорошим учителем, если бы не просек затруднений девушки.

— Дорогая моя, семя должно расти там, где была съедена мякоть плода и отдана его энергия. Понимая твои тревоги относительно прорастания семени Великого Древа в мире фиолетового спектра, я позаботился о том, чтобы росток набрал достаточно сил.

— А нельзя ли его насовсем оставить в АПП? — растерянно пробормотала девушка.

— Нет, мощь деревьев Игиды не даст потомку Великого Древа обрести истинную силу, — с сожалением констатировал мастер, отказываясь от такого редкого экземпляра в академических теплицах.

— Понятно, — уяснила Янка и озадаченно подергала себя за прядку. — Только ведь я не смогу его забрать до конца года. У нас в России за осенью приходит зима — холодная и снежная. Деревья в это время пересаживать нельзя. Не в кадке же дома сливу держать? Надо до лета ждать. Сможет растение еще годик в теплицах перекантоваться?

— Полагаю, год сможет, но не более — чем дальше, тем тяжелее ему будет в такой близости от Сада Игиды и Древа Игидрейгсиль, — поразмыслив, согласился Байон.

— Ой, а в техническом мире оно не завянет? У нас же никакой магии вовсе нет, — задала еще один животрепещущий вопрос девушка. Как-то не хотелось менять шило на мыло. И из лекций того же мастера она прекрасно помнила об идеальных условиях для благоденствия волшебных растений. Достаточный уровень магии, то есть спектр мира от красного до, по крайней мере, зеленого был обязателен.

— Как раз это и хорошо, что магии нет! — залучился энтузиазмом преподаватель, заговорщицки наклоняясь к девушке. — Мы с вами, студентка, можем провести чудесный

эксперимент и оформить его в виде, скажем, курсовой работы следующего года. Первым делом вам нужно будет навестить Древо.

Новая волна стыда затопила Яну, горячая краска залила лицо. Стыдно было и перед мастером Байоном, на которого девушка перевесила свое бремя и забыла, и перед самим растительным питомцем. Почти за год землянка, закрутившаяся с учебой, так и не выбрала минутки проведать растительного питомца и вообще не считала себя обязанной это делать. Оставалось только надеяться, что ей, неумехе, авось простится. Росток не виноват, что ему такая растяпа-опекунша досталась. Хорошо еще о нем мастер заботился. Отличный он человек — или не человек! — на этот счет Яна никогда не задумывалась. Какая разница, какой расы мастер? Главное, как он преподает материал и как к студентам относится. По обоим пунктам списка Байон давал сто очков вперед многим настоящим учителям с Земли. Плохого он не советовал никогда. Потому, если мастер велел идти к сливе, значит, следовало идти.

— Когда мне можно подойти к растению? — покорно уточнила Яна.

— Насколько я понимаю, у тебя окно, пока однокурсники лечатся? — поинтересовался Байон и, дождавшись кивка, предложил: — Сейчас и прогуляемся. Я его в малой теплице посадил, в закрытой части.

Что такое закрытая часть, девушка знала от Стефаля. Отнюдь не все студенты АПП были вхожи ко всем растениям академии. Многие зеленые питомцы вообще не терпели ничьего не то что прикосновения — даже присутствия или взгляда. Из-за этого они могли в лучшем случае сбросить листья или цветы, в худшем — наказать побеспокоившего их студента выстрелом ядовитой колючки, ударом дурнопахнущего плода или чем-то похуже. Вот для таких особо чувствительных особ, требующих индивидуального ухода и присмотра, существовали теплицы-артефакты. Маленькие на вид, просторные внутри, да еще и разделенные на сектора. Ибо некоторые редкостные растения не переносили не только двуногих, но и всех иных, даже фотосинтезирующих, чужаков.

Яна убрала конспект в сумку и последовала за нетерпеливо подпрыгивающим мастером — будто им чиковали, как огромным мячом. Кажется, Байону не терпелось познакомить девушку с ростком, чтобы поскорее начать собирать материал для научной работы.

Теплицы-артефакты стояли совсем рядом с лекарским корпусом. Возможно, потому, что некоторые растения следовало

употреблять в лечебных целях исключительно в свежесобранном виде, да при этом ни в коем случае не подвергать перемещению через порталы. Так что идти долго не пришлось. Пара минут, и вот уже девушка стояла перед дверью из полупрозрачного материала, сквозь которую, как и через все поверхности теплицы, легко проходил свет, нужный растениям, но одновременно особо любопытным снаружи ничего рассмотреть было нельзя. Наверное, таким образом мастера страховались от возможного разграбления ценных растительных ресурсов. Потому как некоторые лекарственные растения отличались не только уникальными целебными свойствами, но и соблазнительным вкусом, цветом и запахом.

— Заходи, — предложил мастер студентке.

Приняв его слова за обычную любезность, оказываемую мужчиной особе женского пола, Яна потянула удобную округлую ручку и прошла в… ой, нет, *на!* На очаровательную лесную полянку. Мягкая невысокая травка стелилась под ногами, в ней прятались мелкие звездочки синеньких и желтеньких цветочков, а почти точно в центре полянки росло небольшое сливовое дерево. Именно сливовое. Янка опознала его не только по форме листиков, а и по желтым плодам, усыпавшим ветки.

Вообще-то деревом-родоначальником этого волшебного растения было Первое Древо эльфийского леса, внешне напоминающее клен-гигант. Но плод с него, исцеливший Янкину маму, оказался именно сливой. Потому, наверное, из косточки и выросла слива, а не береза, дуб или клен. Хотя кто их, эти волшебные растения, разберет?

Внутри, несмотря на отсутствие окон или форточек, не п***а***рило и избыточной влаги, как в старых, плохо проветриваемых парниках, не чувствовалось. Скорее всего, с опозданием сообразила Яна, вспомнив недавние объяснения мастера, теплицы-артефакты закрывались так специально, чтобы не допустить проникновения внутрь вездесущих частиц пыли Игиды, способных если не навредить прямо, то изменить своей силой свойства растений.

Довольный мастер Байон подтолкнул девушку вперед, к «сливе», и, умильно сложив ручки на животе, констатировал:

— Вот и замечательно, а ты боялась!

— Я не боялась, — растерянно отозвалась землянка.

— Я не о тебе, Яна, — усмехнулся преподаватель. — Потомок Первого Древа опасалась, что ваша связь окажется слишком слабой и ты не сможешь найти к ней дорогу.

— Так вы же сами меня сюда привели, — запуталась девушка и встала столбом. А дерево зашелестело листиками при полном

отсутствии ветра в тепличке, словно смеялось.

— Нет-нет, Яна, я лишь привел тебя к теплицам, а вошла в нужную, открыв себе дорогу, ты сама, — объяснил мастер и, сжалившись над недоучкой, прибавил: — Одна и та же дверь открывается в разные сектора теплицы, в зависимости от намерений входящего. Твое желание оказалось достаточно сильным, чтобы подтвердить связь с Древом.

— Ой, а если бы не… — Яна споткнулась на слове.

— Если бы «не», тогда дерево ожидали бы либо гибель, либо сложный ритуал заключения связи с кем-то иным, — продолжил мастер с неизменно добродушной улыбкой: — Но все сложилось как нельзя лучше! Думаю, тебе сильно помогло звание друга леса, данное Первым Древом. Теперь тебе надо подойти к дереву и побеседовать с ним.

Только воспоминания о том, как сама Янка говорила с Первым Древом эльфийского леса, удержали девушку от недоуменного восклицания. Если она уже говорила с тем здоровенным клено-баобабом, так, наверное, и с его ростком можно поговорить. В мире волшебства, как уже успела уяснить девушка, если тебе отвечает то, что говорить по определению не может, — это не признак шизофрении, а банальная магия. Вот только сейчас соединить происходившее во сне и предстоящее в реальности оказалось затруднительно. Никакими талантами, кроме дара приговорщицы, девушка не обладала и как идти на контакт с самым обычным с виду сливовым деревом пока не представляла.

— Как побеседовать? — не на шутку затормозила студентка, не чувствующая со стороны внешне заурядного растения никаких волшебных проявлений. Снова закрались сомнения в своих силах. — Оно же дерево…

— А ты человек. И что, это проблема? Вспомни, как ты общалась с ее отцом, — подсказал Байон, за время недолгой беседы успевший поковырять пальцами почву, проверяя влажность, провести ладонью по траве, по цветочкам, тоже проверяя что-то, ведомое лишь ему как специалисту.

— Так это во сне было, и Великое Древо само магией владело, — растерянно пояснила причину своих тревог Яна.

— Во сне, наяву, разницы нет, и не в магии дело, — не понял затруднений мужчина, для которого общаться с растениями бывало порой приятнее и удобнее, чем с вечно спешащими и мельтешащими созданиями, к которым относился он сам и коим Творец не дал корней для закрепления в почве. — Приложи руку к стволу. Этого достаточно для беседы и закрепления вашей связи.

— Хорошо, — покорно согласилась девушка, огорошенная свалившейся на нее информацией вкупе с ответственностью. До недавнего времени, то есть до момента попадания в АПП, Яна четко разграничивала сновидения и реальность, а вот как оказалась в академии, так все начало с ног на голову становиться и обратно. Казалось бы, деревья говорить не умеют, однако же опыт беседы с Первым Древом у девушки был, да и с са-ороей — комнатным растением Стефаля — они неплохо ладили. Землянка регулярно таскала для дерева ягодные пирожки из столовой. Правда, в мире реальном говорить в том смысле, как мы привыкли говорить друг с другом, Донская с растениями еще не пробовала. Но «пить так пить, сказал котенок, когда вели его топить». Если в АПП магия повсюду, значит, прав Байон, поговорить получится.

Яна подошла к сливе, приложила ладонь к стволу и прошептала:

— Здравствуй! То есть ясного дня!

Древесная кора всегда кажется теплой на ощупь даже в лютый мороз, но это дерево не просто казалось, оно действительно излучало тепло — не жар, как от батареи, а скорее солнечное тепло без света. И еще, вот теперь уже девушка уверилась в этом совершенно точно, дерево над ней смеялось, или смеялось вместе с ней, радуясь встрече. Слов не было, скорее череда образов, излучающих радость, надежду и уверенность в благополучном исходе. Это дерево было еще очень и очень молодо, но одновременно оно хранило и всю память родителя. А еще… «росточек» уже не походил на росточек, он выглядел как дерево, прожившее пять, а то и все семь лет. И, как помнила Янка со времен дачных работ, пересаживать такое нелегко. Как ни старайся, всегда повреждаются корни, и потом молодое растение болеет. «Слива» почувствовала озабоченность девушки и подбодрила ее решительным образом — пообещала, как придет пора переезжать, самостоятельно выдернуть из почвы все корешки, вплоть до самых тоненьких. За Янкой оставались лишь само перемещение и посадка на новом месте. И опять перед девушкой встал вопрос: а куда сажать новое Первое Древо? В лесу, где-нибудь рядом с дачей или прямо на участке, если древо — слива? Или оно только выглядит как слива, а на самом деле плоды к употреблению в пищу не пригодны? Древо снова «захихикало» и заверило собеседницу, что его плоды вполне съедобны. В подтверждение слов-образов оно даже уронило на подставленную Яной руку три моментально созревшие крупные сливы. Одну землянка тут же сунула в рот и едва не застонала от удовольствия. Сочная, сладкая мякоть была потрясающе вкусной.

Дерево самодовольно приосанилось и одарило подругу очередной горстью плодов, метко кинутых в ладонь, а потом попросило заходить еще и вроде как задремало.

Яна погладила ствол и осторожно, едва ли не на цыпочках, отошла к сияющему, как новенький рубль, мастеру Байону. Вдвоем они покинули теплицу. Девушка поделилась с мастером сливами, а часть спрятала в сумку, чтобы угостить Хага, Лиса и Иоле.

— Знаете, Яна, это, конечно, авантюра, но, возможно, у этого потомка Первого Древа действительно получится не только прижиться в техномире, а и изменить его под себя, — с удовольствием полакомившись сочными плодами, азартно потер руки мастер.

— Это как? — опять растерялась девушка.

— Первое Древо — не только основа и хозяин леса, оно сама суть леса, и именно оно изменяет свои владения под себя, излучая и преобразуя… мм… назовем это для простоты магией.

— Как горох обогащает почву азотом? — подобрала самое близкое из пришедших на ум сравнений девушка, добросовестно учившая ботанику.

— Именно так! — обрадованно поддакнул Байон. — А мы с вами будем следить за процессом! Конечно, первые ощутимые результаты появятся века через два-три, не раньше, но до того времени мы будем фиксировать мелкие изменения параметров. Вы ведь не откажетесь от продолжения сотрудничества с АПП после окончания академии?

«Да куда ж я денусь с подводной лодки, коль Другом Леса именована?» — растерянно подумала Яна, машинально кивнув преподавателю. Именно этот титул, дарованный Первым Древом мира Эльвидар — родиной Стефаля, как объяснили ошарашенной землянке друзья в прошлом году — приравнивал продолжительность ее жизни к эльфийской, то есть продлял на века. Потратить часть этого времени на уход и наблюдение за потомком благодетеля в качестве благодарности было ничтожной малостью. Хотя в голове девушки и не укладывалась фантастическая версия мастера Байона. Неужели одна-единственная косточка волшебного плода способна настолько изменить жизнь? В такое чудо не верилось. Донская слишком привыкла к тому, что магия АПП и Игидрейгсиль — отдельно, а Земля, родной мир, где не случается настоящих чудес, — отдельно.

«Ладно, пусть будет как будет, — решила в итоге Яна. — За два-три века чего только не случится. Может, сливе надоест расти в техномире фиолетового спектра, и она попросится в какое-

нибудь другое измерение? И вообще, чего делить шкуру неубитого медведя? Дерево еще из теплицы на дачу не уехало, нечего пока волноваться и самой себе загадки загадывать».

Глава 7
АРТЕФАКТЫ И ШУТКИ

Распрощавшись с деревом и учителем, девушка почти бегом двинулась к корпусу блюстителей. Всему курсу предстояло нынче первое вводное занятие по артефакторике. Первое и единственное, стоящее в расписании как обязательное к посещению. Следующее занятие уже должно было стоять в сетке факультативов, и ходить на него могли не все. Яна, как и загадывала еще на первом курсе, собиралась по возможности посещать факультатив. Глупых надежд на то, что из нее выйдет выдающийся артефактор, девушка не питала, но чем черт не шутит, вдруг у нее получится научиться хоть чему-нибудь? И малость может пригодиться!

Голодные после глобальной очистки желудка — лучшего средства от копченого на неподходящем дымке мясца — студенты уже рассаживались по местам в аудитории. Янку тут же взяли в оборот любопытные напарники, подступив с сакраментальным вопросом:

— Где была, что делала?

— В теплицах с Байоном. Ходили смотреть на тот росточек, что из сливовой косточки Первого Древа вырос. В конце года на дачу заберу. Так мастер велел.

— Великое Древо в техномир фиолетового спектра? Однако! — первым делом мимоходом удивился Лис, но, поскольку ботаника, даже волшебная, его никогда особенно не интересовала, удивился вяловато.

— Кстати, деревце сливами поделилось, на следующей перемене угощу. А как у вас? — перевела стрелки Янка.

— Мы лечились, — мрачно констатировал Хаг, тоскливо покосившись на сумку напарницы, где прятались плоды, и, вздохнув, признался: — Есть всем дегустаторам рикбита запретили до шести вечера.

— Сливы — это я люблю! Это ты правильно решила разделить угощение с друзьями! После занятий угостишь! — причмокнул Машьелис и, с удовольствием переключившись, начал отвечать подруге. Он в лицах поведал о том, как они с напарником страдали от лечебных процедур. А потом еще и прослушали занудно-поучительную лекцию «О неосмотрительности дегустации незнакомой пищи» в исполнении дорогого декана, заявившегося прямо в лечебницу, дабы скрасить пребывание там третьекурсников. Какое именно из наказаний —

промывание желудка, нотация Гада или категорический запрет на употребление любой пищи вплоть до ужина — было хуже, Машьелис оценить затруднился.

Авзугара, кстати, Гадерикалинерос на допрос в кабинет не потащил. Под попытку отравления «главным злодеем пророчества» угощение оборотня всяко не подпадало. В основном потому, что парень сдавал оставшиеся с прошлого года хвосты и в эти выходные вовсе не покидал стен академии. Присланную вчера вечером посылку из дома ему передавал лично Гад. А чтобы подозревать самого себя… до такой степени паранойя дэора еще не дошла. Зато с горца взяли слово съедать и выпивать все подарочки многочисленной родни самому или, если уж хочется поделиться, спрашивать, безопасно ли угощение, лично у декана.

Со звоном колокола, тактично не отрывая от перемены ни минуты студенческой свободы, Гад вошел в аудиторию. Он поднялся на кафедру, облокотился на нее двумя локтями, уложил подбородок на сцепленные пальцы и внимательно оглядел своих подшефных. Те в свою очередь быстренько примолкли и выжидающе уставились на мастера, как птенцы на папу с жирным червяком в клюве.

— Искусство создания артефактов, — неторопливо начал вещать дэор, — это действительно искусство, во всей своей многогранности открывающееся лишь по-настоящему одаренным студентам. Сегодняшнее занятие, на котором мы совместим лекцию и практическую работу, позволит понять, к чему именно вы способны.

Итак, в качестве вступления немного скучной теории. В самом широком смысле артефакт — это сотворенный предмет, обладающий магическими свойствами. Мы на своих занятиях будем касаться лишь одной категории артефактов, изготавливаемых посредством знаков Игиды и при использовании пыли Игиды. Классификация данных артефактов ведется по нескольким признакам, как то: первое — материалы, используемые для создания, второе — разновидности знаков Игиды, подбираемых для артефакта, и, наконец, третье — предназначение создаваемого предмета. Остановимся на первой из классификаций, самой нужной в вашей сегодняшней работе. Для создания любого артефакта, как я уже сказал, используется пыль Игиды. Ее либо добавляют в сам материал для изготовления артефакта, либо в раствор, которым наносятся знаки. Смешение техник недопустимо, оно приводит к невозможности полного контроля и точного расчета свойств артефакта в силу того, что просчитать объем примененной пыли чрезвычайно сложно. Условно все материалы, используемые в качестве основы, делятся

на пластичные и твердые.

— А почему условно-то? — недопонял Картен.

— Потому что все вы одарены разными талантами, — охотно начал разъяснять декан. — Если, скажем, глина — материал однозначно пластичный, то металл или камень будут относиться к материалам условно пластичным. Металл легко расплавляется обладателями огненного дара, а камень, оказавшись, скажем, в пальцах тролля, станет мягким, подобно глине. Но вернемся к теме. При сотворении артефактов из твердых материалов для нанесения знаков Игиды, превращающих предмет в артефакт, артефакторы используют состав, близкий к тому, каким вы рисуете знаки на пустышках Игиды. Состав чернил для мягких материалов, где пыль Игиды примешивается к самой основе, иной. Компоненты для них также подбираются индивидуально.

Сегодня каждый из вас попробует сотворить простейший артефакт-хран из заготовки деревянной шкатулки. Последовательность знаков для этого предмета минимальна. Их всего три. Первый знак — обозначает качество, которое подлежит изменению, второй — задаваемый характер изменения, третий — закрепляет результат. Заранее предупреждаю: наносить на заготовку черновой рисунок нельзя, это результат искажает.

Декан взял указку-карандаш и начертал на доске тройку символов. КАРД — размер, ЛЕРТ — метаморфоза, ДУОН — постоянство, припомнила Янка самые распространенные значения знаков Игиды.

— Кто мне скажет, в чем главная трудность работы артефактора? — продолжил вводную лекцию мастер.

— Нам Стефаль когда-то рассказывал, что очень сложно при нанесении знаков удержать в голове цепочку символов, наполняемых силой, и одновременно задать без искажений цель артефакта. Значений-то множество, — припомнила слова напарника Яна, для которой главной трудностью, как ни крути, оставался сам процесс рисования без шанса на ошибку. Это на пустышку листа Игиды неверный знак не ляжет да не проявится, а с артефактами такой трюк не пройдет. Хорошо еще знаки были очень просты в написании. КАРД представлял собой палочку с тремя косыми насечками. ЛЕРТ — волнистую линию с четырьмя горбиками один выше другого, а ДУОН — знакомый еще по земной математике символ бесконечности, только перечеркнутый посередине.

— Что там трудного-то? — хмыкнул нетерпеливый Картен. — Бери и царапай. Давайте уже попробуем!

— Что ж, давайте попробуем! — разрешил с усмешкой декан. — Переодеваемся в рабочие мантии и берем в

лабораторных шкафах инструменты. Если испортите заготовку, в моем лабораторном шкафу можно взять замену. Думаю, напоминать вам о технике безопасности не нужно, с прошлой практической работы никто ничего не забыл.

Студенты согласно загудели и застучали стульями. Лабораторные шкафы вдоль стен ждали ребят. Янка накинула через голову зеленую мантию, которая, несмотря на свою внешнюю хламидообразность, оказалась очень удобной, а главное, защищала хозяйку от случайных брызг едкого раствора на основе йиражжи. На ее личном подносе с высокими бортиками, так же, как и у каждого третьекурсника, находилась простая деревянная шкатулка размером примерно в три детских игрушечных кубика.

Оттащив добычу за индивидуальный стол, девушка глубоко вздохнула и попыталась частично погрузиться в то самое отстраненное состояние сознания, какое наилучшим образом помогало наполнять энергией листья Игиды и вообще сосредотачиваться.

Перед ней стояла цель — превратить заготовку в артефакт хранения. Откупорив флакон с раствором, Янка взялась за стиж, поудобнее пододвинула к себе шкатулку, настроившись на создание храна, точь-в-точь такого же, как ее медальон, только в форме шкатулки, и начала наносить символы на светлую древесину.

Ну что сказать, красиво рисовать и даже чертить, несмотря на все усилия бесконечно терпеливого Стефаля, занимавшегося с ней дополнительно, Донская так и не научилась. Но за два года писать некрупные знаки так, чтобы они, хоть и кривоватые, походили именно на знаки, которые девушка намеревалась изобразить, а не на страшных кракозябр-мутантов, Янка научилась. Эстетической красоты в нацарапанной тройке символов не нашел бы и самый невзыскательный знаток искусства, если только поклонник примитивизма, однако на шкатулке красовались именно КАРД, ЛЕРТ и ДУОН, наполненные силой создательницы.

В аудитории царила обычная рабочая атмосфера. Мастер Гад прохаживался между столами, приглядывая за студентами. Довольно мурлыкал что-то под нос Машьелис, сосредоточенно сопел Хаг, скрежетала зубами нетерпеливая Ириаль, которая всегда хотела получить все и сразу, ругался Еремил, запоровший знак, по той же причине хлюпала носом Таата, вздыхала Тита…

Яна как раз собиралась опробовать шкатулку в действии, когда Картен, благополучно загубивший третью заготовку, как бы невзначай ляпнул:

— Эй, господин декан, а если краску не свою взять, а чужую, чего выйдет?

— Много чего может выйти, но совершенно точно ничего хорошего, — мрачно отозвался Гад. — От обычной порчи заготовки до взрыва в аудитории.

— Ой, — выдохнул Картен и метнул опасливый взгляд в сторону Ириаль и Юнины.

— Так, всем оставить работу, — враз насторожившись, скомандовал дэор и приказал: — Студент Картен Рос, что вы сделали? Отвечайте немедленно!

— Я только пошутить хотел. Девчонкам банки с раствором поменял. — Картен вжал голову в плечи и ткнул в направлении эльфийки и вампирши. — Ничего же не случилось!

Мастер скрипнул зубами, подошел к столам девушек. Осмотрел их шкатулки. Юнина, оказывается, уже успела закончить работу, а Ириаль выцарапывала последний знак.

— Ваше счастье, Картен, катастрофа отменяется. Юнина, мне жаль, дорогая, но твои знаки, хоть и нарисованы безукоризненно, верно активировать шкатулку не смогут. У тебя слишком живое воображение.

— Это плохо? — растерялась девушка, подняв на мастера дивные эльфийские очи.

— Развитое воображение — чудесное качество, но в работе артефактора нашей специфики — большая помеха. Ты видишь слишком много дорог, чтобы пойти по одной. Изготовленные такими творцами предметы никакого утилитарного значения не имеют. Твоя шкатулка будет работать произвольно: может уменьшить помещаемый в хран предмет, может его увеличить или перекрасить, а то и переместить в неизвестном направлении.

— Ой! Спасибо за объяснения, мастер. — Кажется, прилежная девушка искренне расстроилась из-за своей неспособности к созданию артефактов, но спорить с деканом не стала.

— А у меня? — нетерпеливо влезла в разговор Ириаль.

— У тебя, — оглядел результат потуг Шойтарэль декан и едва заметно усмехнулся, — нужный артефакт может получиться при должном старании и подходящем эмоциональном настрое. Сейчас ты сотворила универсальную корзину для мусора. Каждый помещенный внутрь предмет будет рассыпаться горсткой пыли. Слишком много злости, Ириаль.

— Ну, не очень-то и хотелось, — повела плечиком вздорная девица и злобно оскалилась на Картена. — А это точно не из-за подмены раствора?

— Точно-точно, это-то и странно, девушки. По всем правилам артефакторики ваши заготовки вообще не должны были

превращаться в артефакты. Обмен растворами, не влияющий на результат работы, я наблюдал лишь однажды. Это произошло с близнецами Торстосен… — Прервав объяснение, декан обратится к паре студентов: — Пит, Картен, у вас чесотка или вызов в Портальный зал для блюдения пророчества?

— Ой, ага, оно! — оживился Картен, слишком увлеченный объяснениями мастера, чтобы мгновенно установить связь между щекочущими ощущениями в районе запястья и вызовом. — Тогда мы побежали! Айда, Пит, пора причинять добро туземцам!

— Куда? — тигром рыкнул Гад — так, что на месте замерли не только Рос с Цицелиром, а и все студенты в аудитории. — Навести порядок на рабочем месте и убрать оборудование в шкафы, только потом я дозволяю вам покинуть кабинет!

— Да ладно, ща уберем, не серчайте, — благостно, уже в предвкушении предстоящей авантюры отмахнулся голубокожий парень и действительно меньше чем за минуту выполнил требования декана. Причем не свалил все абы как, а убрал по-настоящему. Вот что подходящий стимул с разгильдяем-то сделал!

— О наказании, назначенном за сегодняшнюю выходку, я проинформирую вас позже, Рос, — полетела в спину раздолбаю угроза. Но, кажется, должного воспитательно-устрашающего эффекта не возымела.

— Вы не переживайте так, господин декан, — серьезно попросил друг и сосед парня — Максимус. — Картен всегда таким был, сколько я себя помню. Уж чего только папка и дед с ним не делали! Вроде ничего-ничего, а потом раз — и как чего выкинет! Его ж даже бить хворостиной и ремнем пробовали.

— Бесполезно? — утвердительно предположил декан.

— Да, если что ненадолго и пронимало, так только бабушкина придумка. Она его, как чего отчебучит, усаживала стихи наизусть зубрить, какие подлиннее и поскучнее, — принялся рассказывать парень. — Один раз гимны Воителю учить заставила, но Рос так переврал, что у нас буря с градом всю вишню побила и сортир в огороде развалила. С той поры ему давали учить только чего-нибудь описательное про природу или историческое…

Максимус виновато захлопнул рот, глядя, как на длинноносой физиономии декана расцветает предвкушающая, не сказать чтобы откровенно мстительная, улыбка.

— С историческими вы это зря. А ну как герои минувших лет, разгневавшись на косноязыкого, в гости заявились бы? — хихикнул Лис.

— Что ж, спасибо за совет, думаю, я смогу подобрать нашему

носителю неконтролируемого хаоса что-нибудь в меру заунывное, полезное для обучения, без религиозных мотивов, — удовлетворенно заключил дэор. — А теперь возвращаемся к работе, студенты.

— Мастер, еще вопросик! Вы сейчас Роса этим эпичным титулом в шутку назвали или как? — влез любопытный Машьелис, подсознательно почуяв что-то интересное.

— Или как, о Либеларо. Неужели вы, господа студенты, до сих пор не сообразили, что в вашей группе есть два носителя хаоса, чьи деяния сильно… хм… разнообразят внутреннюю жизнь как третьего курса блюстителей, так и всей академии? — по-птичьи склонил голову набок мужчина.

— Это вы про меня, что ли, мастер? — виновато вздохнул и потупился Авзугар, изучая свои сильные руки, запоровшие уже пару заготовок. Выходку со спиртным, стоившую Машьелису неконтролируемого оборота, мастера припоминали оборотню по сей день, а дегустация деликатесного мяса, состоявшаяся пару часов назад, была свежа в памяти и организмах всех находящихся на занятии студентов.

— Смотри-ка, догадался, — умилился дэор.

— А чего ж тогда нас не отчислили до сих пор, коль мы такие опасные? — не на шутку забеспокоился оборотень-медведь, и сам не успевший отойти от сегодняшней своей выходки, каковую почитал добрым делом. Он так разволновался, что аж стиж сломал.

— Потому, Авзугар, — язвительно поведал аудитории и персонально оборотню мастер, чуть склонившись к косматой голове юноши, — что ваши действия, пусть и носят хаотичный характер, тоже направляются Силами Судьбы и допущены Игидрейгсиль, ибо являются неотъемлемой частью жизни и обучения как вашего, так и прочих студентов. Что, разумеется, не освобождает вас от ответственности за содеянное и необходимости искупления прегрешений ударным трудом.

— Так я ж и не бегаю от дела, — с готовностью закивал студент, на душе у которого стало чуть-чуть легче. Когда можно разделить вину за свои выходки хоть с кем-то, тем паче с Силами Судьбы, на душе светлее становится. Ну а что наказывают его одного, так не Силам же поручать мытье лестниц или написание реферата? Они такой простой работе не обучены.

— Значит, Картен поменял наши баночки с чернилами не просто так? — уловила главное и не позволила декану соскочить с темы встревоженная Юнина. — Мастер, как же такое возможно, почему мы с Ириаль смогли работать? Это из-за того, что мы напарницы?

— Ну так! Близнецами нам точно не быть, — хохотнула Шойтарэль. — Ты с виду стопроцентная эльфийка, а я вампирша. Если только мой блудливый папашка отметился с твоей мамой в ритуальную ночь?! Так это легко проверить хоть сейчас! Давай руку, уж вкус крови родной сестры я опознаю! — С грохотом отодвинув стул, вампирша подошла к напарнице и протянула руку. Юнина, глядя на девушку расширенными то ли от шока, то ли от странной надежды глазами, вложила свои пальчики в ее ладонь.

Третьекурсники затаили дыхание. Ириаль поднесла руку эльфийки ко рту и куснула указательный палец. А потом, выпустив пальчики подруги из своих, заковыристо выругалась и с нервным смешком выдала:

— Ну, привет, что ли, сестренка! Хоть какую-то пользу светлый Лойтарэль в жизни принес, кроме своих магических песенок. За это ему, пожалуй, спасибо при встрече скажу!

— Так, девушки, пожалуй, вам нужно покинуть аудиторию и обсудить обнаруженное родство, занятие вы уже отработали, — вздохнул мастер. Если Ириаль еще можно было заставить работать, то у Юнины начался умиленно-трогательный слезоразлив, и точно ничего путного больше не вышло бы.

Шойтарэль согласно хмыкнула, помогла напарнице убраться и довольно быстро уволокла повисшую на ней эльфийку за дверь. Шоковая тишина взорвалась гулом голосов, впрочем, смолкших, едва мастер пообещал нерадивым сплетникам еще одно дополнительное занятие и отработку в придачу.

Янка вернулась к своим баранам — то есть шкатулке, гадая, можно ли считать изделие законченным и провести испытание или следует для подстраховки позвать декана. То, что Гад об этом не предупредил, — еще ничего не значило, он вполне мог сделать так нарочно. Не для того, конечно, чтобы подстроить какую-нибудь катастрофу, а чтобы студенты-балбесы приучались работать головой и взвешивать риски. Вдруг у нее тоже что-нибудь вроде мистической мусорки получилось или, того хуже, какой-нибудь портал? Откроешь шкатулку и провалишься в неизвестность или выпустишь кого-нибудь страшного, как мастер Сейата на гадании.

Решив все-таки перестраховаться, девушка тихо позвала:

— Мастер, не посмотрите у меня?

Гад подошел, окинул цепким взглядом изделие с неказистой тройкой кривоватых символов на крышке и кивнул:

— Ну что ж, Яна, мастером-артефактором, изготавливающим предметы на продажу, тебе не быть, сама понимаешь — эстетическая сторона подкачала. А вот для личного пользования

делать вещи сможешь. Будет желание, на факультатив приходи.

— Спасибо, — искренне обрадовалась девушка. Свои художественные способности она оценивала адекватно, потому по-настоящему приятно поразилась тому, что смогла сделать артефакт. Ну и пусть неказистый, зато работающий! Для себя-то! Руки буквально чесались от желания попробовать шкатулку в действии. Янка слазила в сумку за тетрадкой по лекарскому делу и поднесла конспекты к откинутой крышке. Почти тут же девушка ощутила тягу, даже более мощную, чем в маленьком медальоне-хране, и выпустила вещь из рук. Тетрадь уютно устроилась на дне шкатулки. Чуток подождав, мастерица сунула пальцы внутрь и вытащила конспекты назад.

«Получилось! Получилось! Получилось!» — возликовала девушка.

Уж сколько раз она видела, как творят магию другие студенты, и нет, не завидовала, конечно, а просто очень хотела и сама сделать хоть что-нибудь более волшебное и осязаемое, чем заполнение энергией листа Игиды или приговор. И вот наконец она САМА сделала по-настоящему волшебную вещь, которая будет работать даже на Земле!

Довольная улыбка не сходила с лица Янки еще несколько минут. Из мечтательного состояния ее выдернули особо громкие слова декана, прежде вполголоса беседовавшего с каждым из студентов по поводу сотворенного артефакта или попытки сотворения такового:

— Мне нужно в личную лабораторию. До конца занятия те, у кого получились артефакты, могут попробовать повторить попытку, остальным в мое отсутствие рекомендую заняться повторением теории. Кто не уберет за собой рабочее место — отправится драить площадь.

Озвучив задания и угрозы, мастер умчался. Если судить по расовым способностям дэора к сотворению дублей, не так уж ему и нужно было в лабораторию, а вот проверить в очередной раз своих студентов на вшивость — это всегда пожалуйста. К примеру, Гад вполне мог поставить очередной натурный эксперимент на тему «как распорядятся условно свободным временем урока третьекурсники».

Разумеется, не успела за деканом захлопнуться дверь, как народ загудел, обсуждая вовсе не свои успехи в сотворении шкатулок-хранов. Им-то, привычным к магии, выросшим с ней, происходящее было не в диковинку. Куда больше студентов волновало внезапно подтвердившееся родство Ириаль и Юнины.

— Кто бы мог подумать! Вампирша и эльфийка! — ахала Тита, привычно закатывая выпуклые глаза.

— А они похожи, — задумчиво делилась своими соображениями Ольса. — Разрез глаз, форма губ, только у Ириаль уголки вечно книзу опушены, а Юнина улыбается.

— Да что тут сомневаться-то! — глумливо хихикал Машьелис. — Если их папаша светлый Лойтарэль, то у девчонок четверть академии в родственниках оказаться может!

— Ты знаешь их папу? — удивилась осведомленности дракончика Янка, позабыв про свои планы на создание второго артефакта.

— Кто ж его не знает? Знаменитый маг-менестрель! Его песни-иллюзии разбили не одно сердце. Ловелас, красавчик, талант — сочетание для женского пола убойное, — в свою очередь почти удивился Янкиному неведению дракончик, потом вспомнил, что подруга — житель техномира, куда на гастрольный тур ни один светлый эльф не заглянет ни за какие деньги, и только рукой махнул. — Как в Дрейгальте выступать будет, сходим, послушаем.

— Он хоть и бабник, но талант! — уважительно согласился Хагорсон, шкатулку которого Гад одобрил так же условно, как и творение напарницы. Кайрай, чье изделие было удостоено похвалы, тряхнул ушами, да и остальные поддержали резолюцию тролля согласным гулом.

Из всех третьекурсников о сердцееде-менестреле, оказывается, не ведала только Янка. Может, потому Ириаль помалкивала об имени отца?

Теперь вместо творения артефактов и уборки ребята наперебой принялись просвещать однокурсницу, вываливая на нее подробности биографии лучезарного Лойтарэля. Знаменитость еще в юношеские годы то ли прокляли, то ли благословили (тут мнение публики разнилось) не только на любвеобильность, а и на изрядную плодовитость, эльфийской расе не свойственную. Потому детишек разных рас, полов и возрастов у сладкоголосого менестреля по всем мирам подрастало изрядное количество. Обсудив блудливый талант, студенты стали строить предположения о том, как девчата будут общаться с отцом и друг с другом. Между прочим, сестричек пока дружно решили ни о чем не спрашивать, чтобы не нарваться на агрессию Ириаль или слезы Юнины.

Удар колокола застал студентов в разгар беседы, так что убираться, переодеваться, затем быстренько перекусывать, чем силаторх послал, и отправляться к суровому мастеру Ясмеру на его технологию третьекурсникам пришлось в ускоренном темпе.

У мастера для ребят на сегодня было припасено нечто особенное. Студенты только успели рассесться по местам и

выслушать интригующее сообщение об изменении плана занятия, как в дверь постучали.

— Войдите, — спокойно разрешил мужчина, чем четко продемонстрировал разницу в отношении к предметам. На основы Мироздания он опоздавших не пускал категорически, на историю Игиды пускал очень неохотно, а сейчас остался совершенно спокойным.

В коридоре завозились, зашумели, и в распахнутую створку ввалился клубок из четырех тел. Ириаль, Картен и Пит не поделили между собой право первыми войти в аудиторию, а бедная Юнина оказалась на пути амбиций и не успела вовремя отступить. Причем голубокожий носитель хаоса и капризный сирен выглядели изрядно подкопченными и измотанными, а вампирша просто злой. Парни упирали на то, что валятся с ног после работы над пророчеством, и их можно было бы пропустить к стульям первыми, а Ириаль принципиально не собиралась никого пропускать в силу природной вредности!

— Можете полежать, — «великодушно» разрешил хулиганам Ясмер, — садиться не стоит, потому что сейчас мы все отправимся в зал медитаций к мастеру Тайсе.

Лежать даже самые усталые студенты почему-то не захотели. Возможно, решили, что под строгим оком лектора не смогут расположиться на полу с должным комфортом, а может, побоялись, что с Ясмера станется в профилактических целях провести остальную группу по их поверженным телам. Так что весь курс довольно дружно построился и потопал наверх, в зал медитаций.

Конечно, Цицелир — синеволосая «звезда» блюстителей — решил воспользоваться вынужденной паузой в занятии для прославления себя любимого. Сирен принялся в красках расписывать личные заслуги в исполнении важнейшего пророчества, дающего надежду целому миру. Сегодня никто иной как «скромный ОН» и его ничтожный напарник заодно охраняли опустевшее гнездо великой птицы на великой скале, согревая яйцо пламенем неугасимого костра, чтобы в назначенный час на вершину поднялся субъект пророчества и обрел в птенце легендарной птицы помощника для спасения целого мира.

В общем, если говорить менее выспренним языком, Картен как неплохой огненный маг в поте лица грел живым огнем скорлупу, исполняя роль инкубатора, а Цицелир как водное создание с переменным успехом не давал огню начисто пожечь все вокруг. Так ребята развлекались чуть ли не полдня. Куда делась мама-наседка гигантского яйца, студенты вопросом не задавались. Покрашено яйцо желтым маркером, в пророчестве

значится, потому греем его, тушим окрестности и ждем будущего владельца.

Лис, слушавший излияния сирена с неподдельным интересом, засмеялся в голос и полушепотом поделился причиной веселья с напарниками.

— Представляете, забирается герой сквозь дым и огонь в гнездо на вершине скалы, и что она там видит?

— Яйцо, — пожала плечами Яна и, чуть подумав, поправилась: — Или уже птенца.

— Не-э-эт, — простонал дракончик, держась за тощий живот. — Готов спорить на что угодно, эта парочка знак невидимости активировать не догадалась. Так что герой увидел яйцо — раз, подкопченного парня голубого цвета — два и парня с длинным русалочьим хвостом (в истинном-то облике всегда магичить легче) — три. Представляете, что мог подумать тот скалолаз?

— Стал гадать, какой дурман-травой он надышался в дымных горах? — присоединился к веселящемуся напарнику Хагорсон и оскалил клыки в ухмылке.

Захихикала и Янка. Больно живописную картинку нарисовал Машьелис! А вот мастер Ясмер, как оказалось, прислушивавшийся к цветистому повествованию сирена, не преминул уточнить:

— Скажите, студенты, я могу понять, почему для тушения пожаров не использовались водные знаки Игиды — их для частого применения потребовалось бы слишком много, а ливневый дождь как помеху для действий субъекта пророчества вызывать было нецелесообразно. Но почему вы, Картен, не прибегли к знаку Игиды как способу прогревания яйца?

— Дык я же не жарить или варить его собрался, а греть, — хлопнул глазами Рос, самолично не только роя себе яму, а еще и присыпая землицей сверху после залезания в оную.

— Вот как? — выгнул бровь Ясмер. — Пожалуй, мне стоит побеседовать на эту тему с вашим деканом.

— Да что не так-то?! Я все сделал! То есть… мы с Питом. Пророчество исполнено! — взвыл голубокожий ротозей, едва не навернувшись от возмущения на лестнице. Ему и так сегодня досталось от дэора на орехи, вдобавок предстояла отработка. Это Картен еще не ведал о развязавшемся языке лучшего друга и нависшей над ним литературной угрозе.

— Чтобы написать слово, если нет под рукой карандаша с пылью Игиды, можно взять готовые чернила, карандаш, мелок, краску, а можно зачерпнуть грязи из лужи или отворить себе вену. Результат будет один — способы разные, — ровным тоном

промолвил мастер, не выказывая недовольства.

— Есть знак ХОТР, дурень, — шепнул в спину другу Макс. — Он тепло вызывает, задал бы нужные условия для прогрева скорлупы и выведения птенца да отдыхал…

— Что, правда есть? — наморщил лоб Картен, а потом беспечно махнул рукой: — Ну и ладно, все равно справились, правда, Пит?!

Сирену оставалось только кивнуть и поскрежетать зубами. Ему, честно признаться, тоже не пришло в голову воспользоваться знаком тепла. Наверное, слишком переволновался, оказавшись в горах. Цицелира не очень-то волновало пророчество, успел притерпеться к таким ситуациям — он банально боялся высоты. Почему-то подводные глубины — та же высота, только мокрая — сирена ничуть не беспокоили, а на суше, стоило подняться повыше, бедолагу начинало неудержимо потряхивать. Теперь-то, когда все осталось позади, можно спокойно хвастаться, а тогда, в гнезде, Питу было изрядно не по себе, хорошо еще исполнение пророчества отвлекало и требовало действий, пугаться времени не имелось.

Случись что-то подобное в начале прошлого года, Картена точно ждал бы грандиозный скандал с визгом, жестикуляцией перепончатыми лапками и топаньем ног, но АПП исподволь и незаметно меняла всех своих обитателей, начиная от студентов и заканчивая преподавателями. Стала спокойнее и как-то женственно-мягче Ириаль, стала суровее Юнина, обрела силу духа Таата, избавился от ярких приступов страха Машьелис. Повзрослел и Цицелир. Пусть юный сирен не утратил значительную долю самодовольства и по-прежнему полагал себя центром Мироздания, однако прибавил терпимости и здравомыслия.

— Пришли! Ясного дня, мастер Тайса! — поприветствовал Ясмер коллегу.

Хрупкая фигурка в белом, проблеснувшая по контуру радужной вспышкой — намеком на скрытые от чужих взглядов крылья, — развернулась в воздухе.

— Ясного дня, студенты, мастер, — ровно поздоровалась сильфида. — Присаживайтесь.

Все приняли предложение Тайсы и озадаченно замерли. Для чего их приволок сюда Ясмер, третьекурсники не понимали, но спорить с мастером даже не пытались.

Между тем сильфида простерла руку и притянула к себе шэдар, который большая часть студентов видела лишь однажды, на первом курсе, когда их делили по командам и выявляли таланты к магии. Яна, Машьелис и Хаг еще разок испытали на себе

действие уникального артефакта в прошлом году, когда волшебный шар помог присоединиться к их компании Стефалю. Но зачем шэ-дар мог понадобиться сейчас, гадали все.

«Надеюсь, нас не собираются заново делить по командам!» — опасливо шепнула Таата, рефлекторно двигаясь на коврике поближе к своему напарнику Еремилу Надалику. Пусть полудемон, он был для хоббитянки настоящей опорой, другом и помощником, а она… Наверное, она напоминала юному носителю демонической крови о том, как хрупки многие дорогие создания и как нуждаются в его силе и защите.

— Полагаю, каждый из вас помнит, как действует артефакт, — промолвил Ясмер, не тратя времени на объяснения. — Пожалуйста, мастер Тайса.

Та коротко кивнула и без предупреждения резко подбросила шар в воздух. Сакраментальное «нефтехим» совпало с ярчайшей вспышкой, исторгнутой из недр шэ-дара. Тот завис в воздухе и выбросил из своих недр пучок разноцветных лучей, после чего, будто исчерпав силы, плюхнулся в подставленную ладонь сильфиды. А разноцветные лучики, как отлично выдрессированные собачки, заметались по залу с единственной целью — соединить студентов разноцветными линиями.

Светло-синий треугольник объединил Титу, Авзугара и Кайрая, чуть более интенсивного оттенка лучики протянулись между Таатой и Еремилом и, с небольшой задержкой, между эльфийкой и вампиршей. Макса и дриаду соединила зеленая ленточка, такой же светящийся ручеек заструился от Картена к Питу. Цвет своей команды — бывший синий и ставший прекрасным фиолетовым, с тех пор как к тройке присоединился Стефаль, — Яна знала. Удивилась только вспыхнувшей посередине луча, повисшего между нею и Машьелисом, яркой фиолетовой звездочке.

— В прошлом году в настройки шэ-дара внесены изменения, звездой отмечен ваш отсутствующий в зале член команды, — предупреждая вопрос, объяснила сильфида. — Отныне ареал действия артефакта расширен до границ АПП. Он являет потенциальные и явные связи для присутствующих в зале блюстителей.

Члены команды Янки довольно переглянулись. Они, как и все присутствующие, понимали: мастера решили скорректировать работу шэ-дара после присоединения к их команде старшекурсника Стефаля.

— А чего это у нас с Питом цвет другой? — почти перебил мастера Картен, ткнув пальцем в зеленый лучик. ТТХ артефакта голубокожего парня не очень-то интересовали.

— Именно с целью проверки цвета соединяющих лучей вы пришли сегодня в зал и будете его посещать ежегодно вплоть до выпуска, — невозмутимо ответил Ясмер и в свою очередь вместо ответа задал новый вопрос: — Кто желает высказать предположения о причинах изменения или сохранения цветового индикатора шэ-дара? Юнина?

— Нам говорили, цвет — показатель гармоничности группы, но не упоминали о возможности изменения, — начала рассуждать вслух эльфийка. — Рискну предположить, что изменение цвета дает сигнал о сохранении, улучшении или регрессе уровня гармоничности команды в зависимости от ряда факторов.

— Верно, в зависимости от благоприятного микроклимата внутри группы, слаженности действий при выполнении миссии блюстителей, развития магических талантов, дружеских отношений и иного цвет лучей шэ-дара меняется. Насколько я понимаю, на вашем курсе регресса не наблюдается, есть стабильные команды, есть прогрессирующие. Последним мое одобрение!

Янка, хоть убей, не смогла бы вспомнить, какого цвета лучи соединяли ее однокурсников два с половиной года назад. Свой цвет помнила, и ладно. Зато рядышком сидел Машьелис, чья драконья память хранила многое. С довольной улыбочкой Лис шепотком поведал напарникам:

— Прогресс у всех, кроме Макса с Ольсой. Даже Рос с Питом из желтеньких зелеными стали. Остальные тоже на один цвет вперед шагнули.

— Странно, почему? — тоже шепотом откликнулась Яна. — Максимус и Ольса хорошо учатся.

— Учатся-то они хорошо, а напарниками так толком и не сделались, — крякнул Хаг.

Мастера обсуждать цвет лучей не стали, персональной похвалы или упреков никому не досталось. Похоже, все, что собирались сказать и показать, учителя сделали. А уж выводы оставили студентам. Судя по задумчиво-виноватой физиономии Максимуса и жалобной гримаске на личике Ольсы, начало осмыслению было положено.

А уж как гордо переглядывались Картен и Цицелир — два недоразумения, нашедшие друг друга и умудрившиеся сработаться! С парней можно было писать диптих «Самодовольство».

Дав третьекурсникам немного погудеть или помолчать, переваривая новость, мастер Ясмер выразил благодарность за помощь в проведении лекции мастеру Тайсе. Слова были формальными, однако Яна с удивлением отметила след румянца,

проступивший сквозь смуглую кожу мужчины.

— Ого, а мастер-сильфида Ясмеру нравится! Эк он смущается. Может, сказать ей? — с ходу просек и начал веселиться Машьелис. Чтобы поведать друзьям о своих наблюдениях, он даже специально замешкался и задержал их у дверей зала.

— Первый явный шаг в отношениях, о Либеларо, всегда за мужчиной. — Прохладный голос сильфиды, раздавшийся за спинами компании, заставил троицу подпрыгнуть на месте и развернуться. Но нет, мастер не сердилась. Ее тон никак не вязался с искрами смешинок, пляшущих в глубоких глазах, таких старых на вечно юном лице.

— Ну не скажите, — заспорил нахальный дракончик.

— Скажу, — покачала головой Тайса. — Если женщина берет на себя ведущую роль, то должна быть готова к тому, что и в дальнейших отношениях с избранником бремя решений будет нести сама. Мало рас во вселенной, чьи обычаи исключают подобную закономерность. Впрочем, каждый выбирает для себя сам.

— А если он, то есть мужчина, не решится? — неуверенно спросила Яна.

— Значит, это был не тот мужчина или женщина не для него, — жестко высказалась Тайса, движением на миг проявившегося крыла открывая перед студентами дверь и захлопывая новым взмахом.

Глава 8
ЗАДАЧКИ НА СМЕКАЛКУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Второй урок мастер Ясмер, ничего у блюстителей не спрашивая, посвятил самой обычной лекции. Давал им шанс осмыслить и уложить в сознании результаты теста шэ-дара, подумать о тактике дальнейших действий. Друг с другом и вне своих команд студенты ничего больше не обсуждали. Понурых Ольсу и Макса не подкалывал даже толстокоже-хамоватый Картен. Эти двое все занятие сидели как в воду опущенные, изо всех сил пытаясь сообразить, что конкретно они делали не так, коль у всех остальных гармония и улучшения, а у них нет.

Если кто-то поинтересовался бы мнением Янки о причинах явления, она бы только пожала плечами и ляпнула, что отличники учебы слишком стараются именно учиться и, кажется, совсем не стремятся быть командой блюстителей. Впрочем, как таковая командная работа по надзору за соблюдением пророчеств у студентов только начиналась, а значит, все шансы изменить положение вещей к лучшему имелись. Практика покажет!

После лекции мастера Ясмера третьекурсникам предстояли факультативные занятия. Звон колокола еще не успел затихнуть, а кабинет опустел. Студенты разбежались кто куда. Большая часть совершенствующихся в магических искусствах блюстителей отправилась упражняться в магии избранных направлений, а Яне, среднестатистическими талантами обделенной, путь-дорога лежала в корпус прорицателей, на свидание с экс-женихом. То есть отправлялась Донская постигать сложное искусство приговора.

Освободившись от бремени ожидания уз Гименея, преподаватель повеселел, подобрел и вообще стал считать студентку кем-то вроде младшей сестренки. В конце прошлого года мастеру удалось провести гадание на суженого, отыскать подходящего кандидата и выдать-таки замуж ретивую матушку, мечтающую женить великовозрастного сынка. С тех пор демона счастливее мастера Сейата Фэро сложно было отыскать. Уж в АПП — точно!

Практических занятий как таковых искусство приговора не подразумевало, ибо сказанный приговор считался окончательным и отмене не подлежал, а за приговор, ляпнутый не по делу, на голову приговорщика вполне могло обрушиться наказание свыше.

Но Яна прилежно тренировалась в составлении формулировок, позах, то есть положении тела в пространстве по отношению к субъекту приговора, и распальцовке. Точнее, позиции ладони и пальцев по отношению к гипотетической жертве.

Раздухарившийся демон взял пример с декана Гадерикалинероса и стал подбрасывать единственной ученице карточки с задачками, для решения которых методом приговора следовало подобрать нужную позу, жест и текстовку. Зачастую Янка и Сейата до хрипоты спорили, обсуждая отдельные приговоры, и чем горячее получался спор, тем довольнее выглядел мастер.

Сегодня азартный демон начал практику с вопроса:

— Я украл у тебя кошелек. Твои действия?

— Пойду в лекарский корпус за мастером Лесариусом, — пропыхтела девушка, массируя сведенные после разминки — изображения нескольких десятков особо хитроумных загогулин — пальцы.

— Зачем? — не сразу сообразил учитель.

— Если вы украли, значит, либо заболели и нужна помощь врача, либо заболела я, раз мне показалось, что вы украли, — буркнула приговорщица.

— Ладно, оставим персоналии, примем за аксиому наше душевное здоровье и предположим, что кошелек у тебя похитил некий вор на улицах Дрейгальта, — пряча усмешку, переформулировал задание мастер, развалившись на стуле рядом с ученицей.

Он уже давно не занимал лекторского места, предпочитал сидеть с юной приговорщицей локоть к локтю. Заодно и приглядывал, чтобы она не нарисовала в тетради очередной абстрактный шедевр, не поддающийся расшифровке.

— Тогда я вызову стражу, — упрямо гнула свою линию девушка.

— Яна?! — построжел голос мастера. — Рассмотри вопрос с точки зрения своего магического дара для подбора оптимального решения типовой проблемы. Размышляй вслух. Начни со второго дополнительного условия приговора к первому обязательному.

— Второе дополнительное условие к краткости приговора — эмоциональная значимость формулировки, — наморщив лоб, процитировала девушка и, не дожидаясь уточняющих вопросов, продолжила: — Лучше всего подходят привычные приговорщику устоявшиеся, но не имеющие в быту силы приговоры-проклятия. Только я не знаю, какое будет лучше: «Чтоб у тебя руки отсохли», «На воре шапка горит» или «Украденное руки жжет».

— Однако, — усмехнулся Сейата, оценивая пеструю палитру

«добрых» русских народных пожеланий, и предложил, чуть ли не потирая руки: — Давай разбираться!

Занятие продолжило продуктивное обсуждение целесообразности каждого из приговоров в зависимости от ценности похищенного имущества, обстоятельств хищения и прочих факторов.

После факультатива Яна выходила пусть и не уставшая физически, зато с отяжелевшей от умственных усилий головой. Клин клином вышибается! Голова замечательно проветривалась на следующем дополнительном занятии по физической подготовке. На полосе препятствий подругу уже ждали остальные члены команды. Чтобы не подвести их, девушке снова пришлось выложиться сполна.

Потому с полосы студентка традиционно не шла, а почти ползла в столовую, не столько поддерживаемая напарниками, сколько висящая на них. Машьелис же, зараза, кувыркался вокруг — веселый, энергичный и свежий, как утренняя роса. А уж когда напарница раздала друзьям их долю сочных слив от потомка Первого Древа, и вовсе заскакал зайчиком-энерджайзером.

В благоухающем съестными ароматами помещении Яна немного приободрилась и, конечно, не побежала, но все же подошла к раздаче быстрым шагом. Хаг, Лис и Стеф, для которого тренировки строго обязательными не являлись, однако рекомендовались, встали рядом, выбирая ужин.

Щуплый и верткий пятикурсник-пророк ввинтился под протянутой рукой тролля прямо к раздаче, цапнул с блюда пару котлет и был таков. Фагард и крякнуть не успел. Пока друзья определялись с меню, сам тролль водрузил на поднос мисочку с камнями и сразу закинул в рот пяток. С удовольствием хрустя ими, как печеньем, отметил:

— Сегодня вкус у камешков какой-то непривычный: кислинка чувствуется с легкой горечью.

Поднеся блюдечко к носу, тролль принюхался вторично и задумчиво щелкнул языком:

— И пахнет немного иначе.

— Да ты гурман, мой друг! — усмехнулся Лис, бросив взгляд на «любимые печеньки Хага», как некогда поименовала камни Яна в беседе с бабушкой. — Камни как камни, хотя нет, они сверху сегодня чем-то мелким присыпаны. Пудрой, что ли? Не сахарной, а, может, соленой?..

Дракончик продолжал трепаться, а друг уже не слушал его. Отлетел к раздаче поднос, со стуком раскатились «печеньки», серая кожа потемнела, цветом стала похожа на мокрый асфальт, губы по-звериному приподнялись, обнажая в оскале клыки. Но

рыка не было, Хаг кинулся на Лиса бесшумно.

Взметнулись разом все восемь щупалец повара-силаторха, пытаясь зафиксировать силача-студента. Мастер Вархимарх взлетел над многоэтажным кольцом из судков, кастрюль и тарелок. Зазвенела, забряцала падающая посуда, ее содержимое вылилось и высыпалось, съестные запахи в воздухе смешались в невообразимый коктейль.

— Ох ты ж! — выпалил Машьелис, отпрыгивая от разбушевавшегося напарника. — Как его от печенек-то расколбасило! Эй, Хаг, очнись! Ау! Есть кто дома?

Внятного ответа не последовало. В бешено пульсирующих зрачках тролля плясали безумие и ярость. Больше не было флегматичного и ироничного друга, прикидывающегося недалеким простаком. Словно разум покинул Хагорсона, оставив лишь жажду крови и смерти. Щупальца силаторха спеленали студента плотным коконом. Напрягая тугие канаты мышц, Хаг рвался в бой.

Стеф ломал один лист Игиды за другим, пытаясь наслать на напарника сон, оцепенение или купол изоляции. Лис и Яна пробовали повторять действия напарника. Не помогало ничего! Листики рассыпались облачками цветной пыли и бессильно развеивались. Эльфийская магия тоже оказалась бессильной. Удалось лишь, используя знак ЛОЦ, поставить большой непрозрачный купол, отгораживающий всю компанию от столовой.

— Вызывайте мастеров, я его долго не удержу! — рявкнул повар-силаторх.

Он пытался обезвредить студента, съездив по маковке тяжеленным чугунком с тушеным мясом, но Хаг даже не поморщился. Голова оказалась крепче посуды. Аккуратно отставив тару в сторону, Вархимарх снова спеленал буяна всеми восьмью конечностями.

Янка сунула руку в сумку и на ощупь сломала пластинку с СУАЗ. Тем самым знаком, который еще с прошлого года каждый из команды таскал в сумочке в нескольких экземплярах на случай экстренного вызова декана.

— Мастер, Хаг обезумел, знаки Игиды на него не действуют, помогите! — выпалила перепуганная даже не столько за себя, сколько за друзей девушка.

Гад явился моментально, втянул носом воздух, окинул взглядом бушующего тролля и компанию сдерживания и резко скомандовал:

— Донская, быстро приговор! Он должен прочихаться! Лаэрон, знак очищения! Лис, дублируй!

Руки парней синхронно метнулись к кошелям, знаки, о которых говорил декан, входили на третьем курсе в обязательный набор блюстителя и потому нашлись у каждого.

— Чтоб тебя чих пробирал, пока ярость не схлынет! — послушно пожелала приговорщица, выставив руки в простейшей позиции стрелы и не особенно рассчитывая на результативность.

Однако же Гад все рассчитал верно! Тролль, получивший в лоб приговором, замер на мгновение, а потом зашелся в кашле и громоподобном чихе. Хаг сотрясался всем могучим телом несколько минут.

Несмотря на драматичность ситуации, Яне почему-то вспомнился тихий дедушка-сосед. Тот всегда говорил едва слышным подрагивающим тенорком и никогда не возражал могучей жене с голосом корабельной сирены. Зато когда дедулю пробирал чих, коротенький, минут на десять, его слышал весь подъезд, а коль чих нападал во дворе, то и весь дом. И ни заткнуть, ни остановить старичка никто не мог.

Так и тролль сейчас чихал от души! Всласть и долго. Понемногу его кожа снова бледнела, принимая нейтрально-серый оттенок. Из глаз ушло безумие боевой ярости, осталось лишь недоумение. Парень никак не мог сообразить, что с ним случилось.

Когда Фагард в последний раз чихнул и высморкался в большой платок, Гад сказал:

— Мастер Вархимарх, спасибо!

— Да что там, сразу видно было, неспроста студент в раж битвы вошел. Как мог, удержал, — отмахнулся щупальцем силаторх, выпуская тролля из страхующих жестких объятий. Осьминог взлетел и вернулся на свое рабочее место, с явственным огорчением оглядывая следы учиненного погрома.

Декан использовал знак Игиды для наведения порядка. Все разлитое и разбросанное исчезло. Остались лишь нетронутые буйством тролля блюда.

— Что со мной было, мастер? — придерживая руками гудящую голову, для которой не прошли бесследно знакомство с чугунком и приступ ярости, вопросил Хаг.

— А это вы, студент Хагорсон, изволили вдохнуть порошка америи. В любом виде — безвредный релаксант для большинства рас. Совершенно безопасный при поедании даже для троллей. Зато при попадании на слизистую у представителей вашей расы вызывает приступ неконтролируемой агрессии. Запаха не имеет, по внешнему виду схож с солью.

— Это камни! Хаг их нюхал! — мгновенно сообразил Машьелис. — На них еще какой-то белый налет сверху был.

— Ничего мною к блюду не добавлялось, — вставил обеспокоенный силаторх, притянув к себе чудом уцелевший поднос с камешками. Пара мисочек там еще была. Повар присмотрелся к ним. Даже Янке было видно: «печеньки» действительно оказались присыпаны чем-то чуть поблескивающим, как крупинки соли.

— Хм… — Гад осмотрел улику. — И кто ж у нас такой прыткий кулинар, ухитрившийся внести в рецепт новый ингредиент?

— Парень… У меня под рукой, когда я камешки брать собрался, как раз паренек-пророк прошмыгнул за котлетами, — наморщил лоб Хаг, пытаясь припомнить подробности показавшегося незначительным эпизода.

— Точно! Этот, из-за которого гадание на первом курсе наперекосяк пошло, — взвился дракончик и начал щелкать пальцами, листая мысленную картотеку студентов. — Этот… О! Мисаг Куяри!

— Он тогда пошутить хотел над мастером, может, и сейчас какую шутку задумал, да эффекта не рассчитал? — припомнила забавного веснушчатого парня с наивными голубыми глазищами Яна.

— Вот как, — тяжело вздохнул декан. — Что ж, пойду побеседую с шутником.

— А мы? — тут же возмутился исключению из процесса Машьелис, заступая дорогу дэору.

— А вы, как я понимаю, собирались ужинать, потом пообщаемся, — безапелляционно объявил декан Гадерикалинерос и снял купол, отгораживающий круг раздачи и всех участников беспорядка. К этому времени вокруг уже толпилось изрядно любопытствующих и волнующихся студентов. Паника разгореться не успела: во-первых, слишком мало времени прошло с момента озверения тролля, во-вторых, никто не понял, что вообще творится, а прежде, чем начал разбираться, эльф поставил непрозрачный щит, ну и, в-третьих, дэор, единый во многих лицах, уже успел довести до сведения мастеров известие о полном контроле над ситуацией.

— Все в порядке! У студента Хагорсона открылась аллергия на приправу. Друзья, не разобравшись, решили изолировать напарника. Сейчас он полностью здоров! — громко оповестил декан всех присутствующих и ушел в портал, не дожидаясь дополнительных вопросов.

Силаторх вновь расположился в окружении всевозможных яств, как король на троне среди толпы подданных, и помахивал половниками, лопаточками, щипцами и прочими

приспособлениями, позволяющими как можно быстрее обеспечить максимальное количество студентов выбранными кушаньями.

Машьелис, злобно ворча себе под нос, всем телом развернулся к мастеру-повару. Его! Его! Ему!.. В общем, не взяли и не разрешили принять участие в самом интересном — охоте за информацией! Пожалуй, последнюю юный дракон ценил даже немножко больше, чем деньги и драгоценные камушки.

Яна спокойно положила себе пюре, салат, пару бифштексов и отошла от раздачи к стойке с напитками и сладостями. Утихомиривать возмущенного напарника — тщетная затея. Пусть покипит, покушает, успокоится и сам поймет, что мастер поступил мудро. К тому же декан сказал: «Потом пообщаемся», — значит, собирался рассказать студентам о своей беседе с пятикурсником-пророком.

Зато перед тем как отойти от раздачи, Яна с искренним восхищением сказала повару:

— Мастер, спасибо! Это было круто! Вашей силе и реакции любой студент позавидует!

Повар немного смутился (его выдали синие пятна на коже) и махнул щупальцем: дескать, пустяк!

Стефаль тоже низко поклонился силаторху прямо с подносом в руках. Тогда и Хаг, спохватившись, поблагодарил своего усмирителя и чуть ли не за шкирку поволок свободной рукой все не унимавшегося Лиса к любимому столику.

Девушка чуть приотстала, вспомнив Мисага Куяри, по чьей милости еще на первом курсе ее угораздило стать невестой Сейата Фэро. Даже после этой нечаянной подлянки с волосами преподавателя, подброшенными в смесь для воскурения, она не принимала голубоглазого шкодника за злодея. Но ведь и по незнанию или недомыслию зачастую можно причинить вред, порой больший, чем по злому умыслу.

Доверяя Гаду, Яна ела спокойно, только порой поглядывала на Хага — как там друг. Оклемался ли после порошка и ее приговора? Раньше девушке не приходилось приговаривать друзей ради их же пользы, и студентка очень-очень надеялась, что никогда больше не придется.

Хаг, получивший вдобавок к коварному стимулятору несколько незлых насмешек от очевидцев столового кавардака и совет прикупить у фееры спецнабор «соплятников», уписывал еду за троих. Мало того что желудок в лекарском корпусе очищали, так теперь еще и стресс заесть следовало. Вспышка агрессии сожгла у тролля прорву калорий, и их срочно требовалось восполнить.

Компания ела практически в полном молчании, лишь под

конец трапезы Машьелис не утерпел и выпалил:

— Как думаете, с камнями и впрямь дурацкая шутка была или пророка этого, как Таату, магией да отравой на нас науськали?

— Рано выводы делать, — дипломатично ушел от игры в предположения Стефаль. Эльф уже закончил с салатом и теперь ждал друзей, попивая любимый вишневый сок.

— Авзугар вон по незнанию всех деликатесом угощал, — поморщился Лис, вспомнив сегодняшние экзекуции, каковым за компанию со всеми однокурсниками подвергся в лекарском корпусе. Пострадали, можно сказать, ради «военной тайны», скрывая собственный иммунитет к ядам. — Да и Мисаг подсунул не яд.

— Гад прав, то не отрава была, а добавка, стимулятор, — зажевав вывод мясным рулетом, выдал Хаг. — Он же не убил бы меня и вреда телу не причинил. А вот вам туго пришлось бы, друзья, если бы не мастер-повар. Как он меня скрутил! Я шевельнуться не мог. И ярость-то такая накатывала, жуть. Вообще обо всем забыл, все вдруг врагами стали. Все хотелось в клочья разнести, убить, в камень впечатать.

— М-да, — поддакнул Машьелис и пошутил: — Мне пока невкусной еды в столовой не попадалось, но если вдруг попадется, то повару жаловаться точно не рискну. А то в лоб половником или тем чугунком — и ясного дня, мастер Лесариус, я к вам надолго!

Янка прыснула и с укоризной погрозила весельчаку пальцем, а от себя добавила:

— Надо будет мастеру Вархимарху еще баночку огурчиков занести в благодарность.

После еды друзья не разошлись по комнатам, а уже привычно собрались у Яны. Доели сливы с волшебного дерева. Что удивительно, после чудесных плодов у Хага перестала болеть голова.

Иоле и Йорда, зашедшего навестить невесту, быстро посвятили в новый виток происходящих событий. Увы, никаких новых догадок и предположений парочка не озвучила. Лишь василиск огорченно посетовал, что пока они не могут сделать артефакта, который определял бы любые добавки в пище, в том числе и яды.

— А что так? — заискрился интересом дракончик, даже отставил чашку и подался к собеседнику.

— Сложно! Никто не готовит каждый раз одну и ту же еду, — пожал плечами Йорд и привычно потер шею с живописным рисунком-татуировкой. Откинул с глаза косую челку и постарался

объяснить ребятам, которые только начинали постигать артефакторику: — В любом блюде, пусть и незначительно, меняются количество приправ, их разновидности, время приготовления. Нет четкого эталона для сравнения. Если брать за основу не эталон, а возможный вред, то артефакт может начать сигналить при переедании или слишком острой пище. Границу между «нельзя категорически» и «нежелательно» провести трудно, и для каждого объекта она будет своей.

— Короче, ты артефакт-то сделать можешь, но он никому из нас совсем покушать не позволит, — хихикнул Машьелис, шурша оберткой шоколадно-ореховой конфетки, цапнутой из вазы. — Проблему отравления это, конечно, решит, зато возникнет другая — вероятность смерти от голода.

— Не-эт, я не согласен, — прогудел Хаг. — Пусть лучше подтравливают, сытнее будет, особенно если мастера желудки нам каждый день чистить не станут.

Рассуждения друзей прервал приход декана. Тот слишком хорошо знал деятельную компанию блюстителей, чтобы оставлять их играть в предположения. Неизвестно до чего могут додуматься, если их без присмотра оставить один на один с проблемой.

Дэор сел в освобожденное по такому случаю кресло, выпил с полчашки горячего чая, съел несколько ложек любимого варенья. И все это в тишине, испытывая терпение бедных-несчастных умирающих… от любопытства студентов. Лишь потом констатировал:

— Ты был прав, Хаг. Мисаг Куяри действительно посыпал порошком камни в столовой. Увы, без воздействия листа Игиды пророк не смог вспомнить, когда и почему ему в голову пришла «блестящая» идея «пошутить», а также где именно он приобрел необходимый для этого ингредиент. При активации знака ТОРАН юноша вспомнил беседу с неопределенного пола незнакомцем в плаще, состоявшуюся на каникулах в одном из трактиров Дрейгальта. Тогда ему и внушили необходимость шутки и передали порошок для нее.

— Значит, опять, — мрачно согласился тролль.

— Значит, уже второй, — оптимистично поправил напарника Машьелис. — И за ворота АПП выходить не пришлось. Этот ядодел за каникулы мог многих студентов в Дрейгальте выловить и на нас науськать. Осталось всего одного дождаться, и можно будет искать Паука.

— Ты про «выжить» не забыл после «дождаться»? — хмыкнул Хаг, неприятно пораженный картиной, нарисованной живым воображением Лиса. Судя по помрачневшим лицам друзей и

декана, им идея дракончика тоже не пришлась по вкусу.

— Это само собой, — беспечно осклабился парень. — От ядов мастера защитят, а с остальным как-нибудь справимся. Не зря же нас два года муштровали. А еще у нас есть две, нет, даже три секретные силы, о которых враг не знает.

— Какие же? — заинтересовался дэор, не уследивший за мыслью студента, летавшей по траектории броуновской частицы.

— Стефаль, приговорщица Янка и ваш уникальный дар дэора чуять любую отраву на расстоянии, — с достоинством перечислил Машьелис и неожиданно мягко попросил: — Вы не переживайте, мастер, разберемся мы во всем!

Остальные, в том числе первые две «секретные силы», с готовностью закивали. Декан, как третья секретная, обвел компанию внимательным взглядом и, едва заметно усмехнувшись, согласился:

— Разберемся… Яна, молодец, что вовремя меня вызвала.

— Это мастеру-повару спасибо, он раньше всех понял, что неладное творится, — виновато потупилась девушка, считавшая себя тугодумной черепашкой.

Еще раз настоятельно посоветовав друзьям не лезть на рожон и звать его при малейшем подозрении на новые действия Паука, декан ушел. Очень скоро разошлись и остальные участники импровизированного совета: кто из АПП, кто по своим комнатам, кто, не будем тыкать пальцем в Машьелиса, на свидания.

Глава 9
ЛЕДЯНАЯ ПРОБЛЕМА

Утро началось не с удара колокола, а с невыносимого зуда! Кожа чесалась как укушенная по меньшей мере дюжиной очень голодных комаров. Хорошо еще не вся, а лишь местечко на запястье, там, где красовался зелененький браслет — отличительный знак студента-блюстителя пророчеств АПП.

Янка подскочила с кровати, умылась ледяной — чтоб быстрее проснуться! — водой, надела форму и уже причесывалась, когда в дверь интеллигентно постучали. На цыпочках, боясь разбудить Иоле, Донская подкралась и аккуратно распахнула створку.

За порогом стояло трое: Стефаль (именно ему как самому тактичному доверили сигнализировать о гостях), Машьелис и Хаг. На ходу доплетая тугую косу, девушка переобулась, накинула куртку, подхватила сумку и выскользнула в коридор.

Помятая физиономия тролля с отпечатком подушки заставила Янку слегка улыбнуться: не ей одной ранняя побудка далась нелегко. Стефаль выглядел изумительно свежим всегда, даже в последнюю сессию, когда остальные пятикурсники походили на зомби.

У Машьелиса внешний вид был тесно связан с настроением. Если на Лиса накатывала депрессия, что порой случалось-таки, он становился сонно-мрачным и язвительно-злобным. Хорошо хоть подобное настроение у дракончика никогда долго не длилось, а по окончании периода мрака Лис даже извинялся перед друзьями и грешил на растущий драконий организм, задолбавший хозяина гормональными взрывами и перестройкой энергетических каналов. Возможно, не зря третировал на каникулах внучатого племянника дедушка-дракон. Сейчас юноша, пусть и провел «на прогулке» большую часть ночи, цвел майской розой и улыбался во все, точно не тридцать два, а как минимум вдвое больше, зубы.

— Ясного утра, не сказать, чтоб ночи! Интересно, кому это из летописцев настолько не спится, чтобы по ночам жребии кидать? — озадаченно озвучил главный вопрос дня Машьелис.

И был прав в своем недоумении! Вообще-то в большинстве случаев благодаря умелой помощи Сил Времени с регулировкой временных потоков в мирах для миссий блюстителей отводился четвертый день циклады. Именно к этому сроку в Зале пророчеств обычно начинали светиться печати на свитках пророчеств, ожидающих исполнения. Тогда летописцы бросали жребий, выбранные команды ощущали зов и друг за другом, без лишней

суеты, прибывали в Зал порталов. Уже оттуда блюстители переносились в мир, где пророчеству суждено было сбыться.

Янка спрятала зевок в ладошку, защелкнула заколки на выбивающихся из косы кудряшках и поспешила вместе с друзьями в корпус летописцев по утренней сырости и неприятному осеннему холодку. В Зале порталов было тихо и безлюдно, вернее, безстудентно. Зато наличествовал один мастер — целый декан летописцев, по совместительству — Ротамир.

Озадаченно кряхтя, полненький низкорослый мужчина чесал лысоватую голову. Всегда тщательно зачесанные на намечающуюся плешь волосы сейчас стояли дыбом и выдавали хозяина с головой.

— Ясного дня, мастер! — мстительно гаркнул Хаг, заставив декана летописцев вздрогнуть всем телом и подпрыгнуть на месте.

Однако успокоился он почти сразу, укоризненно погрозил громогласному троллю пальцем и поманил явившуюся четверку к пюпитру.

— Ясного утра, студенты. Мне вот не спалось всю ночь, в зал тянуло. Пришел, а тут уже печать сияет на свитке так, что глазам больно, и трещины, что твои паучьи лапы, бегут. Пора настала, а дежурные-то лишь после завтрака явятся. Нет у нас ночных смен, вроде как не положено правилами АПП детей сна лишать. Так что жребий я сам бросал.

Декан летописцев примолк и отступил, поправив тоненькую веревочку пояса на широкой мантии несколько более нервным движением, чем следовало ожидать от мастера, у которого все события под контролем.

Ротамир еще немного попятился и замер, дав блюстителям приблизиться к пюпитру и убедиться: выпало то, что выпало — два шара с одинаковыми цифрами, обозначавшими третий курс, третью команду. Свиток с ярко полыхающей желтой печатью чуть ли не вибрировал в зажимах.

— Давай ломай, — нарочито беспечно бросил Машьелис троллю, срисовав взглядом набор символов, чудом читающихся на потрескавшейся печати. Янка успела расшифровать только первую тройку знаков: мир магический, основное население люди, спектр голубой.

Хаг одним движением раскрошил толстую блямбу печати и передоверил свиток тонким пальчикам Стефаля. Эльф аккуратно развернул и закрепил свиток на пюпитре. Янка, вне зависимости от того, насколько переживала об исполнении важной миссии, каждый раз любовалась изящными коваными лианами с цветами-держателями шаров и листьями, составлявшими древний

артефакт.

Машьелис демонстративно откашлялся, словно перед выходом на театральную сцену, и с пафосом зачитал-завыл:

Жар сердец мороз преодолеет,
Иль холод лютый душу заберет.
От выбора зависят судьбы мира,
Сезонов смена — неизменный лед.
Коль не того отыщет королева,
Морозом вечным мир живых скует.

Лишь ярый пламень истинного чувства
Льдам не позволит воцариться ввек,
Цветами все усыплет и расплавит,
Жизнь одолеет вековечный снег.

— Ой, — выдохнула Янка.

— Я бы даже сказал, ой-ой-ой, — брякнул Лис.

— Да уж, — почесал затылок тролль. — Какие будем брать знаки?

— Мимикрия точно. Круг тишины и незаметность у меня с прошлого года остались. Значит, выбираем все, что можно, на тепло, жар и огонь, — протараторил дракончик, жадно пожирая глазами многочисленные ящички с настоящими знаками Игиды, занимающими всю стену Зала порталов.

— Еще хорошо бы на прояснение сознания, — задумчиво прибавил Стефаль. — Если судить по пророчеству, это может пригодиться.

— Давай выбирай, ты со знаками лучше всех нас навострился орудовать за пять лет, — подвел итог короткому обсуждению Хагорсон. Несмотря на старшинство и уровень образования эльфа, как-то само собой получилось, что лидером в команде стал Фагард. Основательный, осмотрительный, но одновременно способный на мгновенные действия и решения. Машьелис был креативным центром, эльф советчиком, а Янка… Пусть сама девушка зачастую полагала себя бесполезным придатком к группе, но друзья уже давно считали ее истинным сердцем команды.

Стефаль быстро сделал выборку из пяти листиков Игиды и разделил на три кучки: две пластины отдал Хагу, одну Яне, еще две опустил в свой кошель. Скорость реакции на неприятности у эльфа была велика, однако правильный настрой и сила намерения тролля, сравнимые с бревном тарана, тоже не раз оказывались незаменимыми в деле присмотра за исполнением

пророчеств. Яне выдали дублирующий символ, тот самый ХОТР, не пригодившийся Картену для поддержания равномерного тепла. Лису не дали ничего, поскольку у него в кошеле с прошлого задания как раз осели знаки тишины, незаметности, а также поиска.

Активировав портал и знак мимикрии, команда шагнула вперед. Золотое сияние утреннего солнышка, сверкающий снег, в котором уютно тонул городок, белые дымки над трубами, устремляющиеся в синее-пресинее, без единого облачка, небушко, радовали глаз. А вот телам с непривычки было зябко.

Иллюзорная одежда, благодаря знаку мимикрии появившаяся на студентах, вполне соответствовала сезону, однако даже она не спасала от радостно накинувшегося на гостей холода. Нос, щеки, лоб, даже кончики ушей, выглядывающие из-под зимних шапок, мгновенно начало пощипывать. Только Янка улыбалась, с удовольствием вдыхая звонкий от мороза воздух, довольно щурилась и чуточку недоумевала.

Пряничная зимняя картинка никак не вязалась у нее в голове с мрачным — ну а где вы про веселые-то предсказания читали? — пророчеством.

— Что ж так холодно-то? — передернув плечами, проскулил, выбивая зубами дробь, теплолюбивый Машьелис.

Эльф, чей кончик носа уже напоминал апрельскую сосульку (даже капелька на конце появилась), присоединился к художественному стуку челюстями. Хаг и Яна, как оказалось, самые морозоустойчивые члены команды, недоуменно переглянулись, а девушка осторожно заметила:

— Обычный зимний денек. Погожий, солнышко.

— Д-д-да? — изумился Машьелис, округлив глаза.

— Точно, — невозмутимо подтвердил тролль.

— Ну т-т-т-огд-д-да мне страшно представить, чего здесь будет твориться, когда пророчество начнет сбываться, — выпалил дракончик и чуть ли не по брови зарылся в воротник.

Стеф что-то согласно мяукнул. Добрая девушка тут же применила к друзьям так кстати прихваченный знак ХОТР. Какая работа, когда у двоих из четырех членов команды от холода мозги в ледышку смерзаются? Эльф и дракончик благодарно с облегчением выдохнули. Хаг тихо хмыкнул и начал осматривать улочку, на которой оказалась команда. Пока по раннему часу на ней не было ни души, как причастной, так и не причастной к пророчеству, никаких предметов, способных претендовать на звание «объект пророчества», беглый осмотр так же не выявил.

— Никого! — пошарив взглядом по узкой заснеженной улочке, констатировала очевидное Яна. — Что делать будем?

Знак поиска применять?

— Погодим. Давайте-ка пока ждать и прятаться, — ответил тролль, прежде друзей расслышавший многообещающие звуки.

Машьелис выдернул из кошеля и надломил пару нужных пластин. Знаки незаметности и тишины очень вовремя накрыли команду блюстителей. Уже и другие члены десанта услыхали быстро приближающееся поскрипывание снежка под чьими-то ногами и голоса, доносящиеся из-за поворота до соседней улочки. Смеясь и держась за руки, на улицу выбежала парочка в серебьких полушубках и меховых шапках-колпаках. Парень и девушка, раскрасневшиеся от мороза, веселые и в то же время как-то слишком преувеличенно громко смеющиеся. И, самое главное, полыхающие желтым ореолом субъектов пророчества.

Даром что холодно, парочка остановилась у двери дома неподалеку да принялась горячо прощаться. Кавалер все норовил сорвать с губок девушки поцелуй, а та прыскала, махала варежкой и отворачивалась, укоряя его:

— По домам надобно! Хворой бабушке еды снесли, теперь пора двери запирать, Гидар! Все ж день Снежной Владычицы, не след на улицу без большой нужды выходить! Ну как она тебя к себе зазвать пожелает?!

— А и пусть желает, — самодовольно напыжился парень. Был он и впрямь пригож собой. Это для тех, кому нравятся румяные, сероглазые, густобровые да худощавые. — Для меня ты, Керда, самая красивая и любимая! Никакой Владычице с тобой не сравниться! Пусть наряд у ней — снега искристые да алмазы ледяные, только ты — сердце мое! Не надо мне рот затыкать! Я об том не прошепчу, а на всю улицу, да что там улица — на весь славный Гицтербек прокричу, на колокольню забравшись! Не нужна мне Снежная Владычица, коль владычица души моей — Керда Кинш!

Парень не полез на колокольню — в шаговой доступности ни единой не имелось, — зато выбежал на середину узенькой улочки и последнюю фразу про владычицу прокричал что было сил. Пожалуй, с колокольни и то не получилось бы громче.

— Ой, глупыши-и-и, — вылупив глаза, тихо протянул Машьелис, только что головой о стену ближайшего дома не постучал. — Кто ж хозяйку стихий троекратно именует в день, ей же посвященный!

Выдав эту глубокомысленную фразу, дракончик отступил к стене дома напротив того, где смеялась и притоптывала сапожком довольная признанием парня девушка. Янку он потянул за собой. Если раньше сила, никак не вязавшаяся с размерами, чувствовалась в Лисе изрядная, то за каникулы вытянувшийся и

заматеревший друг стал столь могуч, что землянка не успела даже подумать о сопротивлении. Ее буквально взяли и переставили с одного места на другое.

Услыхав рассуждения о Либеларо, остальные члены команды тоже предпочли отступить и занять выжидательные позиции вокруг парочки. Между тем погода начала меняться. Нет, солнце по-прежнему светило ярко, но по улочке понеслась поземка, стали закручиваться снежные вихри. Поначалу мелкие, они росли на глазах, и вот уже, соединившись, превратились в полноценный буран.

Юные влюбленные попытались укрыться от него, юркнув в дверь дома, да не тут-то было. Дверное полотно словно примерзло к раме и не поддавалось ни усилиям парня, ни совместным действиям Керды и Гидара.

Девушка зло всхлипнула, парень выругался. Буран разом, нет, не утих, раздался в стороны, заключая парочку и блюстителей пророчеств в широкий круг, за которым вовсю бушевала стихия. Внутри же, как в глазу бури, было тихо, светло и очень-очень, до звона, холодно. И еще там оказалось на одну персону больше, чем изначально. Рядом с говорливым пареньком, обнимавшим свою любимую, стояла высокая прекрасная женщина, закутанная в белые меха. Синие, как осколки древнего льда, глаза осматривали людей с задумчивым интересом.

— Вот и Снежная Владычица припожаловала, — констатировал очевидное Лис.

— Красивая, сейчас паренька заколдует, — отметила Яна, немного удивляясь тому, что Владычица оказалась не хрупкой блондинкой, как Снегурочка, внучка Деда Мороза, или ожившей ледяной статуей, как Снежная королева, а чернобровой величественной девой наподобие валькирии-брюнетки, только потоньше и без меча.

Осмотрев Гидара с какой-то равнодушной жадностью, красавица выдала, оправдывая догадку блюстительницы:

— Ты будешь моим королем.

Повела рукой. Из-под ее пальцев заструилась белая пелена, легшая на лицо юноши ледяной маской. Напряженное выражение, в котором страх мешался с упрямым стремлением защитить спутницу, покинуло лицо человека, оно приобрело безразлично-кукольный вид. Такая же апатия, кажется, накрыла и Керду.

— В чувство девицу привести надобно, а то провалит пророчество, — принахмурясь, шепнул Хаг и надломил лист Игиды. Девушка словно очнулась, треснули оковы равнодушия, жаркая волна возмущения прогнала холод. Бледные щеки чуть зарозовели, ее перестало потряхивать. Теперь уже она, упирая

руки в бока и притоптывая сапожком, пошла в наступление на Снежную Владычицу.

— Оставь его! — преодолевая ужас и холод, кричала Керда, громко требуя свободы для Гидара. — Неужто с куклами до сих пор не наигралась? Ищи того, кто тебя, такую красу ледяную, полюбит, а моего парня оставь, где взяла! Не твой он!

— Не мой? — усмехнулась Снежная Владычица. — Что ж, коль отогреть сможешь, забирай назад, а коль нет, не взыщи, со мной в чертоги ледяные отправится.

Команда блюстителей переглянулась, принимая новое решение. И без лишних слов, точно подгадав к тому мигу, как отчаянная Керда начала трясти и целовать в щеки своего не в меру болтливого бахвала-избранника, Стефаль надломил еще один знак Игиды. Не ХОТР — символ обычного тепла, уже использованный Яной, а ХАРТО — знак тепла жизни. Ледяная корка потрескалась и опала, в безразличных глазах Гидара появились жизнь и, что уж тут скрывать, ужас. Может, он ничего и не чувствовал секунду назад, а только память о собственном снежном пленении у парня сохранилась. Пытаться бежать от Снежной Владычицы юноша не стал, напротив, решительно задвинул сердечную подругу себе за спину и патетически выдал:

— Смилуйся, Владычица. Меня карай, если словом нечаянным тебя уязвил, а Керду не тронь.

— Надо ж, и впрямь оковы сняла, растопила жаром сердечным, — удивленно вынесла вердикт Снежная Владычица, скептически осмотрев парня, отогретого не столько девичьей бескорыстной любовью избранницы, начисто лишенной какой бы то ни было магической силы, сколько знаком Игиды. — Что ж, твой он. Забирай. Я слова своего не нарушу.

Ожившее воплощение Зимы разочарованно повело рукой, будто передавало добычу более удачливой сопернице.

— Спасибо, — всхлипнула Керда. — Спасибо, что отступилась. Люблю я его, и другого не надобно! Тебя-то, красу такую небесную, любой полюбит.

— До сих пор не сыскалось ни единого, — покачала головой надменная красавица, и столько было в наклоне ее головы и голосе вполне женской горечи, что Янка мгновенно пожалела одинокую ледяную колдунью, которой могущество не принесло счастья.

— Как же не единого? Да вон хоть Мницек-художник — что ни день, то новый портрет твой рисует, не живет, а грезит тобой! — выпалила девушка, высовываясь из-за плеча Гидара.

— Точно, — поддакнул тот, мотнув головой в сторону дома напротив, у стены которого стояли Янка с Лисом. — Совсем

разума лишился. Весь дом уж картинами завесил. Раньше-то хоть на каток иль по лавкам с нами выбирался, а сейчас, как родителей схоронил, лишь рисует.

Пока парень с девушкой горячо убеждали Властительницу Снегов, что и на ее улице перевернется грузовик с пряниками, Янке прямо в правый глаз угодил солнечный лучик. Чтобы не ослепнуть, она резко отвернулась. И замерла, уловив характерный желтый блик в узкой полоске между ставен, закрывавших окно дома Мницека. Гадать, показалось или нет, Донская не стала, выпростала из-под шубейки верную рогатку, подвинулась ближе к окну и поддела рукоятью деревянный крючок, неплотно сцепляющий ставни.

— Драные демоны, не заметил! Вот ведь, балбесы мы, знак для поиска в дело не пустили! — азартно выпалил заглянувший в дом вслед за Янкой дракончик. Теперь-то желтый ореол субъекта пророчества стал виден всем блюстителям.

Не советуясь ни с кем, Машьелис шустро сгреб снег с фундамента дома, дыхнул на него и сжал, формируя крепкий, почти ледяной комок. Держа его в руке, дракончик отодвинул Яну подальше, сам чуть подался назад, размахнулся и что было сил запустил снежком в окно. Да так удачно, что окошко вдребезги разнесло, а изнутри дома донесся вопль удивления и боли.

Троица местных, ведущая беседу, снежка не заметила, да что там местные — Янка и сама едва успела проследить за действиями друга. Зато звон стекла и крик услышали все. Вслед за криком дверь распахнулась, и на пороге появился тонко-звонкий худенький юноша в заляпанной красками робе.

За его спиной через распахнутую дверь виднелась комната, заставленная и увешанная разнокалиберными полотнами, на которых плясала, вихрилась пурга, падал снег, бушевали метели, летела поземка, а средь буйства зимней стихии проступал силуэт в белой шубе, ярким огнем сверкали синие глаза величественной Владычицы. Жаль, черт лица ее было не различить за снежным хороводом.

Дверь захлопнуло сквозняком, возвращая внимание очевидцев к хозяину дома. Один глаз он зажимал ладонью и явно собирался отыскать виновника своей травмы. Вот только зачем? Не драться же собирался?! Лично Яна в разборке между художником и любым вандалом поставила бы на вандала. Уж больно хлипким выглядел мастер.

Впрочем, все мысли о драках и ссорах сейчас же оставили пострадавшего, едва он узрел Снежную Владычицу — свою музу, мечту, фею грез. Задыхаясь от волнения, парень охнул и осел в

сугроб у порога, не замечая холода. Не замечая вообще ничего и никого вокруг, кроме чудесного снежного видения.

— Вот он, Мницек, — кашлянув, ляпнул Гидар.

Мницек, пытаясь встать на ослабевшие ноги, все тщился что-то сказать. Выходило не очень. Янка различила: «Краше не сыскать… Молю, портрет… Все отдам…» А сам-то уже начал белеть от холода. Но, кажется, художнику собственное здоровье было совершенно безразлично.

В синих льдистых очах Снежной Владычицы мелькнул интерес. Она павой подплыла к крыльцу, наклонила голову, рассматривая художника. Спросила:

— Люба тебе?

Тот бледный-бледный, с наливающимся на пол-лица синяком после меткого броска Машьелиса, даже не порозовел, покраснел враз, будто в кипяток его сунули. Сглотнул судорожно и выдохнул, не вставая, ноги-то по-прежнему не держали:

— Больше жизни. Дозволь образ твой на полотно перенести! Пусть и другие красой неземной любуются!

— Пойдешь со мной, художник? Станешь моим королем?

— Пойду, коль не шутишь. Владычица, а если и шутишь, то все одно пойду, — выпалил Мницек, кидаясь в воплощенную мечту, как в прорубь, без раздумий и сожалений.

Владычица склонилась и поцеловала его в губы. Художник не заледенел от этого касания, не утратил разума и чувств. Ничего не отняло у него прикосновение Снежной Владычицы, а словно напротив, добавило сил. Перестал дрожать парень, теперь холод не воровал его тепла, а незримой броней хранил и согревал. Исчез с лица, будто истаял, синяк.

Художник в измаранной красками робе встал и подал руку Снежной Владычице. Касание дланей, миг — и вот уже рядом с синеглазым воплощением Зимы стоял не простоватый романтик, посвятивший всего себя попыткам нарисовать ту, чей образ не дано запечатлеть смертному, а равный Владычице Владыка, в столь же роскошных, как у избранницы, одеждах, блистающих снежным серебром.

Взметнулся хвост снежного бурана, заслонил белый свет и исчез, унося с собой двоих. Только дверь нараспашку в доме Мницека да разбитое окно свидетельствовали о том, что ничего не привиделось Керде и Гидару.

— Ой, цветочки, — выдохнула невпопад девушка, ткнув варежкой туда, где стояла перед крыльцом Владычица. Там, где мела улицу пола ее богатой шубы, проклюнулись укрытые снежным одеялом синие, под цвет глаз хозяйки, цветики-подснежники.

Ореол субъектов пророчеств затухал вокруг двух людей. Они еще смотрели на чудесные цветы, а Хаг уже говорил сакраментальное:

— Пророчество исполнено!

Четверо вернулись в АПП, трое с удовольствием вдохнули теплый воздух зала, а Янке взгрустнулось. Зиму Донская любила и немного жалела, что в академии не было привычной смены сезонов. С другой стороны, бегать каждый день в течение десятка циклад по большой территории АПП из корпуса в корпус и на полосе препятствий по сугробам в мороз — тоже удовольствие ниже среднего. И это ей, к холоду привычной. А Стефу с Машьелисом каково? Они и за десяток секунд на среднем морозце носами зашмыгали, если бы не знак Игиды, точно после пророчества в лекарский корпус отправились бы!

Победителей встречали не аплодисменты и овации, а покряхтывающий декан летописцев Ротамир. Мастер встал из-за стола, где вел летопись деяний команды, и буднично похвалил блюстителей:

— Молодцы, сработали четко и быстро! На все занятия сегодня поспеете!

— Меня больше мысль о завтраке радует, — тихо шепнул дракончик, и Янка с ним была целиком и полностью солидарна. После прогулки по морозцу самое милое дело перед лекциями нормально покушать. Жаль, сала мастер Вархимарх не делал. Сейчас бы шматочек с чесночком, да на черный хлебушек, мм!

На единственной фразе одобрения лимит добрых слов мастера Ротамира исчерпался, зато и ругать третьекурсников тоже никто не стал. У отсутствующего декана Гада, к примеру, для любимой команды блюстителей всегда находилась пара-тройка, а чаще десяток критических замечаний. А лучше дополнительная практическая работа для ликвидации пробелов в образовании. Ребята забрали свои сумки с учебниками и пошли просить каши в столовую.

Янка опять думала о непредсказуемости работы блюстителей. Успешность почти любой миссии зависела от такой кучи всяких изменяемых факторов, что девушка уже устала удивляться тому, как у их команды вообще что-то получается. Но оно получалось! Потому, устав переживать, землянка для себя постановила: «Получается, потому что магия. Силы, Игидрейгсиль и чего-то там еще помогает и будет помогать». На этом Донская почти успокоилась, хоть и позволила себе еще разок-другой удивиться тому, как из-за рассыпанного пазла предсказания и действий блюстителей-студентов меняются к лучшему чьи-то судьбы.

Глава 10
О СЕРДЕЧНЫХ СКЛОННОСТЯХ И ИНТУИЦИИ БЛЮСТИТЕЛЕЙ

В столовой в ранний час все еще было почти пусто. Лишь за соседним столом сидел знакомый домовичи в компании первокурсницы-тролля. Янка, взяв немного каши и пирог (сильно наедаться перед медитацией не стала), подошла вместе с командой поздороваться.

— Ясного дня, Ясек, есть ли жизнь после отработки?

— Все хорошо, все сделал, — расплылся в довольной улыбке лопоухий летописец, почему-то перемигнувшись с Лисом. — С Рикхой вот подружился!

— Рад знакомству, Рикха! Я — Хаг, — представился Фагард и приосанился. В сочетании с подносом, остающимся в руках у здоровяка, выглядело почти забавно, если бы не вопиющая серьезность тролля.

— А у тебя сколько зарубок на топоре? — кивнула новому знакомому девушка, с деловитой кокетливостью склонив голову. Жесткие волосы, заплетенные в толстенные косы, едва шевельнулись.

— Пять, — кашлянул в смущении Хаг и интенсивно засерел.

— О, у меня пока только три, — уважительно цокнула языком Рикха и с аппетитом захрустела камешками, возвращаясь к еде. Судя по изрядным холмам пищи на тарелках, у нее в расписании первыми ни медитация, ни физкультура не стояли и никаких идиотских мыслей о похудении и диетах в голове не ночевало.

А когда Янкина компания расселась на свои места, Машьелис не преминул подколоть друга:

— Хаг, а Хаг, скажи, не стесняйся, а что вы зарубками на топорах меряете? Врагов или сердечные победы?

— Тьфу на тебя, трепач, — все еще косясь на деву троллього рода, запавшую в сердце, огрызнулся друг. — Мастерство мы так измеряем в профессиях разных!

— Что? Мастерство? В каких? Почему я не знаю? Мастер Быстрый Ветер не говорил! — навострился о Либеларо, даже про мясо на тарелке и горячий чай забыл.

Понимая, что промолчать не выйдет — если уж Лису что-то любопытно, с живого не слезет, а разузнает, — Хаг ответил:

— Потому что тролли об этом особо не распространяются. Пусть недруги считают, что на топорищах мы отмечаем

десятками сраженных в боях противников, и ужасом полнят сердца. Поскольку вы к врагам не относитесь и не будете относиться, если ты, Машьелис, немедленно уберешь пальцы от моего рыбного пирога (Машьелис проворно отдернул пальчики), то могу и рассказать, коль интересно.

— Конечно, интересно! — горячо заверила Фагарда Яна.

— Охотник я, рыболов, скорняк, кузнец и плотник. Из учеников до мастера успел дорасти, — степенно перечислил тролль. — Вот теперь уже жалею, что шестым мастерством не обзавелся — знахарем по тварям крупным и малым не стал, клизмы ставить так и не научился.

Последнюю фразу Хаг обронил с очень многозначительным оскалом. Но Машьелис ничуть не испугался, даже не стал делать вид, что испуган. Наверное, с детства натренированный грозной бабушкой Левьерис, юный дракончик теперь не боялся никого из тех, кого пустил в сердце. Их самая грозная грозность не годилась и в подметки бабушкиному добродушию. Серебристо рассмеялся завтракающий с друзьями Стефаль, заулыбалась Янка, похмурился, похмурился, а потом махнул рукой и широко ухмыльнулся сам «обижаемый» тролль.

— А девушка симпатичная, ей даже серенький цвет и клыки к лицу. Хочешь приударить? — скосив глаза на Рикху, одними губами шепнул Машьелис.

— Пускай подрастет чуток, а там непременно! Добрая жена будет! — спокойно согласился Хаг.

— Я чего-то недопонял? — нахмурился о Либеларо, с подозрением заглядывая в глаза троллю, не начавшему вопреки лелеемым надеждам возмущаться, смущаться и протестовать.

— Если парень рассказывает девушке про число зарубок на топоре в ответ на ее вопрос, значит, не прочь за ней поухаживать. Коль девица в ответ о своих зарубках ответ держит, то и ей ухаживания желанны будут. Да только прежде ей надобно число зарубок на своем топорище сравнять с названным мною. Только тогда ее зауважают и достойной спутницей признают, — дал Фагард справку по тонкостям тролльих обычаев, тоже не упоминавшихся в лекции мастера-расоведа академии.

— Эй, выходит, ты вот так сразу себе невесту присмотрел? — поразился дракончик.

— Что значит — сразу? Я к ней с начала учебного года приглядывался. Теперь вот решил знакомство свести, коль случай представился. Ну а что? Дельная жена выйдет. Еще в возраст не вошла, а уже три зарубки имеет. Талант, годный для АПП, опять же, проявила. Чем не достойная спутница? Хорошая пара, — обстоятельно разъяснил Фагард.

— А как же любовь? — небрежно помахал руками в воздухе, изображая то ли крылышки, то ли вентилятор, Машьелис. — Ты ж не скажешь, что влюбился в нее с первого взгляда?

— Любовью, друг мой, сыт не будешь. А помощница и мастерица умелая всегда в цене. Да и… — Хаг немного смутился, но все же продолжил: — Симпатичная она, Рикха. Думаю, подрастет, мастерства наберется, все у нас с ней сладится.

Янка промолчала. Обычаи, а уж тем более брачные обычаи друзей, для нее так и оставались темным лесом. На расоведении Быстрый Ветер касался аспекта сердечных взаимоотношений у различных рас лишь в общих чертах, потому как единых обычаев и нравов не было и быть не могло. Сколько миров, столько и правил.

Кое-что за время совместной учебы Донская узнала, но только кое-что, каплю в море. Про то, что невест с женихами у троллей не бывает, лишь предварительный уговор, а потом сразу на родовом камне ритуальным топором ранят руки, кровь смешивают и с той поры мужем с женой считаются, Хаг ей рассказывал, сам.

Про эльфов Эльвидара — родного мира Стефаля — Донская знала еще меньше. Лишь обмолвился недавно друг, что с невестой своей из рода Аллео на каникулах свиделся, и договорились они руки ветвью Первого Древа переплести, когда девушка закончит обучение в храме Жизни у старшего целителя. Процессу обучения неспешные в своей почти вечной жизни дивные создания отводили не меньше четверти века. А до тех пор Стефаля и избранницу, подобранную ему Великим Древом, будут связывать лишь возвышенные отношения вроде романтических писем и редких встреч в лесах.

Сложно у эльфов с любовью. Вон Айриэльд Лаэрон, папа Стефаля, свою нынешнюю жену вообще из какого-то подземного «гроба» с помощью Первого Древа и напарников сына доставал — из-за ошибки юности. Теперь-то у него все наладилось. Ильрияль и Айриэльд готовились подарить Стефу и старшему наследнику семьи младшую сестренку. У Дивного Народа с определением пола никаких трудностей не возникало. Мать и отец сразу знали, какое дитя они встретят в мире.

Про радужных крайтарских драконов, к которым относился Машьелис о Либеларо, Янка и вовсе почти ничего не ведала и в библиотеке сведений не встречала. Упоминание Лиса о том, что бабушка ищет ему невесту по сходству аур и древности рода, особого значения не имело.

— М-да, ладно, все равно нам еще учиться три года, — отмахнулся от мыслей о предполагаемой свадьбе лучшего друга

Машьелис. Он и о своей-то, несмотря на все усилия, предпринимаемые энергичной бабушкой, не особо беспокоился. И вообще, как заподозрили товарищи, только-только начал интенсивно интересоваться девушками.

— Уф, хватит, — отодвинула от себя тарелку с недоеденной кашей землянка. — А то на медитации засну.

— Я, пожалуй, тоже вздремнул бы, — поддакнул дракончик, однако свои кашу, мясо и прочие блюда умял подчистую, после чего пододвинул к себе тарелку напарницы и прикончил остатки каши за нее. — Но кто ж нам, бедненьким, даст расслабиться? Если только подбросить Тайсе любовную записку от Ясмера?

Шкодливый парень оживился, словно по-настоящему обдумывал ценную идею.

— Не надо, — очень веско попросил тролль, легонько пристукнув напарника по лбу тщательно облизанной ложкой. — Нам еще у того и другой, как ты сам подсчитал, три года учиться. Так я хочу именно учиться, а не мучиться, расплачиваясь за твои шуточки.

— Скучный ты, — укорил Хага дракончик.

— А то ж, — зевнул во весь клыкастый рот тролль и с хрустом потянулся. — Пошли на медитацию!

— Хорошо, что я уже записочку подсунул, — показал другу язык Машьелис.

— Ты что сделал? — подчеркнуто медленно переспросил Фагард, наклонившись к напарнику.

— Записку подсунул, — осклабился шутник.

— Когда успел? — встревоженно охнул Стефаль.

— Я не сам, вчера еще домовичи попросил, чтобы сегодня до медитации в зал на столик Тайсе ее положил. Ему же везде теперь дорога, коль академия домом стала, — хлопнул ресничками дракончик.

— Ой, что же теперь будет, — заволновалась Яна, даже не представляя, как отреагируют сильфида, чей буйный темперамент прикрывала маска внешнего спокойствия, и строгий мастер Ясмер, когда узнают, что над ними столь жестоко пошутили!

— Ну чего вы всполошились? — Машьелис искренне не видел проблемы в затеянном им невинном развлечении. — Домовичи следов не оставляет, никто ни о чем не узнает! Весело будет! Там, глядишь, мастера, пока шутника найдут, друг с другом разберутся, признаются…

— Поставь купол тишины, — попросил тролль Стефаля. Тот мгновенно использовал эльфийское заклинание.

Облокотившись локтями о стол, Хагорсон почесал затылок и

подчеркнуто ласково попросил друга:

— А теперь давай подробно, что было в записке?

Лис наморщил нос, обиженно фыркнул, негодуя на не оценивших чудесную шутку друзей. И поведал следующее: от лица мастера Ясмера дракончик отправил сильфиде приглашение на завтрашний ужин в «Тихом уголке» — одном из самых симпатичных ресторанчиков Дрейгальта, куда любили заходить парочки, если желали не просто вкусно покушать в камерной обстановке, но и усладить слух лирической музыкой. И все было в «Тихом уголке» прекрасно, кроме безбожно кусающихся цен. Почерк мастера Ясмера Лис, разумеется, подделал каллиграфически.

— Значит, так, я не знаю, где ты найдешь домовичи (тролль покосился на пустой стол, за которым завтракал Ясек) и как будешь его упрашивать, хоть в ноги кидайся, хоть подкупай. Только у мастера Ясмера в ближайший час должна появиться записка от мастера Тайсы с точно таким же содержанием, какое ты подсунул сильфиде, — приказал Фагард.

Тон его был настолько суров, что, начни тролль трясти дракончика за грудки, и то эффект был бы меньшим.

— Что ты задумал? — осторожно уточнил эльф, настороженно прядая ушами. Склонности к дурацким шуткам за ответственным и практичным Хагом сроду не водилось.

Тролль тяжело вздохнул и попросил:

— Да, Стеф, нам из АПП не выйти, сам знаешь, декан запретил. Потому к тебе большая просьба будет. Сходи в «Тихий уголок», переговори с управляющим. Ресторанчик нужно будет снять на весь завтрашний вечер для пары мастеров. Плати столько, сколько запросят, наш друг о Либеларо все расходы возместит.

— А чего это я до… — начал было возмущаться Лис, наткнулся на ледяной взгляд друга, сглотнул, поник и кивнул, подтверждая готовность понести финансовые потери. — Ладно. Пошел я домовичи искать.

— Ступай, только прямо тут записку напиши, — ласково напутствовал напарника Хаг. — И если ты еще что подобное выкинешь, я твоим подружкам расскажу, что ты невесту ищешь, а еще лучше попрошу мастера Гада сделать оповещение для всей академии.

— Не надо! У меня уже одна невеста есть, и нас все устраивает, правда, Ян? — испугался угрозы парень и, шустро открыв сумку, достал писчие принадлежности. Изящным женским почерком, буквы которого походили на готовых вспорхнуть с бумаги птиц, Машьелис начертал записку, в которой от имени

сильфиды Тайсы приглашал Ясмера в ресторанчик и намекал на важную тему беседы.

Хаг, не доверяя напарнику, перечитал текст и убедился в отсутствии подвоха. Как только тролль вернул бумагу Лису, тот выскочил из-за стола:

— Так я пойду?

— Иди, шутник, пока я тебе пинка для скорости не дал, посуду мы за тебя отнесем, — поторопил невозможного напарника Фагард, а когда тот умчался, покачал головой: — Иногда я думаю, уж лучше бы он от каждой тени шарахаться продолжал, чем такое вытворять.

— Нет, так еще хуже было бы, лучше один раз за шкирку поймать, чем десять из окопов вытаскивать, — в свою очередь рассудила Яна. Ей бойкость дракончика, несмотря на побочные неприятные эффекты, очень импонировала.

Стефаль улыбнулся образному сравнению и тоже встал. Пусть «Тихий уголок» открывался лишь ближе к обеду, собственных учебных планов эльфа необходимость экскурсии в ресторан не отменяла, а значит, стоило поторопиться.

Хаг с Янкой вышли из столовой без обычного умиротворенного выражения на лицах. Все-таки ни тролль, ни человеческая девушка склонности к дурацким розыгрышам отродясь не испытывали, а сейчас поневоле принимали участие в одном их них.

С одной стороны, мастер Ясмер и сильфида Тайса, как определили студенты, питали друг к другу обоюдную симпатию, и дело было лишь за решительными шагами на этом пути, на которые никак не мог отважиться строгий и, казалось, не ведающий слабостей мастер Ясмер. С другой стороны, этих шагов мужчина мог не предпринимать еще долго, а Тайса принципиально не желала его подталкивать. Потому вмешавшимся в их отношения студентам, проведай педагоги о такой инициативе, могло не поздоровиться. Оставалось лишь надеяться, что учителям будет не до расследования. С первого курса Янка уже почти забыла и совсем не хотела вспоминать, каково это — драить ступеньки лестниц Башни Судеб и плиты на площади перед ней.

В зале медитации собирались, шумели, обсуждая наступающий день, студенты. Тайсы еще не было, когда Яна и Хаг заняли свои места. Даже Лис до появления сильфиды успел прошмыгнуть на коврик и замереть на нем с самым беспечно-ленивым видом, дескать, я тут уже давно, практически с вечера сижу, скучаю. Тайса появилась ровно с последним, третьим ударом колокола, поприветствовала студентов:

— Ясного утра! Сегодняшнее занятие мы целиком посвятим развитию интуиции. Потому достаньте колоду символов и приступайте.

— А если я забыл свою, мастер? Может, мы с Питом по очереди с одной колодой поработаем, а? — копаясь в сумке, выпалил Картен, вызвав у Цицелира сердитое пыхтение.

— Если забыли, то с интуицией у вас, студент Рос, совсем плохо, и, пожалуй, стоит сегодня после лекций прийти в зал медитаций для дополнительных упражнений, — безмятежно улыбнулась сильфида. — А пользование колодой напарника проблемы не решит, вы лишите его возможности полноценно сосредоточиться на тренировке.

— Уф, нет, взял, просто не в тот карман сунул! — торжествующе воскликнул голубокожий разиня, потрясая над головой футляром.

Еще в прошлом году каждому студенту вместе с учебными принадлежностями выдали на складе кожаный футляр, содержимое которого Янке сильно напомнило колоду карт. Это действительно была колода из ста пластин, только не игральных карт, а пяти повторяющихся значков. Что удивительно, не знаков Игиды или каких-то священных символов, а вполне обычных картинок: круг, квадрат, треугольник, звезда и крестик.

Тренировка в развитии интуиции, обязательном качестве каждого настоящего блюстителя, и вовсе оказалась элементарной. Надо было, листая колоду, угадать, какую картинку открываешь. Поначалу Донская никакой пользы в бессмысленной перетасовке колоды не видела, лишь старательно выполняла предписанные всем студентам регулярные тренировки, от души восхищаясь везучим Машьелисом. Тот угадывал семьдесят из ста картинок, у самой Янки хорошо если десять-пятнадцать правильных карт выпадало. Но потом потихоньку начал улучшаться результат у самой девушки и у всех однокурсников. Лис к третьему курсу угадывал девяносто-девяносто три картинки, Яна стабильно отгадывала больше шестидесяти.

Студенты в тишине спокойно постукивали карточками. Тайса, обозрев зал, перепорхнула к своему рабочему месту в уголке, куда заглядывала не так уж и часто, и наконец-то увидела белый квадратик, подкинутый вечером.

Чуть приподнялась тонкая бровь. Женщина взяла лист в руки, развернула, пробежала глазами короткий текст записки, и на губах ее мелькнула довольная улыбка.

«Уф, ничего не заподозрила», — мысленно утерла пот со лба Янка, продолжая машинально переворачивать картинки и раскладывать их в две стопы: угадала — не угадала. Когда

карточки под рукой неожиданно кончились, девушка озадаченно моргнула: пока она все свое внимание посвящала подглядыванию за сильфидой, как-то само собой получилось странное.

Еще разок пересчитав для верности обе стопы, Яна озадаченно нахмурилась. Угаданных карточек оказалось неожиданно много: целых восемьдесят одна из ста. Это было лучшим результатом за все время тренировок с колодой. Неужели совершенно случайно ей все-таки удалось достичь равновесия между чувством личной заинтересованности в результате и состоянием непричастности как основанием истинной интуиции, о котором говорила студентам мастер Тайса?

Подергав себя за кончик косы, девушка пожала плечами, перетасовала пачку с карточками и попыталась повторить результаты. Получилось не очень: угадала шестьдесят пять картинок. А все потому, что Янка то и дело отвлекалась. Никак не получалось сохранять эмоциональный баланс. Но теперь-то девушка знала, к чему стремиться! До конца занятия ей удалось повторить свой рекорд еще четыре раза!

На полосе препятствий к команде присоединился Стефаль. Там перемолвиться словечком удалось без труда — друзья лежали в траншеях и пережидали огненные и ледяные шквалы, следующие без четкой периодичности.

Сжечь напрочь и проморозить до смерти эти явления, рожденные не погодой, но фантазией мастеров, студентов, конечно, не могли, а вот подкоптить и охладить до дрожи — вполне. Потому бросаться без оглядки в битву со стихией никто не стремился.

Вжимая голову в траву, Стефаль отчитался:

— Я переговорил с управляющей Винеллой. «Тихий уголок» ждет гостей. Ужин на двоих будет готовить новый повар, выпускница-отличница Академии творения яств. Цветные фонарики, свечи и романтическая музыка в услугу включены.

— Спасибо, друг! Сколько Лис тебе теперь должен? — практично уточнил Хаг, зная природную скромность эльфа и его невеликое умение копить деньги. Нет-нет, мотом и кутилой представитель Дивного Народа отродясь не слыл. Просто Стеф обычно тратил всю стипендию на ценные книги и прочие важные для учебы вещи, не заботясь о том, что на студенческие развлечения у него ничего не останется. Папа Айриэльд, зная размер стипендии старосты и подъемных аспиранта, спонсировать юного сына не спешил.

— Шесть золотых, — неловко повел плечом эльф.

— Нормально! — одобрил тролль. — Я думал, меньше, чем за семь, не договоришься.

— Я не торговался, — порозовел Стеф. — Но госпожа Винелла проявила великодушие, когда узнала, что я пекусь о счастье мастеров АПП.

— А еще, кажется, ты ей понравился, — хихикнул Лис, беззлобно подковырнув напарника.

— Машьелис, почтенная госпожа уже бабушка и нянчит внуков! — шепотом возмутился Стефаль.

— И что, ей теперь на красивых молодых эльфов не любоваться? Душа-то возраста не имеет, а скидка — это всегда хорошо, — философски заключил о Либеларо и резко скомандовал друзьям: — Побежали, теперь полторы минуты ничего опаснее пары снежинок не будет.

Доверявшая чутью дракончика команда резво сорвалась с места, и до следующего окопчика они действительно добежали без проблем. Если не считать двух крупных снежных комков размером с дыньку, которые с поразительной меткостью с разницей секунд в семь угодили за шиворот Хагорсону.

Сидя в новой траншее и выгребая из-под одежды мокрый снег, тролль скрипел зубами:

— Пары снежинок, говоришь?

— Очень больших снежинок, — невинно поправился Лис. — Так ведь и ты, друг мой Хаг, парень не мелкий. Все справедливо!

— Ах, справедливо? — не на шутку возмутился тролль, отправил последнюю кучу снега за пазуху Машьелису и добродушно констатировал: — Вот теперь совсем справедливо!

Дракончик возмущенно зашипел, как чайник, который поставили на раскаленную плиту после мойки, и принялся отряхиваться. При этом парень громко сетовал на неблагодарного друга, его дефективное чувство юмора и потенциальную угрозу простуды. Хотел было демонстративно чихнуть, да не получилось. А Хаг сурово припечатал:

— Я тебя после выходки с запиской готов лично разогреть. Ремнем по заду!

— Варвар невоспитанный! Только и умеешь, что кулаками махать, — посетовал о Либеларо и даже попытался встать в позу, что при скрюченном положении было затруднительно, но попытку компания засчитала.

— Ох, Лис, — посетовала Яна, вытирая со лба грязь — результат неудачного приземления, — записка — это очень нехорошая шутка. Я с Хагом согласна!

— А я бы прутьями по рукам добавил, — задумчиво прибавил обычно очень мирный Стефаль и пояснил: — Мы так детей наказываем за жестокие шутки, когда объяснения не помогают.

— Покровитель, спаси! Что вы все накинулись? — огрызнулся

дракончик, втянул воздух через зубы, выдохнул и признался, растирая капли растаявшего грязного снега по физиономии: — Я ж и сам умом понимаю, что неудачная шутка… наверное. А только должен был я это сделать, чтобы их хоть так друг к другу подтолкнуть. С того дня, как Тайса обмолвилась про первый шаг, внутри зудело. И хоть ремнем, хоть прутом, а не мог я иначе…

Лис выдал еще один душераздирающий вздох и замолк, а Хаг раздраженно хлопнул ушами, опять свернул их в трубочки и наморщил лоб. Рядом тоненько присвистнул Стефаль и осторожно заметил:

— Полагаю, мы были не правы, осуждая Машьелиса, друзья. В нем говорило призвание блюстителя, основанное на развитой интуиции. Лис всего лишь пытался гармонизировать пространство так, как его толкало чутье, не обращая внимания на внешние приличия. Я не думал, что это чувство у вас начнет проявляться столь рано, все-таки третий курс и…

Эльф резко замолчал, осекшись на полуслове, как будто ему невидимый кляп в рот вставили. А потом тряхнул головой.

— Ты что? — подтолкнул его вопросом дракончик, повернувшись к напарнику и убедившись, что никаких посторонних предметов у того во рту не имеется.

— Теперь я гадаю, не упустил ли сам, торопясь из города в академию, кое-что важное, — раздумчиво протянул Стефаль и зарылся в сумочку с пластинками Игиды. Сломав знак СУАЗ, эльф промолвил: — Господин декан, есть срочный разговор.

— Проходите, — устало вздохнуло пространство и организовало портал «любимым» студентам прямо с почти пройденной до конца (осталось пересечь по косой последнее поле грязи) полосы препятствий.

То, что он поторопился с приглашением, мастер Гадерикалинерос понял сразу же, как только на его ковер в кабинете шлепнулось несколько комков полужидкой грязи и снега. Впрочем, тренированный ежедневным и порой круглосуточным общением со студентами на протяжении десятков лет, ругаться, скрипеть зубами и назначать наказания не стал. Только хмыкнул, привычно потер нос-сосиску, залез в кошель и надломил листик Игиды со знаком очищения. Компанию заодно с помещением на доли секунды заволокло светло-желтым туманом, а как только тот рассеялся, всё и все вновь заблистали чистотой.

— И? — уронил декан, требуя рассказа.

— В Дрейгальте, около десяти часов утра, я заметил в переулке Лавров Рольда, — решительно начал отвечать эльф. — Тот или сделал вид, что не признал меня, или действительно не

узнал. Рольд разговаривал с кем-то в темном плаще, капюшон собеседника был накинут на голову. Я торопился, потому не стал навязываться, прошел мимо. Но слышал, как звенели монеты и, поворачивая на улицу Горшочков, увидел, как Рольд ссыпает в мешочек горсть мелких красных дисков. Они были похожи на сушеные фрукты, но имели очень правильную форму. Поначалу я не придал особого значения увиденному, но несколько позже все обдумал и встревожился. Что, если Рольд подпал под действие нашего недруга, потому, будучи зачарованным, и не увидел меня?

— Хм-м, — цокнул языком декан, — давайте проверять. Студенты, пройдите в угол кабинета и прикройтесь знаком невидимости. Найдется?

— Есть, — отчитался Машьелис.

Он ухитрился за прошлый год так набить руку в изготовлении знаков, что скорость их прорисовки у дракончика-каллиграфа если и уступала штамповке, то совсем незначительно. Потому в кошеле-сумке у парня всегда был изрядный запасец.

Яна, к слову, после многих часов лабораторных, проведенных рука об руку со Стефалем, буквально водившим ее стижем по пустышкам Игиды, тоже худо-бедно навострилась выписывать знаки, но с Лисом ей, конечно, было не тягаться.

Вся команда быстренько, пока декан не передумал и не выставил их из комнаты, откочевала в угол и затаилась, использовав знак. Мастер тем временем вызвал к себе Рольда, небрежно кивнул ему, приветствуя, и тихо спросил:

— Сам расскажешь или как?

Юный помощник тренера Теобаля, формально вышедший из-под власти декана, но все равно продолжавший воспринимать мастера Гада как высшую власть и силу, густо, до ушей, покраснел и пробормотал тихо-тихо:

— Да мы ж ничего плохого… мы ж после занятий, у Рина день рождения. Чуток отметить хотели. Посреди циклады ведь выпал…

— Рольд, Рольд, — укоризненно покачал головой дэор и тихо, почти ласково, попросил: — Отдай.

Здоровяк вытащил из-за пазухи небольшой мешочек и положил его на краешек стола мастера. Печально-препечально вздохнул и поник аки цветочек. Очень большой цветочек, вроде подсолнуха-переростка.

— Верну в вечер седьмого дня циклады, — сжалился мастер. — Все же вы немалые расходы понесли. Но если еще раз замечу…

— Ни-ни, мастер, больше никогда! Да чтоб я на их уговоры

поддался! Стыдобы не оберешься, — замотал головой и замахал ручищами Рольд.

Бочком-бочком с удивительной для столь массивного тела грацией юноша выскользнул за дверь, даже не задавшись вопросом: откуда и как декан прознал про мешочек с запретным товаром. Наверное, глубина уважения и опасения юным тренером мастера Гада были столь велики, что в подсознании очень крупным шрифтом отпечаталось правило: «Мастер Гадерикалинерос знает все!»

— Так это отрава или не отрава? — не выдержала душа Машьелиса пытки неизвестностью. Он вырвался из угла и теперь приплясывал у стола руководства, почти требуя ответа.

— Отрава? Это кому как, тебе вот точно не стоит употреблять, — усмехнулся Гад, развязал завязки на мешочке и высыпал на стол горку красных плоских предметов, больше всего, по мнению Янки, походивших на таблетки для обеззараживания воды.

Лис дернул носом и разочарованно протянул:

— Выпивка-а-а?

— Ой, — тихо сказал Стефаль и заалел ушками. Оказывается, в стремлении защитить АПП и друзей он только что заложил декану товарищей, собиравшихся всего-навсего устроить посреди циклады пирушку, не дожидаясь выходного дня.

— Выпивка. Один такой камешек на кружку воды — и готово превосходное вино. Пяток бросишь — и целый кувшин, — согласился дэор с легкой усмешкой, одним махом сгребая со стола «таблетки» обратно в мешочек и затягивая шнурок.

А Хаг раскатисто рассмеялся и попросил:

— Мастер, коль Стеф и мы тут для раскрытия заговоров без надобности, вы нас назад не отправите? Мы ж еще как раз добежать до финиша успеем.

— Валите, — махнул рукой дэор, открывая портал. На сей раз он даже поленился использовать лист Игиды. В конце концов, не дети малые, уже должны понимать, для чего и когда знаки нужны, а когда можно и своими силами воспользоваться. Если, конечно, два с лишком года учились в АПП, а не штаны и юбку просиживали.

Чистые и сухие студенты свалились аккурат в свежую грязь очередной канавы, из которой выбрались точно такими же грязными и сырыми, какими явились на ковер к декану. Машьелис принюхался к обстановке, дал отмашку, и команда сорвалась в места, наверстывая упущенное время.

Глава 11
ТЯЖЕЛЫЕ УРОКИ И ДРУЖБА КАК ЛЕКАРСТВО

После прохождения полосы препятствий команду ожидала штатная нахлобучка от мастеров. Хвалили тренеры студентов редко. Нет, на первом курсе почаще, а как блюстители втянулись и вошли в ритм, так все реже и реже. Время преподаватели предпочитали тратить на «разбор полетов» и дельные замечания. Пустая похвала — штука куда менее полезная для будущего блюстителя пророчеств, чем ценный совет. Так что Янкина команда уже и не ждала никаких комплиментов от тандема спортсменов — спокойно выслушивала анализ действий и отправлялась мыться. А наградой за успех было ребятам очередное усложнение каждого нового задания.

После серьезных перестановок в городском совете, когда с насиженных мест слетело сразу несколько его постоянных членов, а кое-кто «упорхнул» прямиком в тюрьму за взятки и растраты, финансирование АПП было увеличено.

Теперь оно перестало напрямую зависеть от численности студентов. Исходя из этого параметра рассчитывались лишь статьи расходов на форму, учебные принадлежности и питание. Оснащением академии напуганный совет занялся на редкость добросовестно. Так, к примеру, Коллегией артефакторов были усовершенствованы артефакты-модуляторы пространства для тренировок по ССС у Аниты и магическим практикам у Брэдока, а спортивный корпус заполучил выполненную Коллегией артефакторов новую моделируемую полосу препятствий с пространственным расширением. Как уже говорилось, одновременно там могли заниматься практически все студенческие команды АПП, и каждая проходила свою полосу соответствующего уровня сложности. Кроме того, сам процесс прохождения записывался на кристаллы и просматривался мастерами при необходимости.

Теперь душ стал для всех третьекурсников местом, обязательным для посещения, Чистым или хотя бы относительно чистым с занятий не выхо… нет, не выползал никто. Стенай, не стенай, милосердия тренеры не знали. И сочувствие к вопившим о грязи под ногтями, ссадинах или синяках могли проявить только одним-единственным образом: назначить дополнительный час тренировки для улучшения спортивной формы жертвы. Пит,

Ириаль и Картен попробовали — им не понравилось. Остальные сочли пример «награжденных» достаточным и на себе испытывать не стали.

Впрочем, теперь усталость после физкультуры почему-то не казалась смертельной, и если не целиком, то частично смывалась контрастным душем. Для девушки «контрастный» означало чуть тепленький и горячий, парни же спокойно включали себе ледяной. И никто даже ни разу не чихнул. Да что парни — насколько знала землянка, ледяной душ запросто выдерживала Ириаль, а Тита так и вовсе предпочитала его. У пещерников, наверное, наблюдались трудности с подогревом воды, и Елбаст привыкла мыться тем, что есть, лишь бы вода как таковая была.

Из спортивного корпуса освежившиеся третьекурсники, надев вычищенную спортивную форму, порысили в корпус блюстителей к мастеру Гаду на лабораторную работу. А Стефаль отправился в Сад Игиды для продолжения работы над проектом.

Гадерикалинерос встретил своих ребят с деловито-задумчивым видом. В шкаф за лабораторными наборами не послал, зато, дождавшись, пока студенты рассядутся и приготовятся внимать, начал небольшую лекцию:

— На занятии по артефакторике вы пробовали себя в создании постоянно существующих объектов-артефактов. Но между начертанием знаков на листьях Игиды и этим трудом существует промежуточный этап.

— Чертить несколько знаков Игиды на одной пластине, что ли? — выпалил, не раздумывая, Картен.

— Хм, полагаю, этот способ попробовали многие, — усмехнулся Гад.

Большая часть студентов, надо сказать, стыдливо потупилась, Лис досадливо цокнул языком, дескать: пробовал, обломался. В число экспериментаторов не вошли лишь Ольса, Максимус и Юнина как самые дисциплинированные и Яна как самая «талантливая» в черчении. Если тебе и один знак покарябать в тягость, два и три ты точно на пробу выводить не станешь!

— Что ж, стремление к знаниям и проверка своих сил — не такая уж плохая мотивация, — снисходительно кивнул декан. — Разумеется, ваши листья-пустышки не выдержали подобного обращения и рассыпались в пыль, не дожидаясь заполнения энергией. Один лист — один знак, таков закон, и не вам его менять. Однако существует еще один способ. Изображения знаков Игиды можно наносить на предметы и объекты пишущими палочками, получаемыми из мела и пыли Игиды. Высокой эффективностью способ не обладает. Залитая сила растрачивается за несколько десятков секунд, и изображение

пропадает. Кроме того, существует лишь узкий перечень знаков, годных к использованию через начертание карандашом с пылью. Мы с вами их рассмотрим. Основным признаком годности знака к начертанию является мгновенность и однократность действия. Знак мимикрии или невидимости, действующий пять секунд, пользы не принесет. Но даже краткий перечень применяемых знаков может оказаться полезным в практической работе блюстителя. Итак, в ящиках ваших столов лежат по несколько пишущих палочек и губки. Можете их забрать для лабораторной и дальнейшего использования.

Яна, как и ее однокурсники, заглянула в ящик и вытащила самый обычный на вид тонкий белый мелок.

— Итак, ХИЗ! Разбейтесь на пары для отработки знака.

Из лабораторного кабинета студенты выходили разочарованные и утомленные черчением, кто эффективным, а кто и бесплодным. Тут десять раз кряду, как на пластинке Игиды, работу переделывать не получалось. Накосячил, знак выцвел и не сработал. Корябай заново! Студенты скрипели зубами, мелками и извилинами, а Гад только невозмутимо взирал на страдания-старания третьекурсников. У Янки, работавшей в паре с Титой, вообще не получилось ничего! Девушка после лабораторной напоминала себе д'Артаньяна, которого обсыпали мелом — из бородатого анекдота про Илью Муромца. И зачем только душ принимала!

Лис и Хаг пережили «меловой период» более удачно. У них из семи изученных знаков в конце концов сработало аж три. Но почти все студенты решили, что знаки на листьях Игиды понадежнее и поудобнее, а мелки — это уж так, баловство, на самый крайний случай. Этим и объяснялся факт, поначалу показавшийся третьекурсникам странным, — почему про пишущие палочки никто из старших друзей ничего не говорил. Вот потому и не говорил, что ничего хорошего про этот странный способ сказать было нельзя.

После изучения «палочной» методики традиционными лабораторными трудами со стижем и пустышками студенты занялись почти с удовольствием. Еще час они усердно корпели, пополняя запасы знаков Игиды для личных сумок. Поскольку работа с едким раствором йиражжи и сам процесс начертания символов требовали великой сосредоточенности, перебросить словечком не получилось.

Когда Гад попросил Янкину команду задержаться после занятия, девушка решила, что декану стало известно о шутке с записками и сейчас последует достойная награда в виде назначения отработки.

Ан нет! Мастер ругаться не стал, напротив, коротко похвалил за четкое исполнение пророчества о Снежной Владычице, короткую сводку по которому ему передал декан Ротамир. Особо дэор отметил не только рациональное использование знаков, но и подручных средств. Под последними подразумевались рогатка, которой Янка открывала ставни, и снежок, коим Лис вышиб стекло.

Единственным скорее не замечанием, а вопросом дэора был вопрос о знаках. Гад дал своей самой проблемной — не в смысле неуспеваемости, а по части нахождения на свои шеи массы проблем — команде студентов-блюстителей практический совет. Им порекомендовали использовать знак поиска для определения всех субъектов пророчества сразу после переноса в мир пророчества. Интуитивное чувствование нужных личностей, конечно, тоже развивать полезно и необходимо, но все-таки пока пренебрегать знаком не стоит.

Друзья стыдливо переглянулись и промолчали, пытаясь сойти за умных. Не сообщать же мастеру о собственном склерозе, спровоцированном то ли морозом, то ли головокружением от успехов? Увы, после встречи с Гедаром и Кердой никому и в голову не пришло пошарить по округе знаком поиска.

И все равно, уходили ребята от декана в состоянии легкого обалдения-удивления. Чтобы Гад вот так взял да и похвалил за просто так! Наверное, они и впрямь начали незаметно для самих себя превращаться в настоящих блюстителей пророчеств!

Довольно потирающий ладошки гоблин в своем обычном болотно-зеленом костюме уже поджидал жертв магических практик. Донская в очередной раз задумалась над сакральным смыслом одеяния мудрого мастера. Форма Брэдока выглядела так: замызганная рубашка и застиранные тренировочные штаны с пузырями на коленях. Было ли действительно одеяние просто изношенными вещами, привычными старику, или наряд обладал скрытыми артефактными свойствами, гадало не одно поколение студиозов. Кое-кто даже пытался задавать вопрос в лоб. Но мастер мастерски уходил от ответа, оставляя за собой право на загадочную непостижимость. Выкрасть же для изучения облачение старого гоблина пока никто не отважился!

Выстроившимся по стеночке тренировочного зала блюстителям Брэдок радостно объявил:

— Ясного дня, я вам приготовил сюрприз, ребятки!

Ириаль придвинулась поближе к Юнине. На всякий случай она взяла напарницу за руку и для страховки прихватила второй за одежду. (С мастера сталось бы для начала разбить группу,

вынудив членов команды поискать друг друга.) После нечаянного обнаружения родства вампирша заметно изменила свое отношение к сестре-эльфийке. Раздражения в поведении стало меньше, а вот терпимости и желания защищать заметно прибавилось. Наверное, не так уж много у Шойтарэль имелось родственников, которых не хотелось убить с первого взгляда.

— Мы хоть выживем? — мрачновато пошутил в ответ Максимус, в прошлый раз выползавший из учебных катакомб на четырех конечностях с Ольсой наперевес.

— Все в ваших руках! — благожелательно ответствовал мастер, хлопнул в ладоши, активируя настройку зала, и оповестил: — Учебная ситуация — штурм замка. Задача — похищение объекта, помеченного желтым маркером. Метод — на ваш выбор. Разнообразие приветствуется!

Вторым хлопком ладоней старый гоблин перевел зал в рабочий режим. Тот мгновенно распался на несколько иллюзорных реальностей, в каждой из которых оказались высоченный замок, окруженный крепостными стенами, и одна из команд блюстителей.

Свист стрел над головой, яростные крики отрядов, штурмующих стены, даже ветер, бьющий в лицо, — все казалось совершенно настоящим. Правда, Янка уже успела проверить на опыте — серьезную травму в этой «игре» получить было практически невозможно, а вот незачет — раз плюнуть. В последнюю цикладу второго курса отличился только Цицелир, умудрившийся сломать ногу на ровном месте.

— Так, я полетел! — подмигнул друзьям Машьелис и, не дожидаясь возражений, перекинулся в дракона.

С момента первого оборота, спровоцированного подлитой в сок рябиновкой, Машьелис о Либеларо существенно подрос и даже немного заматерел. Теперь он габаритами был не с исхудавшего на жесткой диете слона, а как минимум вдвое поболее самого крупного млекопитающего Земли. Впрочем, увеличение массы и роста не умаляло изящества пропорций дракона, а блистающая радугой чешуя заставляла прищуривать глаза. Симпатичный вышел из Лиса дракон, нет, даже не просто симпатичный, а настоящий красавец. Молодой дракон знал, что он хорош, и демонстрировал свое великолепие друзьям. А чего пренебрегать подходящим случаем? Машьелис даже заложил дополнительный вираж над головами Янки и Хага, ничуть не опасаясь случайных стрел, отскакивающих от чешуи.

Под изумленный рев масс, как осажденных, так и осаждаемых, ящер взмахивал крылами, легко набирая высоту. Ввергнутые в ступор или впавшие в панику люди дали

дракончику выполнить свою миссию. Он легко взмыл в воздух, в несколько взмахов могучих крыльев оказался у помеченного объекта, сцапал его багряный плащ когтями одной лапы и спланировал к друзьям.

Вот только тушка объекта — рыцаря в легкой кольчуге — в когтях радужнокрылого красавца, которым Яна любовалась с искренним восхищением, обвисла уж больно безжизненно.

— Видать, окочурился со страха, болезный, — резюмировал Хаг и озадаченно почесал щеку когтем.

— М-да, это незачет, — печально согласился Лис, возвращаясь в свою обычную форму, после того как в его когтях истаял объект проваленной миссии.

Призрачная реальность мигнула, восстанавливая прежний вид. Снова отряды пошли на штурм замка, а герой в плаще был победоносно воздвигнут на стене. Теперь уже команда действовала более осторожно. Учли «больное сердце» объекта и решили исключить малейший шанс испуга. Команда под невидимостью перенеслась на стены с помощью левитации, а сонные чары и купол неуязвимости надежно укрыли «жертву» ото всех возможных угроз. Кстати, купол очень пригодился, потому как все стрелы захватчиков и камни отражающих штурм вдруг стали лететь точно в спящего героя. Зная зловредную изобретательность Брэдока, любой из блюстителей мог бы поклясться в неслучайности явления.

Вторая попытка Янкиной команде засчиталась как успешная. Когда ноги объекта коснулись травы у замка, перед глазами студентов вспыхнула цифра один.

Реальность снова мигнула, являя привычную картину штурма, стимулирующую команду к изобретению очередного способа изъятия героя из гущи сражения.

На этот раз способ опять изобретал Лис. Парням, по мнению землянки, досталась самая тяжелая часть работы — они рисовали! Бесталанная в изобразительном искусстве Яна от черчения была категорически отстранена.

Пара кругов переноса — один в замке, второй в относительной безопасности за его пределами — были изображены Хагом и Лисом палочками из мела, спрессованного с пылью Игиды.

Вот и пригодилась сегодняшняя лабораторная! Чертеж знака ХИЗ — символа мгновенного переноса, вычерчивающийся одновременно в двух местах, напарники переделывали раз пять. Приходилось то и дело шарахаться от вездесущей массовки, норовящей испортить работу! Но они-таки смогли синхронизировать начертание знаков и уложиться в хронометраж

истаивания символов. Через СУАЗ дали отмашку Янке. Ей отводилась главная действующая роль в представлении.

Она ухитрилась паническим призывом о помощи выманить героя в знак переноса, вычерченный Машьелисом под покровом невидимости на плитах в замковом коридоре. Притворяться девушка не очень умела, врать не любила, но зачет есть зачет. Потому испуганная студентка (а попробуй не испугайся, если в перспективе маячит пересдача темы) вопила очень даже правдоподобно!

Четвертого способа ни изобрести, ни испытать троица не успела. Вид на осажденный замок сменился просторным залом академии с четырнадцатью взмыленными, взъерошенными и грязными блюстителями в придачу.

— У кого меньше двух удачных попыток и больше одной провальной — жду на дополнительное факультативное занятие завтра, — обрадовал студентов мастер.

Яна, Хаг и Лис переглянулись и выдали на удивление слаженный вздох облегчения. Они уложились! И пусть опять требовалось навестить душ, а форма вопила о чистке, друзья были почти довольны.

Но так повезло не всем. Кто-то бурчал, как Авзугар, вокруг которого приплясывала Тита, кто-то причитал, как Цицелир, или ругался, как Ириаль, а то и натурально всхлипывал от разочарования, как Таата. А мастер прохаживался между студентами и бросал пару-тройку слов то здесь, то там.

Как уж он ухитрялся следить за всеми и ничего не упустить из вида, не имея талантов силаторхов и дэора, студенты не знали. Но мастер действительно замечал все, как и Анита! То ли «оборудование» с артефактной настройкой давало широкие возможности, то ли звание мастера АПП обязывало!

— Поняли, в чем ошиблись? — подкинул гоблин вопрос Янкиной тройке.

— Кто же знал, что у них там драконы в диковинку, — пожал плечами Лис.

— Надо было уровень здоровья объекта определить, — предположила Яна, до сих пор испытывавшая неловкость и чувство вины, стоило только вспомнить обмякшее тело в когтях Машьелиса.

— Прямой контакт с блюстителем для субъекта или объекта пророчества может обернуться шоком, порой смертельным. Это нужно учитывать при любом раскладе, — отметил мастер, согласившись с Яной, и, переведя взгляд на дракончика, добавил: — Спешка не всегда хороша, парень.

— Осознал, — легко покаялся Машьелис, бахнув себя

кулаком по груди. — Такого больше не повторится!

— Это уж точно, повторяться ты не умеешь, — хихикнул гоблин и посеменил терроризировать наставлениями следующую команду третьекурсников.

В душе Янка еще и вымыла голову — в волосы набилось столько пыли, словно она не в иллюзии играла, а перенесла пяток натуральных штурмов. Сразу полегчало, появился аппетит. Поскольку напарников ждали факультативы, в столовую девушка пошла одна и в одиночестве же переделала часть заданий на эту и следующую цикладу. Как раз успела освободиться до вечера, когда с факультатива по артефакторике вернулась уставшая и бесконечно довольная Иоле.

Йорд, поступивший на работу в Коллегию артефакторов, помогал невесте в выходные дни, и увлечение предметом, сдобренное любовью к жениху, у Латте все возрастало.

Янке даже показалось, что подруга немного похудела с начала учебного года. Неодобрительно нахмурившись, Донская в приказном порядке отправила Иоле купаться, а потом столь же безапелляционно заставила ее выпить чаю с прихваченными из столовой пирогами. Поужинать ифринг, захваченная восхитительной идеей нового проекта, то ли не успела, то ли вовсе позабыла. О хлебе насущном, а также о мясе, молоке и прочих полезных и нужных для жизни не меньше, чем любовь и работа, продуктах девушка не сочла нужным позаботиться.

— Знаешь, подруга, — заговорила Яна только после того, как Латте насытилась, — нельзя так себя загонять! Если ты будешь забывать кушать и отдыхать, то так и до лекарского корпуса с истощением доберешься, а не к Йорду на свидание!

— Прости, Ян, а? — выразительные глазищи ифринг умоляюще глянули из-под полосатой челки. — Я постараюсь быть внимательнее. Очень интересная тема попалась!

— Тем интересных еще прорва будет, а ты у нас одна! — припечатала Яна и, не удержавшись, крепко обняла подругу.

— Спасибо, — сморгнула слезки растроганная Иоле, сыто рыгнула в ладошку и спросила: — У вас как дела? Ты права, что-то я увлеклась артефакторикой и обо всем позабыла. Очень уж соскучилась за каникулы по занятиям!

— Неплохо, — поразмыслив, заключила Яна. Рассказывать о шутке Машьелиса с записками девушка не стала, потому что тайна эта принадлежала не только ей, а вот о «штурме» у мастера Брэдока поведала и поделилась своей тревогой:

— Может, так и надо. Не знаю. Мне показалось, Лис очень легко отнесся к гибели человека. Нет, это, конечно, иллюзия и все такое прочее. Скорее всего, в реальности он будет не так

самоуверен и более осмотрителен. Замечания мастера Лис принял. Только у меня до сих пор тягостно на душе…

— Ты не огорчайся, Яночка. — Иоле подсела на диван поближе к подруге. — Лис не глупый и не злой, он все поймет. Мы же пока лишь студенты. Для того и нужны занятия.

— Надеюсь, — согласилась та, и девушки стали готовиться ко сну.

Мирные воды глубокого сновидения аккурат посреди ночи были взбаламучены тревожным шепотом Хага. В темное время суток ход в девичью часть общежития был для кавалеров заказан, но голос тролля донесся до Яны через знак СУАЗ.

— Ян, прости, разбудил. Не знаю, что делать. У Лиса кошмары, уж третий за ночь. Просыпается, засыпает и опять кричит.

— Для хорошего сна теплое молоко с медом пить надо, — машинально пробормотала все еще не проснувшаяся толком девушка.

— Э-э-э, — крякнул Хаг. — Молоко у меня есть. Кувшин целый. А вот мед…

— Сейчас принесу, — подавив зевок, пообещала Яна и, движимая чувством долга, выбралась из кровати.

Своей пасеки у Донских не было. Мед для дружеских чаепитий землянка покупала в лавочке фееры вместе с красивыми янтарными кусочками сахара. Добрая толстушка никогда не запрашивала непомерных денег. Или так везло только Янке? Как-то она слышала возмущенное щебетание нескольких студенток, потративших на обновки всю стипендию.

Надев халатик и любимые тапочки, ничуть не износившиеся с первого курса и не утратившие милой пушистой желтизны, Яна с горшочком меда продефилировала к двери. Заучившаяся Иоле сладко спала и без молока, она даже ухом не повела.

У друзей неярко светился ночник, взъерошенным воробьем сидел закутанный в одеяло Машьелис, Хаг что-то шаманил у нагревательной пластины. Обычно парни «столовались» в Янкиной комнате, но на всякий случай пластину себе завели.

— Теплое, а не горячее! — заметив подозрительные пузырьки на поверхности кружки, скомандовала девушка. Поставила мед на стол и, оттеснив тролля от процесса приготовления, взялась за дело. Часть горячего молока была перелита в новую кружку. К кипятку Яна долила более прохладного, попробовала и только затем добавила пару чайных ложек меда. Тщательно перемешала, снова попробовала и довольно кивнула. То, что надо!

Присев на кровать к нахохлившемуся дракончику, девушка заботливо скомандовала:

— На! Мелкими глотками выпей до дна.

— И кошмаров не будет? — недоверчиво прищурился Лис.

— Никаких кошмаров, крепкий и спокойный сон! — с абсолютной уверенностью в голосе объявила Яна. Она проследила, чтобы друг выпил все до капли, отдала кружку Хагу и мягко попросила его, многозначительно покосившись в сторону ванной:

— Вымой сейчас, а то утром не отмоется.

Фагард понятливо кивнул и исчез, за дверью зашумела вода. Яна ласково погладила дракончика по длинным светлым локонам и сказала то, что говорили тысячи раз до нее и скажут еще столько же:

— Все будет хорошо.

А Лис неожиданно судорожно втянул носом воздух и расплакался навзрыд. Не рассуждая, не примериваясь и плюя на всякие этикетные правила, Янка сгребла заматеревшего друга в объятия. Крепко-крепко прижала к себе и, тихонько раскачиваясь, полушепотом запела парню на ухо старую потешку, которой ее саму с детских лет и по сию пору утешала мама:

Не хнычь, не плачь,
Куплю калач.
Не реви, не ной,
Куплю другой.
Глазки утри.
Куплю тебе три.

Поначалу на миг-другой Лис закаменел всем телом, а потом, наоборот, разом расслабился до бескостной мягкости, умудряясь при этом цепляться за Янку, как утопающий за спасательный круг посреди штормящего океана.

— Кошмары. Тот парень в плаще. Мертвый… Я же никого раньше не убивал вот так, совсем случайно. Когда не враг, а просто… А этот пустыми глазами на меня глядит, укоряет: почему не спас. Потом душить начал…

Отрывистая, неразборчивая речь Машьелиса, уткнувшегося носом ей в плечо, звучала глухо. Но Яна поняла главное: она сильно ошиблась сегодня, плохо подумала о друге. Тот переживал неудачу со спасением ничуть не меньше, а, пожалуй, гораздо сильнее напарницы.

— Он не придет больше. Ты его спас потом, два раза спас! Спи, теперь ты всегда будешь видеть, как надо делать и как исправлять, ты умеешь, — шепнула девушка и возобновила свой нехитрый напев.

— Мне мама никогда колыбельных не пела. Она всегда была, как бабушка — леди Левьерис. Красивая, умная, далекая. А ты поешь… — не пожаловался, скорее, поделился болью и горечью Лис.

— Пою, мне моя мама пела, я знаю как. Хочешь колыбельную? — ласково предложила Яна.

— Хочу, спой, — попросил парень. Чуть отодвинувшись от подруги, он взбил кулаком подушку, прикрыл глаза, свернулся клубочком на кровати, пусть и великоватый вышел клубок.

И Яна вполголоса запела привычную колыбельную, какой укачивали ее, а теперь пели сестренке:

Улетел орел домой,
Солнце скрылось за горой…
Ветер после трех ночей
Мчится к матери своей…[1]

— Мне почему-то кажется, когда ты рядом, все будет хорошо. Вообще все и всегда, — сонно бормотнул дракончик и заснул уже окончательно. Развернувшись из клубка, вольготно разметался по кровати. Тонкое лицо его было безмятежно, а пальцы правой руки накрепко вцепились в поясок на Янкином халате.

Верно выбрав момент, выключил воду и вернулся из ванной Хаг. Глянул на спящего напарника и одними губами шепнул:

— Спасибо!

Потом прижал оба кулака к груди на уровне сердца и низко поклонился девушке. Яна кивнула, принимая благодарность, развязала узел и вытащила поясок из петель халата. Так она и ушла к себе, оставив Машьелису свой пояс как залог отличного сна без кошмаров. Халатик хоть и был теплым, но без пояска ночной сквознячок, прокравшийся под полой, обдал прохладным ветерком. Девушка невольно поежилась, и тут же от запястья, где с прошлого года привычно устроился браслет помолвки из храма Ветров, пришла волна тепла, смывающая холод. Янка благодарно коснулась украшения и поспешила в кровать.

Ни один из студентов не узнал, что под дверью комнаты несколько минут простоял декан, выдранный из постели магической сигнализацией, подававшей знак о присутствии в комнате парней девушки. Остроты слуха, пусть и не столь безупречной, как обоняния, Гаду оказалось вполне достаточно, чтобы верно определить причину визита. Потому он ушел так же тихо, как и появился. Не маленькие детки, сами разберутся.

Иоле безмятежно спала, когда Янка вернулась к себе, и очень удивилась утреннему визиту Машьелиса, притащившего поясок

от халатика подруги. Впрочем, ни о чем спрашивать не стала. То, что порой лучше молчать, чем говорить, было известно ифринг и без знакомства с рекламой ирисок.

От ночного смятения чувств у дракончика не осталось и следа, он был, как обычно, бодр, весел и безмятежно счастлив. Яна только порадовалась настрою друга. Принять и понять ошибку, перешагнуть через нее и спокойно жить дальше — таким талантом обладает не каждый.

За обычными студенческими хлопотами и занятиями пролетел день. Янка поначалу все ждала, что вот-вот явятся разгневанные Тайса, Ясмер или оба вместе и взгреют ребят за обман, но нет, учебный круговорот никто не нарушил воспитательной встряской, и девушка окончательно уверилась, что затея Машьелиса выгорит.

Мирное спокойствие Яны было вызвано еще и тем, что следующие занятия с мастерами значились в расписании лишь на следующей цикладе. Испортила настроение объективная реальность. Вернее, объективная рассеянность. Регулярные (три дня подряд как минимум) тренировки с набором карточек для развития интуиции были рекомендованы Тайсой всем блюстителям. И когда Донская полезла в кармашек сумки, где обычно таскала колоду, набора там не оказалось. Зато коварная память подсказала: хозяйка забыла свои карточки в столике зала медитаций. Нет, можно было бы воспользоваться и чужим, взять «напрокат» у той же Иоле, но сильфида особо предупреждала студентов о том, что самыми эффективными становятся упражнения с привычным материалом.

Ничего не сказав напарникам — сама забыла, самой и забирать, — Яна после общих лекций, когда друзья отправились на тренировки с оружием, двинулась в корпус блюстителей на верхний этаж, в зал, чья дверь теперь помечалась тремя зелеными полосками, указывающими на курс занимающихся в помещении студентов.

Встретить кого-то в зале девушка не ожидала, однако на всякий случай проформы ради стукнула в дверь и только потом открыла створку. И сразу же порадовалась собственной предусмотрительности.

— Ясного дня, — вполне благожелательно поприветствовала студентку сильфида, высвобождаясь из объятий мастера Ясмера и оправляя растрепавшиеся волосы. Скрыть припухлость зацелованных губ она даже не пыталась. — Ты что-то хотела, Яна?

— Ясного дня, да, я колоду в столе забыла, — выдавила зарозовевшая и застеснявшаяся за себя и за обоих застигнутых на горячем мастеров девушка. — Можно?

— Конечно, возьми, — великодушно разрешила мастер, и Янка почти бегом метнулась к своему столику, схватила нужную вещь и, пробормотав извинения, убралась из зала. Едва она закрыла дверь, как щелкнул запираемый изнутри замок, а тонкая полоска сочащегося в коридор света заблестела радугой. Судя по всему, мастер Тайса решила продемонстрировать мастеру Ясмеру блеск своих великолепных крыл.

Янка сдула со взмокшего лба прядку волос и поспешила в общежитие. Кажется, никакого допроса с пристрастием о подложных записках мастера учинять не собирались ни сейчас, ни вообще когда-либо. Их все устраивало. В конце концов, кому и верить в Судьбу, как не преподавателям Академии пророчеств и предсказаний?

Глава 12
ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕРВАННОЙ ДЕГУСТАЦИИ

Прошла уже пара циклад, за которые ни один из студентов-третьекурсников не попытался убить другого. Во всяком случае, убить сознательно и злонамеренно. Фаербол, сорвавшийся с пальчиков малышки Тааты и полетевший в сторону Хага, отвязавшаяся под тяжестью Машьелиса веревка, узел которой не закрепил растяпа Картен, и приготовленная на весь курс витаминная настойка от Цицелира, перепутавшего безобидную и очень полезную ягодку с ее ядовитой товаркой, в расчет не брались.

Все безобразия студенты творили по собственному гениальному разгильдяйству, не прибегая к посторонней магической и физической помощи. Отрабатывали ошибки мытьем лестниц и плит, а также дополнительными занятиями тоже сами.

Этакое затишье перед бурей заставляло нетерпеливого дракончика буквально рыть землю и ехидничать насчет самоуверенности ядодела, заготовившего на каникулах всего пару ловушек. Наверное, если бы не разрядка — три пророчества успели выпасть на долю Янкиной тройки за короткий промежуток времени, — Лис точно что-нибудь натворил бы. А так он только донимал друзей выдвижением все более фантастических гипотез и почти уже собрался требовать от декана права выхода за ворота АПП, чтобы половить Паука на живца. Разумеется, никем из напарников он рисковать не желал и роль подсадной утки с удовольствием исполнял бы сам. Жаль, никто из тех, кто обладал властью и правом решать и разрешать, мнения дракончика во внимание принимать не собирался.

Как раз на это в очередной раз громко и с чувством сетовал Машьелис друзьям, собравшимся вечером под сенью са-орои в уютной комнате Стефаля. Дракончика слушали не то чтобы терпеливо и внимательно, но слушали. После всего, учиненного Лисом с записочками, его слушали всегда. Лучше услышать и проконтролировать, чем разгребать последствия! Экономия нервов, времени и сил выходила изрядная! И пусть о Либеларо по сути ни в чем не был виноват, его вело чутье блюстителя, а все же проблемы-то из-за его чутья возникали самые настоящие. Яну более всего озадачивал энтузиазм друга. Инстинкт самосохранения у него никогда не вступал в конфликт с тягой к

авантюрам, умудряясь мирно соседствовать с нею и процветать. Так вот, сейчас девушка никак не могла взять в толк: если Лису не страшно, и значит никакой угрозы для жизни нет, почему же тогда всякая ядовитая пакость лезет? Или Паука просто нет в городе, потому Лис и рвется на прогулку?

Стефаль рассеянно улыбался, отдыхая в обществе друзей, и слегка хмурился, будто тучка набегала на безоблачный небосклон, когда снова вспоминал о пророчестве, в очередной раз нависшем над АПП. Летописи и архив поведали эльфу достаточно, чтобы он понимал: ничего катастрофического не происходит, течет обычная жизнь необычной академии. Однако когда о такой «обыденности» слышишь на лекциях из уст декана Ротамира или читаешь в мирных стенах архива о уже сбывшемся и благополучно миновавшем, все кажется простым, безопасным, понятным. Совсем иначе воспринимается ситуация, если дело касается грядущего и твоих близких. А команда успела стать для Стефаля Лаэрона по-настоящему родной.

Очередной драматический пассаж Машьелиса завершился, и эльф по праву гостеприимного хозяина предложил:

— Сока хотите? Я вчера в Дрейгальте купил кувшин свежего сока милиники. У нас в лесах его считают не только вкусным, но и очень полезным напитком.

— Давай! — сразу согласился охочий до новых продуктов и явлений дракончик.

Эльф выставил большой кувшин на стол, открыл плотную крышку, давая соку подышать, как хорошему вину, и полез в буфет за стаканами. Избалованная са-ороя легонько зашелестела листиками, напрашиваясь на угощение.

В дверь для проформы постучали и, не дожидаясь ответа, вошли. Мастер Гад возник на пороге статуей пушкинского командора и устало не то попросил, не то обреченно потребовал:

— Скажите мне, что это вы!

— Ну, чего уж там запираться, — скромно шаркнул ножкой Машьелис, не только в глубине души, а и совершенно явно гордящийся своим подвигом на ниве сводничества: — Это мы. Вернее, я. Это я записочки про ресторан мастерам подкинул.

— Какие записочки? Ты о чем? — встряхнулся Гад, сморщив нос и машинально почесав свою самую выдающуюся (из находящихся на виду) часть тела. По мнению мастера, разговор свернул куда-то не туда.

— Ой, — показательно смутился дракончик, забегали шкодливые глазки. — А вы о чем?

— О Прялке и ткацком Станке Судьбы, — дал короткую справку декан.

— Нет, это точно не мы, — почти огорчился студент и, конечно, сразу же полюбопытствовал: — Что с ними случилось-то?

— Они пропали. Остается надеяться лишь на то, что случилось, как ты выразился, пророчество, то самое пророчество, о котором я уже вам говорил, — хмуро выдал мастер и по памяти процитировал:

Исчезнут до поры судеб важнейшие плетенья,
Что всем основа и опора древних стен…

— Ну да, похоже, что пророчество, — задумчиво согласился Хаг.

— То есть вы решили, что это мы Прялку и Станок из Башни перепрятали от греха подальше, чтобы врагу не достались? — загордился масштабами подозрений высокого начальства Машьелис, аж выпятил грудь и приосанился.

— В Башню никто чужой пройти не может, верно, мастер? — осторожно уточнил Стефаль, уже ни в чем не уверенный точно.

— Так считается. Охранных сетей АПП никто не касался, камни Башни не помнят чужих, — согласился дэор. Он так и не присел, хотя са-ороя с готовностью трансформировала в удобное кресло для гостя одну из нижних ветвей. — Однако великих артефактов нет в Башне Судеб. Мы пока не поднимали тревоги, прорицатели тоже не советуют торопиться. Знаки Игиды помочь не в силах, поисковые знаки рассыпаются пылью. А гаданья дарят загадочные словеса вроде таких: «Вне зрения живых созданий, но неизменны нити бытия». Если в ближайшее время реликвии не будут найдены, то…

Гад осекся на полуслове, так и не позволив слушателям узнать о мерах, которые мастера собирались применить для поиска и возвращения на исконные места легендарных артефактов.

Нос дэора расширился, дернулся, а сам мастер метнулся к кувшинчику с соком и деревянным голосом уточнил:

— Кто-нибудь уже успел выпить отсюда?

— Нет, я только достал кувшин. Хотите сока милиники, мастер? — любезно предложил эльф.

— Откуда он? — отрывисто бросил вопрос Гад.

— Я вчера принес из города, — все еще не понимая причин расспросов, более походивших на допрос, терпеливо ответил Стефаль. — В лавке «Эльфийские сласти» купил.

— Че, опять отравлено? — непосредственно удивился Хаг.

— Опять, — подтвердил догадку тролля мастер, прикрывая

опасное содержимое милого пузатого кувшина крышкой.

— Не понимаю, — удивился Машьелис. — На воротах теперь такой контроль, артефактов защитных понаставили. Ничего ядовитого пронести нельзя — так, чтобы вой до небес не поднялся. Парни жаловались, что и пиво уже за яд принимают.

— Сок милиники в сочетании с вытяжкой из плодов авади очень полезен для эльфов и вампиров, а вот для представителей других рас смертельно опасен, — нарочито спокойно объяснил декан. — Потому Стефаль легко пронес напиток в академию.

Посеревший лицом «отравитель» заикнулся было:

— Уверяю вас, мастер, торговец продавал чистый сок без примесей.

Но Гад остановил его взмахом руки и предложил:

— Думаю, тебе следует снять рубашку, Стеф, чтобы мы смогли осмотреть руки.

Встревоженный юноша, помнивший рассказ друзей о Таате и Мисаги, мгновенно рванул завязки. Он сдернул через голову жилет и рубашку, обнажив торс — предмет мечтаний многих студенток.

Сейчас никто любоваться импровизированным стриптизом не стал. Зато руки, в частности, локти эльфа, осмотрели с повышенным вниманием и не нашли ничего, кроме маленькой точки уже не красного, а коричневатого оттенка. Метка была настолько похожа на крохотную родинку, что Янка и не придала бы ей никакого значения, зато декан помрачнел лицом. Только тогда девушка сообразила: у эльфа на теле, в отличие от людей, не было ни единой родинки.

— А метка-то старая, — присвистнул Лис. — Когда это тебя угораздило нашему Пауку попасться, Стеф?

Расстроенный эльф только беспомощно повел плечами и первым встревоженно предложил:

— Мастер, расспросите меня под знаком, вдруг я не только сок должен был предложить друзьям?

— Хорошо, — не стал клясться в полном доверии к несчастному юноше дэор. Он использовал знак глубокого транса ТОРАН и спросил у замершего с невидящим взглядом Стефаля: — Когда ты попал под воздействие?

— Три циклады и два дня назад, — добросовестно отчитался юноша.

Лис присвистнул, оценивая срок, и шепнул: «Да за это время он нас уже раз десять отравить мог!»

— Пытался ли ты до сегодняшнего дня по приказу причинить вред напарникам или кому-либо другому?

— Нет, — прозвучал звонко-безжизненный ответ.

— Почему?

— Так решил тот, кто приказывал.

— Когда ты его встретил?

— Я выходил из ресторана «Тихий уголок». Меня подкараулили в переулке. Слегка укололи в руку сзади. И начали расспрашивать.

Стефаль подробно описал диалог с «невидимкой». Осмотрительный враг по-прежнему беседовал с жертвами, стоя за спиной, потому описать его внешность эльф не мог. Зато стало ясно, почему столь длительный срок никто не пытался отравить друзей. Околдованный Стеф поведал Пауку об усилении охраны АПП. Тот приказал жертве забыть разговор и явиться на следующую встречу, которую назначил на вчерашний день. Там же эльфу повторно укололи руку и отдали приказ купить сок. Добавку к нему Паук подмешал самолично. Более никаких распоряжений бедняге не отдавалось.

Гад разрешил юноше помнить все содержание «допроса». На очнувшегося Стефаля было больно смотреть. Еще бы! Он, находясь под властью врага, только что едва не отправил на тот свет лучших друзей! Впрочем, друзья ничуть не винили жертву Паука. Напротив, Янка сочувствующе обняла, а парни похлопали по плечам. В исполнении Хага такое «подбадривание», конечно, немного походило на месть, но Стеф-то знал, что ничего дурного тролль не желал.

Между тем, пока эльф одевался, подуставший от ведения допроса декан прошелся к столешнице, сцапал кувшин с соком, налил себе стаканчик и махом ополовинил.

— Мастер?! Зачем? — отчаянно возопила Янка, не успевшая остановить декана.

— Сказал бы, что устал от всех вас и хочу смертного покоя, — задумчиво начал дэор, покачав в пальцах полупустой стакан, да только Лис помешал продолжению страшной шутки, напомнив подруге:

— Он же дэор, Ян. На них вообще никакая отрава не действует.

А декану подарил исполненный укоризны взгляд: и не стыдно, дескать, до полусмерти наивных девушек пугать! Об осведомленности команды о расовой принадлежности мастера ему еще в конце прошлого учебного года проболтался Машьелис, обожавший похвастаться какими-то личными или общими достижениями перед тем, чье мнение ценил и уважал.

— Ой, забыла, — покраснела от неловкости землянка. — Извините. Приятного аппетита.

— Скажите-ка мне, студентка Донская, с какой редкой расой

вы знакомились на прошлой лекции по расоведению? — вкрадчиво осведомился мастер, продолжая невозмутимо прихлебывать напиток.

— С дракессами. Они не полукровки, а самостоятельная раса, обладающая тремя физическими равноправными оболочками: гуманоидной формой, обликом ледяной змеи и дракона, — отчиталась на зубок выучившая определение Яна.

— Гм, в таком случае прошу прощения, — немного сконфузился декан. — Я был уверен, что последняя тема у вас была «дэоры». Очевидно, Быстрый Ветер немного скорректировал учебный план.

— У нас сейчас лекции идут без четкого плана, — снова влез неуемный Машьелис, вопреки наличию замечательных древовидных кресел и лавочек обосновавшийся на некоем подобии табурета в развилке са-орои где-то под потолком. — Сначала несколько циклад прошлогодние повторяли. Теперь же, как к редким расам перешли, мастер предложил начать курс с преподавателей АПП. Вы же, почитай, все у нас в академии редкие! Мы заспорили, а Кайрай о ректоре Шаортан вспомнил как о самой главной. Поэтому с дракесс и начали.

— Ой, мастер Гад, — опомнилась и поспешила воспользоваться возможностью Яна, — а как вы думаете, можно мне к ректору подойти с просьбой поделиться фольклорным расовым материалом? Мне мастер Быстрый Ветер опять сбор песенных форм задал на весь семестр.

— Вот сама скоро и спросишь, впрочем, не вижу причин, по которым мастер Шаортан тебе откажет, — едва заметно усмехнулся чему-то декан и, развернувшись к эльфу, уточнил: — Ты как, Стеф, в достаточной мере пришел в себя, чтобы принять участие в ритуале?

Юноша как раз опустошил стакан с тонизирующим соком, потому не поперхнулся от неожиданности, только отставил в сторону емкость и кивнул. Вместо эльфа вопрос задал дракончик:

— Какой ритуал?

— Балда! Три жертвы теперь есть, можно творить ритуал поиска нашего общего «друга» Паука, о котором говорил мастер, — добродушно напомнил Хаг задумавшемуся о чем-то напарнику. Тот тут же отбросил все лишние мысли.

— Эй, мастер, мы с вами пойдем!!! — Птичкой слетел с веток сердито зашуршавшей листвой са-орои Лис и почти вплотную подскочил к Гаду с явным намерением вцепиться в мантию, если вредный декан решит обойтись без его, Машьелиса, вдохновляющего присутствия.

— Разумеется, о Либеларо, условия сотворения ритуала

требуют непосредственного участия как жертв-контактеров, так и намеченных Пауком живых целей, — снисходительно усмехнулся юной горячности дракончика Гад и специально для остальных членов команды добавил: — Всех целей.

— Так это же здорово! Жаль, так, как сейчас, советника в прошлом году поискать не вышло! — затараторил возбужденный, предвкушающий шоу Лис. Только кругами не начал бегать, как жаждущий немедленно отправиться на прогулку щенок.

— Да, — неожиданно согласился со студентом мастер. — Нужных жертв не хватило. К сожалению, деревья Игиды, пусть фактически и являлись пострадавшими от деяний безумца, никак не смогли бы принять участие в ритуале, а одним Цицелиром мы бы не обошлись.

Яна только зажмурилась и помотала головой, пытаясь избавиться от жуткой картины, нарисованной внезапно разыгравшимся воображением: вот величественные деревья из золотого подземного сада встряхивают кронами, выдирают корни и начинают медленно, роняя комья земли и листья, двигаться вверх по широкой лестнице, дабы настигнуть и покарать обидчика. Прямо-таки какой-то «День Триффидов» представился.

Между тем декан, не посвященный в странные фантазии землянки, не давая иных пояснений, стал действовать. К чему пустые слова, если студентам вскоре представится возможность все увидеть и попытаться понять самим? Знак СУАЗ отправил просьбу декану летописцев Ротамиру о доставке Мисага Куяри в ритуальный зал корпуса блюстителей. Второй вызов почему-то отправился к мастеру танцев Пичельэ, а третий к Таате Голвин с мягкой просьбой поскорее подойти к декану в общежитие.

По царственному взмаху руки Гада студенты потопали к кабинету, где застали ожидающую мастера запыхавшуюся хоббитянку. Та, хоть и не знала за собой никакой вины, слегка волновалась. Просто так ведь декан не стал бы ее вызывать? В отличие от компании Яны, для которой посиделки с вареньем в компании Гадерикалинероса за два года стали почти традицией, прочие, более везучие студенты, не общались с иронично-строгим мастером слишком близко и систематически. Во внеучебное время дэор посещал и вызывал своих подопечных большей частью ради срочного стимулирующего нагоняя. Все остальные вопросы он предпочитал решать на занятиях или на переменах.

Прямо из коридора дэор открыл портал в Зал ритуалов. Здесь ребятам бывать еще не доводилось. Внутри просторного помещения оказалось мрачновато. Окон не было, осветительных шаров и прочих артефактных ламп, привычных студентам академии, тоже не имелось. Рассеянный и какой-то тускло-серый

светлился из боковых светильников, горящих в первой трети зала, а остальное пространство терялось среди теней.

Четверо званых и незваных «гостей» уже присутствовали тут. Декан Ротамир с растрепанным Куяри, настороженно зыркающим по сторонам, стояли у самого входа. Не по-эльфийски толстенький ярко-полосатый мастер Пичельэ, на чьи факультативные занятия по танцам Яна ходила весь прошлый год, прохаживался у стены. Еще здесь была ректор Шаортан, которую Янкина компания увидеть в общем-то не ожидала. Ее-то Гад не звал. Хотя, учитывая способность дэора к умножению собственных сущностей, декан вполне мог известить дракессу о сборе лично, а не через знак. Все-таки начальство!

Все вразнобой поздоровались. Завидев Гада с выводком студентов, учитель танцев окинул нетипично цепким взглядом всех присутствующих, будто не только считал их по головам, а еще и мерку снимал, хорошо, если для пошива одежды, а не для деревянного макинтоша.

— Ясного дня, проводим ритуал трех кругов и зова? — доброжелательно уточнил эльф у дэора с улыбкой, снова превратившей его в добродушного толстячка.

— Да, — подтвердил декан.

— Вот и замечательно, вот и хорошо. — Бормоча себе под нос эти слова, мастер вытащил из кармана белый мелок — не палочку с пылью Игиды, о которых рассказывал студентам Гад, а самый натуральный белый мел. Им Пичельэ ловко, не опускаясь на колени, начертил на темной сплошной плите пола нечто, более всего похожее на трилистник или схему молекулы из учебника химии. Причем, хоть мастер и не пользовался никакими инструментами, картинка вышла на загляденье: все три листика походили друг на друга, как зеркальные отражения. Выпрямив спину и оправив чистой рукой полосатую мантию, эльф с добродушной усмешкой палача скомандовал: — Жертвы, в круг.

Стефаль молча шагнул внутрь верхнего лепестка, стараясь не задеть меловую линию.

— Может, не надо, я никогда ничего больше не буду! Отработаю где угодно, клянусь сияющими чертогами и зеркалом Теимарису! — всхлипнул Мисаг, уцепившись за мантию Ротамира.

У Тааты на расширенные от ужаса глаза навернулись слезы, и она вцепилась пальчиками в рукав своего декана. Тот только обреченно вздохнул и коротко объяснил категорическую команду полосатого чертежника:

— Мисаг, Таата, вы, как и Стефаль, недавно стали жертвами враждебного воздействия. Чтобы отыскать того, кто причинил вам

вред, мы и проводим ритуал.

— А-а-а, так бы сразу и сказали, — испустил вздох облегчения все еще подрагивающий шкодник Куяри и почти спокойно занял место в свободном лепестке трилистника. Таата глянула на декана и, приободренная его кивком, посеменила в последний лепесток.

Позабавившись реакцией студентов, мастер Пичельэ продолжил трудиться над рисунком. Теперь он изобразил еще один трилистник, только ножки у листиков оказались подлиннее. Центр же лепестков совпадал.

— Цели, в круг, — отдал новый приказ эльф.

Гад подтолкнул Лиса, Хага и Янку к престранному цветочку со словами:

— Вставайте.

Мало что понимающие, но очень заинтригованные студенты повиновались. Пичельэ придирчиво осмотрел свое творение и то, как в него вписались живые фигуры, взамен практически израсходованного вытащил из кармашка новый мелок, каким-то чудом ухитрявшийся не пачкать одежду. Перехватив инструмент поудобнее, в считаные секунды мастер заключил свой «цветик-шестицветик» в равносторонний треугольник.

— Опоры и поручители, ваш черед! — отрывисто приказал толстячок, с лица которого сбежала улыбка. Кажется, рисование давалось ему нелегко.

По углам треугольника встали деканы и ректор. Художник несколько раз глубоко вздохнул-выдохнул, наклонился и, не прерывая линии, не оглядываясь и не примериваясь, вписал треугольник в круг. После чего поспешно вышел за пределы рисунка. Уколов палец о красивую и, как раньше полагала Яна, чисто декоративную пряжку ремня, преподаватель измазал кровью остатки мелка и метко послал их в центр рисунка. Мелок почему-то рассыпался красными брызгами-каплями. Линии запылали холодным синим огнем, бросающим на лица собравшихся причудливые тени. Мастер Пичельэ из добродушного толстячка превратился в суровую глыбу. Даже улыбчивый рот казался трещиной, вырубленной первобытным жрецом в монолитной скале.

Эльф-призыватель открыл рот и исторг из глубины легких нечто среднее между хрипом, скрежетом и воплем. Яна смогла разобрать в этом диссонансном сумбуре лишь отдельные слоги:

— Кжгрх… тргрв… фффззаргжжж…

Выпалив это непроизносимое нечто, мастер простер руки к сердцевине узора, где примерно в полуметре над полом практически сразу начал формироваться полупрозрачный шар,

словно выдуваемый незримым стеклодувом из затемненного стекла. Слабый свет чертежа ритмично запульсировал. В шаре поначалу было пусто, потом появилась дымная взвесь, и вот уже внутри оказалось нечто, кутающееся в плащ с капюшоном.

— Ясного дня. Прости, что вызов столь официален, но нам нужна особая услуга, — промолвил Гад.

Капюшон развернулся в сторону дэора, ожидая конкретизации просьбы.

— Отыщи и доставь в академию того, кто подчинил волю этих троих. — Декан поочередно указал на каждую из жертв Паука: Таату, Мисаги и Стефаля.

Капюшон едва заметно склонился, обозначая кивок еще не согласия, но внимания к словам говорящего.

— Того, кто жаждал гибели этих троих, — продолжил Гад, на сей раз указывая на Яну, Лиса и Хага.

Капюшон снова обозначил движение и уточнил хриплым шипением:

— Оплата?

— Артефакт-накопитель силы? — вступила в переговоры Шаортан. Наверное, по праву ректора лишь она имела право вести торговлю.

— Нет, — резко скрежетнул призванный.

— Твое условие? — выгнула бровь дракесса, ничем не выказывая нетерпения или неодобрения поведения типа в плаще.

— Пусть она, — рукав махнул в сторону Яны, — уберет в моей комнате.

— Твои апартаменты регулярно чистят знаком Игиды, — удивилась Шаортан, выгибая бровь. Кажется, ректор искала подвох в требовании и пока не могла найти. Ничего невозможного испрошено не было. А странности… так у кого их нет?

— У меня от пыли Игиды чешется чешуя, никакая ванна и крем до конца не помогают, — совершенно по-человечески пожаловался незнакомец. — А она, — рукав опять взмахнул в направлении землянки, и раздалось одобрительное ворчание, — умеет убирать руками. Пусть завтра уберет!

Янка в ответ на вопросительные взгляды собственного декана и ректора пожала плечами и кивнула. Если для пользы общего дела, да и своей собственной — почему бы и не убрать? Это не дополнительную контрольную по знакам писать!

— Хорошо, сделка, — дала согласие Шаортан с царственным кивком. — Доставь сюда преступника.

— С-сделаю, — прошипели в ответ.

Плащ с капюшоном истаял клочьями, демонстрируя фигуру,

очень отдаленно напоминающую человеческую или даже скорее обезьянью. Если, конечно, можно представить гигантскую фиолетово-багровую безволосую чешуйчатую обезьяну с чернильными узорами, глазами навыкате, какими-то вывороченными ноздрями, клювом с частоколом острейших зубов вместо рта и тремя хвостами, каждый из которых оканчивался крюком.

Вызываемый втянул в себя воздух, словно был собакой, берущей след, и исчез из центра рисунка, Пичельэ вздохнул с облегчением, вернул на лицо улыбку и вполне благожелательно оповестил участников действа:

— Жертвы и опоры могут покинуть круг ритуала.

— Это треугольник, — не преминул поправить геометрическую ошибку мастера Лис.

— Сие есть название формы вызова, а не именование чертежа, — усмехнулся эльф.

Гад только глаза закатил, дескать, чего ждать от этого студента? Куяри и Таата, перепуганные даже не общением, а обычным созерцанием «фиолетовой обезьяны», охотно выскочили из треугольного круга. Мастер Ротамир, добродушно обещая перенервничавшим студентам по чашечке чая с успокоительной настойкой и вкуснейшими конфетами, увел их за собой. Стефаль, хоть и вышел из своего лепестка, пожелал остаться с командой.

— Это кто ж такой красивый был, а, мастер? — не утерпел и полез к Пичельэ с новыми вопросами дракончик.

— Дейсор, демон-преследователь, внушающий страх, блюдущий порядок, творящий кошмары, — охотно дал тот справку по любимому предмету.

— А-а-а… так это наш, академический, демон был, поэтому вы так с ним разговаривали, — догадался Машьелис, наморщил нос и выдал уже друзьям: — Красавец! Хорошо, что у нас нет дара к демонологии, да?

— Ой, точно, — от всей души согласилась землянка. — Даже подумать страшно, не то что попробовать такое начертить и выговорить!

— Хм, так демон тебя, Яна, не напугал? — заинтересовался беседой Пичельэ, пожалуй, впервые проявив более внимания к находящимся в зале студентам, чем к вызываемому дейсору.

— Если сравнивать с чертежами и именем, его внешность не самое страшное, — чистосердечно призналась землянка под добродушные смешки мастеров.

Пусть со своего дебюта в области абстракционизма и символизма, состоявшегося на рисовании, Яна и достигла некоторых успехов, скажем, могла чертить знаки Игиды на

листьях, не переделывая заготовки раз по двадцать, но все равно признавала собственную явную бесталанность в области рисования. С меловыми-то палочками Игиды у нее вообще ничего не получалось.

А материал о дейсорах девушка читала еще на первом курсе после отработок, когда «Энциклопедию демонов» приволок из библиотеки в общежитие Машьелис. Можно бояться чего-то или кого-то загадочного, странного, опасного и неизвестного. Но бояться того, о ком написано в справочнике, у Донской не получилось. Все опасения по поводу незримого контролера их отработок как отрезало.

Зато с той поры в памяти сохранилось немножко информации. Скажем, плащ, в который кутался демон, являлся не одеждой, а частью его тела и именовался «плащом ужаса», именно с его помощью демон принимал пугающие жертву обличья. Вернее, накидывал стойкую иллюзию. Длинные руки, чешую и хвосты плащик не убирал, а одежды из ткани демон не носил. Может, это и попирало все правила приличий, но, честно сказать, видение штанов с большой дыркой на тылах для трех хвостов показалось Янке забавным. Наверное, потому, что демон в таком одеянии напоминал бы соседского ротвейлера дамского пола, разгуливающего по квартире в спортивных трусах владельца, чтобы в критические дни не пачкать мебели и полов. Словом, причудливая кучка этих воспоминаний и ассоциаций никакого страха у Яны спровоцировать не могла, а уж после требования убрать помещение даже тень опасения исчезла. Ну и что, что хвостатенький и чешуйчатый, на обезьянку-мутанта похожий, зато чистоту любит! Значит, свой человек, то есть… демон.

Глава 13
ПРОРОЧЕСТВО С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Пока ребята решали, кто чего больше боится, воздух в мутном шаре над чертежом мастера Пичельэ снова пришел в движение. Обезьяна-мутант, оказавшаяся дейсором, появилась там вместе с каким-то внушительным свертком. Одним движением длинные руки демона вытряхнули из «кулька» содержимое. «Носильщик» устало рыкнул:

— Исполнено. Жду уборки!

И пропал. Зато «содержимое» свертка осталось в шаре. Им оказалась молоденькая худенькая девушка с короткими белыми волосами и яростно сверкающими лиловыми глазами, обряженная в поварской костюм с эмблемой «ТУ» на рукаве. Серая униформа с характерным беретом, которую использовали здешние мастера-кулинары, была вполне узнаваема. Янка не раз видела ее в Дрейгальте. Даже повара, готовившие прямо на улице и продававшие с лотков, предпочитали общий стиль.

— Ой, — выдохнула землянка, никак не ожидавшая увидеть эдакое чудо с перепачканными в муке пальцами.

— И это наш страшно-ужасный Паук? — поддержал подругу Лис, подступая поближе к шару. Хаг лишь крякнул.

— Дейсор не допускает ошибок. Страх — не главное оружие демона. Он никогда не упускает добычи и проходит по нитям судьбы прямо к цели, — спокойно констатировал Гадерикалинерос, разглядывая подарочек в шаре, который метнулся по замкнутому пространству и завопил:

— Отпусти меня, я страже жаловаться буду!

Сквозь мутную поверхность шара заключения девица разглядела подошедшего к ней дракончика и заорала еще громче, возможно, надеясь сразить противника звуковой волной:

— Это похищение!

— Зачем же ты извести нас хотела, а, милашка? — выпалил Машьелис, подходя поближе к ловушке.

— Я помощник повара в «Тихом уголке»! Я требую, чтобы меня отпустили! Это какая-то ошибка! — застучала кулачками о пружинящую, как мячик, поверхность ловушки девица.

— Так вот как и где она тебя подловила, Стефаль! — озарило Лиса.

Дроу после этих слов мигом прекратила притворяться

перепуганной и возмущенной. Осталась только чистая нерассуждающая ярость. Девица даже попыталась плюнуть в лицо дракончику, но плевок, разумеется, не долетел до цели, растекшись по внутренней стороне ловушки. Повариха шипела, билась о полупрозрачный барьер и, кажется, вполне профессионально материлась.

— Госпожа, ваша вина доказана уже тем, что вы были принесены сюда в результате ритуального поиска демоном дейсором, — спокойно вступил в беседу декан. — Подобные действия признаются в мире Игиды в целом и стражей Дрейгальта в частности в качестве доказательств, не требующих сбора дополнительных улик и допросов.

— Ненавижу! — выпалила девица, остановив поток сквернословия. Она сжала руки в кулачки и до крови закусила губу. — Как же я ненавижу вас, всевластных пророков-предсказателей, по одному мановению руки которых ломаются жизни!

— Чего-то я не понимаю! Кто тут кого извести собирался? Такое впечатление, что это не она нас к предкам отправить хотела, а мы ее, — картинно изумился Машьелис оригинальному заявлению пленницы.

Шаортан и Гад тоже выглядели весьма заинтересованными речами обвиняемой. Но сами поддерживать беседу пока не торопились, давая возможность молодому поколению проявить себя. В очередной раз, наверное, использовали ситуацию для учебы и воспитания, не сказать — дрессировки блюстителей пророчеств.

— Так за что ты нас приговорила, девица-красавица? — прогудел Хагорсон, слегка хмурясь и разглядывая маленькую дроу без неприязни, но с явственной озадаченностью.

Стефаль как лицо небеспристрастное предпочел последовать примеру учителей и самоустраниться от расспросов той, по чьей милости он едва не отправил к богам и новому рождению лучших друзей. (Об иммунитете к ядам, дарованном кровью дэора, бедняге эльфу ради безопасности членов команды так до сих пор и не сказали.)

— Вы разрушили жизнь и свели с ума моего единственного родича — дядю Ширьлу! — с пафосом выдала повариха, гордо вскинув голову. Правда, беретик такого жеста не выдержал и, разрушая всю патетику момента, сполз девице на один глаз, превратив ее из героини в хиппующую оригиналку.

— Ширьлу? Это тот псих, который едва Сад Игиды не извел, чтобы себе саженец в оранжерею заполучить? — обрадованно уточнил о Либеларо. Радовался он, правда, не деяниям бывшего

члена городского совета, ныне кукующего в психиатрической больнице, а подтверждению собственных догадок.

— Вы свели дядю с ума! Ненавижу! Выродки! — скандировала пленница.

— Это тебе дядюшка сказал? — вполне миролюбиво подкинул вопрос дракончик.

А вот Яна, миролюбивая до тех пор, пока речь не заходила об угрозе дорогим людям, уже начинала понемногу закипать, выслушивая беспочвенные оскорбления в адрес друзей и уважаемых мастеров.

— Как бы он смог?! — запальчиво выкрикнула жертва дезинформации. — Его рассудок помутился от вашей проклятой магии!.. Вас всех, гадкое семя пророков, хотела бы извести и разрушить Башню Судеб, сровнять с землею сами стены академии! Таким выродкам, ради власти калечащим разум невинных, нельзя жить! — продолжала бушевать девушка, и Янка не выдержала:

— Да что бы ты понимала в этом деле! — выкрикнула приговорщица, наставив на повариху указательный палец, и конфузливо ойкнула, почувствовав привычную волну энергии, прокатившуюся по телу от средоточия силы до указующего перста.

С девушкой в шаре-клетке тем временем стало твориться странное. Она сначала побелела до слияния цвета лица с волосами, потом покраснела, снова пошла пятнами, схватилась руками за голову и упала на пол, скорчившись в позе эмбриона и тихо поскуливая.

— Ох, я не хотела, простите, — испугалась нечаянно сотворенному приговору землянка.

— Все в порядке, Яна, — мягко промолвил декан, положив руку на плечо потрясенной девушки. — Часто та правда, которую не желают понимать и принимать, приходит очень болезненно. Особенно если осознаешь, что, ведомый ложными обвинениями, натворил столь многое и едва не совершил непоправимого злодеяния. Понимание подобного бывает стократ болезненнее мук физических. Если, конечно, у познавшего истину есть совесть и честь.

— Околдовали, — жалко проскулила пленница, обхватившая голову руками.

— Скорее, развеяли дурман, — сурово отчеканила Шаортан, наконец-то решившая вмешаться. Она выступила вперед и веско молвила: — Яна — приговорщица, чьи слова по высшей воле обретают силу праведного суда. Лжи Силы не допустят. За неправедный приговор злоупотребивший дарованным

могуществом лишается дара. Ты ведь сама все понимаешь, девушка. Речь лишь о том, найдешь ли мужество осознать.

Тщетно пытавшаяся бороться с рухнувшим на нее пониманием юная дроу перестала сжимать голову руками и села внутри шара. Ее тело била дрожь, но фанатичная ярость ушла, плясали дрожащие губы, тряслись руки. Девушка крепилась недолго и наконец бурно разрыдалась. Сквозь потоки слез пробивались несвязные слова, смысла которых никто из блюстителей расшифровать не брался даже при помощи переводческой магии АПП.

— Может, ее оттуда как-то достать можно? — спросила сердобольная Янка у мастеров.

— Пока ритуал не завершен, нет, — суховато проинформировал Пичельэ. Кажется, толстячок особенного сочувствия к пленнице демонической ловушки не испытывал.

И все стали ждать. Минут через пятнадцать слезы и истерика мало-помалу прекратились, стихло и шмыганье носом. Отрыдавшая девушка взглянула на публику красными, как у кролика-альбиноса, глазами, вытерла лицо подолом фартука, оставив на щеках мучные следы, как рассеянный индеец, перепутавший краску — знак объявления выхода на тропу войны, — и потерянно прошептала:

— У меня же, как мать с отцом погибли на алтаре Ллос в пещерах, никого не осталось. Только дядя — сводный папин брат — опекал. Я его добрым, хорошим, щедрым и заботливым считала. Каким бы он ни оказался, лишь ему я оказалась хоть немного нужна. Потому и почти обезумела, когда все случилось. Меня в Дрейгальте не было, училась в Академии творения яств. А вернулась… и пусто. В его доме общественная оранжерея. Все вызнала у стражей, которые дело вели. Подчиняла их и расспрашивала. Про команду троих студентов-блюстителей, которые в протоколе записаны как наложившие приговор болтливости, который дядю в тюрьму привел, главный страж-следователь рассказал. У него имена выяснила. Слушала и не верила, на свой лад толковала, потому на всех в АПП и разозлилась разом.

Гад досадливо отметил:

— Такого варианта получения информации мы не учли и не проверили. Хорошо хоть тогда в протокол дрейгальтской стражи старый список команды ушел.

— Вы же учителя, а не следователи, — сочувственно вставила Яна.

— Теперь я вспоминаю про слова стражей о шкатулке с ядом, которым пытались отравить вашего студента, и понимаю, это же

я… Я!!! Дядя у меня выспрашивал при встрече, как можно сирена памяти лишить. В шутку вроде бы, а я хвасталась, хотела показать, что не только яства искусные готовить умею, многому мама меня научить успела. Это ведь дядя мне посоветовал в Академию яств учиться идти, обучение разом за все семь лет оплатил. Пожалел? Или хотел, чтобы у него послушная отравительница под рукой имелась? Что же мне делать? Я натворила такого… такого… — каялась и пробовала искать ответа у собственных пленителей и несостоявшихся жертв запутавшаяся девушка.

— Чтобы выйти из ритуального шара, следует сказать фразу-ключ, размыкающий внешние оковы: «Виновна. Готова принять кару по мере содеянного», — деловито дал справку Пичельэ.

— Так же любой преступник сбежать может, брякнет, что положено, и ищи, Творец, по мирам! — полушепотом принялся возмущаться Лис, явственно рассчитывавший не столько на скандал, сколько на практическое объяснение деталей ритуала.

— Шар дейсора напоен особой магией. Он исчезнет, только если ритуальные слова идут от сердца, — невозмутимо объяснил демонолог.

Юная дроу послушно повторила за эльфом нужную формулу и плюхнулась на пол. Хаг успел первым и помог девушке подняться, даже свалившийся поварской берет подал.

— Теперь предлагаю последовать в кабинет и продолжить разговор там, — промолвил декан Гад, открывая портал. Стало понятно, что предложение лишь сформулировано как предложение, а на самом деле оно — приказ. Желающих возразить не нашлось.

Кабинет мастера легко вместил всех, кроме мастера-демонолога Пичельэ, чьим хобби были танцы. Он остался наводить порядок в ритуальном зале. Ректор заняла рабочее кресло дэора, сам декан остался стоять у шкафа. Пленница умостилась в жестком кресле, а недотравленные студенты рядком обосновались на диване. Кстати, диван только казался жестким и неудобным, приноровившись, на нем можно было умоститься с комфортом. Что команда и сделала.

— Все-таки почему в предсказании эту особу обозвали безумным пауком? — влез с очередным вопросом неуемный дракончик.

Тролль, Стефаль и Янка всегда предпочитали больше молчать и слушать, чем говорить, и еще затыкать время от времени рот слишком разговорчивому напарнику. Правда, сейчас вопрос показался интересным не только студентам.

Юная повариха вздохнула и тоскливо ответила:

— Лойли Ллельс — это меня мама так назвала. Звучит красиво, а на древнем наречии «Веселый Паучок». Иногда «лойли» как «безумный» переводят.

— И что же нам с тобой делать, Лойли? — побарабанила ноготками по столу Шаортан. — Ты причинила немало вреда своими действиями студентам АПП и намеревалась причинить еще больше…

— Сдать страже, как дядю? — сглотнув комок в горле, шепнула девушка, понуро повесив беленькую пушистую головку. Получился эдакий завядший или надломленный, не успевший раздарить ветру семена, одуванчик.

— Она же поняла, что натворила, и признала вину?! — растерянно вскинула взгляд на мастеров Яна, не столько вступаясь за дроу, сколько и в самом деле не зная, как поступить справедливо.

С одной стороны, Лойли воздействовала на разум людей, и пострадавшие — жертвы ее выходок — имелись. С другой — юная повариха сейчас искренне раскаивалась в том, что сотворила. Правда, только потому, что пыталась наказать тех, кто наказания не заслуживал, а не потому, что считала все совершенное неправильным в принципе. Можно ли оставлять такое безнаказанным? А если наказывать, то как, Яна совершенно не представляла. Великодушное сердце сочувствовало одинокой и запутавшейся сироте, и оно же, его мудрая частица, понимало: даже попытку убийства спускать и оставлять без последствий нельзя. Посеешь ветер — пожнешь бурю.

— Я бы на нее гейс наложил, — почесав в затылке, внес предложение тролль. — Коль она ни своей, ни чужой жизни ценить не умеет и все готова в пламя мести бросить, пусть на себя клятву возьмет — спасти жизней в три раза более, чем отнять собиралась.

— Разумно, — оценил Гад и покосился на дракессу.

— Я ведь на целителя выучиться хотела, как папа, но дядя Ширьлу оплатил другую академию, — тихонько прошептала повариха-отравительница.

— Что ж, думаю, твое желание, Лойли Ллельс, и предложение Фагарда Хагорсона являются приемлемой альтернативой взятию под стражу, — властью своей приняла решение ректор, впившись требовательным взором в маленькую паучиху. — В городе Линдес есть Академия целителей Дрейгальта, куда принимают всех желающих. Выпускники отрабатывают потраченные на их обучение средства, трудясь по распределению академии и отчисляя процент от жалованья. Набор на первый курс уже завершен, но я побеседую с ректором Звигардом и постараюсь

уговорить его принять еще одну талантливую в ментальной магии и зельях студентку, что, разумеется, не избавит ее от необходимости наверстывать пройденный однокурсниками материал. Каково будет твое решение, Лойли Ллельс?

— Я… я… конечно… хочу… Но вы отпустите меня просто так… учиться? — совершенно растерялась девушка, давно приготовившаяся к худшему. Она даже поморгала и тайком ущипнула себя за плечо, наверное, проверяла, не снится ли ей все происходящее.

— Не просто, — сурово поправила Лойли ректор, вставая из-за стола и оправляя мантию. — Лишь после того как ты поклянешься самым священным для себя принять долг и бремя целителя. А сейчас идем, не стоит терять время.

— Спасибо, — снова начала капать слезами на паркет в кабинете декана юная дроу. Она вскочила, подбежала было к дракессе. Но тут же, отступив на шаг, развернулась к Янкиной команде и торопливо заговорила:

— Простите меня за все неприятности, которые я только собиралась и уже успела вам причинить! За все злые несправедливые слова, которые наговорила. Я…

— Лучшим «прости» станет не раскаяние, а деяния, — сурово напомнила Шаортан, затыкая фонтанчик оправдательных слов.

— Правда, ты учись лечить, и все, — искренне и с облегчением улыбнулась Яна. Она была очень довольна тем, как все решилось. Вот теперь все складывалось правильно!

— Точно, старайся давай, а то придем мы к тебе на прием, и не вылечишь, а залечишь, и разбирайся потом: мстила или просто не доучилась, — подколол Лойли язва-дракончик.

— С твоим даром не быть отличным целителем — преступление, — припечатал Хаг.

— Пусть будет светлой твоя дорога, — напутствовал девушку эльф, простивший ей все прегрешения перед собой и друзьями после истерики в шаре и признания вины. Злиться всерьез и долго Стефаль Лаэрон категорически не умел.

— Я буду! Обязательно буду! Клянусь! — пообещала юная дроу, исчезая в дымке портала, открытого Шаортан, уставшей ждать окончания беседы.

— Яна, не забудь, завтра тебе исполнять условия договора, — серьезно напомнил декан, едва портал закрылся. — Именно завтра! Если не хочешь проснуться в следующую ночь от сетований дейсора. Демоны большие педанты по части заключения сделок.

Студентка возмущаться горькой судьбинушкой уборщицы не стала. Спокойно встала с дивана и спросила только об одном:

— Я помню, все сделаю. Скажите только, где искать комнаты дейсора, мастер?

— Зачем искать? Его дверь синяя. Демон занимает соседнее с ритуальным залом помещение. Вот только подсобки с инвентарем для уборки в корпусе нет, дейсор прав — корпус, как и общежитие, целиком убираются знаками Игиды. Потому для начала зайди в Башню Судеб, — посоветовал дэор и поторопил студентов: — А сейчас ступайте, день не будет длиться вечность.

— Куда спешить-то? Занятия сегодня закончились, пророчество в той части, которая напрямую касалась нас, сбылось… — начал возражать Машьелис.

— Тебе, быть может, и некуда, а кому-то еще проверять работы и готовить кабинеты к завтрашним занятиям. Я уж не заикаюсь об ужине, сне и отдыхе, на которые, очевидно, по вашему мнению, о Либеларо, мастерам рассчитывать не стоит.

— Извините, — потупился и даже чуть-чуть смутился дракончик. — Я немного увлекся.

— Немного? — хмыкнул Гад, многозначительно распахивая перед неуемным юношей дверь. Кажется, еще пара-тройка неуместных требований, и ретивый студент получил бы для скорости пусть совсем не педагогического, зато очень эффективного пенделя.

— Или много, — поправился Лис.

— Простите обалдуя, мастер, и спасибо вам, — привычно сгреб напарника в охапку Хаг, и блюстители вышли из кабинета в полутемный и пустой коридор — вечернее время не вызывало у основной массы студентов желания бегать по общежитию.

Замок щелкнул в ту же секунду, когда закрылась створка. Раздался вздох, в котором удовлетворение смешивалось с усталостью. Напарники переглянулись:

— Ну что, мы молодцы? — утвердительно спросил у друзей Машьелис.

— Мы-то тут при чем? Пророчество, считай, само исполнилось, его завершение Янка лишь немного подтолкнула приговором. Декан наш молодец, зашел вовремя, чтобы сок унюхать, — фыркнул тролль, выпуская друга из удушающе-контролирующих объятий-захвата.

— Мы бы все равно не отравились, кстати говоря! Так что ты зря переживал, Стеф! Нас декан своей кровью почти сразу после появления пророчества напоил. А эта дря… хм… субстанция действует как защита от любого яда. Тебе, извини, не сказали, потому что мастер никому не велел говорить! И правильно сделал, а то бы ты нашей «веселой паучихе» мог все разболтать. А фантазия у девочки богатая, она, кроме яда, еще тысячу способов

могла изобрести, как нас достать и извести! — влез со своим веским мнением Лис, развивая тему так, что бедный эльф ощутимо сбледнул, воображая чудовищные последствия, и прислонился к стеночке, едва не хватаясь за нее.

— Если бы декан к Стефу не вошел, Лойли мы бы сегодня точно не поймали. Так что яд в кувшине очень вовремя и кстати появился, — напомнил дракончику Хаг и, пресекая вечер страшных сказок, веско сказал, на всякий случай снова прихватывая Лиса за шею и подтаскивая к себе поближе: — Хватит пугать Стефаля! Нет смысла гадать о «если и быть может». Наш Гад все-таки декан факультета блюстителей пророчеств! Уж кому, как не ему, в нужное время в нужном месте оказываться и нужные вопросы задавать!

— Мастер очень многое может, — серьезно согласился Стефаль и прибавил, переплетая тонкие пальцы: — Но, я уверен, гораздо большее он и другие мастера специально *не делают*. Они проверяют наши силы и тренируют нас. Я испугался не из-за недоверия к декану, а как раз из-за того, что он мог настолько верить в нас, чтобы допустить более серьезные неприятности ради проверки наших сил и исполнения пророчества. К счастью, до этого не дошло.

— Значит, осталось только выяснить, куда делись реликтовые Прялка и Станок из Башни Судеб. И можно требовать у ректора еще одну прибавку к стипендии! — весело заключил неунывающий Машьелис под смешки друзей, выворачиваясь из захвата и отпрыгивая подальше от громилы-тролля.

— Вы как хотите, а я ничего расследовать не буду! Сделаю задания, и спать, все остальное, пусть даже розыск бесценных артефактов, — завтра, — завершила прения Яна со скорбным вздохом.

Последний относился, разумеется, к занятиям, а никак не ко сну или перспективе уборки в логове демона. Напротив, вот как раз насчет предстоящей отработки договора у землянки уже были свои «коварные» планы, о которых бедный демон, рассчитывавший лишь на хорошую уборку помещений, не ведал.

— Да, задания, и у меня встреча с рыженькой пророчицей… как ее, кажется, Ялетта… Еще успеваю! — спохватился и Машьелис, зыркнув на Янкин кулончик-часы.

— Смотри, приятель, доиграешься, не парни, так девчата тебе темную устроят! — покачал головой Хаг, больше напарницы осведомленный о романтических эскападах соседа по комнате, в первую очередь потому, что именно его будил возвращающийся с прогулок Лис и именно их общую комнату осаждали девчата, ставшие жертвами свежеиспеченного сердцееда. Именно тролль

уже несколько раз разнимал ругающихся почему-то друг с другом, а не с дракончиком девиц. Вот чего никак не мог понять умный парень — каким образом Машьелису удается со всеми своими, даже оставленными, пассиями сохранять теплые приятельские отношения. Удивительно, но девушки не держали на вертопраха зла! Ребята, правда, уже начали недобро коситься, но пока все ограничивалось невнятным бурчанием и взглядами.

— Не жужжи, Хаг, ты ж не пчела и меда все равно не дашь, как ни проси, — отмахнулся дракончик и понесся по коридору со скоростью белого кролика, опаздывающего в нору.

Стеф, Хаг и Янка только переглянулись и пожали плечами. Обижаться на друга за длинный язык они давно перестали. Уязвить или оскорбить никого из них Лис никогда сознательно не стремился. Если что получалось ненароком — так это походило на то, как резвый малыш рвет штаны о соседский забор — процесс неизбежный и контролю не поддающийся.

Переполненные впечатлениями от ритуала и его результатов студенты разошлись по комнатам. Янка до возвращения Иоле еще успела проштудировать пару особо муторных конспектов. По крайней мере, сегодня ифринг ужинала, а отсутствовала в комнате по уважительной причине — встречалась с женихом.

— Как у тебя денек, Ян? — привычно справилась Латте, взбивая подушку и встряхивая одеяло.

— Пророчество сбылось, — улыбнулась соседка и поведала подруге об отраве в кувшине с соком, своевременном явлении декана, вызове демона и прочих деталях, связанных с главной виновницей всех самых драматических происшествий этого семестра в Академии пророчеств и предсказаний.

— Вот как у вас получается? — покачала головой ифринг, задумчиво расправляя на вешалке форму, приготовленную на завтра. — На каждом курсе опасные приключения, не вылезая за стены академии, находите!

— Машьелис сказал бы — везет, а я не знаю. Просто так получается, — пожала плечами девушка, расчесывая волосы. Благодаря их длине и густоте теперь даже с волшебным гребешком возня с прической занимала не меньше времени, чем раньше, зато мучением быть перестала.

— А завтра тебе еще у демона убирать! — продолжила сетовать Иоле. — Не боишься?

— Нет, я не боюсь веника и швабры, — хихикнула Янка и, пока соседка не начала хмуриться всерьез, продолжила: — Демона нашего я тоже не боюсь, он немного на исхудавшую чешуйчатую обезьяну орангутанга похож, такие на Земле водятся. Чего от него шарахаться? Дейсор тоже работает в нашей

академии, значит, никакого вреда студентам причинить не сможет. Не думаю, что он будет пугать того, кто в комнате по его же просьбе порядок наводить станет.

— Иногда ты такая рассудительная и практичная, что я себя ребенком чувствую, — призналась Иоле с легкой улыбкой.

— Это что! На лекциях Ясмера я себя вообще младенцем ощущаю. Вроде какие-то знакомые звуки и слова в речи дяденьки-мастера попадаются, а общий смысл все равно не постигаю, — отмахнулась расческой Яна и начала туго заплетать косу на ночь.

На том вопрос о возрасте и дозе проблем, положенных в АПП на единицу студента-блюстителя, был закрыт.

Глава 14
ПЛОДЫ ЛЮБВИ И НЕМНОГО УЧЕБЫ

Утро следующего дня мало чем отличалось от предыдущих. Разве что звуками. В дверь девичьей комнаты осторожно постучали примерно за полчасика до того, как соседки собрались на завтрак.

Девушки переглянулись. Поскольку тактичный напарник Иоле по утрам никогда не навещал комнату, а жених пребывал в городе и, если посещал АПП, то исключительно во второй половине дня, ближе к вечеру, открывать отправилась Яна. На пороге топтался Машьелис с новой прической. Половину его лица прикрывала светлая завеса кудрей. Едва створка распахнулась, дракончик просочился внутрь и тоном умирающего котика, которого может спасти лишь глоток бензина, простонал:

— Ма-а-азь! Да-а-ай!

Жадно простертая рука напомнила персонажа уже другого рода. Хорошо еще жест не сопровождался утробным завыванием: «Мозги-и-и!»

Янка без лишних слов двинулась в ванную и вернулась с маленькой баночкой целебной мази. Она выручала всю команду уже третий год и до сих пор каким-то чудом не опустела. Лис жадно выхватил подношение из пальцев подруги и живо открутил крышку. Пока добирался до содержимого, тряхнул головой, и завеса кудрей распалась, демонстрируя живописное сине-зеленое украшение, занимающее почти всю правую половину смазливой физиономии дракончика, включая заплывший глаз.

— Отдай, садись, запрокинь голову, — безапелляционно скомандовала Янка, отобрала мазь и почти толкнула пострадавшего в кресло.

Тот, что удивительно, спорить не стал и четко выполнил все инструкции. Быстрыми, экономными и одновременно бережными движениями девушка нанесла тонкий слой лекарства на лицо напарника. Закончив, велела:

— Сиди смирно, не елозь, чтобы волосы не испачкались. Мази надо впитаться. Кто его знает, вдруг оно не только синяки убирает, а еще и эпиляцию проводит?

Местной эпиляции в области головы верткий напарник не желал категорически, потому застыл в кресле статуей — жертвой василиска. Яна вернула банку на место, помыла руки и только потом со вздохом спросила:

— Где тебя угораздило-то, болезный?

— Ночью в косяк врезался спросонья, — забегали глазки Лиса.

Иоле тихохонько хихикнула. Уж больно смешно выглядел сконфуженный дракончик с зеленеющей половиной лица и откровенно лживыми оправданиями.

— Ты тут? — В комнату без стука вошел Хаг и громогласно объяснил девушкам: — Простите, девчата, Стефа в комнате нет, он в Саду Игиды пропадает, сами мы целители аховые, знаки подрастратили, вот Лис к вам и явился на лечение. Еле до утра дотерпел.

— Ты в следующий раз аккуратнее, свет, что ли, включай, чтобы об косяк не шибануться, — попросила Яна, сочувственно погладив напарника по бедовой головушке.

— А лучше завязывай на свиданья с чужими девушками бегать, тогда и косяки тебя преследовать не станут. — Тролль безжалостно разоблачил вранье напарника.

Избавившийся от ноющей боли и снова бодрый Лис фыркнул и пробурчал себе под нос:

— Кто ж знал, что у рыжули такие косяки имеются, которые шуток не понимают!

— Ты еще и издевался над парнем чужой девушки?! — уперев руки в бока, возмутилась Яна, причем не столько попытке Лиса обмануть ее с происхождением подозрительного синяка, сколько причине его получения. (До истинных причин получения увечья Яна все равно докапываться не стала бы.) — Я сейчас тебе по праву невесты другую половину лица разукрашу и скажу, что так и было!

— Да ладно тебе, Ян, я ж не думал, что он так взбеленится. Шутка-то совсем невинная была, — принялся оправдываться бесстыжий парень.

— Ага-ага, — иронично поддержал дракончика Хаг и поведал девушкам: — Этот балбес сказал ревнивому орку нечто вроде того, что цвет его лица сейчас очень напоминает цвет волос его же девушки при свете зажженной в полночь свечи.

— Балбес, — припечатала землянка, глянула на часы и решительно объявила: — Пошли завтракать!

— А я так и пойду? — закапризничал полузеленый Лис.

— В воспитательных целях будешь ходить так целый день, а в следующий раз подумаешь не только с кем гулять, а когда лучше промолчать и не шутить! Хотя за глупые шутки тебя бы еще на голодном пайке денек подержать, да жалко твой растущий организм, он ведь не виноват, что хозяин — балбес, — пробурчала девушка. Однако сжалилась, вытащила салфетку и осторожно вытерла лицо дракончика. Чудесная мазь помогла:

дивно-зеленый цвет лица сменился здоровым телесным с оттенком легкого загара.

За завтраком уже ничто не напоминало о косметических дефектах физиономии Машьелиса. Никакое чувство вины, стыда и прочие негативные эмоции не мешали ему уписывать тройную порцию омлета с сосисками, заедать все это калорийное безобразие кашей, сладким пирогом и булочками с кремом.

Кажется, регенерировавший организм стремился восполнить потраченные на исцеление ресурсы, исключив душевные муки из категории допустимых переживаний. Яна, Иоле, Хаг и Стефаль, присоединившийся к друзьям, — все вместе взятые ели втрое меньше ненасытного обормота.

Лис как раз затолкал в рот целую сосиску и жмурился, пережевывая, едва не давился мясным соком, когда к столику подошел громадный татуированный орк. (Великан, презентовавший Янке в прошлом году алмаз, был лишь на треть крупнее.) Этого студента с четвертого курса девушка видела неоднократно на играх в дван и каждый раз восхищалась пестрыми и яркими рисунками, разукрасившими тело летописца.

Орк смерил жующего дракончика недобрым взглядом и прогудел:

— Мы вчера недоговорили.

— Ты еще про какой-нибудь цвет в ночи хочешь услышать? — сглотнув сосиску, лениво приоткрыл один глаз Машьелис. Но Янка-то видела, как друг напрягся, готовясь то ли драться, то ли дать стрекача. Кажется, что именно будет лучше, пока не решило даже чутье о Либеларо.

— Балбес, — одними губами шепнул Хаг напарнице, разглядывая стремительно наливающегося багровым орка.

— Я тебе дам цвета в ночи, дам и еще добавлю, — прогудела Яна, сводя брови. — Будешь знать, как при живой невесте оттенки чужих девиц разглядывать!

Словно невзначай девушка тряхнула запястьем, демонстрируя браслет на руке. Орк засек действие, кровь отхлынула от лица гневливого студента, он глумливо заржал и пожелал:

— Удачи в тяжком труде, госпожа, если нужна будет помощь с раздачей, зовите, — затем вразвалочку двинулся прочь.

— Спасибо, конечно, но я бы и сам, — принялся хорохориться о Либеларо, когда соперник отошел на достаточное расстояние.

— Я это сделала не для тебя, а для сохранения нервов твоей почтенной бабушки — леди Левьерис, которой достался такой внучок, — проворчала Яна, возвращаясь к каше.

Хаг только хмыкнул, а Иоле со Стефалем сочли за лучшее

промолчать. Первая в сердечные дела друзей вообще никогда не вмешивалась, а эльфу не позволяло воспитание, потому что цензурных слов, характеризующих поведение дракончика, юноша подобрать не сумел. Как можно, будучи связанным узами с достойнейшей девушкой в храме Ветров, заигрывать даже не с другой — с ДРУГИМИ? Пусть даже эта связь — не более чем формальность. Негодование юного представителя Дивного Народа в мирные речевые формы преобразоваться не могло, драться с другом Стеф тоже не считал возможным, потому отступил и оставил процесс воспитания негодника на усмотрение великодушной Яны.

Из-за неуемного дракончика, жаждавшего как можно скорее избавиться от синяка на половину лица, друзья сегодня явились в столовую раньше обычного, вот и не торопились на занятия. К тому же Быстрый Ветер, если кому из студентов случалось опоздать на семинары и лекции, входить дозволял, хоть и одаривал неодобрительным фырком. А уж если опоздания становились системой, мастер награждал счастливцев, не наблюдающих часов, дополнительными вопросами на экзамене или бонусными заданиями по пропущенным темам. Опять-таки справедливо высчитывая коэффициент опозданий, приходящийся на количество явок.

Сегодняшний семинар был посвящен косякам студентов. То есть не гипотетической части дверной коробки ванной комнаты, с которой якобы поспорил дракончик, и иным ее «сестрам», а несданным за последние циклады заданиям. Потому обсуждалось сразу несколько рас. Янка и ее друзья, в срок сдававшие все по несложному — если учить систематически, а не в ночь перед экзаменом — предмету, отдыхали и почти наслаждались процессом мучений однокурсников.

Ясное дело, вопросы Быстрого Ветра, касающиеся особенностей отдельных рас, никакого удовольствия студентам не доставляли. Зато исполнение художественных произведений — этот вид заданий кентавр еще на первом курсе ввел в систему и очень жаловал — воспринималось как концертные номера. С той лишь разницей, что кое-кто из исполнителей фальшивил и забывал слова. Картен, к примеру, сегодня почти наверняка заработал себе несколько дополнительных минут задушевной беседы с кентавром, зато Пит, частенько просыпавший первые пары расоведения, каким-то чудом выкрутился с наводящими вопросами и блеснул своим главным талантом — вокалом.

Цицелир, принявший картинную изящную позу, выдал на гора длинную-предлинную проникновенную трагическую песнь. Она посвящалась триксам — оборотням-русалкам, обитателям

соленых вод, способным принимать обличья китов или дельфинов. Душераздирающая история трагической любви обычного русала и его возлюбленной триксы, начавшаяся с первой встречи, непонимания, преследований, слезливых встреч и разлук, закончилась, как и полагается трагическим песням, плохо. Русал случайно поймал в сеть свою возлюбленную деву-триксу в дельфиньей форме и смертельно ранил ее. И все было бы ничего, если бы не длилась песня так долго. За время пения лично Яна успела сначала от души проникнуться и посочувствовать бедным влюбленным, но ближе к середине начала уставать от их бесконечных страданий, а финал и вовсе встретила с нескрываемым облегчением. Отмучились, бедолаги!

Справедливости ради стоит сказать, что душевную черствость вроде Янкиной проявили большая часть парней группы, не склонных к романтике, Ириаль и Тита. Зато Ольса, Юнина и Таата всхлипывали, не скрывая, и утирали слезы платочками.

— Ты чего? — пихнул дракончик подругу в бок. — Вроде вам, девчонкам, про несчастную любовь песенки по душе!

— Не знаю, — задумалась над своим отношением к песне Яна, обыкновенно слушавшая пение Цицелира с благоговейным наслаждением и прощавшая ему за дивный голос почти все выкрутасы. Потом тихонько пожаловалась: — Устала слушать, очень долго. У нас есть чем-то похожая короткая песенка на эту тему, у меня ее бабушка почему-то любит.

В качестве иллюстрации девушка тихонько напела: «Дельфин и русалка, сюжет этой песни…»

— Ну-ка, ну-ка! — оживленно заржал кентавр, отпуская довольного Пита восвояси. — Не исполните ли нам ее, Яна? Будет интересно ознакомиться с точкой зрения людей на подобные взаимоотношения.

— У нас триксы и русалки не водятся, они — герои сказок, — сразу предупредила девушка. — А песенка простенькая, для развлечения.

— Тем лучше, — затряс гривой волос преподаватель и притопнул копытом: — Прошу!

Яна пожала плечами, вышла к кафедре и а капелла исполнила старую попсовую песенку. Взбодрились под ритмичные звуки парни, заскучавшие от тягомотной трагедии. Цицелир демонстративно фыркнул и поморщился:

— Примитивная, грубая песня!

— Песенка обычная, а грубо — это анекдот «Если сварить русалку, будет мясной суп или уха?» — недолго думая возразила Яна и недоуменно нахмурилась.

Эффект от незамысловатого бородатого анекдота оказался

феерическим. Парни грохнули разом и все, кроме Пита. Хаг и Лис катались по парте, Авзугар стучал по ней кулаками, бедный староста, привыкший к сдержанности, прикрыл лицо ушами-лопухами, чтобы никто не заметил истинной причины, по которой сотрясаются его плечи. Смеялись или тщетно пытались подавить улыбки даже самые трепетные девы курса. Да что студенты, откровенно заржал Быстрый Ветер, обнажив крупные зубы.

— Отличный музыкальный спор у нас вышел, — благосклонно ржанул кентавр, когда аудитория утихла, и предложил: — Сами увидели, как отличается восприятие одной и той же истории у разных рас. Понимание разности менталитетов очень важно для блюстителей. Предлагаю следующий семинар посвятить трагическим песням разных разумных. В выборе вас не ограничиваю: можете брать как уже изученные, так и редкие расы, до изучения которых мы пока не дошли. Заодно сравним и проанализируем само понятие трагичности в мировоззрении.

Янка только задумчиво покивала. Все-таки душещипательные песни она любила выборочно и никогда не могла сказать наверняка, ляжет на сердце иная или нет.

Следующее занятие мастера Ясмера по технологии блюдения пророчеств началось странно: мастер пришел в кабинет не один, а в компании здоровенного кудрявого блондина с очень знакомым, как показалось Янке, шкодливо-лукавым выражением глаз. Мужчина выглядел молодо, лишь несколько морщинок в уголках губ и единственная складка на лбу свидетельствовали о том, что перед студентами не ровесник.

— Ого, дядюшка, — выпалил Лис при виде блондина. Тот, показывая, что узнал племянничка, махнул родственнику рукой и подмигнул.

— Ясного дня, блюстители, — начал мастер Ясмер, дождавшись, пока студенты затихнут. — Мы с вами изучили ключевые моменты курса, теперь предлагаю обратиться к частностям. Для этого я буду пользоваться помощью приглашенных мастеров. Сегодня занятие для вас проведет Кинтэор о Либеларо.

Выдав ценные указания, Ясмер покинул кабинет, оставив третьекурсников в обществе дракона.

— А у Тайсы сейчас окно, — тихонько, одними губами, шепнул Машьелис друзьям.

Яна одарила друга укоризненным взглядом: неужели тот считает, будто мастер Ясмер спихнул курс на другого мастера только для того, чтобы посвятить освободившееся время

свиданию с сильфидой? Не может же такого быть, а?!

— Ясного дня, ребятки, — весело поздоровался с коллективом Кинтэор, присаживаясь на угол первой парты. — Ясмер попросил меня с вами парой словечек перекинуться. Кому интересно, я — двоюродный дед Машьелиса. Мы поговорим с вами об одном важном средстве, зачастую помогающем в работе блюстителя пророчеств не хуже знаков на листьях Игиды. А теперь вопрос: какое средство я имею в виду? Эй, кудрявая девушка, сидящая рядом с моим племяшом, о чем я речь веду?

Хитрые, цепкие, веселые и одновременно прохладно-испытующие глаза впились в лицо Янки. Обычно мастера, зная натуру девушки, не требовали у нее мгновенных устных ответов на вопросы с подковыркой. Землянке всегда проще было сделать, чем объяснять, что и как она хотела бы сделать.

Встав из-за парты, чтобы выиграть хоть несколько секунд на размышления, Донская попробовала уточнить:

— Я не знаю точно, мастер, вас устроит предположение?

— Валяй, — щедро дозволил дядюшка-дедушка, развалившись на парте.

— Кроме магии есть физическая сила и деньги, — начала рассуждать девушка. — На Земле Аль Капоне, главарь одной банды, говорил, что добрым словом и оружием можно сделать больше, чем просто добрым словом.

Дракон одобрительно ухмыльнулся, оценив меткое высказывание.

— Про деньги я тоже думала как про средство решения проблем, — после небольшой паузы продолжила Яна. — Но сила и монеты, в отличие от знаков Игиды, не являются универсальным средством. Мне кажется, выбирать нужное и применять — тоже искусство. Если не умеешь — можно угодить в неприятности и нарушить ход исполнения пророчества.

— Какая осторожная девочка, — цокнул языком дракон, то ли одобряя, то ли сетуя.

— Какая есть, — спокойно ответила Донская.

— Но права, говорить мы с вами будем сегодня о деньгах и самых распространенных методах их применения для достижения цели. Смотрим! — Дракон легко соскочил с парты и подкинул блеснувшую в воздухе маленькую серебряную монетку. Поймал в ладонь, подкинул еще раз. — Что я хочу этим сказать, если стою на улице города?

— Вам нужна информация или проводник, и вы готовы заплатить, — ответил Еремил.

— А если так? Условия те же. — В руке дракона как по волшебству возникла монета покрупнее — характерного желтого

цвета.

— Вы нуждаетесь в услуге посерьезнее, — моментально сориентировался Надалик.

— А так? — На ладони Кинтэора появился позвякивающий при подбрасывании мешочек.

— Вы идиот и ищете приключений на свою шею! — выкрикнул с места Картен.

— Грубовато, но метко, — ухмыльнулся дракон. — Заметьте, друзья мои, я не сказал ни слова, но меня поняло большинство из вас! Теперь, мои птенчики, я познакомлю вас с иными, не столь широко известными возможностями звонких монеток!

Дядюшка Машьелиса начал вещать. Его рассказ был не столько лекцией, сколько набором ухваток и приемов с использованием денег. Каждый прием наглядно демонстрировался, объяснялся его смысл, а заодно мимоходом упоминались те расы, с представителями которых прием не сработает, затем следовало предостережение о тех, кто «шутки» не поймет или истолкует превратно. Байки и остроты щедро пересыпали речь дракона. Умолк он только после удара колокола, подававшего сигнал об окончании лекции.

Вроде бы все было настолько весело, что аж живот болел от смеха, однако рука ныла от скорости записывания, а от объема информации пухла голова. То, что Ясмер запихивал едва ли не силой, Кинтэор раскладывал на «красивой скатерти» и подавал так аппетитно, что студенты жадно заглатывали данные сами, не жуя. И теперь им предстояло мучиться несварением мозгов, переполненных информацией.

— Машьелис, на секунду, — окликнул племяша старший дракон, когда весь курс потянулся к дверям.

Тот охотно остался действительно на пару-тройку минут. Но если до разговора с дядюшкой Лис улыбался, то к друзьям выходил каким-то не то задумчивым, не то расстроенным. И объяснять свое настроение не стал. Лишь головой покрутил и тут же нашел повод сменить тему. Дракончик глянул вверх на лестницу, тихо присвистнул и гордо протянул:

— Ха, а ты мне не верила!

Сверху рука об руку спускались Ясмер и Тайса. Мастера улыбались и смотрели друг на друга так, что любому становилось ясно: они не только покушали в «Тихом уголке», а как минимум… мм, ходят в этот ресторанчик вместе каждый день с того момента, как прочли записочку о Либеларо. И проблема «первых шагов» никого из них уже не волнует.

Глава 15
УБОРКА, ИЛИ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Обед, лекарское дело и физкультура ничем экстраординарным вроде очередного покушения или нового преподавателя не ознаменовались. Потому Яна с чистой совестью оставила друзей на фехтовании и отправилась к Башне Судеб за инструментом.

Дверь в святая святых, согласно правилам, заведенным мастерами, распахнулась ровно в четыре часа дня. Сейчас девушка спокойно зашла внутрь, чтобы вооружиться всем необходимым. Не зная наверняка, насколько в апартаментах дейсора грязно, прилежная студентка захватила порошок, ведро, несколько тряпок, щетку и швабру. А потом применила знак портала. Топать через всю академию «при оружии» и отвечать каждому любопытствующему, куда она, такая красивая, собралась, не хотелось.

Знак сработал безукоризненно точно. Как всегда. Яна оказалась в полутемном коридоре близ ритуального зала и отыскала взглядом синюю дверь. Постучала и отступила, не дождавшись ответа. Про себя девушка задумалась: как быть, если сам демон сейчас следит за отработками других студентов? Входить, если открыто, коль ее звали вчера, или это будет нарушением демонической этики?

Над головой хрипло кашлянули, повеяло ветерком. Янка вскинулась и с удивлением уставилась в открытую дверь. Демон в своем живом плаще с капюшоном стоял на пороге и ждал, пока его заметят. Неужели стеснялся?

— Ясного вечера, я пришла вымыть у вас пол, — бодро отрапортовала студентка, тряхнув в демонстрационных целях ведром.

Дейсор отступил и приглашающе повел рукавом. Яна хотела было шагнуть, но спохватилась:

— Ой, а у вас горячая вода есть, в ведро налить?

— Ес-ш-сть, — прошелестел чистоплотный демон.

Студентка вошла и огляделась. Комната оказалось единственной, зато большой и очень светлой, с окном в треть стены, купальней — углублением в полу в левом верхнем от двери углу. Никакой мебели внутри не имелось. С одной стороны, мыть удобно, а с другой — демона стало жалко. Пусть он

вызванный, но ведь с академией, наверное, что-то вроде контракта заключал. Неужели ему совсем не платят и даже какой-никакой кровати приобрести не на что?

— У вас тут так пусто, — растерянно брякнула Яна.

— Тс-ш-гш. — Кажется, дейсор скрежещуще рассмеялся. — Ты меня пожалела? Глупысш-гша. Я не нуждаюсь в материальных предметах, я сам творю любой по своему желанию.

В доказательство сказанного он сел в глубокое кресло, форму которого принял живой плащ, и снисходительно велел:

— Исполни договор!

Яна открыла самый обычный кран в самой обычной купальне — та же ванна, только в пол вмурована, — наполнила ведро и приступила к работе. Много ли надо времени и сил, чтобы помыть пустую чистую комнату семь на девять метров? Ректор Шаортан не соврала, помещение действительно убирали, ни следа грязи или пыли на каменном полу или стенах не было, убиралась Янка скорее для проформы ну и, наверное, для того, чтобы смыть эти незримые и вездесущие частицы листьев Игиды, от которых у демона чесалась чешуя. Чуть больше времени и порошка потратила, чтобы вымыть ванну.

— Хорос-шо, — довольно прошелестел дейсор, наблюдавший за процессом из своего сотворенного кресла. Быть может, не только людям, как утверждала ехидная поговорка, свойственно получать удовольствие от созерцания чужой работы? — Хочшешшь награду?

— А можно? — оживилась студентка.

— Мозс-шно, — подтвердил демон снисходительно и с какой-то застарелой насмешкой, — все вы, люди, никак не угомонитесь, все чего-то просите, требуете, жаждете… — Ч-шо ты желаесш-ш-ш?

— Скажите, у вас, дейсоров, есть трагические песни о любви? — поинтересовалась Яна, сноровисто складывая инструменты в ведро.

— Естш. — К высокомерным интонациям «черного плаща» прибавилась растерянность.

— Спойте одну, если можно, мне для расоведения очень надо! — выпалила Яна. Ну а что? Наглеть так наглеть! Сам же спросил, чего она хочет!

Демон несколько секунд размышлял, выбирал песню или решал, а не издевается ли над ним девушка, потом ответил безо всякого зловещего пришептывания неожиданно звонким тенором:

— Спою! Садись!

В ноги Донской толкнулось такое же удобное кресло, как то, на котором восседал дейсор.

— Ой, а у вас голос почему-то поменялся, — удивилась слушательница, без всякого предубеждения с комфортом устраиваясь в кресле. Сотворил его демон или мебельщик сделал — какая разница, если удобно? Не на пол же каменный и жесткий из принципа садиться?

— Таков мой первый истинный голос, — усмехнулся демон. — Только второй больше подходит для работы.

— Да, точно, от вашего шепота-скрежета мурашки по коже табунами бегают, — уважительно кивнула девушка.

— Для того и выбран, — довольно подтвердил дейсор, откашлялся, как самый обычный человек, готовящийся выступать, и запел:

Два крыла — обрывка тьмы,
Что витали до созданья,
Сотворенья и признанья,
Были все ж разделены…

Далее следовала, как и заказывала Яна, трагическая история пары дейсоров, один из которых оказался во власти злобного колдуна, по повелению коего должен был обратить в прах мир, где обитала его возлюбленная. Чтобы сохранить любимой жизнь, демон отказался исполнять приказ и погиб. Его уничтожила магическая сила рабских оков. Возлюбленная и ее род узнали об этом, и жизнь колдуна превратилась в сплошной кошмар. Так был отомщен герой.

— Тебе понравилось? — после паузы как-то неуверенно спросил демон молчащую девушку.

— Ой, да, очень. — Янка утерла ладошкой выступившие слезы. — Жестоко, но справедливо и очень трогательно! Можно мне сейчас записать вашу песню, я ее исполню на расоведении?

— Пиши, продиктую, — дозволил дейсор.

Студентка открыла предусмотрительно прихваченную тетрадь и навострилась записывать. Вот это песня, настоящая, а не слезливое нытье, которое не украсило даже мастерское исполнение Цицелира!

Расставались демон и девушка спустя десяток минут если не друзьями, то приятелями точно. Если у Яны и был где-то в глубине души остаток страха перед демоном-дейсором, то сейчас он исчез окончательно.

Донская, весело помахивая ведром и постукивая по камням тропинки шваброй, возвращалась к Башне Судеб. Конечно, перенестись было бы куда быстрее, но на пути к цели стояло два препятствия. Во-первых, мастера не одобряли бесконтрольного

использования знаков перемещения на территории АПП. (Возможно, опасались, что ленивые студиозы вообще разучатся ходить.) А во-вторых, больше знаков портала в кошеле не осталось.

Так всегда бывает: кажется, вот всего еще навалом, а как нужно, сунулась — и пусто! Да уж, на следующей лабораторной работе следует основательно пополнить запас или вовсе не дожидаться занятия, а посетить лабораторный кабинет во внеурочное время.

С другой стороны, после тренировок Теобаля и Леоры не то что прогулка — пробежка по всей территории АПП от корпуса до башни для Яны не была в тягость. Как-то сам собой незаметно сошел лишний жирок, сменившись упругими мускулами, налилось силой тело. Ясное дело, стройной, тонкой и звонкой, как эльфы или дриада, землянка не стала, да и не стремилась к подобному. Это же если бы она вдруг похудела, пришлось бы менять весь гардероб — где таких деньжищ набраться?!

— Эй, Яна, да? — окликнул звонкий голосок.

Симпатичная девушка в форме пророчицы-третьекурсницы с темно-медовой косой, уложенной вокруг головы, поднялась со скамейки.

— Да, — миролюбиво откликнулась Янка, подходя к лавочке.

— Ответь, пожалуйста, твой напарник Машьелис действительно помолвлен? — искательно заглянула в глаза блюстительнице пророчица.

Кажется, сведения о помолвке Лиса успели просочиться к студенткам АПП через орка-ревнивца, но личность невесты пока оставалась для поклонниц дракончика тайной. Воспоминания о фингале вполлица на физиономии нахального друга были еще свежи. Потому Донская решила подтвердить информацию и ответила прямо, страхуя непутевого дракончика от подобных ситуаций.

— Да, он заключил ритуальную помолвку в храме Ветров, и ее одобрила старшая родственница о Либеларо — леди Левьерис, — осторожно ответила Яна.

— У-у-у, — разочарованно протянула девица и сморщила нос. — Значит, это истинная связь. Спасибо, пойду девчатам скажу, чтобы ни на что не рассчитывали.

— Если кто погулять и повеселиться хочет, то лучше Машьелиса парня не найдешь, а на что-то серьезное и впрямь лучше губу не раскатывать, — согласилась землянка, не понимая, почему так странно — то ли тревожно, то ли, напротив, приятно стало на душе, и осторожно уточнила: — Слушай, а что, с храмом все действительно так строго?

— Конечно! — широко распахнула васильковые глаза медовокосая дева. — Это храм Сил! Если они дают свое благословение, значит, видят совместный путь двух сердец и одобряют его!

— О как, — крякнула Яна, от неожиданности едва не выронив ведро.

Ей ничего такого ни сам женишок, ни его бабушка не рассказывали, да что драконы, даже декан, всегда обо всем предупреждавший и все объяснявший, насчет ритуала, связавшего студентов, промолчал. В прошлом году, когда Янка и Лис подходили поговорить о неснимаемых браслетах, от которых не удалось избавиться, Гад лишь таинственно улыбнулся и только не отмахнулся от парочки: дескать, не парьтесь, время все на свои места расставит.

Разузнавшая все необходимое пророчица уже давно исчезла с лавочки, а Яна еще минуту-другую постояла, соображая, чем ей грозит такое специфическое благословение Сил на брак с безалаберным напарником. Отдельно Яна представила грозную бабушку и обильные матримониальные планы последней, вздрогнула, а потом мысленно отмахнулась от проблемы. Леди Левьерис в подборе достойной пары для внука и против Сил пойдет, не чихнет, а скорее всего, по их воле подберет девицу, во всех отношениях отвечающую не только требованиям высших созданий, но и собственным представлениям о знатности и достатке претендентки.

Зато теперь можно было не волноваться за напарника: никакого крокодила в юбке ему точно не навяжут, у Сил это понимания не найдет. Можно было не… А почему-то все равно что-то скребло внутри, будто маленький червячок нидхёг украдкой грыз душу.

Не без усилия отогнав досадный рой мыслей, Яна перехватила ведро поудобнее и двинулась к Башне Судеб. Плиток на площади сегодня никто не мыл, изнутри башни звяканий и шлепанья тряпок тоже не слышалось, наверное, никто не успел заслужить почетного права прикоснуться тряпкой к местным достопримечательностям.

Ан нет, все-таки какое-то звяканье, бумканье и погромыхивание из недр башни донеслось. Донская шагнула через порожек и увидела в приоткрытой двери подсобки знакомую щуплую лопоухую фигурку первокурсника-летописца.

Веснушчатый домовичи сражался с инструментами, пытаясь вытащить одновременно ведро, швабру, тряпку и выйти через узкую дверь. Яна, добрая душа, оставила свои вещи в уголке и ринулась на помощь первокурснику. У-ух — цепко ухватилась за

ведро, э-эх — вцепилась пальцами в щетку, а-ах — поднатужилась и дернула! И вот уже, как неформатная пробка из бутылки, парень вылетел наружу.

— Ой, добро… ясного дня, — растерянно хлопая глазищами, поздоровался бедолага с девушкой. — А зачем ты это сделала?

— Ясного дня, Ясек, просто так, помочь захотела, — пожала плечами Яна, всегда помогавшая по зову души и сердца. — Ты же никак выйти не мог.

— А-а-а, — заулыбался домовичи и, не удержавшись, прыснул. — Спасибо, только я не выйти, а зайти не мог. Но все равно спасибо.

Теперь настал черед Яны сконфуженно ойкать. После чего студенты хором весело рассмеялись. Девушка сочувственно уточнила:

— Неужели ты все еще отрабатываешь шутку в общежитии?

— Нет, — покаянно вздохнул и скромно потупился лопоухий паренек. — Теперь работаю за шутку на лекции мастера Ясмера.

— Как тебя угораздило? — пораженно выдохнула Донская. Она не представляла, кем это надо быть, чтобы шутить на лекции по основам мироздания, и уж тем более над мастером Ясмером, который, может, и понимал шутки, но не в отношениях преподаватель — студент. Как оказалось, чтобы шутить, нужно было быть мелким домовичи с причудливо устроенной головой.

О чем Ясек и поведал сочувствующей слушательнице. В тот первый раз, когда домовичи и Лис оказались в лавке фееры, в число покупок, кроме красок, каким-то волшебным образом затесался еще и пузырек универсального бесцветного и невидимого, если верить надписи на этикетке, клея. Сосед по комнате случайно обнаружил клей на рабочем столе домовичи. Слово за слово, и приятели заспорили, насколько клей универсален и невидим. Решили проверить свойства средства, которое для большей надежности предлагалось продержать на приклеиваемом предмете не менее пятнадцати минут. Никакого другого места, где предметы пребывают в максимальной неподвижности, кроме зала лектория по основам мироздания, домовичи в голову не пришло. Так что чудо-гений умудрился просочиться в запертое помещение за пару минут до лекции и накапать клея на все скамьи. Никто ничего не заметил.

Когда по окончании лекции ударил колокол и Ясмер привычно отпустил студентов, ни один не двинулся с места. Приятно пораженный рвением молодежи в постижении философских глубин, мастер поощрил усердие еще пятнадцатью минутами лекции, и лишь по окончании оных, когда вновь отпущенные студенты не двинулись с места, в сердце мастера

зародились подозрения.

Вызванный с места в приказном порядке первый попавшийся ученик к мастеру подошел-таки. Но характерный треск материи и дыра на тыльной стороне брюк объяснили Ясмеру причину студенческого рвения.

Домовичи свою вину скрывать не стал и честно признался в авторстве эксперимента и мотивах оного. За рвение в познании был удостоен «горячей благодарности» всего потока. Больше всего студенты сетовали не на необходимость смены пострадавшей от клея формы (без повреждения ткани никто встать со скамьи так и не смог), а на дополнительные четверть часа чтения головоломного материала.

От мастера Ясмера, на свое счастье, читавшего лекцию стоя, домовичи досталась отработка — мытье лестниц в Башне Судеб в течение циклады. Причем, как посетовал паренек, староста Лестор не только прочитал шутнику лекцию о шутках хороших, разных и скверных, но и повадился ходить в башню с инспекцией чуть ли не ежедневно. Может, опасался, как бы первокурсник, оставленный без присмотра, не поэкспериментировал с древними реликвиями академии?

После душевного рассказа о шутке и Яна взглянула на мелкого домовичи с некоторым подозрением и осторожно спросила:

— Ты к Прялке и Станку в башне наверху ходил?

— Куда? — простодушно удивился Ясек. — Мне пять нижних пролетов мыть назначили, я выше не лазил. А что там, — парень покосился на лестницу, — что-то интересное есть?

«Было», — мысленно ответила Яна и на всякий случай спросила: — Кроме тебя еще кто-нибудь в эти дни на отработку назначен?

— Не знаю, — пожал плечами паренек, взирая на девушку с таким бесхитростным спокойствием, что сама мысль о возможной причастности домовичи к исчезновению реликвий казалась абсурдной. — Я никого, кроме Лестора, не видел. Староста наверх поднимался разок — ненадолго. И все. Тут обычно тихо, если кто и приходил, то после меня или до…

Лопоухий чудик наморщил нос и почесал за ухом.

— Ясного вечера, закончил отработку? — Староста феох нарисовался в башне как по заказу и сразу вперил в первокурсника подозрительный взгляд.

— Закончил, — бодро отчитался Ясек.

— Тогда ступай на ужин, горе факультетское, — со вздохом скомандовал толстяк и посторонился. Кажется, у старосты сложилось предвзятое отношение к бедному пареньку. Домовичи

воспринимался им как аналог взрывчатки на ножках: никогда не знаешь, где рванет, но рванет непременно, потому нужно заранее присмотреть укрытие, надеть каску и наблюдать за процессом из глубокого окопа. Весьма вероятно, что после второй выходки Ясека было недалеко от второй стадии адекватной реакции на придумки новичка — «завернуться в простыню и медленно ползти в сторону кладбища».

Лопоухий недоросль тепло попрощался с Яной, прихватил сумку и вприскочку помчался через площадь в сторону корпусов.

— Лестор, послушай, ты никого, кроме Ясека, не видел, когда сюда приходил и поднимался наверх? — уточнила Донская.

— Никого, — быстро и как-то излишне суетливо отозвался феох.

— Тогда отвечай, зачем спер реликвии? — раздался с порога задорный голос дракончика. И пусть его волосы слиплись от пота, зато глаза блестели энергией и задором, который не смогли прогнать изнурительные тренировки. — Привет, Ян. Мы Ясека по дороге перехватили, парень сказал, где тебя искать.

— Так что, Лестор, где реликвии? Так и будешь молчать? — прогудел за спиной напарника Хаг.

Янка удивленно нахмурилась. Она не понимала, с какого перепуга друзьям вздумалось донимать бедного феоха нелепыми придирками, подозрениями и вдобавок разглашать тайную информацию, которой с ними как блюстителями пророчества поделился декан.

Девушка уже хотела вступиться за невиновного, ошарашенного нелепыми нападками, феоха. Не успела. Раздались характерные звуки, и в замкнутом пространстве возник запах, свидетельствующий о неподдельном волнении. Естественные расовые особенности выдали старосту летописцев с головой, вернее, с нутром.

— Я только ректору скажу, — даже не покраснев, а побагровев, тихо шепнул понурый Лестор и одарил компанию очередным взрывом «несравненных» ароматов.

— Как скажешь, — прижав рукав к носу, прогундосил Машьелис о Либеларо, залез в кошель и, надломив знак СУАЗ, торопливо выпалил: — Ректор Шаортан, у студента Лестора есть информация по пропавшим реликвиям. Он жаждет поделиться ею с вами. Откроете портал?

«Только противогаз захватите», — хотела было посоветовать Янка, да поздно.

Устного ответа на призыв Лиса не последовало, зато сгустилась серая дымка в углу башни рядом с часами-гонгом и выплюнула комплектом декана Гадерикалинероса и дракессу

Шаортан.

— Ясного вечера, студент, мы слушаем, — стремительно шагнула ректор к феоху; от потряхивания за грудки толстячка-старосты дракесса удержалась, но, кажется, с превеликим трудом.

— Это я, — прошептал Лестор, отчаянно комкая полу жилета в пухлых пальцах. — Я убрал Прялку и Станок в пространственный карман башни.

— О Творец, Силы Двадцати и Одной и Великое Древо Игидрейгсиль, зачем? — возведя очи к потолку, простонала удивленная поступком тихого и прилежного студента ректор Шаортан. Чего только они с мастерами не передумали о пропавших артефактах и каких только версий не перебрали, но до такого идиотизма не додумались.

«Пространственный карман феохов… ну, конечно», — пробормотал себе под нос декан, понявший только сейчас, почему исчезновение реликвий было подано без обычного трагического надрыва и нагнетания угроз, свойственного большинству пророчеств. А вот кое-кого, в частности, автора предсказания, ждала серьезная взбучка от мастера Ротамира. Это ж надо было слепить два пророчества в одно, руководствуясь внешними признаками — единым местом действия и замешанными субъектами!

— Вы мне очень нравитесь, госпожа ректор! Я не знаю, какой подвиг свершить в вашу честь, чтобы вы дозволили мне начать ритуал ухаживания дракессов. Потому отважился на такой жест привлечения внимания. Хотел поразить вас, — скороговоркой выдохнул феох и выдал очередной залп нутряного духа, от которого сперло дыхание не только у чуткого дракончика, но и у всех присутствующих.

— Мне, право, очень лестно твое внимание, Лестор, но на ухаживания я ответить не могу. Я уже связана супружескими узами с достойным мужчиной, деканом Гадерикалинеросом, — просипела Шаортан и, не выдержав химической атаки, выскочила из башни.

— Реликвии вернуть можешь? — дыша через рукав мантии, гнусаво уточнил Гад, пока остальные со слезящимися глазами буквально на ощупь пытались последовать примеру дракессы.

— Да, они никуда не делись, сейчас схожу и выну, — печально пробормотал убитый новостями феох и, тяжко вздыхая, побрел по лестнице вверх.

Дэор не выдержал-таки пытки. Чуткий нос его оказался не готов к терзаниям запахами. Гад надломил нужный знак Игиды, и, когда зеленоватая с голубыми искорками дымка рассеялась, вонь исчезла. Остался исключительно приятный, а если познавать

в сравнении, то почти живительный запах свежескошенной травы. Не успевшие сбежать из башни студенты воззрились на декана с искренней благодарностью в покрасневших глазах. После отбоя газовой атаки вернулась в помещение и ректор.

— Лис, а откуда ты узнал, что это Лестор спрятал Прялку и Станок? — тихо спросила Яна у напарника.

Конечно, про супружеские узы, связывающие декана и дракессу, тоже было бы интересно расспросить поподробнее, но вряд ли кто-то из присутствующих собирался об этом рассказывать. Гад и Шаортан вроде как не делали страшного секрета из своих отношений и в то же время не афишировали их. Это сейчас, глядя на мастеров, Янка только диву давалась, насколько слепой она была, не разглядев за суховато-деловым общением этих двоих по-настоящему глубоких чувств, отраженных не в нежных словах и объятиях, а в самом простом взгляде, жесте, истинном доверии и общности интересов и действий.

— Узнал про Лестора? Да никак! Я вообще-то пошутить хотел, — повел плечом дракончик, тоже огорошенный вестью о семейном положении учителей. — А Хаг вон поддержал. Словно Покровитель за язык дернул.

— Вовремя он нас, — одобрил тролль.

— Не всем же быть в АПП носителями неконтролируемого хаоса, кому-то надо и пророчества исполнять, — демонстративно задрал нос Машьелис и тут же, коль уж представилась возможность, задал дракессе самый животрепещущий вопрос: — Госпожа ректор, а нам, таким хорошим, за устранение всех предрекавшихся пророчеством угроз для академии особая благодарность к стипендии положена?

— Могу написать признательное письмо леди Левьерис, — мгновенно отреагировала Шаортан, зловеще прищурив глаза.

— Ой, я такой скромный, такой скромный, госпожа ректор, право, не стоит оценивать мой ординарный поступок столь высоко, — мгновенно открестился от «высокой чести» дракончик и совсем тихо прибавил: — Вполне достаточно звонкого и золотого выражения признательности.

Ректор, кажется, зарычала. Надо же было Лису с вопросом о деньгах влезть, когда мастера сами на себя сердились за то, что выходку феоха проморгали! Спасая попавшего дракессе под горячую руку напарника, заговорил тролль:

— Госпожа ректор, а можно два вопроса?

— Ну? — рявкнула раздраженная Шаортан.

Даже Гад счел нужным подойти поближе и взять жену за руку. Он принялся осторожно поглаживать ее ладонь. Гейзер злой

досады, буквально брызжущий из женщины, мало-помалу стал утихать.

— Гм, как Лойли Ллельс? Приняли ее в академию целителей?

— Приняли, — уже спокойнее отозвалась Шаортан. — С условием, разумеется. Она должна будет нагнать пропущенный материал и отчитаться по нему преподавателям.

— Ой как хорошо, — искренне порадовалась за бедняжку Яна.

— Еще бы, теперь ей точно некогда будет народ травить, учеба все время займет, — ухмыльнулся Лис, заработал за подколку легкий подзатыльник от тролля и заткнулся. А Хаг между тем задал и второй вопрос, напоказ смущаясь и чуть ли не шаркая ножкой:

— Мастер Быстрый Ветер дал нам задание. Мы должны подобрать и исполнить трагические песни о любви. Не могли бы вы, ректор, поделиться толикой знаний о творчестве дракессов?

— С тобой? — искренне удивилась Шаортан. Любовная лирика дракессов не вязалась в ее представлении с грубовато-прагматичным троллем.

— Нет, с Яной! Она давно уже у вас попросить хотела, да застеснялась, а ей в конце семестра реферат сдавать, — перевел стрелки Хаг.

И Яна поняла: от Лиса Фагард грозу отвратил, а вот ей к следующему занятию придется учить сразу две новые песни. Про подарок от дейсора тролль, «причиняющий» подруге добро, узнать не успел. Просекший тактику Хага декан хмыкнул и подмигнул приунывшей студентке.

— Песню? — отчего-то поморщилась Шаортан. Наверное, не была поклонницей трагической лирики. — Хорошо, я подберу подходящую и передам при случае через декана Гадерикалинероса.

— А как же мелодия? Я нот не знаю, вы не напоете? — жалобно попросила Донская.

— Вот декан тебе и напоет, — быстро перевела стрелки дракесса, а Гад почему-то закашлялся. Или это он прятал за кашлем смех?

Откуда было знать студентам, еще не изучавшим дракессов во всей полноте, об одной из их особенностей — почти полном отсутствии музыкального слуха у большинства представителей расы в человеческом обличье. Змеи лишь шипели, не владея речью, драконы пели прекрасно, а двуногая ипостась хоть и говорила, да красиво петь не могла.

Пока разбирались с наградами и наказаниями, пришлепал сверху тяжело отдувающийся Лестор. Обыкновенно подниматься

наверх по лестнице тяжелее и дольше, чем спускаться с нее. Но феох на личном примере доказал, что из любого правила имеются исключения. Особенно легко они возникают, если внизу ждут неприятности, в частности, сердитая ректор и неизбежное наказание.

Глава 16
МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

Увы, к величайшему разочарованию дракончика, принять участие в финале пьесы хотя бы в качестве зрителей команде не довелось. Появилась веская и, самое обидное, неотложная причина. У всех троих студентов-блюстителей разом зачесались запястья с зеленым браслетом — меткой факультета АПП. Увы, означало это не срочную надобность в принятии ванны, а вызов в Зал порталов.

— Все студенты как студенты, в четвертый день циклады исполнять и блюсти пророчества ходят, а мы вечно — то в выходной, то до, то после уроков! — шутливо возмущался дракончик по пути к корпусу. Попутно он умудрялся бурно жестикулировать и, как обычно, дополнять пробежку акробатическими этюдами: то кувырками через голову, то прыжками, а то и вовсе колесом по скамьям вдоль дорожек. То ли жить без выкрутасов не мог, то ли разминался перед заданием, разогревал мышцы.

— Так я не понял, ты чем конкретно недоволен? — хмыкнул тролль, который просто бежал из точки «А» в точку «Б», не тратя времени и сил на ерунду.

— Почаще бы нас, как Пита с Картеном, с уроков сдергивали! — озвучил сокровенную мечту пройдоха Машьелис.

— Потом же конспекты переписывать! — всполошилась и ужаснулась Янка.

Она поневоле наловчилась бегать, прыгать и лазать, но никак не писать с той скоростью, какую хотелось бы видеть мастерам у студентов. Порой не помогали никакие сокращения и условные значки, после лекций приходилось дописывать пропущенное, пользуясь тетрадями друзей. Тролль хоть и калякал, как курица лапой, а все же за диктовкой поспевал. Тетради невозможного Лиса и вовсе походили на образцы каллиграфии: буковка к буковке, завитушки, завлекалочки, красота, да и только! Девушка по-белому завидовала и красоте почерка, и силе рук парней, не устающих от диктовки увлекшихся темой мастеров.

— Вот видишь, Яна против, — припечатал Хаг. — Да и я занятия пропускать не люблю. Ты ребят с собой не равняй. Помнишь же, декан говорил про носителя хаоса. Потому у них пинком через кувырок все идет. Никакие литературные чтения на отработках не помогают.

Тролль хохотнул, припомнив стенания голубокожего бунтаря,

которого по нечаянному совету лучшего друга теперь заставляли знакомиться с нравоучительными стихотворными произведениями классиков всемирной литературы и зубрить шедевры.

— Зато прикольно, — не позавидовал, скорее, оценил альтернативу Машьелис.

— Ага-ага, и коптили их уже, и топили, и закапывали. Что не пророчество, то прикол, хоть сам закалывайся. У Пита вообще скоро от нервов волосы клоками выпадать начнут, совсем облысеет, — язвительно поддакнул Фагард.

— Нет, не начнут, — небрежно отмахнулся дракончик. — Он же свято верит, что с ним, великолепным, ничего плохого не случится, ибо вселенная не перенесет такой невосполнимой потери. Но трагические заламывания рук, стоны и плач из-за каждой царапины, синяка или очередного душевного потрясения — у Пита обязательный ритуал завершения любого пророчества.

— Традиция — это святое, — сдув с лица и заправив под заколку выбившуюся прядку, поддакнула Яна.

Даже добрая и всегда готовая посочувствовать и помочь девушка успела оценить несносный характер сирена и его повадки. Потому «пастушок» мог сколько угодно кричать: «Волки, волки!» — спасать его землянка уже не кидалась. А другие однокурсники смотрели на очередной сеанс страданий бедного сирена как на комедийный спектакль. Только что попкорном и чипсами перед представлением не запасались, ибо никто не ел эдакого в АПП, но мелкую сушеную рыбешку, Янка сама видела, Авзугар трескал, а Тита щелкала орешки. По большому счету памятника терпению и снисходительности заслуживал бедолага Рос, которого шэ-дар связал с таким напарником. Впрочем, сам Картен давно привык к стенаниям Цицелира и пропускал их мимо ушей, как белый шум. Только если децибелы этого шума начинали зашкаливать, Рос предлагал сирену заткнуться и не ныть.

В Зале порталов пара дежурных летописцев с четвертого и пятого курсов спокойно ожидала вызванную жребием команду. Рядом с рабочими столами студентов прохаживался Стефаль.

Он не спешил лезть к пюпитру с пророчеством, чья печать полыхала желто-зеленым, больше желтым, чем зеленым, даже пара искр красного посверкивала.

— Ясного вечера! Третий курс третья команда прибыли, — громко оповестил Хаг дежурных, то ли делающих предварительные записи, то ли банально режущихся в «морской бой» или «виселицу». Судя по тому, как торопливо были захлопнуты тетради, летописцы и впрямь развлекались.

— Ясного! Пророчество к исполнению, — с нарочитой строгостью для придания словам большей солидности провозгласил черноглазый пятикурсник, театрально поведя когтистой рукой в сторону пюпитра, и многозначительно прищелкнул хвостом с пушистой кисточкой. — Ознакомьтесь!

Красного оттенка в печатях пророчеств друзьям еще не выпадало, потому ноздри острого носа Лиса жадно затрепетали, а ручки сами потянулись к печати. Хаг кашлянул. Пальчики дракончика отдернулись, и он почти жалобно уточнил:

— Я ломаю?

— Давай, чего уж там, знаки мы запомнили, — хмыкнул тролль, как облупленного знавший любопытного приятеля, которому так важно было раскрошить печать самому, чтобы тем самым стать причастным к опасной новинке.

Пока напарники вскрывали свиток, Яна старательно переводила код на печати. Выходило неплохо! Если поначалу она вообще не успевала запомнить значки, а уж тем более расшифровать их без помощи верного конспекта, то теперь понимала почти все.

Отправляться предстояло в мир синего спектра с развитой магией, богатый не только волшебной силой, но и разными расами, уровень опасности пророчества значился средний.

Дракончик расправился с печатью и торжественно продекламировал:

Коль средь лесов они сведут знакомство,
Спасенье дружбой станет в свой черед,
И блага многие всем расам принесет,
И одолеет злобу вероломства!
И свет меча, как истина, блеснет!

— Все? — на всякий случай уточнил тролль.

— Все, — пожал плечами Машьелис и с легким сожалением заключил: — Это ж пророчество, а не инструкция на лабораторной от мастера Гада. Я так понимаю, мы должны посодействовать чьей-то встрече на лоне природы. Пикник!

— Знаки невидимости берем как обычно. Что еще прихватим, какие идеи? — Хаг переглянулся со Стефалем.

— Предлагаю присовокупить к набору знаки щита, поиска, купола тишины и исцеления ран, — отметил Стеф. Вероломство, меч и спасенье в одном коротком тексте, по мнению вполне миролюбивого эльфа, явственно намекали на возможность боя, после которого, как правило, приходится врачевать даже самых удачливых вояк.

— Годится, — коротко кивнул тролль и по праву не самого старшего, но самого высокого (никакой приставной лестницы не надо с таким-то ростом) направился к ящичкам, где хранились знаки Игиды.

Яна советов друзьям давать не стала, ничего более дельного она все равно предложить не могла, а говорить все равно что, только для того, чтобы что-то сказать, всегда считала глупым. Молчание, конечно, вопреки знаменитой поговорке, отнюдь не всегда золото, но сейчас, когда не вовремя сказанное пустое слово могло помешать команде правильно выбрать знаки, девушка предпочитала держать рот на замке.

Потом парни распределили пластинки Игиды. Землянке достался лишь знак поиска. Донская спрятала его в сумочку на поясе, вытащила из сумки верную рогатку и переложила во внутренний карман куртки. Хорошо переодеваться не пришлось. После спортивных занятий и отработок все были в нужной форме.

Портал перенес команду куда-то в густой, плотный молочно-белый туман. Знак мимикрии активировали прежде перемещения, а вот с невидимостью и щитом блюстители не спешили. Все равно вокруг не было видно ни зги. Звуки и запахи безнадежно тонули в густом природном киселе. Пахло сыростью, хорошо хоть не болотной гнусью. Под ногами друзей в невысокой траве чавкала и хлюпала вода.

Даже чуткий Хаг развел руками, показывая собственное бессилие. Обыкновенно блюстители перемещались через портал в точку исполнения пророчества или оказывались в непосредственной близости от таковой, потому отыскать субъекты и объекты пророчества на местности труда не составляло. Вот только проклятый туман сводил на нет все плюсы подобного рода преимущества. Когда не видно ни зги, с равным успехом можно как приблизиться к нужному месту и субъектам, так и уйти от них неизвестно куда.

— Нет, мы так вообще ни демона драного не сделаем, чего доброго, еще и ноги переломаем. Все у тумане! — раздраженно фыркнул Машьелис, попытавшись преодолеть туманную завесу, воспарив над травой метра на три и вернувшись на исходную с противным чавкающим звуком. — Стефаль, у тебя тонкая работа со стихиями мастерски выходит. Попробуешь?

— Если только немного развеять, совсем убрать не смогу. — Эльф прикинул свои возможности во взаимодействии с водой и воздухом в незнакомом мире.

— Сделай хоть что-то, а то Лис прав, вместо исполнения пророчества всей командой к Лесариусу в гости попадем, — крякнул Хаг.

— Хорошо, — согласился Стефаль и присел на корточки. Одна его рука зарылась в густую влажную траву, вторая принялась не то гладить воздух, не то сплетать из тумана косицы. Не размыкая рта, юноша тихонько запел какую-то нежную мелодию.

Друзья тихо ждали пять, десять, пятнадцать минут. И сами не заметили, как дождались. Туман не исчез полностью, но посветлел настолько заметно, что перестал походить на опрокинутую гигантом кружку молока. Теперь окрестности прикрывала тонкая полупрозрачная белая кисея, будто фата скромной невесты.

— Здорово! Почти все видно! — восхитилась Яна.

— Мастерская работа, — похвалил эльфа Хаг.

Лис же выдал жест одобрения и с новой силой закрутил головой.

— Поиск? — вспомнив совет Гада, уточнила Янка и, получив согласие, надломила знак. Лиловые искорки сложились в стрелку-указание направления, и команда припустила вдогонку за стремительно понесшимся куда-то влево знаком. Спустя минуту-другую знак вывел блюстителей к большой реке, прячущей пологие берега в остатках тумана и густых камышах, и тихо погас.

Отреагировать на следующее событие девушка не успела. Со стороны реки раздался сердитый девичий визг, и прямо в лицо Янке впечатался мокрый комок водорослей. Пока землянка утиралась и отплевывалась, Лис и Стефаль проворно выбирали из волос подруги липучие красно-зеленые водоросли. Вся команда прислушивалась к бурному девичьему скандалу. Голоса разносились далеко по реке, а ругались две девицы — кажется, совсем рядом, за камышами.

— Я его первая увидела! Мой он! Я его к водяному потащу!

— Не зарься на чужое добро, это я его у заводи приметила! Мой он! Мой-мой-мой! Получай, лахудра!

— Сама получай! На!

Хаг привстал и огляделся, тут же присел и надломил листик со знаком тишины, заключившим отряд в купол безмолвия.

— Русалки ругаются, а в камышах то ли труп, то ли полутруп валяется, желтым светится.

— Вот он — наш клиент, — оживился Лис и, не дожидаясь разрешения, проворно вскарабкался по напарнику, как по дереву, чтобы поглядеть на объект.

— Русалки свою добычу добром не отдадут, — нахмурившись, осторожно вставил эльф.

— Не труп, пока еще дышит. Но слабо, — отметил дракончик

и озадаченно цокнул языком, не желая рисковать жизнью субъекта пророчества: — Сами мы его втихую из камышей не уволокем, а если и вытащим, так точно добьем. Если только левитировать…

— Русалки красивые? — неожиданно спросила Яна, избавившаяся от маски водорослей на лице.

— Русалки как русалки. Грудастые, смазливые, сварливые, хвостатые, рыбой пахнут, — передернул плечами Лис, не понимая, к чему ведет Янка.

— Давайте я попробую с ними поговорить, — попросила землянка. — Мне-то можно, меня в реку не потянут.

— Да, мы красавчики, нам нельзя, — самодовольно поддакнул дракончик и спародировал позу любующегося собой Цицелира.

— Иди, только осторожно, — попросил Хаг.

Янка встала, выбирая островки сухой травы покрупнее и покрепче, чтобы не провалиться в воду, подобралась поближе к речке и весело заговорила:

— Девицы-красавицы, ясного вам дня, вы так кричите, что всю рыбу распугали, и так метко комками водорослей швыряетесь, что и в меня угодили. Давайте меняться?

— На что? — позабыв о ссоре, мгновенно переключились на новую тему непостоянные русалки, развернувшись к берегу.

— Я вам заколки. — Яна отстегнула и вынула из волос красивые заколки в виде маленьких веточек с желтыми и зелеными камушками-цветочками. (Чтобы волосы в глаза не лезли, девушка как-то по случаю купила понравившиеся вещицы в одной из маленьких лавочек Дрейгальта.)

— Уй, блестят! — Даже в туманной дымке было видно, как разгорелись зеленые глазищи русалок — точно камешки под косыми солнечными лучиками. Шлепнув по воде хвостами, они подплыли поближе к берегу и уставились на украшения. — Что взамен хочешь?

— Того, кто в камышах помирает, мне отдайте, — попросила Донская, пытаясь хоть взглядом найти субъекта пророчества, но не улавливая даже проблеска желтого света. — Вам, подругам, прибыток, и ссориться-делиться не придется!

Русалки несколько секунд пошушукались и решили:

— Договорились, сухопутная! Только заколки вперед!

— Одну, коль хотите, вперед, как залог договора, а вторую потом, — поставила условие Яна. Русалки недовольно надули губки, а все же смирились. Ни одной заколки не взяли, лишь пригрозили:

— Смотри, сухопутная, обмануть вздумаешь, в воду нигде

больше не войдешь!

— Все честно будет, — торжественно пообещала Донская и горестно вздохнула. Пока шли переговоры на высшем речном уровне, кочка с травой под давлением веса заметно провалилась. В обувь начала заливаться вода. Ужасно неприятно было ощущать, как между пальцами просачиваются холодные струйки. «Какая я сухопутная, я уже мокропутная», — досадливо подумала Яна.

Русалки не обманули, плеснув хвостами, ушли на глубину или сами на несколько мгновений стали той самой водой, из которой родились. Лис то ли завистливо, то ли восхищенно шепнул где-то сзади: «Вот оно, родство со стихией!»

Вынырнули девицы на десяток метров выше по течению, у самых камышей, зашуршали, раздвигая рогоз, и буквально через пару минут притянули к студентке окровавленное тело молодого, еще безусого парня в разорванных одеждах, при дорогом кинжале, для сохранности вонзенном в грудь по рукоять. Водица лилась на мертвецки бледное лицо бедолаги, казавшееся почти синим из-за облепивших его черных прядей волос. Никаких признаков дыхания и жизни в раненом Яна, увы, не заметила. Зато желтый с красными искорками ореол вокруг субъекта просматривался отчетливо. Значит, именно этот парень и нужен был команде.

— Спасибо, красавицы, — поблагодарила Янка и положила в холодные перепончатые ладошки заработанные заколки.

— Будет еще что-то нужно, покличь Каиссу и Ивиссу, — серебристо рассмеялись легкомысленные создания и проворно поплыли к маленькому островку у противоположного берега. Выбравшись на него, русалочки, позабыв обо всем на свете, принялись напевать что-то невыносимо прекрасное и мерить заколки. Почти одинаковые, они отличались расположением блестящих камешков, так что девушки менялись и мерили, мерили и менялись и пели, пели, пели…

— Дивно звучит, — промолвил откуда-то из кустов Стефаль.

Хаг что-то угумкнул, а Лис зачарованно протянул:

— Да-а-а, я к ним хочу…

И тут же послышался звук доброй оплеухи.

— Эй, ты чего дерешься? — шепотом возмутился невидимый дракончик.

— Расколдовываю я тебя, а то еще пара секунд, и ты в гости к хвостатым вместо нашей жертвы поплывешь, очарованный наш. Давай-ка, ты в левитации самый сильный, вытаскивай парня.

Все еще что-то недовольно бурчащий Лис все же послушался тролля. Тело с кинжалом мягко приподнялось из воды, будто

возлежало на незримой подушке, и поплыло подальше от реки, на траву, где было немного посуше.

Яна потихоньку попятилась от реки, стараясь не черпануть ботиночками воду. Пусть внутри уже можно было разводить лягушек, а все равно осторожничала. Недовольный дракончик продолжал возмущаться:

— И нечего драться было! Я, что ль, виноват, что такой нежный и чувствительный!

— Беспутный ты ветер, а не парень, — трезво оценил таланты и душевную трепетность напарника Хаг. — Я себе невесту присмотрел, у Стефаля тоже суженая есть, потому нам песни этих вертихвосток — просто приятная музыка, а ты, братец, за любым хвостом в воду нырнуть готов.

— Ладно, не нуди, давай к делу. Вот он, спасаемый, спасителя все нет, а ореол уж краснотой наливается, — озвучил очевидное и неприятное Лис, зыркая по сторонам и прислушиваясь. — Он небось воды по горло нахватался и не дышит-то почти…

Тролль поскреб в затылке, взъерошил жесткие волосы и деловито предложил:

— Может, покричать? Позвать на помощь?

— Никто не успеет, если его хоть немного не полечить, — напряженно оповестил команду Стефаль, сканировавший эльфийским заклинанием состояние раненого. Брови юноши тревожно хмурились, он искреннее переживал, причем не за возможный провал миссии, а за умирающего человека. Пусть многие из его сородичей полагали короткоживущих людей мотыльками, чья жизнь — разменная медяшка на торгу, Стефаль Лаэрон был иным. Сложно стать расистом, если учишься в АПП и числишь среди лучших друзей человеческую девушку, тролля и дракона.

— Знак используем? — уточнил Фагард, запуская руку в сумочку с пластинами Игиды и готовясь извлечь и активировать нужный символ.

— Нет-нет, если применим знак, мы его полностью исцелим, — нахмурился эльф, поведя пальцами над грудью пациента. Полное исцеление было бы замечательным исходом, однако, увы, это противоречит ходу пророчества и может помешать его исполнению.

— М-да, тогда придется снова парня калечить для создания нужных условий, — подытожил Лис, с легким сочувствием разглядывая недобитого врагами полуутопленника. — А я так, чтобы не насмерть, втыкать в грудь кинжал не умею, еще, чего доброго, совсем прибью. Опять придется молоко с медом пить…

— Я удалю воду из легких, придам сил телу и немного подлечу рану, — предложил Стефаль, опускаясь на колени рядом с бездыханным полутрупом. На шуточки напарника эльф почти не обращал внимания.

— Действуй, — не столько разрешил, сколько попросил Хагорсон сведущего в искусстве магического Целительства члена команды.

Много времени процесс частичной реанимации у Стефа не занял. Через пятнадцать минут бледные с синевой щеки утопленника… нет, не порозовели, но стали просто бледными. Возобновилось едва заметное дыхание. С губ сорвался чуть слышный стон. Ореол субъекта пророчества перестал искрить красным и перешел к ровному желтому свечению.

— Вот теперь нам пора! А то очнется и решит прогуляться, — рассудил тролль.

Лис вытащил из своего кошеля знак невидимости, махнул друзьям отступать и шепотом предупредил:

— Отходите живей, я все следы вокруг уберу!

К сожалению, знак невидимости маскировал лишь живые объекты, а приметы их пребывания в зоне действия пророчества вроде примятой травы и отпечатков грязной обуви оставлял для изучения внимательным наблюдателям.

Компания снова перекочевала в кусты ивняка рядом с камышами. Лис применил знак, следом заклятье, убирающее следы, и громко завопил. Ничего конкретного, но простой вопль, исполненный муки, удался дракончику превосходно.

После первых трех криков, от которых у Яны заложило уши, а Стеф начал морщиться, как от зубной боли, стойкий Хаг прислушался и разочарованно покачал головой:

— Никого!

— Совсем никого? — жалобно переспросил Лис, будто собирался разочароваться в мире, созданиях, его населяющих, и жизни в целом.

— Нет, все зверье и птиц окрестных ты, ясное дело, распугал, но и только, — конкретизировал туманное «никого» напарник.

— Ладно, попробую по-другому. Не второй же знак поиска в дело пускать. — Дракончик воспарил над кустами и принялся истошно орать уже оттуда.

Через пяток высокохудожественных воплей неустанно сканирующий обстановку тролль шикнул:

— Спускайся! Сюда кто-то ломится!

Пусть и невидимые, а все равно затаившиеся для страховки в ивняке блюстители пророчеств увидели, как на берег выскочил светловолосый, стриженный под горшок пацан в длиннополой

хламиде, подпоясанной веревочкой. Пальцы его крепко сжимали длинную палку. Или это все-таки был посох?

— Второй наш клиент, — первым оценил зеленое с легкой желтизной сияние вокруг субъекта Хаг.

Остановившись под сенью самой большой ивы, паренек простер правую руку вперед, махнул посохом, зажатым в левой. С навершия сорвался желтый огонек и, как хорошо натасканный пес, помчался к недоутопленнику, лежащему в беспамятстве. Со стороны леса раненого видно не было, потому парень бежал за огоньком и заметил жертву, только когда обогнул кусты. Охнув, присел рядом с речным «подарочком», пристроил к стволу посох и, закусив губу, положил руки на тело раненого.

Сидел так несколько минут, потом резко, одним рывком, вытащил из груди беспамятного кинжал, отбросил его и снова положил руки на грудь незнакомца. Если поначалу пальцы лесного гостя отсвечивали чем-то зеленоватым, то теперь они стали распространять ровный белый свет. Когда тот угас, лекарь как сидел, так и повалился мешком в траву рядом с пациентом.

— Вот дурень, не только силу магическую и часть своей жизненной отдал, — не то ругнулся, не то восхитился Лис и отметил: — Если бы ты, Стеф, нашего утопленника не подлечил, сейчас бы на бережку рядком два трупа лежало.

Между тем картина «двое в беспамятстве» изменилась. Исцеленный длинноволосый недоутопленник заморгал, с трудом сел и положил руку себе на грудь. В то самое место, где совсем недавно был размещен кинжал, а теперь имелись лишь дырка в одежде и кровавые разводы. Увы, даже самая замечательная магия не может одновременно врачевать тело и штопать прорехи в ткани, попутно очищая ее. Либо то, либо другое. Очнувшийся опасливо ощупал дырку, тряхнул влажной черной гривой и огляделся. Заметил валяющегося рядом парня с посохом и осторожно тряхнул его за плечо:

— Эй, ты кто?

— Малин, — вяло пролепетал целитель.

— А я Арт, это ты меня подлатал?

— К-ха, я. Там твой кинжал, — вяло махнул в сторону удаленного «при операции» инородного предмета Малин.

— Он не мой, а моего брата… был, — помолчав, горько признал Арт. — А теперь кинжал есть, а брата нет. Зачем он пытался меня убить? Власть? Да скажи он только, что хочет править, я бы отрекся…

Недобитый наклонился, спрятал голову между коленей и глухо застонал.

— Э-э-э… принц Артус? — догадался целитель и присел

осторожно, словно земля под ним качалась, как палуба корабля в шторм.

— Он самый, — вяло согласился принц. Погруженный в депрессивные мысли о предательстве близкого человека, он плохо реагировал на происходящее.

— Как ты тут оказался?

— Совершал перед коронацией ритуальный поиск легендарного клинка великого короля. Традиция! Отправился в путь с братом, — отрывисто принялся рассказывать юноша. Вопрос мага упал на благодатную почву — принц желал поведать о постигших его беде и боли. — У водопада он попытался заколоть меня и сбросить в воду. Я его зацепил, вместе упали, он первым о камни головой ударился, голова, как орех под молотком, раскололась, помню еще, я меч с пояса отстегнул и плащ. Они плыть мешали, на дно тянули… а дальше ничего не помню. Очнулся здесь, и ты рядом…

— М-да, с мечом непорядок вышел. Если он должен сиять, то куда же запропал? Может, мы не все у русалок выторговали? Но, опять же, заколок у Яны больше нет, а я украшений на занятия не ношу, — задумался Машьелис, окидывая напарников внимательным взглядом на предмет добровольно-принудительного изъятия ювелирки для возобновления переговоров с хвостатыми модницами.

— Люди идут, много. Человек пятнадцать, — шепнул Хаг друзьям, прежде чем принюхивающийся дракончик озвучил свои подозрения.

— Смертью пахнет, — все-таки прибавил Лис, оставив развлечения.

Ровный желто-зеленый свет вокруг беседующих юношей — субъектов пророчества заполнился тревожными красными искрами.

— Вот он! Стреляй! — раздалась команда из-за деревьев.

Посыпались стрелы, но, соревнуясь с их смертоносным роем, Хагорсон надломил пластинку Игиды — знак щита.

Все остальное происходило почти одновременно. Юноши вскочили и, прижавшись друг к другу спинами, один с посохом, второй с подхваченным с травы кинжалом, приготовились сражаться не на жизнь, а на смерть. Раз!

Хищный рой стрел сорвался с арбалетов и понесся к жертвам, обреченным на смерть. Добрался до невидимого щита, ограждавшего избранников пророчества. Два!

Стрелы мягко спружинили о преграду и понеслись обратно с утроенной скоростью. Арбалетчики беспорядочно повалились в траву, спеша уйти из-под собственных выстрелов. Три!

Юный, еще белый из-за растраченных сил маг, утомленный лечением, приготовился подороже продать жизнь. Не дожидаясь, пока ливень стрел ударит в цели, он сам сотворил что-то вроде плохонького щита, одновременно посылая навстречу врагам небольшой, с яблочко, фаербол. Четыре.

Вот хищно прищурившийся Лис сложил ладошки домиком и прошептал что-то вдогонку яркому мячику огня. Благодарный за напутствие мячик вмиг разросся до размеров тележного колеса, а потом за доли секунды вырос еще втрое. Пять!

Вот гигантский огненный шар с небольшим перелетом врезался в одинокую скалу за спинами нападавших. От удара живым огнем массивная, поросшая мхом и травой скала содрогнулась, потекла и раскололась, раскрылась гигантским цветком, обнажая сердцевину. Из каменного нутра вылетел сверкающий меч, со свистом пронесся над поляной и закончил свой полет в пустой руке Арта, едва не отрубив ее начисто. Шесть!

— Меч-легенда! Эксгрендир! Это Эксгрендир! Рукоять — золотое яблоко, руны по металлу! Белое блистание в длани истинного владыки! Он вернулся в руку избранного короля! Как предсказано! — ветром или вместе с ветром пронесся над берегом благоговейный шепот. Семь!

Раненые и опаленные фаерболом враги побросали арбалеты и мечи на землю и попадали на колени перед страшным магом и своим будущим сюзереном, умоляя пощадить их ничтожные жизни. Восемь!

А на то, что «страшный маг» смотрел на свою руку, из которой вылетел чудовищный фаербол, как на величайшую загадку Мироздания, а Арт кривился от боли в отбитой легендарным мечом ладони — на то никто особого внимания не обратил.

Двое стояли плечом к плечу, не веря собственной удаче и еще не понимая, какую страницу великого пророчества, прямо на глазах становящегося легендой, открыли. Бывшие убийцы просили помилования у истинного короля и каялись, каялись, каялись. Особенно усердствовал старший из отряда. С виду головорез головорезом, истово уверовав, он казнил себя сильнее всех вместе взятых подельников и валил на голову ошарашенного владельца «чудо-меча из-под скалы» чудо-информацию, очерняющую дядю принца, пожелавшего расправиться с наследником и воссесть на престол. Девять!

Для глаз команды студентов АПП картина дополнялась медленно затухающим желтым ореолом вокруг Арта, Малина и меча из скалы. Предсказанное исполнилось! Как всегда, странным

образом, в чем-то до конца не объяснимым, в чем-то вообще непостижимым даже для умов, подготовленных мозговыворачивающими лекциями мастера Ясмера. Десять!

— Пророчество исполнено, — тихо шепнул Хаг ритуальную фразу, возвращающую команду в стены академии.

Глава 17
НАГРАДА ИЛИ НАКАЗАНИЕ

Четверо перенеслись в Зал порталов, где летописцы, засучив рукава, спешно строчили отчет об исполненном пророчестве. Черноглазый пятикурсник, впрочем, на миг оторвался от бумаг, обвел круг над сердцем, закатил глаза и звучно прищелкнул хвостом. Что, вероятно, по обычаям его народа символизировало удивление и восхищение.

А напарник летописца курсом помладше восторженно выпалил:

— Молодцы, третья команда! Быстро вы! Раз-два-три — и пророчество соблюдено!

С начала дежурств на втором курсе летописцы успели навидаться многого. Но не каждый день им доводилось наблюдать работу блюстителей по красно-желтому пророчеству, проделанную с такой быстротой, слаженностью и кажущейся легкостью.

Когда действуют мастера, любая сложная работа выглядит со стороны детской забавой и очень привлекательна для наблюдателей. Они не задумываются над тем, какая прорва сил, времени и нервов потрачена для достижения этой легкости.

Янка часто примерно так думала в цирке, глядя на улыбки жонглеров и акробатов. И никогда не подозревала, что когда-нибудь у нее будет получаться что-то такое: внутри сложно, а с виду просто. Вообще-то сама девушка пока не верила до конца, что у них получилось исполнить такое серьезное пророчество быстро и ловко.

— Ага, мы великолепны! — небрежно отшутился Машьелис и вздрогнул от удара по хребту тяжеленной лапищи тролля.

Хаг довольно прогудел:

— Вовремя ты с фаерболом и щитом среагировал. Считай, пророчество на интуиции и на своем горбу вывез.

— Да ладно, интуиция — это хорошо, а драконье чутье — лучше! Я хороший металл, скованный в клинок, в скале почуял, только вам сказать не успел. Как фаербол полетел, тогда и подсуетился, — небрежно отмахнулся явно польщенный о Либеларо. — Все мы отлично поработали: Янка с русалками, Стеф с лечением, мы с тобой со знаками. Ян, ты чего печалишься?

— Никак не могу привыкнуть к тому, что заранее точно неизвестно, как действовать надо, — честно призналась девушка, нервно накручивая на палец кудряшку. — Я бы так быстро, как

ты, Машьелис, никогда не смогла решать и действовать.

— Зато ты добрая и общий язык с кем угодно найдешь, — пожал плечами дракончик. — У всех свои достоинства!

— А заколки мы тебе новые купим, — заботливо пообещал Стефаль.

— Ну да, купим, — поморщился Лис. Денег на Янку ему жалко не было, драконья натура не одобряла сам факт материальных трат на исполнение пророчества. Жалел парень о том, что некому счет предъявить!

Друзья забрали сумки из зала, перебросились еще парой слов с дежурными и вышли на вечерние просторы АПП, чтобы вдохнуть полной грудью сыроватый аромат клонящегося к закату дня и… начать остервенело чесать руки.

— Что? Опять? — возмущенно взвыл о Либеларо, задирая рукав, то ли чтобы всласть почесаться, то ли чтобы смерить гневным взглядом бесстыже зудящий зеленый браслет.

Упс! Именно это иностранное словечко сейчас показалось Янке самым подходящим. На руке Машьелиса о Либеларо, студента третьего курса Академии пророчеств и предсказаний, больше не было стандартного зеленого ободка. Вместо него запястье оплетала изящная веточка, в мельчайших подробностях, не считая изумрудного цвета, повторяющая миниатюрную ветвь Древа Игиды.

— Ну-ка! — Лис подскочил к напарнице и задрал ее рукав. На запястье Яны тоже красовалась веточка. Хаг и Стеф, не дожидаясь, пока дракончик примется задирать им рукава или, чего доброго, просто порвет форму от избытка чувств, обнажили свои запястья. Узор на коже всех четырех студентов был идентичным.

— Вот драные демоны, чего с руками-то творится? — озадачился Хаг.

Вместо ответа на вопрос раздался четкий и строгий приказ дракессы, поданный через знак связи:

— Студенты Фагард Хагорсон, Машьелис о Либеларо, Яна Донская, аспирант Стефаль Лаэрон, вам надлежит незамедлительно прибыть в кабинет ректора.

Серое марево возникшего портала ясно указывало путь, которым следует воспользоваться для немедленного исполнения распоряжения мастера Шаортан. Спорить с ректором, отстаивая студенческое право на отдых и посещение столовой после блюдения важного пророчества, никто, понятно, не стал. Как-никак еще два с лишним года в академии учиться. Потому нарываться на конфликт с самой главной начальницей глупо. Лучше уж прийти и послушать, за что их будут ругать на этот раз.

Вообще-то после того как благополучно исполнилось

угрожающее безопасности АПП ежегодное пророчество, ругать третьекурсников серьезного повода не было. Но ректор есть ректор, она найдет. Может, какая девица на ловеласа Машьелиса пожаловалась? Вот всех разом вызвали на ковер для промывки мозгов — дракончику индивидуально, а команде, чтобы в другой раз лучше следили за Лисом. Правда, обычно с воспитательной работой справлялся один декан, но мало ли. Вот, кстати, раз приглашают, можно и про изменившийся браслет спросить.

Четверо шагнули в кабинет ректора и замерли, оглядываясь. Почему-то, несмотря на все заслуги перед академией по ее спасению и блюдению пророчеств, команде еще не доводилось бывать здесь. Хотя, вполне может быть, именно потому и не доводилось, что кое-какие заслуги имелись?

Уютно-строгий — именно такая мысль первой пришла в голову Яне, когда она оказалась в святая святых академии. Мебель из темного дерева: большой рабочий стол с тоннами бумаг на нем, стулья вдоль одной стены, светлые шторы на окнах, застекленный шкаф с книгами, гобелен во всю стену с планом АПП, ковер под ногами.

Шаортан и Гад стояли как раз напротив гобелена. А еще… Да вот это «еще» вмиг положило конец изучению обстановки. В глубоких креслах вокруг небольшого стола совещаний сидело трое. Хрупкая голубоглазая совершенно седая женщина в белой мантии. Тонкие черты лица гостьи казались написанными акварелью. Массивный, готовый поспорить с Хагом в крепости телосложения тип с хищно-грубоватой физиономией и веселым голубым глазом. Второй был закрыт черной повязкой под цвет мантии. Третьим гостем тоже был мужчина, молодой с виду и задумчиво-серьезный. Вид его плохо сочетался с ярко-желтой мантией, украшенной ультрамариновыми узорами. Почему-то черты лица этого гостя показались Яне знакомыми. Может, из-за длинноватого носа, чуть-чуть не дотягивающего до сосиски, или из-за глаз с вертикальными зрачками? У всех троих посетителей мантии были скреплены у горловины одинаковыми серебристыми брошками с изображением Игидрейгсиль, держащей в переплетении ветвей зеленый блестящий камешек.

— Ясного дня. Что оглядываетесь? Растерялись? Неужели ни разу не были у ректора в кабинете? — весело прищурился одноглазый и поиграл бровями.

— Не-а, — нахально протянул Машьелис, отродясь не смущавшийся перед незнакомцами. — Госпожа ректор ждать не любит, как-то все больше сама к нам «в гости с подарками» заглядывает…

— Да уж, за этой компанией глаз да глаз нужен, —

подтвердил Гадерикалинерос, покосившись на троицу с выражением, близким к жалостливому злорадству, в которое плеснули толику удовлетворения.

— Ясного дня. Что ж, давайте знакомиться, коллеги, — благожелательно предложила пожилая дама.

— А вы из института? Блюстители? Это вроде как их знак на фибулах?! — восторженно принялся сыпать вопросами о Либеларо. То ли намеренно выводил гостей из себя фамильярностью, чтобы получить побольше информации, то ли сам давным-давно вышел из себя от перевозбуждения и пока не успел вернуться обратно. А Яна смутно припомнила, что слышала — наверное, от эрудированного Стефа — о брошках, то есть фибулах, являвшихся такими же отличительными знаками работников Института пророчеств и предсказаний, как брошилистики на жилетах студентов АПП. Только, кажется, про драгоценные камешки, вставленные в листья-знаки, эльф не упоминал. Или она невнимательно слушала?

— Мы ни то ни другое, присаживайтесь, ребята, — кивнул на свободные кресла мужчина с характерным носом. — Побеседуем!

Беседа возобновилась лишь после того, как студенты, ректор и декан заняли удобные, пусть и не чета предлагаемым са-ороей, кресла.

— Шаортан, дорогая, представь нас юным блюстителям, — попросила седовласая леди, чьи пушистые волосы были собраны на затылке в аккуратный пучок, придававший гостье строгий вид, а вот лукавые морщинки в уголках глаз это впечатление напрочь рушили.

— Госпожа Лехеси, господин Атригис, господин Клодрен, — по очереди представила дракесса седоволосую, одноглазого и длинноносого. — Директорат института пророчеств и предсказаний!

Троица удивительно синхронно, пусть и едва заметно, наклонила головы, приветствуя студентов.

— Ух ты, — восхитился тролль, и в его тоне Янке отчетливо послышалось: «Какие люди в нашем ауле!»

Стефаль возбужденно засверкал глазами, землянка задумалась, а дракончик выпалил:

— И с чего нам такая честь?

— Должны же мы с новыми работниками лично познакомиться, — очень интересно скривил губы длинноносый директор номер три. Клодрен. Янка даже головой тряхнула, прогоняя ассоциацию с парой хорошо известных ей мастеров.

— А мы пока студенты и к вам на работу не просились, — широко распахнул глаза Машьелис. Он и на конфликт вроде бы

не шел, но явно собирался выяснить всю подноготную странного заявления.

— Ваши руки, — обронила Шаортан. — Ничего не заметили?

— Браслет изменился, — с наивной прямотой ответила Яна, чуть подняв рукав и демонстрируя красивую веточку на запястье.

— Это ведь знак блюстителя пророчества ИППа? Как зеленый браслет — символ студента-блюстителя АПП? — утвердительно предположил Стефаль и, не дождавшись возражений, изумился: — Однако академию окончил лишь я, мои друзья еще студенты третьего курса!

— Вселенная многообразна и бесконечна, случается всякое. Не нам судить о решении Игидрейгсиль, — философски отметила Лехеси. — В свитке блюстителей пророчеств института сегодня стало на четыре имени больше. И какие бы вы планы ни лелеяли, дети, Судьба уже все решила. Идущим против собственного предназначения не позавидуешь.

— И все же, если у меня другие планы? — без скандальных ноток в голосе, со спокойной деловитостью справился Хагорсон.

— Ваши браслеты это не угроза, не рабское клеймо и не поводок, — мягко, не столько уговаривая, сколько успокаивая и утешая, промолвила седовласая, похоже, самая старшая из гостей. — Они — приглашение, сделанное Судьбой и Великим Древом Игидрейгсиль. Поверьте, такое делается не каждому. Это приглашение не приказ, а лучшая из возможных дорог. Та самая, сужденная и предназначенная, на которую вы неизбежно вступили бы — быстро и с легкостью или набив шишек по пути и растратив время. Как именно, о том не ведаю.

— А планы в твоем возрасте, мальчик… Они как облака, меняются и летят под порывами ветра, — вмешался, словно взмахнул гибким клинком, отсекая слова, одноглазый. — Поверь Лехеси, тебе предложен лучший из вариантов. К тому же работать в ИПП — вовсе не значит отказаться от иных своих планов и желаний.

— Я собирался занять место шамана в клане, — задумчиво обмолвился тролль, не понимая пока, как его планы сочетаются с этим настойчивым предложением-приглашением-предназначением.

— Так что тебе мешает? Силы щедры, если быть шаманом — твое истинное призвание в той же мере, как быть блюстителем, то все сложится, — с едва уловимой насмешкой ответил Клодрен, повернувшись к Фагарду.

Яне почему-то вдруг показалось, что на серокожего друга собеседник смотрит двумя глазами, только тот, второй, прячущийся под повязкой, скрыт неспроста. И видит он сейчас не

массивную фигуру Хага, а что-нибудь более значительное и важное, скажем, нити вероятностей его судьбы. Покажется же такое!

Впрочем, сейчас девушку больше всего волновало иное.

— Как же нам теперь быть? Бросать АПП и идти к вам работать? — растерянно переспросила Яна, сильно сомневающаяся, что в академии есть вечерние или заочные курсы.

— Никакого «бросать»! Вот еще выдумала! — фыркнул, вмешиваясь в беседу, Гад. — Даже если основы техники исполнения пророчеств вам переданы, это не повод прерывать учебный процесс. Ничто не помешает вам продолжать обучение в АПП, совмещая занятия с вызовами в Зал порталов института.

— А как у вас с оплатой? — снова выступил с животрепещущим вопросом дракончик, крутясь в кресле. Пока он видел только дополнительную, пусть и очень интересную, работу.

— Тебе понравится, — усмехнулся длинноносый Клодрен и эдак небрежно прибавил, бросив мимолетный взгляд на Янку, одарившую заколками русалок и теперь немного напоминавшую кудрявый одуванчик. — Расходы тоже возмещаются.

— Вы наблюдали за исполнением пророчества? — первым озвучил догадку Стефаль.

— Да, — односложно согласилась дракесса, почему-то покосившись на гобелен. Может быть, он был не просто красивым «ковриком», а еще и артефактом-телевизором, связанным с Залом порталов АПП? — Ко мне еще есть вопросы или вы продолжите беседу в комнате переговоров?

— Госпожа ректор, а Клодрен ваш с деканом Гадом сын? — не утерпел и задал-таки раздиравший его вопрос о Либеларо.

— Сын, сын, — с притворной строгостью проворчала дракесса. — До седых волос дожить не успела, а он уже студентов сманивает!

Длинноносый усмехнулся и мстительно объявил:

— Не надо было их вам с папой — таких замечательных — учить!

Гулко захохотал одноглазый Атригис, заулыбалась Лехеси, прыснули студенты, напряженная обстановка в кабинете ректора ощутимо разрядилась.

— Не бойтесь, ребята, не вы первые, не вы последние. Порой студенты становятся блюстителями до окончания АПП. Игидрейгсиль выбирает инструменты для поддержания гармонии, — миролюбиво пояснил Клодрен. — Я и сам из таких, а Атригис и Лехеси — мои напарники.

— Это вы сейчас намекаете, что готовите нас себе на замену? — промурлыкал Машьелис.

И снова рассмеялись все в кабинете, а Атригис тихо-тихо бормотнул себе под нос:

— Кто знает, кто знает…

Яна же умиротворенно вздохнула украдкой: теперь не надо будет беспокоиться о трудоустройстве. И пусть впереди очень много всего неизвестного, но есть и четкий ориентир на будущее — место работы. Да еще, чего греха таить, очень не хотелось землянке разлучаться с дорогими сердцу друзьями. А работа в ИПП гарантировала — всё, что ни свалится в будущем, они поделят поровну на всех. По-дружески!

Почему-то последняя мысль показалась не то чтобы неправильной, а какой-то чуть-чуть болезненной, как старая заноза, которая залезла глубоко-глубоко под кожу и никак не желает вылезать. Усилием воли Яна отодвинула неприятную мысль на задний план и сосредоточилась на разговоре.

Шаортан без церемоний выпихнула студентов и директорат института в комнату переговоров, где Янкиной четверке подробно объяснили, как теперь будет устроена их рабоче-студенческая жизнь. Вызов в ИПП подавался не щекоткой, а холодком на браслете. Что забавно: новый браслет могли видеть лишь преподаватели АПП, для всех остальных веточка продолжала оставаться заурядным зеленым ободком. Свободно различать браслет-метку способны были лишь работники института. Или тот, кому его желал показать сам блюститель ИППа.

По сигналу браслета команде требовалось использовать портальный знак Игиды и переместиться в Зал порталов ИПП. Инструкция по дальнейшим действиям ничем не отличалась от академической. Менялась лишь маркировка пророчеств — в сторону повышения уровня сложности. В основном в институте имели дело с красными и желтыми свитками. Да претерпевала изменения система поощрений: за хорошее исполнение работы полагался не семестровый зачет автоматом по практической дисциплине БП (блюдение пророчеств), а эквивалент в звонкой монете. Оплата прямо зависела от сложности и количества пророчеств, выпадающих блюстителям.

После краткого ликбеза вся команда Янки поставила подписи на едином контракте с Институтом пророчеств и предсказаний, извлеченном Клодреном из папки. Решение Игидрейгсиль оформили документально. Особенно радовался фанатичный поклонник печатного слова Стефаль, как и друзья, получивший право свободного посещения архивов и грандиозной библиотеки ИПП.

Глава 18
КУЛИНАРНО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ

Как только с контрактом все утряслось, команда оказалась на дорожке перед погруженным в сумерки административным корпусом. Яна погладила печально бурчащий животик и резюмировала:

— Кушать хочется, а столовая закрыта.

— Хочется, — столь же печально прогудел Хаг.

В комнате совещаний никто студентам еды (да хоть печенья с чаем!) выставить не догадался. Сами они, увлеченные и взволнованные перспективами, временно отбившими аппетит, попросить не догадались.

С другой стороны, троица из ИППа и не могла знать, что в насыщенном событиями графике ребят сегодня не нашлось места для ужина. А все из-за слишком большого количества исполненных пророчеств на единицу вечернего времени!

Приятно, конечно, что реликвии в Башню Судеб вернулись из пространственного кармана, что выжили юный рыцарь Арт с магом и карьера блюстителей пророчеств оказалась делом решенным. Вот только есть все равно хотелось! Этого никак не могли отменить все явные несъедобные плюсы ситуации.

— Пошли к столовой! — предложил Лис.

— Закрыто уже, — уныло буркнул Хаг.

— А мы постучим! — беспечно объяснил друзьям дракончик.

— Мастер Вархимарх, возможно, еще не ушел, — со вспыхнувшей надеждой на полноценную трапезу поддержала Яна. Понятное дело, повар не обрадуется студиозам, колотящимся в закрытые двери. Но, возможно, сжалится и выдаст хотя бы пирожков на дорожку?

К столовой от корпуса преподавателей четверка блюстителей неслась если не быстрее ветра, то точно наперегонки с ним. И лишь у дверей темного здания Янка посетовала:

— Жаль, у вас тоже знаки портала кончились.

— Это у нас не знаки портала, а мозги кончились, у всех разом, — мрачно признался Хагорсон вместо явно сконфуженных промашкой друзей.

— Прости, Яна, — стыдливо повинился Стефаль, а Лис вместо извинений пристроился у дверей, стал в них методично стучать выхваченной из кустов палкой и громко ныть:

— Мастер Вархимарх, откройте, сжальтесь над умирающими студентами и аспирантом, в боях за гармонию Мироздания

пропустившими ужин! Так заняты были, мир и жизни людские спасали! Мастер Вархимарх!

Янка присовокупила свой голос к речитативу друга:

— Мастер Вархимарх! Пожалуйста!

Хаг и Стеф поддержали команду репликами на заданную тему.

— Чего долбишь? — В резко распахнувшейся створке показалась недовольная туша здоровенного осьминога. — Хочешь постучать — себе по лбу палкой постучи! Может, толк будет!

— Мастер, простите нас за бесцеремонное вторжение! — вступился за напарника эльф, пока сердитый силаторх не вырвал палку из рук дракончика и действительно не постучал нарушителю спокойствия по шее или по месту ниже спины, где торчало вечное шило.

— Мы сначала за исполнением пророчества приглядывали, а потом нас ректор к себе вызвала и задержала! Не успели на ужин! — наябедничала Яна, молитвенно сложив перед грудью ладони.

— Да, мастер, покормите, а? — пробасил Хаг, пытаясь придать своей массивной фигуре кротко-просительный вид.

Получилось странно, зато силаторх не то хохотнул, не то фыркнул и, отступив от дверей, махнул щупальцем:

— Проходите на кухню, оглоеды! Так и быть, накормлю, но чтобы в первый и последний раз! Столовая и так, почитай, две трети суток открыта!

— Мы теперь заранее с собой побольше брать будем, — клятвенно пообещала Яна.

Друзья двинулись по темному помещению. Единственным ориентиром для них являлась туша летящего впереди осьминога, сияющего нежно-голубым светом, как большой экзотический светильник. Шла компания к ступенькам в центре зала. Там обычно стояла круговая стойка с блюдами и властвовал повар.

Прежде никаких ступеней студенты не замечали. Или их закрывали баррикады еды, или ступеньки появлялись лишь в ночные часы? Преодолев небольшой спуск, команда оказалась в огромной, куда там верхнему залу, кухне — вотчине мастера Вархимарха и его восьми фантомов. Ее объем вдвое превышал габариты столовой.

Стучали ножи, звенели ложки, шуршали взбивалки. Что-то шкварчало в огромных сковородах, булькало в котлах, кипело в кастрюльках, пеклось в духовках, взбивалось в высоких полупрозрачных емкостях — то ли вазах, то ли кувшинах. В общем, тут творилась и просто одуряюще для четырех голодных блюстителей пахла пища.

Усевшись за угловой столик, крохотный по меркам гигантской кухни и вполне достаточный для размещения всей команды и еще пяточка друзей, ребята приготовились к мучительной пытке запахами и ожиданием. К счастью, мастер-повар садистом не был. Долго сглатывать слюну и созерцать завораживающее мельтешение-парение-творение пищи щупальцами силаторха не пришлось.

Уже спустя несколько минут, не расспрашивая о пожеланиях голодающих, Вархимарх бухнул на стол громадный поднос с кастрюлькой воздушного пюре, противнем запеченного кусками мяса, парой громадных салатников, тремя кувшинами, корзинкой с пирогами и фруктами.

— Дело к вечеру, объедаться не стоит. Этого вам хватит, — строго бросил кулинар. — Ешьте и уходите, работать мешаете! Корзинку можете с собой взять!

— Спасибо огромное, мастер! — прочувствованно и хором, пусть не очень слаженным, зато очень искренним, ответили голодающие.

— И еще… — Повар завис над столом в легком смущении (судя по едва заметным пятнышкам фиолетового на голубом теле) и проворчал: — Я вас, конечно, поздравляю, блюстители ИПП, но на ужин лучше не опаздывайте. Коли в неудачное время вызвали, меня известите и попросите еду в Лапу прислать. А на кухню мотаться нечего!

— А нам сказали, метку никто не увидит, — разочарованно вытянулась физиономия дракончика.

— Так то не о мастерах АПП речь шла, — усмехнулся Вархимарх.

— Вы такой добрый, мастер, большое спасибо! — Янка не удержалась, выскочила из-за стола и чмокнула силаторха в макушку.

Растроганный повар сильнее пошел пятнами, торопливо проворчал себе под нос нечто вроде: «Ешь, неугомонная девица!» — и поспешил затеряться среди фантомов.

Друзья последовали совету и накинулись на еду. Изрядной, казалось бы, горы съестного только-только хватило. Повар не зря звался мастером, он все рассчитал не только с легкостью пищи, а и с объемом. Компания насытилась, но не объелась и каменной тяжести в желудках не ощущала.

С корзинкой, где еще оставалось много вкусного, да вот запить было нечем — все три кувшина показали дно, — четверка покинула владения Вархимарха и отправилась в Лапу. Наверное, коварный повар специально не выдал ребятам побольше напитков, чтобы не засиживались зря и десерт употребляли уже в

общежитии.

Потому в мечтах кто о чае, кто о соке, под который замечательно шли вкусные ягодные пирожки и ореховые булочки, компания вернулась в родные пенаты и, понятное дело, решила собраться у Яны.

Нет, в комнате бывшего старосты тоже было бы уютно, да и великолепие органомической мебели, творимой любимицей эльфа, ценили все. Са-ороя за последние годы на диете из пирожков и компотика разрослась до таких неприличных размеров, что даже сам владелец порой задумывался над трудностями транспортировки растительного монстра в леса. Но почему-то, несмотря на все преимущества, компания предпочитала вечерять в комнате девушек, а у Стефа проводить совещания.

Латте встретила подругу тревожным взглядом. Обычно соседки предупреждали друг друга о своих планах на вечер, и сегодня никаких задержек не ожидалось. Ифринг забеспокоилась, когда поняла, что Яна даже не успела переодеться после отработки!

— Ах, Иоле, сколько сегодня всего случилось! — выпалила девушка, бухая корзинку на стол у дивана. — Поставь чайку! Сейчас ребята переоденутся, придут, все расскажем!

— А если коротко? — зазвенела посудой умирающая от любопытства ифринг.

— Если коротко: наша команда теперь не только студенты, а и работники Института пророчеств и предсказаний! — Яна продемонстрировала подруге цветущую веточку на запястье, мысленно пожелав, чтобы браслет стал виден соседке.

— Ой, — тихо бумкнулся на ковер чайничек, просыпалась горкой заварка, по счастью, не успевшая познакомиться с кипятком.

— Ага, даже ой-е-ей! Мы сегодня с ребятами мечемся по АПП как угорелые, но вроде везде успели и все сделали! — весело согласилась Янка и, на ходу расстегивая пуговицы на форме, исчезла в душе.

Через семь минут, когда посвежевшая и переодетая в домашний костюмчик девушка вернулась, Иоле уже смела заварку с пола, заварила свежую и начала расставлять посуду на столике. Соседки в четыре руки молниеносно завершили приготовления. Правда, больше Донская подруге ничего не рассказала, отговорилась тем, что у Лиса получится и увлекательнее, и красочнее, чем у нее. Дракончик умел эффектно преподнести самую тривиальную историю! Недаром же его слушали, развесив уши, не только друзья, но и очарованные

девицы со всех пяти курсов пяти факультетов.

Собрались в комнате у девушек быстро. Причем довольный Машьелис, обыкновенно являющийся на пирожки и варенье самым первым, чуть припоздднился, зато прибыл с добычей. Ухмыляясь от уха до уха, дракончик приволок здоровенный побулькивающий кувшин. Торжественно водрузив емкость на стол, Лис провозгласил:

— Вот вам! Вы все шпыняете меня, несчастного, за девичьи симпатии! Однако же и от них есть толк! Только Лилиан пожаловался мимоходом, что пирожок запить нечем, как она меня пожалела и компотиком одарила!

— Должен же быть и от твоей дури хоть какой-нибудь толк! — со снисходительным добродушием ухмыльнулся сытый тролль.

Иоле и Яна прыснули, Стефаль спрятал быструю улыбку.

— Только ты пей первый, а то вдруг подружка твоя решила тебя извести, а мы ни за что ни про что пострадаем, — подмигнул друзьям Хаг.

— Ха! Вы не знаете Лилс, она чудо какая добрая девушка, жаль, целоваться совершенно не умеет, — хихикнул дракончик, наполнил стакан экзотически-голубым компотиком и залихватски опрокинул его в себя, как алкоголик водку.

— Ох! — Яна расширенными глазами глядела на друга.

Хаг подавился чаем, закашлялся Стефаль.

— Мамочки-и-и! — тоненько проскулила Иоле.

— Вы чего? — вскинул голову Машьелис, резко сузив глаза, и догадался: — А-а-а, разыграть меня сговорились. И когда только успели? Так что случилось-то? Я вдруг стал розовым, зеленым или ярко-синим в полосочку?

— Угадал, — мрачно согласился Фагард, запуская руку в сумку-кошель.

— Ха, меня не проведешь! Разыгрывать бесполезно! — приосанился довольный дракончик и потянулся к кувшину: — Кстати, компот мировой! Кому налить?

Почему-то никто желания угоститься компотиком не изъявил.

— Ты угадал про ярко-синий в полосочку, — осторожно, не зная, как на новость отреагирует друг, вставил Стефаль, запуская в дракончика сканирующее целительное заклинание.

— Да ладно тебе разыгрывать, — хохотнул Машьелис, на всякий случай все-таки вскинув ладонь и глянув на кожу совершенно нормального, чуть смугловатого от еще не сошедшего летнего загара цвета.

Между тем Яна вскочила, метнулась к стене, сняла небольшое зеркало, у которого девушки причесывались, и сунула

его под нос дракончику.

— Ой, ни фига себе выпил компотику! — выдохнул Машьелис, изучая свое полосатое отражение.

Лицо его было покрашено в толстую, сантиметра по три, косую синюю полоску. О Либеларо стал напоминать участника какого-нибудь маскарада. Всем было бы весело, если бы не недавние попытки отравлений и нападений. Кто знает, вдруг то, что творится с Лисом сейчас, не шутка, а какая-нибудь сработавшая с опозданием задумка изобретательной Лойли, о которой она в спешке позабыла рассказать? Не докопалась же до вины юной дроу стража Дрейгальта после ареста Ширьлу, поскольку увлеклась потрошением городского совета.

— Ты как? Что где болит? — хлопотала Яна над другом, как над умирающим.

— Ничего не болит, только чесаться начинает, — прислушавшись к себе, задумчиво констатировал белобрысый хулиган, безрезультатно пытаясь стереть пальцами синюю полоску на щеке и расчесывая ее, как комариный укус.

Хаг не стал дожидаться результатов стирания и появления новых симптомов, он надломил знак «СУАЗ» и позвал:

— Мастер Гад, у нас Лис синим стал, в полоску! Что делать?

Зная своих уникальных студентов, декан решил не мелочиться и не тратить время на расспросы о симптомах экзотически занедужившего дракончика. Дэор незамедлительно прибыл то ли на место преступления, то ли на сцену для выступления. Как правило, в случае с Машьелисом о Либеларо одно органично сочеталось с другим.

Полосатость дракончика была видна невооруженным глазом. Декан изучил расцвеченного, как перестаравшийся фанат «Динамо», парня, потер нос и вздохнул:

— Как тебя угораздило?

— Не поверите, мастер, компотика выпил, — жалобно всхлипнул и пустил слезу дракончик. Слишком жалобно, чтобы в правдивость его горя поверил хоть кто-то из присутствующих. Янке даже показалось, что Лис искренне наслаждается нежданным приключением и вниманием окружающих.

— Этого! — Пятерня Хага цапнула злополучный кувшин и поставила перед деканом.

Стефаль же дополнил сообщение информацией:

— Напиток передала студентка Лилиан.

Декан взял кувшин, крутанул его в пальцах, зачем-то поднял вверх и поглядел на донце, затем хмыкнул и приказал:

— Никуда не уходите. Из кувшина не пейте.

— Эй! Зачем? Давайте я сам к Лилс схожу и спрошу, чего

ветер крыльями поднимать? — принялся возражать дракончик, заволновавшись о девушке. Но был остановлен могучей лапой Хага и тихим словом Гада:

— Сиди.

Отдав распоряжения, декан развернулся и направился из комнаты.

— Мастер, а Лиса-то чем пока полечить? — торопливо поинтересовалась у спины декана Яна.

— Подождите, за пять минут он точно не помрет, — на ходу буркнул явно рассерженный декан и хлопнул дверью.

— Может, чайку выпьем? — предложил затихшей компании тролль и легонько шлепнул Лиса по пальцам, так и тянущимся почесать полоски: — Не тронь, и так физия распухать начинает.

— Ладно, давайте чай, — похоронным тоном произнес смирившийся с неизбежностью Машьелис, поерзал на диване и, пока ему не налили, цапнул из корзины пирожок и булочку, чтобы занять обе руки, и предался полезному, вкусному и безопасному делу. Поочередно откусывая от добычи по кусочку, парень принялся рассуждать вслух: — Вообще-то странно, не ожидал от Лилс такой подставы. Мы и встречались всего пару раз, и расстались-то три циклады назад отличными друзьями. Девчонка мировая! Ладно, разберемся. Иоле, тебе Янка новости в подробностях рассказала? Как нет?! Слу-у-ушай!

Занедуживший Лис с аппетитом уплетал сдобу и трепался за троих. Зато его напарникам кусок в горло не лез от тревоги и подозрений касательно того, а не влип ли их друг в какое-нибудь новое пророчество, только-только успев вытащить радужный хвост из первого.

Ворох историй о пророчествах, пропавших реликвиях в Башне Судеб, выловленном из реки принце, чудесном мече, извлеченном из скалы, и эффектной тройке руководителей ИПП, прибывших по души свежеиспеченных работников, еще не успел закончиться, как Лис — увы! — вынужден был прерваться.

В комнату без стука вошел декан и конвоируемый им пятикурсник. Вид парень имел упрямо-виноватый и красно-белый. Нет, не покрашенный в полосочку, как Машьелис, а натуральный, возникший сугубо по причине душевных переживаний.

— Теперь, Клавдий, расскажи, пожалуйста, как ты использовал мел с пылью Игиды и для каких целей, — с нарочитым спокойствием попросил декан.

— А чего он к Каринше клеится? — набычился Клавдий, склонив голову так, что крутые рожки нацелились точно в грудь сидящего дракончика, и фыркнул, раздувая широкие ноздри.

— К кому? Это такая хвостатенькая с кривыми ножками и рожками, соседка Лилс? — уточнил Лис в легкой растерянности, еще не вынырнув до конца из образов сочиняемой истории.

«Бычок» взревел и попытался боднуть разговорчивого полосатого Машьелиса. Твердая рука декана его удержала.

— Клавдий, — сурово проронил Гад.

— Эй, ты, не надо бодаться! Твоя девушка точно не в моем вкусе. Я кривых… рожек не люблю, — успокаивающе объявил дракончик, причем Янка явственно почувствовала, что «ножки» на «рожки» заменил, лишь наткнувшись боком на кулак тролля. — И вообще, я к Лилс заходил!

— Ошибся, стало быть, — хмуро и подозрительно буркнул Клавдий, притопнув ногой, будто рыл землю копытом. — Простите, мастер, мы с Кариншей проект делали, а тут этот приперся, начал… любезничать. Вот я и… того… приревновал немного. Сам не понял, чего на кувшине накорябал, торопился больно.

— Что ж, герои-любовники, — решительно объявил свой вердикт по делу о синих полосках мстительный декан, — берите кувшин, мел с пылью Игиды, ступайте в мой кабинет. Время вам даю до утра. Ищите комбинацию, отменяющую действие стершейся композиции знаков. Листья Игиды использовать для снятия эффекта запрещаю. Вопросы есть?

— Нет, мастер, — понуро и удивительно синхронно, будто уже начали срабатываться для выполнения совместного проекта, ответили студенты.

— Я за мелками, ты сок принеси, — предложил распределить обязанности Клавдий.

Дэор, убедившись, что студенты намерены решать проблему, а не пререкаться, направился к двери.

— Мастер, — любезно, но с упрямой твердостью притормозил разогнавшегося сердитого декана подчеркнуто вежливый Стефаль. Кажется, эльф был недоволен происходящим, и только привитое отцом уважение к наставникам не позволяло выказать открытого возмущения. — Воспитание и дисциплинарные наказания — ваша прерогатива, однако я настаиваю на том, чтобы вылечить аллергию Машьелиса, пока отек и зуд не усилились чрезмерно. Могу ли я использовать эльфийские целебные чары?

Гад резко развернулся, чертыхнулся и в очередной раз вернулся в комнату. Янка невольно задумалась: а не завести ли в помещении раскладной диван, дабы измотанный беготней по общежитию декан мог в случае чего прилечь?

Приблизившись к украдкой почесывающемуся Машьелису, у

которого синева полосок на коже уже начала перемежаться не ровным легким загаром, а легкой красной с россыпью ярких пятнышек, дэор шумно выдохнул:

— Вот что ты за странный дракон, о Либеларо? Не успел я защиту крови с вас снять, как сразу в неприятности угодил! Откуда у тебя аллергия на синику?

— Я вообще уникальный, — скромно заметил парень и, улучив момент, со смаком почесал щеку.

— Конечно, вылечи его, Стефаль, — разрешил декан и снова вышел, на сей раз окончательно.

Зато чуть задержавшийся Клавдий виновато фыркнул и прогундосил:

— Ты извини, парень, проучить я тебя, конечно, хотел, но не отравить иль еще какую пакость сотворить. Мир?

— Мир, — мгновенно согласился Машьелис, расплываясь в блаженной улыбке, вызванной, разумеется, вовсе не экстазом миротворца, а заклинанием исцеления. После его применения Стефалем зуд, нарастающий в геометрической прогрессии, унялся, и пришло желанное облегчение.

Торопливо засунув последний кусок пирога в рот, встал и Машьелис.

— Ничему тебя, Лис, жизнь не учит, — цокнул языком Фагард. — Давно ли одно синее украшение сводил, теперь со вторым бороться будешь незнамо сколько.

— Клавдий отличник, — порадовал всех сообщением Стефаль и аккуратно откусил от булочки. Теперь, когда стало понятно, что жизни о Либеларо ничего не угрожает, аппетит вернулся и к эльфу.

— Ты меня предупреждаешь или радуешь? — хулигански ухмыльнулся дракончик, соскакивая с дивана.

— Он тебя информирует, — ответил вместо вежливого аспиранта тролль, никогда не лезший за словом в карман. — И, ей-ей, Лис, если ты еще в какую пакость из-за девчонок влипнешь, я тебе сам на физиономии чего-нибудь кулаком нарисую. Это же надо, как Янку и Иоле напугал!

— Эй, девчата, вы чего? В самом деле испугались? Все в порядке! Да ты же, Ян, знаешь, чем нас Гад подстраховал, — неподдельно изумился реакции друзей дракончик.

— Это ты всегда чуешь, чем дело обернется: пугаться или нет, а у меня так не получается. Я за друзей всегда волнуюсь, — мотнула головой Донская и глубоко вздохнула.

— Ну, извини, балбес, больше так не буду, — подмигнул напарнице неугомонный парень, подхватил кувшин сока и, насвистывая, отправился проводить эксперименты по удалению

цветной полосатости с лица.

— Вот это-то меня и пугает, — так же тяжело, как Янка, вздохнул Хаг.

— Что? — настороженно дернул кончиком правого уха Стефаль.

— Что «так-то» он не будет, он чего-нибудь по-другому учудит, — с философской обреченностью убежденного фаталиста констатировал тролль и отхлебнул чая.

Глава 19
СЕКРЕТЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Утро почти традиционно началось со стука в дверь. Девушки проснулись и уже стали собираться, но визитов не ждали. Решив, что явился напарник, чтобы покрасоваться расколдованной физиономией, Янка крикнула:

— Входи, открыто!

А на пороге, еще разок стукнув для предупреждения, показался староста третьекурсников.

— Ой, ясного утра, Кайрай! — удивленно вскинула брови девушка.

Бродить по комнатам студентов, как утром, так и вечером или в иное другое время суток, гоблин обыкновения не имел. Если кому-то требовалось, студенты почти всегда могли отыскать бессменного старосту в его любимой комнате-пещере.

— Ясного дня, — приветливо пискнул гоблин и проинформировал: — Яна, нам изменили расписание. Первым уроком стоит лекция ректора Шаортан «Типология и классификация блюстителей пророчеств» в большом лектории.

— Спасибо, что предупредил, поняла, — озадаченно моргнула девушка и машинально дернула за прядку волос, соображая, стоит ли заводить новую тетрадь под конспект или взять конспекты по технологии мастера Ясмера и записать лекцию с обратной стороны?

— А у нас такой лекции на третьем курсе не было, — озадаченно вставила Иоле, заставив старосту заинтересованно повести ушами.

— Вечером покажу конспект. Может, у вас все включили в цикл других лекций, а нам отдельно поставили, — рассудительно отметила Яна.

В АПП вроде бы система преподавания не менялась ежегодно, как в иных вузах родного мира, но вдруг именно сейчас для третьекурсников-блюстителей что-то решили изменить?

Кайрай блеснул зубастой улыбкой и исчез, чтобы успеть предупредить всех однокурсников, а девушки закончили сборы и встретились с друзьями. Лис снова щеголял нормальным цветом лица: синева и краснота исчезли без следа. Новых фингалов не появилось. Оптимизм, как обычно, бил фонтаном по головам окружающих, заливая всех, кто не успел увернуться.

— Долго вчера все исправляли? — первым делом заботливо уточнила Яна, пока Стефаль молча осматривал пациента.

— С полчаса поковырялись, а как Клавдия трижды в красный, фиолетовый и зеленый перекрасило, так он живо вспомнил порядок знаков, — ухмыльнулся дракончик и, показывая превосходную физическую форму, подпрыгнув, скатился по перилам аккурат к ногам смешанной стайки пророчиц и летописиц, собирающихся на завтрак.

Девушки весело рассмеялись и заговорили с Лисом как со старым знакомым.

— И когда успел? Мало ему вчерашнего было, — только и покачал головой Хаг.

— Лекарский корпус недалеко, донесем, — философски вставил Стефаль, позволив себе неодобрительно нахмуриться.

В очередной раз благородный эльф подумал, что Машьелис не должен так вольно вести себя при официальной невесте. Пусть даже невесте в силу необходимости. Яна, добрая душа, конечно, ни словом, ни полусловом дракончика не упрекала, но все же, все же…

За завтраком Машьелис подсел к пророчицам и явно втирал им что-то увлекательное. Девушки заливисто хохотали, а парни вокруг завистливо вздыхали и кривили рты. И ведь особого повода для ревности Лис не давал — он любезничал со всеми совершенно одинаково! Только поэтому, наверное, до сих пор парень ухитрился заработать лишь один, пусть изрядный, фонарь и синие полоски в довесок. Однако веселье весельем, а за друзьями Машьелис приглядывал и, когда они выходили из столовой, в дверях присоединился к компании.

Мелкая морось добавила влажности в застоявшийся за ночь воздух, и сейчас Яна ощущала себя фикусом, подвергшимся атаке из пульверизатора ревностного цветовода. Даже эльф, для которого, как для любого представителя Дивного Народа, не должно было бы у природы быть плохой погоды, если это, конечно, не лютый холод, чуть заметно поежился. Иоле, спешившая в теплицы, и вовсе открыла прихваченный зонтик. Лишь Хаг довольно жмурился и запрокидывал голову.

— Как думаете, с чего нам вдруг лекцию «Типология и классификация блюстителей пророчеств» поставили? — озвучил витавший в воздухе вопрос о Либеларо и, сморщив нос, поднял воротник куртки.

— Мы не думаем, мы идем, — буркнул Фагард, отыгрывая тупого тролля.

— У Иоле таких лекций не было, — поделилась информацией Яна.

— Нам ректор читала ее в первом семестре пятого курса, — поведал озадаченный Стефаль. — Рискну предположить, друзья

мои, что подобные изменения в расписании связаны со вчерашней переменой нашего статуса.

— То есть лучше студентам заранее все рассказать до того, как они пачками ринутся работать в ИПП? — хмыкнул Машьелис.

— Не совсем так, полагаю, информация будет полезна каждому студенту для постижения личной сути предназначения блюстителя, — дипломатично ответил Стефаль и попрощался с командой.

Его личных трудов статус ипповца не отменял, скорее, расширял горизонты оных. Именно сегодня Стефаль запланировал первый набег на большую библиотеку института и посещение тамошнего Сада Игиды, являющегося, если верить мастеру Ясмеру с его историей Игиды, отражением совокупного множества детей Игидрейгсиль, проявленного в мире Игиды.

Большой зал был почти пуст. Теперь в нем устраивались слушать лекцию не все три факультета академии, а лишь блюстители пророчеств. Потому рассредоточиться в пространстве и забиться по углам, рискуя вызвать недовольство ректора Шаортан, никто не решился. Сели кучно, в порядке, обычном для лабораторных и семинаров.

Потому, когда дракесса явилась в аудиторию и прошла к кафедре, она оказалась практически напротив и совсем рядом с Яной, Хагом и Лисом. Кивнув всем, Янке даже показалось, как-то по-особенному просканировав взглядом их троицу, Шаортан деловито начала:

— Ясного утра, блюстители пророчеств! Сегодня я хочу обратить ваше внимание на классификацию блюстителей. Возможно, кто-то из вас уже замечал, как отличается порой поведение ваших однокурсников и напарников при работе в, казалось бы, схожих условиях.

— Мастер, а носители неконтролируемого хаоса в эту классификацию входят? — сразу с места в карьер и в лоб запулил вопрос Машьелис. Он давно перестал не то что бояться, а даже сколько-нибудь опасаться строгую госпожу ректора. Был уверен — физического вреда она ему никогда и ни за что, как и любому другому студенту, не причинит, а уж самую тяжелую отработку он как-нибудь переживет.

— Именно, о Либеларо, но если вы соблаговолите не перебивать меня в процессе изложения, мы быстрее доберемся до общей классификации и не застрянем на характеристике пусть любопытного, но не единственного типа блюстителя пророчеств, — с показательной суровостью сдвинула темные брови дракесса.

— Умолкаю, — расплылся в довольной улыбке ничуть не

устрашенный дракончик и принялся поедать Шаортан преданным взором, исполненным предельной сосредоточенности. Слишком предельной, чтобы ему поверила и самая наивная девица, не то что ректор.

Шаортан хмыкнула, перестала хмуриться, под легкий шелест пронесшихся смешков, разрядивших обстановку в аудитории, погрозила Лису пальцем и продолжила:

— Итак, студенты, по модели поведения при реализации пророчества среди блюстителей принято выделять три основных класса, обусловленных личностными характеристиками. Развитию их зачатков в неоформленном даре блюстителя способствуют занятия медитацией, близость Сада Игиды, уникальных артефактов Башни Судеб, а также физический контакт с частицами деревьев Игиды — ее листовыми пластинами. Даже пустышки, используемые при медитации, помогают не только настраивать каналы на течение энергии для активации листа, но и воздействуют на тонкие структуры, помогая определиться и раскрыться личному классу блюстителя. Вас не посвящали в такого рода особенности тренировки, как и не информировали о классах блюстителей, чтобы не вносить помех в процесс.

Как правило, структура дара блюстителя оформляется к середине-концу четвертого курса, потому лишь в начале пятого студентов посвящают в особенности классификации. Но у каждого из вас, как отметил декан Гадерикалинерос, дар уже определился и миновал стадию первичных проявлений, потому на академическом совете было решено сдвинуть график лекций и дать вам материал раньше.

Как мы уже выяснили с Машьелисом о Либеларо, класс блюстителя «носитель неконтролируемого хаоса» встречается не часто, но проявляется настолько ярко, что его действия трудно не заметить даже в обычной среде, не говоря об осуществлении пророчеств. По оценке декана Гада, в нашей аудитории сейчас присутствуют два представителя этой редкой разновидности, чьей задачей является хаотичное осуществление пророчеств, происходящее помимо воли блюстителя, но активируемое силой его дара.

— Авзугар и Картен! — настолько громким шепотом озвучила информацию Тита, что ректор ее расслышала.

— Именно, — кивнула она. — Антиподом этого класса блюстителя считается мастер порядка, одно лишь присутствие которого сводит на нет большинство хаотических порывов. Мастера порядка — высшая ступень упорядоченности процесса исполнения пророчеств.

— Кайрай! — Аудитория дружно признала в старосте описанный тип блюстителя. Да уж, если бы не он, Рос и Авзугар такого могли бы наворотить в АПП, что потом никто бы не выворотил!

Ничуть не пристыженные хаоситы заухмылялись, а маленький гоблин польщенно зазеленел и на миг прикрылся ушами.

— Мастер порядка и носитель неконтролируемого хаоса дополняются классом «мастер гармонии». Все действия последнего подчинены музыке незримых небесных сфер. Три этих класса, как правило, выражены очень ярко и не имеют дополнительных подклассов.

— По способу осуществления и корректировки пророчеств также принято выделять три класса: эмпат-интуит, провокатор случая и логик-разумник, — продолжила лекцию ректор. — Эмпат-интуит обладает даром находить эмоциональный контакт с субъектами пророчеств и интуитивно придерживаться нужной линии поведения, на отдельные подклассы эмпата и интуита этот дар не распадается. В достаточной для подпадания под класс мере проявляется лишь в совокупности с другими способностями. Разумник сознательно выбирает цепочку событий и деяний, ведущую к скорейшему осуществлению пророчества. Он логически просчитывает свои действия, действия субъектов и объектов пророчеств и их последствия. Провокатор случая подталкивает субъект пророчества к его исполнению, руководствуясь в большей степени интуицией, но порой и логическими расчетами. Его действия со стороны выглядят не только как внезапные, непонятные и странные — зачастую наблюдатели оценивают их как опасные и рисковые, — коротко объяснила Шаортан.

— Странная триада, местами похожа на первую, только все другими словами сформулировано, — задумчиво констатировал Хаг. Видимо, тролль не настаивал на немедленном ответе и дождался бы расшифровки понятий, но, с другой стороны, с не меньшим удовольствием выслушал бы пояснение прямо сейчас.

— Совпадение по классам «носитель неконтролируемого хаоса» — «провокатор случая», «мастер гармонии»; «эмпат-интуит», «мастер порядка» — «логик-разумник», разумеется, встречаются, но не настолько часто, как можно было бы предположить по внешнему сходству характеристик, — невозмутимо продолжила ректор. — Мне известны сочетания по, казалось бы, противоположным характеристикам. Скажем, немало мастеров гармонии в каждом из трех классов, и порой носители неконтролируемого хаоса встречаются среди логиков-разумников.

Кроме того, чистый тип, относящийся к классу второго порядка, присутствует далеко не всегда, часто встречаются синтетические классы блюстителей, которым присущи свойства двух и в редких случаях всех трех классов. Причем четко выраженную принадлежность единственному классу блюститель демонстрирует далеко не сразу.

Студенты записывали, продолжая прикидывать, к какой группе относятся сами и куда попадают их однокурсники. Впрочем, пока ни над чем поразмыслить основательно Яна не успела. Ректор больно быстро начитывала материал. Сейчас она объясняла, почему студенты не нашли рядом с собой мастеров гармонии. Оказывается, этот класс, в отличие, скажем, от носителя неконтролируемого хаоса, проявляется далеко не сразу, а является плодом неустанных трудов блюстителя на ниве выбранной профессии. Но дорастет ли блюститель пророчеств до планки мастера гармонии, сразу никто ответить не может.

Дав короткую характеристику блюстителей по двум классификациям, дракесса погрузилась в детальное описание. Студенты конспектировали старательно, все-таки каждого из них эта тема касалась лично. Коварные мастера даже не подумали облегчить жизнь, подсказав, к какому классу кто из будущих блюстителей относится. Значит, раздумья над этим должны были стать частью работы по усвоению материала.

Картен и Авзугар, правда, могли позволить себе чуток полодырничать, поскольку о собственной принадлежности к носителям неконтролируемого хаоса уже знали и вполне справедливо полагали, что по второй градации подпадают под класс провокаторов. Однако же все равно писали, потому что подробно ребятам никто об их сути поведать не спешил. А Кайрай как мастер порядка и ярко выраженный логик-разумник всегда старательно относился к учебе, вне зависимости от личной заинтересованности темой занятия: надо значит надо.

Лекционное занятие близилось к завершению, когда Шаортан закончила знакомить студентов с классификацией:

— Вы — блюстители пророчеств, вам просчитывать риски, идти путем интуиции или логики, вам выбирать путь, приводящий пророчество к исполнению, и собственный стиль работы. Но, как я уже упомянула, класс каждого из вас уже определен, дело только в его раскрытии и шлифовке. И в заключение лекции последнее предупреждение: вполне возможно, что основной класс будет не только усиливаться, а и дополняться под влиянием учебы и в процессе исполнения миссий блюстителей. Потому дам совет: не следует обсуждать чужие и свои собственные классы, чтобы не сбиться с процесса настройки.

А вот размышлять на эту тему и даже оформить размышления в виде записей я вам, напротив, настойчиво порекомендую. Время для совершенствования у вас в запасе есть!

Последнюю фразу Шаортан выделила особенно четко и смерила Янкину команду многозначительным взглядом, ясно показывающим, что кое у кого времени-то нет, пора определить свои сильные и слабые стороны и действовать, сообразуясь с полученными знаниями.

— В следующем году мы вернемся с вами к беседе о классах блюстителей. Даю вам пять минут на просмотр материала лекции, его осмысление и формулирование вопросов, — предложила ректор и многозначительно замолчала.

Один вопрос у Янки уже был, оставалось только дождаться возможности его задать, а пока девушка размышляла над классификацией и ее применением по отношению к однокурсникам в целом и членам команды в частности.

Лиса землянка сразу записала бы в провокаторы случая с перспективой роста до мастера гармонии. Стоило только вспомнить последнюю выходку непредсказуемого друга и ее последствия. Одним махом дракончик обеспечил и воссоединение счастливых сердец Ясмера и Тайсы, и жертву для последней ловушки Лойли-паучка, которой стал Стефаль.

Хага, пожалуй, можно было отнести к разумникам и будущим мастерам порядка. Стефаль же точно подходил к синтетическому классу эмпатов-интуитов и логиков-разумников. И мастер порядка в цельной эльфийской натуре великолепно сочетался с мастером гармонии. Себя Донская пока четко отнести ни к какому единственному классу не могла. Наверное, тоже смешанный тип.

— Вопросы? — по истечении отведенного на просмотр лекции срока поинтересовалась у примолкшей аудитории дракесса.

Яна махнула рукой и, получив разрешение, озвучила свои сомнения:

— Мастер, а такая классификация талантов присуща только блюстителям или у летописцев и пророков тоже есть что-то подобное?

— Подобное, но не тождественное имеется. Ярко классы, перечисленные мною, выделяются лишь у блюстителей. Впрочем, отдельные сходные черты могут проявляться и у летописцев, и у пророков. Связь между типом блюстителя пророчества и чертами личности изрекающего пророка не прослеживается. Все в воле Сил Судьбы и Случая. Единственное, подмечено: любому носителю неконтролируемого хаоса, и не только блюстителю,

надо сбрасывать накопленную энергию, чтобы не случилось неприятностей. Однако эта информация не для одной лекции, интересующиеся могут уточнить в библиотеке…

Когда ударил колокол, Шаортан объявила:

— Все свободны, — и тихо велела: — Яна, задержитесь.

Когда просит ректор, ее просьба обретает силу приказа. Конечно, студентка осталась в аудитории, лишь помотала головой на вопросительные гримасы Лиса и Хага, которые собирались задержаться вместе с напарницей.

— Касательно просьбы Хагорсона о песне. Возьми, вот текст и ноты, если не найдешь, кого о мелодии спросить, подойти к декану Гадерикалинеросу. — Ректор протянула девушке листок.

— Найду, спасибо. — Нот Донская не разумела, зато знала точно, что Ольса и Юнина помогут разобраться, если попросить. Видела еще на первой цикладе, как девушки листали в библиотеке нотный сборник, выбирая песню для расоведения. Потому сразу убрала лист в сумку и к Шаортан с просьбой спеть приставать не стала. Мало ли почему ректор не пожелала этого делать? Вдруг по обычаям дракессов нельзя петь в чужом присутствии или голос у ректора переходит на инфразвук?

Не зря же декан Гад тогда так предупредительно кашлял. Если случай представится, лучше у него спросить. Он муж, значит, точно скажет. Вот же как интересно — снова мелькнула у Яны мысль — сколько студенты видели вместе Шаортан и Гадерикалинероса, ни у кого и тени подозрения о том, что они не коллеги, а супруги, не возникло. Рабочие, дружески-деловые отношения — таким представлялось общение непосвященным. А оказалось, все совсем иначе, и вчерашний длинноносый тип из ИППа — живое тому доказательство и подтверждение. Хотя не только он. Когда команде стало известно про Клодрена, Яна повнимательнее пригляделась к парочке мастеров. Или они, коль тайное стало явным, не так уж тщательно скрывали тайну от студентов? Только и спокойная нежность, и забота во взглядах и жестах дэора и дракессы теперь для землянки читалась отчетливо, сразу становилось ясно: хорошая пара.

— Яна, вопрос на лекции ты задала не из чистого любопытства? Судя по твоей реакции, у тебя есть на примете знакомый носитель неконтролируемого хаоса с другого факультета? — отвлекла студентку от мыслей о счастливом браке мастеров Шаортан.

— Есть! Вы не подскажете, как полагается сбрасывать накопленную энергию? — осторожно уточнила девушка.

Ей очень не хотелось ябедничать, свои-то проблемы Яна всегда предпочитала решать сама, не жалуясь учителям, и так

изрядно загруженным, но сейчас речь шла о возможных проблемах Ясека. Потому забота о благополучии лопоухого домовичи, влипающего в неприятности с непохвальной частотой, перевесила.

— В одиночку, особенно на первых порах пробуждения дара, самому носителю не справиться, — спокойно объяснила ректор, не давя на студентку авторитетом и не требуя сообщить, о ком речь. — Наше дело обеспечить безопасность носителя неконтролируемого хаоса от самого себя и других от него. Можно добиться оттока энергии через общение с определенным типом существ. К примеру, демон-дейсор в нашей академии не только отвечает за отработки. Он способен поглощать излишек хаотической энергии.

— Это потому Авзугар и Картен с отработок не вылезают? — протянула Яна, против воли начиная улыбаться.

— И поэтому тоже. Впрочем, они каждую свою отработку заслужили целиком и полностью. Другое дело, что именно поэтому им назначается уборка в обществе дейсора, а не какая-то иная полезная деятельность во благо академии.

— Ясек, летописец-домовичи с первого курса, мне кажется, он тоже такой, с частичкой беспорядка в душе. Он ведь добрый, честный, мягкий парень, но с ним все время что-нибудь происходит. И смех и грех! — раскололась девушка.

— Хм-м, покраска студентов в общежитии, приклеивание первокурсников на лекции мастера Ясмера. — Шаортан пролистала мысленную картотеку студентов и медленно кивнула: — Пожалуй, у меня тоже возникли схожие ощущения. Думаю, стоит переговорить с деканом Ротамиром, не дожидаясь более масштабных проявлений дара, способных затронуть всю академию. Комендант и так ворчал из-за массовой замены формы.

— Знаете, госпожа ректор, Ясек полы очень хорошо моет, я видела. Может, его ни за что и не наказывать, а поручить регулярно убирать в комнате дейсора? И демон чесаться перестанет, и домовичи польза. Всем удобно! — просительно уставилась на дракессу Яна.

— Хорошее предложение. — Ректор одобрительно потрепала девушку по плечу. — Я распоряжусь, а теперь ступай, пока твои напарники дверь не выломали, пытаясь выяснить, не съела ли я тебя на обед.

— Вы хорошая и студентами не питаетесь, — улыбнулась Яна, — это все знают!

— Неужели у меня столь испорчена репутация? — огорчилась дракесса.

— Нет-нет, мы помним, что вы строгая, требовательная и все

такое прочее, но что хорошая, все равно видно, — еще раз улыбнулась девушка и вышла к ожидавшим ее напарникам.

— Вот! — Яна помахала листиком с песней, который достала из сумки, и на всякий случай уточнила: — Кто-нибудь музыкальной грамоте обучен?

Как-то этот вопрос в команде до сих пор не поднимался. Хаг пожал плечами и развел лапами. Топором его орудовать учили, а вот с песнями как-то не задалось. Машьелис, напротив, закивал и потянул листик из рук напарницы. Бросив один-единственный взгляд на бумагу, дракончик запел звонким тенором:

Два крыла — обрывка тьмы,
Что витали до созданья,
Сотворенья и признанья,
Были все ж разделены…

— Стоп, — махнула рукой девушка и отобрала лист у друга. — Ничего не понимаю! Песню дейсора я сама записывала, без нот. А это и почерк не мой, и значки музыкальные…

Универсальный переводчик АПП, конечно, был уникален, но если студент не умел читать ни на каком языке, то и грамоте он его обучить не мог. То же касалось и нот. Пусть у иных рас музыка записывалась совсем иначе, не так, как у людей Земли, и, поскольку Яна не знала нотной грамоты, не знала она ее ни на каком языке.

Но текст-то оставался доступным для чтения, именно его девушка и пробегала глазами. Разница имелась, но незначительная. Серьезно отличалась лишь концовка. Герой все-таки выживал, да и способ мести колдуну-пленителю избирался иной: не кошмары, сведшие с ума, а снесение под корень всего замка и вечное, неразумным потомкам в назидание, замораживание негодяя до степени статуи ледяными змеями-дракессами.

Янка дернула себя за кудряшку и растерянно объяснила друзьям:

— Песня, которую мне пел дейсор, и эта, от ректора, очень похожи. Мелодии, правда, разные, но текст…

— Тогда у тебя появилась новая тема для реферата или даже для курсовой работы: «Плагиат в фольклоре разных рас, или Кто у кого стибрил первым?» Как звучит-то!!! — захохотал Машьелис.

— Да ну тебя, — нахмурилась Донская и выдвинула встречное предложение: — Давай лучше ты одну споешь, я другую песню, и на семинаре попросим у Быстрого Ветра объяснения. А то и не знаю, какую в сборник записывать.

— А давай, так тоже интересно, — мгновенно согласился дракончик, предвкушая развлечение. — Сможет растолковать мастер, что к чему — отлично, нет — вообще здорово выйдет!

Не то чтобы созерцание севшего в калошу преподавателя доставляло Машьелису удовольствие, но озадачить мастеров, да посерьезнее, Лис любил, не все же им его спрашивать.

— Давай-ка, пой дальше, тренируйся, — поощрил вокальные труды напарника тролль, и в теплицы к Байону троица двинулась под рулады неугомонного дракончика.

Глава 20
КАК УДАР

Наверное, Судьба и все прочие могущественные силы, отвечающие за мешочек с неприятностями, устроили перерыв и, завязав горловину зловещей емкости, ушли в столовую к собственному мастеру Вархимарху. Поэтому следующие несколько дней для Янки и друзей никакими событиями, потрясающими основы бытия, не ознаменовались.

Состоялся семинар по расоведению. В исполнении Яны Донской и Машьелиса о Либеларо прозвучала пара тождественных песен о любви, коварстве и подвиге. После которых студенты задали и свой вопрос о плагиате. Ответ тоже получили, правда, прозвучал он скорее в духе мастера Ясмера, нежели кентавра-расоведа, однако же объяснение поняла даже плохо воспринимающая всякую метафизику Янка.

— Идеи витают в поле Мироздания, особенно идеи, являющиеся отражением реальных событий, сопровождавшихся сильнейшим эмоциональным напряжением и переживаниями. Я не могу сказать, свершилось ли реально каждое из событий, описанных в песнях, или в мире материальном воплотилось лишь одно из них. Но струны Судеб были затронуты, и души, чуткие к этим колебаниям, воплотили их в песнях, — высказался Быстрый Ветер и добавил для самых озадаченно хмурящих лбы:

— Когда в середину пруда бросают камень, звук слышен на разных участках берега, и круги на воде тоже видны всем.

— Или, как Яна рассказывала, закон парных случаев! — влез с комментарием Машьелис. И кентавр одобрительно ржанул, соглашаясь.

Кстати, ехидный Лис оказался прав в одном: Быстрый Ветер в самом деле предложил тему курсовой работы или реферата к следующему семестру. Правда, не по плагиату, а как раз по таким «камням», плеск от которых слышен и виден во многих мирах. И предложил он ее не Яне (к ее вящему облегчению), а Машьелису (к радости и азартному удовольствию последнего). Донская и Хагорсон мрачно переглянулись, перед их мысленным взором встал полосатый напарник с двумя фингалами под глазами, полученными во время творческого поиска среди девиц разных факультетов. Судя по довольной улыбочке дракончика, тот воспринял задание расоведа как справку с печатью и пропуск для своих романтических эскапад.

— Надо бы попросить у мастера Лесариуса еще одну баночку

с мазью, — тихо вздохнула Яна.

— Лучше купить у фееры моток веревки и привязывать Лиса к кровати после семи вечера, — практично предложил Хаг. — Нужда наша велика, за пару медяков отдаст!

— Ничего вы не понимаете в порывах трепетного сердца! — укорил друзей дракончик, но, чуток подумав, скорректировал линию поведения: — Я теперь девушек буду в нашу комнату приглашать на музыкальные вечера, ладно, Хаг? И мне записывать удобнее, и дверь всегда можно закрыть на защелку.

— И мои кулаки пригодятся, чтобы попросить выбивающих дробь по нашей двери побарабанить где-то в другом месте, — догадливо продолжил тролль.

— Нет, с кулаками я разберусь, — беспечно отмахнулся Лис и хитро прибавил: — А ты вообще давно уже должен поближе с будущей невестой познакомиться и в гости сходить. Я тебе отличный повод даю!

Неожиданно для Яны тролль задумчиво наморщил лоб, лицо потемнело, и он согласился. Так что, пожалуй, всем, чьи девушки слетались к обаятельному, веселому, расточающему пестрые и шумные комплименты дракончику, стоило начать волноваться. Нет, как уже поняла Донская, девушки-студентки нужны были Лису как букет цветов: полюбоваться, понюхать — и все. Вроде и красиво выглядит, а ни для чего более не пригодно, вместо пирожка не скушаешь. Но парни-то об этом не догадывались и мучились ревнивыми подозрениями!

Хотя нет, наверное, все-таки чуть-чуть, а догадывались, потому что охмурять такую кучу девиц, которые ежевечерне стали набиваться в комнату Машьелиса, было просто нереально даже герою-казанове. Из прикрытой, но не запертой на засов, как поначалу грозился дракончик, двери доносились смех, пение, звучала раздобытая Лисом не то гитара, не то мандолина. Этот странный струнный инструмент однозначной идентификации не поддавался. Словом, о Либеларо к подбору материала для курсовой подходил творчески и с размахом.

Нет худа без добра! Иоле и Янка стали больше времени проводить за разбором знаков. У ифринг близилась большая лабораторная, она зубрила, а соседка помогала и проверяла, заодно сама повторяла и усваивала пока незнакомые символы. Получалось как в старом анекдоте про учителя. Объясняя подруге сложные моменты, Латте и сама пусть порой не с первого, но со второго, в крайнем случае, с третьего раза непременно запоминала и разбиралась в материале.

Чай и пирожки у девушек не переводились. Хаг или Стефаль, а иной раз оба присоединялись по вечерам и тоже помогали

гонять Латте по материалу, а заодно гоняли чаи. Яна давно уже весь пестрый набор местных травяных сборов именовала одним этим словом и выбирала для заварки наобум лазаря, все равно каждый напиток оказывался по-своему вкусен.

Был один из таких вечеров, когда соседки дружно корпели над материалом, стимулируя мозг крохотными конфетками-орешками и запивая сладости чаем. Латте неловко дернула рукой, подхватывая падающий со столика карандаш, которым девушка отмечала накрепко заученные знаки, и кружка с чаем совершила феерический, но, увы, последний в своей жизни полет. Пролетая, она неловко стукнулась об угол стола и рассталась с ручкой и кусочком на ободке. Забавный полосатый зверек, приподнявшийся на задних лапах с цветочком в передних, стал одноглазым, как пират. У Иоле навернулись на глаза крупные слезы.

— Ты чего, порезалась, обожглась? — испугалась за подругу Яна.

— Не-э-эт, — замотала полосатой головкой ифринг, беспомощно уставившись на осколки и лужицу на ковре, — чашку жалко! Это же подарок Йорда! Самая любимая!

— Ну-ка давай осколки и чашку, — скомандовала соседка, выхватила из шкафа с вещами полотенце, уложила туда пострадавшую посудину. — Пойду, Лиса попрошу восстановить! А ты пока нам свежего чайку заваришь, чтобы было чем второе рождение ценной чашки отметить!

Слезы начали подсыхать на глазках обнадеженной Иоле, а Янка с узелком из полотенца помчалась по коридору к комнате друзей. Струнный перебор и протяжная песня о чьей-то очень неразделенной любви слышались из-за закрытой двери. Студенты, уже успевшие привыкнуть к концертам, лишь беззлобно хмыкали, проходя мимо. (Все-таки авторитет бывшего старосты Стефаля, сумевшего убедить народ в серьезности намерений Машьелиса о Либеларо касательно сбора материала для курсовой работы и несерьезности его романтических поползновений, был нереально высок.)

Янка стукнула дверь кулачком, приоткрыла и позвала:

— Лис, можно тебя на минутку?

Дракончик нежился в девичьих объятиях на диване (обнимали его сразу две студентки, а еще одна помощница расчесывала локоны). Лис перебирал струны, наигрывая мелодию очередной песни, сюжет коей блуждал в умах музыкантов разных рас.

— Чего? — вывернувшись из девичьих объятий, парень отставил инструмент и подошел к двери, всем своим видом

выражая недовольное нетерпение.

— У Иоле кружка разбилась. Восстанови, пожалуйста, как ты умеешь, а то она очень расстроилась… — начала землянка.

— Ян, ты же видишь, я занят! Материал собираю. Мне все бросить и бежать кружкой заниматься? — возмутился Машьелис и демонстративно повел рукой в сторону любопытно вытянувшихся мордашек своих компаньонок. — Давай попозже! Не помрет Латте без кружки часок-другой…

— Хорошо, я поняла, извини, что побеспокоила, — искры потухли в глазах девушки. Янку резко пронзило ощущение собственной ненужности: как напарница на заданиях она годна, а когда понадобилась срочная помощь в малом, другу недосуг. Девушка чуть сгорбилась, отвернулась и, перехватив полотенце с чашкой поудобнее, отступила.

На раздавшийся едва слышный щелчок и тихий стук никто не обратил внимания. Лишь передернул плечами дракончик, словно ему дунула в сердце сама Снежная Владычица. Вдруг стало очень-очень холодно. Потому и поспешил Лис приземлиться на теплое местечко между парой подружек. Едва о Либеларо сел, в дверь снова постучали, просунулась темная и сильно ушастая голова одного из второкурсников.

— Эй, компания, тут у двери браслет валяется. Не ваш?

Машьелиса будто подбросило с дивана, он подскочил к двери и уставился на вещь, лежащую у косяка. Красивый браслет из неизвестного сплава, напоминающего серебро с примесью лайзиля, с голубым дракончиком, изящно выгибающимся тонким телом в полете. Это украшение Лис узнал сразу. Как было не узнать украшение из храма Ветров, столько раз виденное за прошлый год на запястье Яны? Почему-то сдавило сердце, потемнело в глазах от предчувствия то ли беды, то ли непоправимой ошибки.

Позабыв разом про курсовую работу и цветник красавиц, горящих желанием оказать помощь симпатичному любезному ясноглазому и дивнокудрому юноше, Лис до боли сжал браслет в руке и рванул по коридору к комнате подруги.

Дверь бесцеремонно хлопнула о косяк, одновременно раздался крик:

— Яна!

— А ее нет, — взмахнула длинными и еще влажными ресницами Иоле, утирая мокрые от слез щечки. — Она тебя пошла искать, чтобы попросить мою кружку восстановить. Жалко очень, все-таки первый подарок, который мне Йорд сделал! Я так расстроилась. Пустяк, конечно, если подумать, а все-таки…

— Я все сделаю, не плачь, только Яну найду, — пообещал

покрасневший от стыда Машьелис и снова помчался по коридору. На сей раз к Стефалю.

Когда он ворвался в комнату эльфа, тот ломал в пальцах лист Игиды, рассыпающийся коричневой пылью, а Хаг, подняв вверх, придирчиво рассматривал кружку на свет и довольно приговаривал:

— Вот и все, со знаками единения и восстановления не хуже получилось, чем с радужным пламенем у Лиса!

Янка счастливо улыбнулась и расцеловала парней:

— Спасибо огромное! Выручили!

— Для чего еще нужны друзья?! — заботливо дозируя непомерную силу, похлопал тролль напарницу по спине и насмешливо спросил Лиса:

— Ты чего такой красно-белый? Наши парни все-таки объединились и решили отрихтовать тебе физиономию, сердцеед доморощенный?

— Яна, прости, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть, — повинно склонил голову Машьелис, даже не отреагировав на подколку тролля. — Занесло меня что-то слегонца. Нет, сильно занесло. Прости!

— Я не обиделась, — качнула головой девушка. — Понимаю, у тебя проект важный, а тут я не вовремя с какой-то дурацкой кружкой. Совсем некстати. Ты иди, тебя ведь девушки ждут, некрасиво получается.

— Так этот балбес отказался тебе помочь? — пророкотал Хагорсон, недобро прищурившись.

— Нет, он не отказывался, — поспешно возразила Яна, вставая на защиту заигравшегося дракончика. — Но мне не хотелось заставлять Иоле ждать, не была уверена, что сама все исправить сумею, поэтому к вам за помощью пришла.

Са-ороя о чем-то взволнованно зашелестела. Может, осуждала поступок Лиса? Или она всего лишь ждала пирожка от любимой напарницы хозяина и теперь возмущалась, так и не дождавшись традиционного угощения?

— Возьми тогда назад, а? — Лис разомкнул кулак и протянул подруге браслет, впившийся в ладонь чуть ли не до кровавых полос.

— Ой, — Янка схватилась за запястье, подняла рукав блузки и улыбнулась: — Снялся! То-то я чувствую, руке легко стало. Вот и не надо больше в храм дорогу искать! И бабушка твоя, леди Левьерис, ругаться не будет! Как хорошо-то! Всем спасибо, я побегу — Иоле кружку отдам. Она ждет!

Яна выскочила за дверь. Дракончик так и остался стоять с браслетом в протянутой руке. Красные полоски на ладони

медленно заполнялись капельками сочащейся крови.

Хаг поглядел на жалкую физиономию напарника и гулко захохотал:

— Все, хана тебе, Лис, теперь твои вдохновительницы точно охоту откроют!

— Машьелис, а твой браслет на руке? — под шумок нарочитого веселья тролля уточнил Стефаль.

Дракончик поднял рукав и продемонстрировал золотого дракона, кружащегося в беспечном танце вечности. Ему и дела не было до потрясений хозяина. Подцепив пальцем, Лис на всякий случай дернул украшение сначала чуть-чуть, потом с силой, то ли ожидая, что браслет раскроется и спадет, то ли, напротив, страшась этого больше смерти.

— Тогда у тебя еще есть шанс, — промолвил эльф с загадочной полуулыбкой.

— Ты о чем, наш остроухий друг? — резко посерьезнев, будто и не веселился только что, спросил Хаг, наморщил лоб и привычно почесал затылок.

— О том, что я балбес, — упал в древесное кресло и поднял на друзей совершенно больные и несчастные глаза юный о Либеларо. — За такой срок не понять… даже пока у дядьки жил, не дошло… Как же так? Как так может быть?

— Так чаще всего и бывает, — снова выдал одну из своих дивно-загадочных призраков-улыбок Стефаль. Сейчас он казался не юным эльфом, а воплощением всей мудрости Дивного Народа, ее наследником и вместилищем.

— Я же ей ничего и сказать-то не смогу, — убито зашептал дракончик, становясь из грозы девичьих сердец самым обычным мнительным юношей. Лис поднял на старшего товарища такие разнесчастные глаза, что, если бы Яна увидела, простила бы враз за сегодняшнюю выходку и авансом за десяток-другой грядущих проделок. Са-ороя уж на что дерево, и та растрогалась, принялась гладить листиками волосы и плечи юноши. Или это растение так выискивало крошки, отчаявшись сегодня дождаться подношений?

— Ты не говори, просто подойди, — легким ветерком прошелестел совет эльфа.

Сила его действия никак не была связана с громкостью. Машьелис решительно тряхнул головой, подскочил и вихрем умчался.

— Однако же, — задумчиво крякнул Хаг, комментируя хлопок двери. — Пойти, что ли, Рикху навестить?

Во второй раз за вечер на крыльях воскресшей надежды дракончик ворвался в девичью комнату.

— Спасибо за кружку! А Янки нет, она перед сном

прогуляться пошла, — заулыбалась при появлении приятеля ифринг и, чуть виновато пожав плечиками, добавила: — Наверное, я ее своей зубрежкой знаков совсем замучила.

Стопка книг, черновые тетради и пухлая стопочка конспектов, занявшие половину столика, где обычно стояли лишь вкусняшки и чай, вполне могли претендовать на то, чтобы явиться причиной прогулки соседки.

— Ничего, сейчас поймет и выучит, на четвертом курсе меньше мучиться будет, — рассеянно подбодрил девушку Машьелис, лишь теоретически и на наглядных примерах мучений друзей понявший сложности стандартного запоминания. Не один раз юноша благодарил Творца и Судьбу за то, что рожден драконом. Все-таки совершенная драконья память оказалась потрясающим преимуществом в учебе! Она же, впрочем, являлась и проклятием. Сейчас Лис вспоминал потухшие Янкины глаза, сжимал в пальцах браслет, потерянный владелицей, и с каждым разом сердцу становилось все больнее.

Стремясь избавиться от этой боли, дракончик наскоро попрощался с Иоле и помчался на поиски напарницы. Куда она могла пойти? Ветер услужливо подкинул ниточку запаха, ведущую в сторону лесопарка. По мокрой от мороси траве, все еще зеленой, пусть и с встречающимися кое-где желтыми былинками, Машьелис мчался к деревьям. Они уже начали прощаться с летним убором. Мягкие домашние туфли юноши раздраженно пинали опавшие листья.

— Яна?! — заорал на бегу дракончик, увидев знакомую фигурку, сгорбившуюся на пятачке у речной заводи. Подскочив ближе, Машьелис позвал тише, робким шепотом: — Яна, прости меня, балбеса, пожалуйста! И возьми браслет, а?

Девушка резко обернулась, посмотрела на напарника и вместо ответа напустилась на него:

— Ты почему не оделся и не обулся? Уже промок! Не лето на дворе! Сейчас же отправляйся в Лапу, пока простуду не заработал!

— Ян, я дракон, меня простудить сложно, — начал было возражать парень и тут же оглушительно чихнул.

— Сложно? — скептически переспросила Янка.

— Это я сейчас слишком сильно расстроен, — принялся бессовестно выкручиваться Машьелис, — совсем нет сил защищаться от болезней! Не губи меня, подруга, прости и возьми браслетик. А?

Дурачась или прикрываясь дурачеством, как щитом, дракончик плюхнулся на одно колено, нарочито выбрав самое грязное место на тропинке, и простер к напарнице руки. На

ладони лежал злополучный браслет.

Яна в ответ тихо попросила:

— Встань, пожалуйста, и пойдем в общежитие, а лучше портал сделай, если у тебя знак подходящий есть.

— Нету знака! И не встану, пока браслетку не возьмешь назад, а про бабушку не напоминай, она не раз говорила, что вовремя мы браслеты в храме нашли, это надежная защита от всяких охотниц до моего драгоценного драконьего тела и состояния, — продолжил шантажировать добрую девушку коварный дракончик и демонстративно похлюпал носом. — Я ведь так и буду стоять! Простывать! Скоро кашлять начну!

«Что ж у меня все шиворот-навыворот и пинком наизнанку», — грустно помотала головой Яна, сгребла с ладони напарника браслет и решительно защелкнула его на запястье. Украшение не соскользнуло, но и не село как влитое, прежнего удобства и ощущения родного тепла не было. Или это просто металл остыл на прохладном вечернем воздухе? Или на сей раз никакого согласия Сил с происходящим не было? Браслету позволили остаться на руке как обычному украшению, для отвода глаз или… все-таки как напоминание о возможном будущем? Девушка отерла рукой лицо, убирая капли мелкого дождичка, и грустно спросила:

— Доволен? Теперь встанешь и пойдешь в общежитие?

Лис мячиком подскочил из хлюпнувшей лужи:

— Пойдем! — и, присмотревшись к подруге, жалобно спросил: — Яночка, почему ты плачешь? Я же извинился!

— Глупо все, — печально вздохнула Янка. — Как-то грустно стало, накатило. Сейчас, дай минутку, приду в себя. И не волнуйся, я на тебя не сержусь.

— Чего глупо? Что грустно? — встревожился Машьелис, уже вообразивший, что все-все теперь наладится и будет как раньше или даже еще лучше.

— Стою под дождем и думаю о том, что уже три раза была невестой. Один раз из-за неправильного гадания, второй раз, чтобы избежать результатов этого гадания, а теперь в третий раз — для того, чтобы тебе учиться удобнее было и девчонки не приставали. А я, может, если не красивой любви, то хоть капельку романтики хочу, дурочка… — поведала Яна, пряча руку с холодным браслетом в карман куртки.

— Ты… это… я дурак… Ты не дура… И вообще, Ян, я ж люблю тебя…

— Я тебя тоже люблю, ты хороший друг, Лис, — быстро согласилась девушка и хлюпнула носом.

Машьелис открыл рот, чтобы сказать что-то величественно-

проникновенно-торжественное или даже романтическое, но не вышло. Чихнули разом оба: Яна и сам дракончик.

— Бегом в Лапу, — скомандовала землянка, решительно отодвинув все сердечные переживания перед лицом насущной необходимости — заботы о здоровье друга. Парочка помчалась в общежитие.

Девушек из их комнаты Хаг уже разогнал. Сам он чему-то довольно улыбался и собирал сумку на завтра, попутно мурлыкая под нос то ли очередную боевую песню троллей, то ли их же любовную балладу. Кто разберет тонкую натуру тролля, качественно прикрываемую серой шкурой?

— Браслет надел? — оборвав песню, встретил соседа вопросом тролль.

— Надел, — выдохнул дракончик.

— Разобрались? — продолжил допрос Фагард.

— Да. Нет. Не знаю. Кажется, все еще больше запуталось, — снова вдохнул Машьелис и чихнул.

— Ну… это нормально, — вызывающе странно и почему-то оптимистично согласился Хаг. Дракончик удивленно насупился, а друг посоветовал: — Разберетесь, только не торопись и по девкам больше не бегай, а то все испортишь. Яна, конечно, терпеливая и снисходительная к твоим дуростям, но не до бесконечности. А теперь давай под душ горячий, пока не простудился.

— Эй, Хаг, — Машьелис растерянно замер на пороге санузла, — ты, выходит, тоже думаешь, что я в Янку влюбился?

— Нет, — отмахнулся тролль и спокойно прибавил после секундной паузы: — Ты ее просто любишь, только загнал это чувство подальше, чтобы оно тебе развлекаться не мешало. А Яна… Она тебя, балбеса, тоже любит. Не знаю уж, за какие заслуги. Иначе не надели бы вы браслетов в храме Ветров. Судьба вы друг для друга, а что не сразу поняли или еще до конца не понимаете, не беда.

— Я люблю Яну, — попробовал дракончик фразу на вкус и, тяжело вздохнув, пожаловался: — Люблю. Только все у нас по-дурацки получается. Хотел с ней поговорить, а все опять, как она выражается, пинком наизнанку вышло.

— Янка в себя не верит. Не верит, что красивая, что любить ее можно, — серьезно и строго отметил чрезмерно умный для своей грубовато-простоватой внешности Фагард.

— Не верит? — искренне поразился Машьелис и озадаченно заморгал, переваривая новость о странностях невесты. — Так зеркало же есть. У нее такие глаза… как цветки пушистые. Волосы все время погладить хочется, и носик такой милый. Я ни у кого раньше не видел.

— А кто ей об этом хоть раз сказал? — здраво вопросил собеседник.

— Ты прав, я балбес, — покаялся Лис и тряхнул головой. — Скажу. И уважаемой бабушке, леди Левьерис, напишу, чтобы не искала мне больше невест. Я выбрал.

— Не прошло и года… или прошло? — хмыкнул тролль.

— Хватит, Хаг, я уже понял, — скривился Машьелис и вскочил, переполненный жаждой деятельности, которая прямо сейчас выливалась в поиск письменных принадлежностей для исторического документа — письма дражайшей родственнице с информацией о сердечных чаяниях внука.

— Теперь главное, чтобы Яна согласилась, а то решит тебе, красивому и ветреному, жизнь не портить и откажет, — «оптимистично» и методично добил друга Хаг.

Лис взвыл, отбросил ручку и объявил:

— С Янкой я в выходной поговорю и все ей расскажу! Доволен?

— Я-то тут при чем? — пожал плечами тролль. — Мне с тобой на алтарь руки не класть. Ты ее спрашивай и уговаривай, слова подходящие ищи.

— Злой ты, я со Стефом поговорю! Он эльф, они красивые слова умеют плести так, чтобы любая согласилась, — пригрозил дракончик и получил в ответ лишь безразличное пожатие плечами. Что хотел, Хаг уже сказал и долее клевать мозг напарнику не собирался. Хмыкнув, Лис подобрал выкинутую ручку и застрочил депешу бабушке.

Глава 21
БОЛЬШАЯ ПРОГУЛКА: ДАРЫ И ВСТРЕЧИ

Что может быть лучше прогулки в погожий, пусть и прохладный денек? Променад в выходной, совмещенный с посещением ювелирной лавки. Так решил лелеющий коварные планы по завоеванию сердца невесты Машьелис. Прихватив Стефаля и Хагорсона для моральной поддержки, он отправился выманивать Яну за стены АПП.

Насчет прогулки по улочкам Дрейгальта девушка не возражала. Все равно Иоле снова умчалась к любимому жениху — раз, настолько срочных занятий, чтобы засесть за конспекты и учебники, пренебрегая законным выходным, не имелось — два, и гулять всей компанией с друзьями Яна очень любила — три. Единственное, что озадачивало девушку — навязчивая идея Лиса купить ей заколки вместо подаренных русалкам непременно в городской лавке. Любые покупки у фееры обычно обходились землянке гораздо дешевле. Но дракончик уперся, как осел. С четырьмя когтистыми лапами вышло посильнее, чем с копытами, и переспорить его никто не смог.

Потому после завтрака все друзья вышли из ворот академии, наслаждаясь возможностью спокойно прогуляться, не опасаясь очередной атаки коварной отравительницы, сейчас интенсивно грызущей фундамент целительских знаний.

Подходящая ювелирная лавочка нашлась в нескольких кварталах от АПП на небольшой малолюдной улочке. Без броской вывески, зато с витриной. Сквозь большое, в половину стены, магическое окно-завесу (все, что внутри — видно, дневной свет проходит, открыть или разбить невозможно) превосходно просматривались образцы украшений. Чего там только не было: кольца, браслеты, ожерелья, пояса, кулоны, серьги, целые комплекты всякой всячины. О назначении части входящих в набор предметов Янке вообще оставалось только догадываться. Имелись на отдельном столике-поставце и заколки.

— Выбирай, какие больше понравятся! — практически потребовал Машьелис, ткнув пальцем в витрину.

— Хм, новая оружейная, — приметил вывеску Хаг, с типично мужским равнодушием относящийся к украшениям любого рода, если это, разумеется, не насечки на топоре, отмечающие уровни мастерства обладателя. Напарницу тролль, конечно, любил, но не

настолько, чтобы торчать рядом, пока она выбирает побрякушки, или, напротив, именно настолько, чтобы не портить девушке процесс выбора своим едва сдерживаемым нетерпением. В общем, здоровяк мотнул головой в сторону другой лавки и предложил Стефалю:

— Глянем?

Эльф законченным пацифистом и метросексуалом не был. Из двух лавок для услаждения взоров мгновенно предпочел оружейную. К тому же тактичный представитель Дивного Народа предположил, что Машьелис, пересмотревший свое отношение к невесте, пожелает остаться с ней наедине. Но не тут-то было! Добрая Яна, заметив, каким печальным взглядом провожает Лис друзей, великодушно предложила:

— Я пока выберу заколки, а ты тоже сходи в оружейную лавку.

— Э, ладно, выбирай, я быстро! — мгновенно ретировался струхнувший дракончик. Слишком уж резко закрутилось все для юного Лиса, он просто не знал, как себя вести с подругой, чтобы опять не сморозить глупость. Комплименты, так легко лезущие на язык в общении с девушками, почему-то куда-то спрятались и выбираться на свет из глубин подсознания категорически отказывались. Может, обиделись, что их использовали для пустого флирта?

Яна осталась задумчиво разглядывать красивые, но, как ей казалось, мало годящиеся для утилитарного использования безделушки. Были как-то у девушки очень милые заколки с бусинами под жемчуг, купленные на свадьбу родственницы. После праздника бедная Янка почти десять минут потратила на выпутывание из «красоты неземной» кудряшек и потом еще час расчесывала многострадальные волосы.

— Ищете что-то определенное, юная блюстительница? — тихо спросил хрупкий, как певчая полевая птичка, старичок, вышедший из дверей лавки.

— Заколки для волос, чтобы не рвали и не путали их, даже если придется бегать, прыгать и все такое, — отрапортовала Яна.

— И не находите, — закончил за потенциальную покупательницу собеседник, быстро покрутив головой, отчего его сходство с птичкой усугубилось.

— Не нахожу, у вас здесь все очень красивое, но неподходящее, — покаянно шепнула девушка.

— Еще бы, — хихикнул старикан и поманил Яну тощим коготком-пальцем. — Это все мишура, чтобы глазки притянуть, для дела вовсе негодная. Пойдем, покажу иное.

Не соврал старый! Внутри лавочки, казавшейся полутемной

после яркого солнышка, дедок, демонстративно покряхтывая и сетуя на неумолимо бегущие года, не прибавляющие здоровья, полез под широкий прилавок. Пошуршав и погремев, он вытащил из-под него невысокий ящичек, всего-то в три пальца шириной да в ладошку длиной. Откинул крышку и раскрытой ладонью указал на набор маленьких деревянных веточек, практически точь-в-точь совпадавших по виду с проступившим на запястье браслетом блюстителя ИППа. Только все листья, цветы и веточки были цвета темного гречишного меда. От заколок словно тянулась тонкая ниточка аромата того самого меда. Едва уловимая, горько-сладкая нотка.

— Дерево? — неуверенно уточнила Яна, имевшая печальный опыт использования деревянной заколки с металлическим зажимом. Тот работал безотказно, а вот деревянная гроздь цветов очень быстро треснула на несколько частей и страшно запутала волосы не заметившей поломки хозяйки.

— То джайга, дерево особое, упругое. Специальным резцом по нему работают, всю заколку из цельного кусочка вырезают. Если в огонь не кинешь, всю жизнь проносишь, дочери передашь, а та своей, — пояснил дедок, ласково погладив пальцем одну деревянную веточку. — Нравится?

— Красиво и… — Яна запнулась, подбирая слова. — Эти заколки… они кажутся не только живыми, а еще и теплыми.

— Покупаешь? — утвердительно спросил продавец, а скорее всего, сам хозяин лавочки.

— Покупаю, — улыбнулась девушка и полезла за кошельком. — Сколько?

На волшебные веточки денег было не жаль. Даже если Лис станет настаивать на том, чтобы Янка купила какую-нибудь металлическую побрякушку, она всегда сможет заплатить за такое чудо из своей стипендии.

Когда дедушка назвал цену, землянка только крякнула. Стоили деревянные безделушки половину стипендии, выдаваемой раз в пять циклад. Однако отказываться от них не хотелось. И в руках-то еще не подержала, лишь увидела, а все равно — грели эти на первый взгляд незатейливые украшения душу.

Девушка расплатилась, забрала ящичек с заколками (продавались они лишь комплектом, сразу шесть штук) и вышла из лавки. Надевать обновку пока не стала, решила подождать друзей. Те так и зависли в оружейной лавке. Что ж, у каждого возраста и пола свои милые сердцу игрушки.

Коротая время, Яна рассматривала витрину как экспозицию музея. Золотые, серебряные, из какого-то иного блестящего и благородно-тусклого металла, с каменьями, перламутром… Все

изделия были по-своему интересны.

— Нравятся? — спросил кто-то из-за спины с легким пренебрежением.

— Красивые вещи, — спокойно согласилась девушка.

— Себе такие хочешь? — скучающе продолжил голос.

— Нет, — отказалась Яна.

Голос смолк. Девушка развернулась, чтобы посмотреть на собеседника. Общаться, стоя спиной, показалось невежливым.

— Я себе уже деревянные купила, — похвасталась Донская с широкой искренней улыбкой. — Эти, может, и красивее, и дороже, а мои все равно лучше!

Человек, стоявший рядом, был стар, пожалуй, старше хозяина ювелирной лавки. Короткий ежик белых волос, столь же седые брови, бледно-голубые, словно бы выцветшие от прожитых лет или от всего, что довелось повидать, глаза, резкие и глубокие, как кора дерева, морщины. Однако немощным его не назвал бы и враг. Старик даже стоял как готовый к прыжку хищник, чуть расслабившийся, но не сгорбившийся. Практичные немаркие серо-коричневые брюки, жилет и рубаха явно были сшиты так, чтобы не стеснять движений.

— Хм, так вот ты какая. А что же друзья тебя оставили в одиночестве? Надоела?

Яна озадаченно нахмурилась. Случайный собеседник вел себя странно, но студентке ли АПП удивляться странностям мира? Ни ругаться, ни поддерживать разговор с грубияном девушка больше не желала, потому флегматично проронила: «Вас это не касается», — и отвернулась, чтобы вновь погрузиться в созерцание витринно-ювелирных красот, дав возможность парням налюбоваться оружием.

— Янка, падай! В сторону! Берегись! — взвился над улицей встревоженный вопль Машьелиса.

Повинуясь инстинкту, взращенному на тренировках, девушка, привычно сгруппировавшись, рухнула на мостовую. В следующий миг ее заслонили трое: Хаг, Стеф и Машьелис о Либеларо, превратившийся в дракона. Его габаритная туша полностью перекрыла напарнице обзор.

— Что нужно в Дрейгальте человеку из Серой Смерти? — рыкнул дракон. Радужная чешуя блистала, щерились острые зубы, разноцветные искры летели из ноздрей, расправлялись крылья, мгновенно превращаясь из плотно-кожистых в остро-чешуйчатые, способные одним взмахом нашинковать жертву на мелкие кусочки надежнее, чем громадными когтями.

— Уже ничего, — спокойно хмыкнул старик. — Аудит. Случай отмены заказа и отказа от мести признан обоснованным.

Удачи, мы не берем заказы на Ставленников Сил. И не страшитесь, блюстители, мы не следим за вами. Я использовал для этой встречи свой дар.

Коротко поклонившись, так, что это больше походило на кивок, чем на поклон, загадочный тип исчез, оставив за спиной озадаченное молчание и раздраженный драконий рык. Материться с клыкастой пастью Машьелису было не слишком удобно, потому он быстро сменил ипостась на гуманоидную и первым делом принялся ощупывать Янку, за которую так испугался, что всякий инстинкт и способность чуять и оценивать опасность у дракона отшибло.

— А почему ты решил, что он из Серой Смерти, Лис? — задала вопрос потряхиваемая и прощупываемая другом девушка, пока юноша убеждался в невредимости невесты. Пара синяков, оставленных в процессе обследования, в расчет не принималась.

— Запах! От него пахло точно так же, как от тех типов, напавших на Айриэльда. Я, как ветерок запах в лавку донес, сюда и рванул, — нахмурился о Либеларо.

— Что этот человек от тебя хотел, Яна? — аккуратно поинтересовался Стефаль.

— Не знаю, — честно ответила девушка.

— Вы с типами из Серой Смерти сталкивались-то лишь раз. Тогда наш декан рассказывал, что у убийц есть своеобразный кодекс. Они отказываются от мести за своих людей, если при исполнении заказа их всех убивают! — Тролль почесал затылок и озадаченно нахмурился.

— Этот старик не пытался нападать, только про аудит и проверки говорил, — осторожно вставила Яна и передернула плечами. Исчезнувший человек был ей не страшен, но неприятен, как большой жук — вроде и знаешь, что не укусит, а все равно на шаг-другой отойдешь и в руки ни за что не возьмешь.

— Либо сегодняшняя встреча касается какого-то другого случая, когда мы убийцам из Серой Смерти дорогу перешли, либо декан Гад тогда умолчал о чем-то, либо сам не знал, — беспечно ухмыльнулся Лис.

— Что, если тот, кого шли убивать, отныне неприкасаем, а мы как участники расправы с Серыми закономерно становимся кандидатами в жертвы? Вот дедушка и пришел проверить, стоит ли на месть замечательным нам тратить время и деньги. Если верить его словам, то не стоит. Кажется, Серая Смерть связываться с блюстителями пророчеств принципиально не желает. И как нашел-то? Дар у него… опасный, видать, дар… — хмурясь, поделился соображениями тролль.

— Творец с ним, с этим типом, сказал же, претензий к нам

они не имеют, — отмахнулся дракончик, совершенно переставший опасаться ушедшего аудитора и всех за ним стоящих. А это означало одно — Машьелис прав и никаких убийственных претензий к студентам Серая Смерть не имеет, угрозы для жизни нет. — Давайте о главном! Яна, ты выбрала заколки?!

— Уже купила. В АПП покажу, если хочешь, а как вы сходили, приобрели что-нибудь? — быстро проговорила девушка, не желая показывать покупку посреди улицы и выслушивать возмущенные крики Лиса. Драгоценные металлы и камни напарник, как и большинство драконов, обожал истово. К иным же материалам для украшений относится со снобистским пренебрежением. Но Яна заколки покупала для себя и менять их на самые драгоценные и блестящие не желала.

— Нет, только поглядели. Ничего, стоящего внимания, в лавке не нашли. А почему только в АПП покажешь? Давай здесь и цену называй! Я обещал купить тебе заколки, значит, куплю! — заупрямился Машьелис.

Яна достала из сумки ящичек и открыла. Лис сунул нос в коробку, втянул воздух и, кажется, икнул от неожиданности. Нет, возмущаться не стал, лишь осторожно тронул одну из шести заколок-веточек кончиком пальца и попросил: — Я посмотрю?

— Конечно, — кивнула озадаченная странной реакцией напарница.

Дракончик, или теперь уже полноценный дракон, вытащил заколку, осмотрел ее, попробовал мягко пружинящую защелку, снова понюхал и выпалил:

— Джайга! Коготь в заклад, она! Покровителем клянусь! Запах, цвет, текстура…

— Дивный набор! Ты позволишь? — восторженно выдохнул обретший дар речи Стефаль и с разрешения Яны взял еще одну заколку.

Девушка и тролль переглянулись с легким обалдением, не постигая причин ритуального обнюхивания, устроенного друзьями. Те предавались странному занятию еще минут пять и только потом вернули заколки на место, дав возможность владелице убрать ящичек в сумку.

— Эй, а нам кто-нибудь объяснит, что это за пляски? — намекнул Хаг.

— Джайга очень редкое растение, никогда не растет кучно, можно встретить лишь одинокое дерево. Его нельзя срубить или сломать. Подбирают уже опавшие ветки или… я не знаю, вымысел это или легенда, говорят, иногда джайга дарит свою ветвь тому, кто отыскал ее и пришелся по нраву. Такую отделенную от

живого ствола ветвь можно обработать. Считается, что изделия из джайги сами по себе, без дополнительных чар, являются защитными амулетами. Кроме того, она просто красива и очень приятно пахнет. Запах для каждого свой. Для меня — разнотравье луга в солнечный день.

— Ой, вот почему я аромат гречишного меда чуяла, — заулыбалась девушка, с восторгом, как сказку, выслушавшая рассказ Стефаля о волшебном дереве.

— Где ты купила заколки, Яночка? — вкрадчиво уточнил Машьелис, машинально коснувшись рукой кошеля.

— Там. — Янка ткнула пальцем на витрину лавки.

Удивленный дракончик окинул растерянным взглядом драгоценные побрякушки, среди которых не было ни одного изделия из дерева, и метнулся в лавку. Друзья поспешили за ним.

За прилавком стояла молодая женщина. Она мгновенно разулыбалась при виде трех юношей и девушки с форменными значками АПП.

— Ясного дня! Желаете что-то купить, господа? — поприветствовала посетителей прехорошенькая шатеночка с аккуратно уложенными локонами. Девушка ничуть не походила на старичка-хозяина.

— Ой, а дедушка, который украшения продавал, уже ушел? — простодушно удивилась Яна, которой понравилось общаться со старичком. Был он каким-то уютным, пусть и немного печальным.

— Старый хозяин Логран умер семь циклад назад, — состроила девушка приличествующую случаю скорбную гримаску. — Его наследники продали лавку моему дядюшке Дамиру.

— Жаль старика, — скопировал мину продавщицы Лис и перешел к делу: — Тогда скажи, прелестная госпожа, среди здешних сокровищ не найдется ли украшений из дерева?

— Нет, господин, ни мастер Логран, ни мой дядя не работают с этим материалом. Слишком он… — девушка на миг запнулась, не желая оскорбить вроде бы потенциально выгодного, пусть и спрашивающего какую-то чушь клиента, — невыгоден.

— Не каждое дерево дешево, — понял намек Лис, облокотился на прилавок и подмигнул собеседнице.

И тут она задорно рассмеялась, аж запрокинула головку и обхватила грудь руками. Отдышавшись, девушка утерла выступившие от смеха слезы и спросила:

— Неужто и до академии докатились слухи о ненайденном сокровище Лограна?

— Сокровище? — сделал стойку Лис.

Поскольку других покупателей не было, девушка оказалась не

прочь поболтать и поведала студентам следующее:

— В роду Лограна ходила легенда о передающемся лишь достойному наследнику артефакте из дерева джайги. Вроде как потомки умершего старика об этом что-то слышали, потому лавку и дом старого ювелира перед продажей перевернули вверх дном. Конечно, ничего не нашли. Если и был артефакт, сгинул.

— О, — Яне осталось хлопать глазами, пока Лис заканчивал беседу с продавщицей, покупая симпатичную золотую подвеску с россыпью желтых камешков.

На улице друзья снова переглянулись, и землянка растерянно пробормотала:

— У кого же я тогда заколки купила? Ни привидением, ни духом, ни призраком дедушка не был. Я холода или ветерка не чувствовала.

— Возможно, стоит учесть третье исключение в признаках духов, Яна, — мягко напомнил подруге Стефаль, имея в виду одну из особенностей тех духов, чья миссия на земле не закончена и требует непосредственного контакта с живыми людьми. В таких случаях дух мог на короткое время приобретать материальное тело, сохранившее все прежние качества, в том числе и тепло. А уже после исполнения миссии отправлялся по назначенному пути.

— То есть дедушка должен был кому-то отдать украшение, но своим наследникам передавать не захотел? — догадалась Яна. — Поэтому притворился продавцом?

— Сколько ты заплатила за заколки? — заинтересовался Машьелис.

— Пятнадцать золотых. — Такую грандиозную сумму Донская точно забыть никак не смогла бы.

— Всего-то? — присвистнул дракончик и, не глядя, без счета отсыпал подруге горсть монет прямо в ее кошель на поясе, оплачивая обещанный подарок. Сколько монеток надо взять, Лис и так чуял четко. А потом довольно объяснил напарнице: — Эти милые заколочки стоят, как тот камешек, который тебе в прошлом году подарили за полбанки варенья. Да, Яна, выбирать ты умеешь! Пятнадцать золотых, хех! Удачная покупка!

— Красиво поет, — некстати, но от души протянул Хаг, пряданул ушами и даже распустил их в лопухи, чего без особой нужды никогда не делал.

— Кто поет? — заинтересовался Стефаль резкой сменой темы, подвернувшейся очень кстати, чтобы развеять смущение Яны.

— Голос мужской, какая-то баллада. Дивно! Пошли послушаем? — предложил здоровяк, которому, несмотря на

внешне грубый вид, чувство прекрасного было не чуждо.

Возражений не нашлось! Пока друзья, ориентируясь по уникальному слуху тролля, добирались до «точки звука», красивый голос смолк. Фагард, впрочем, не сдался и довел компанию до площади, где сейчас на воздвигнутой в углу сцене наигрывали нечто романтично-мелодичное пятеро музыкантов разных рас. Один точно был эльфом, второй вампиром, третий русалом, а расы двух других даже после двух с половиной лет в АПП Янка с полувзгляда определить не смогла.

Народ на площади с удовольствием, но без особого ажиотажа слушал инструментальное произведение и еле слышно шептался. Из обрывков речей Хаг быстро вычленил главное:

— Ого, Ян, здесь сегодня тот самый Лойтарэль поет!

— Может, в АПП вернемся? — в свою очередь предложила девушка, не слишком любящая толпу. Пусть эта выглядела вполне цивилизованно, но кто знает, если тут собрались поклонницы любвеобильного эльфа, не впадут ли они в раж, завидев кумира, как фанатки на Земле от своих идолов.

— Не любите музыку, прелестная дева? — откуда-то из-за спины спросил мелодичный голос.

— Люблю, — возразила Янка.

— В таком случае вам, вероятно, не нравится творчество менестреля? — продолжал допытываться вопрошающий.

— Творчество — нравится, — выделила голосом первое слово Донская и развернулась, чтобы увидеть говорящего. Что-то нынче случайные собеседники взяли нехорошую моду подкрадываться сзади и сыпать странными вопросами.

На сей раз говоривший оказался типом в широком сером плаще с накинутым на голову капюшоном. Серым! После встреч с Лойли и бандитами на мирных улицах Дрейгальта при виде подобного одеяния команда рефлекторно насторожилась.

— Эй, парень, ты, часом, не из Серой Смерти? Вроде с твоим начальством мы уже все решили, они претензий не имеют, — влез в беседу Лис.

— Нет, точно не из серых, — хмыкнул Хаг, оценив явную оторопь собеседника, и разоблачил плащеносца. — Это он пел.

— А, тогда это и есть Лойтарэль, ухи острые, смазливый — страсть, — сориентировался дракончик и бесцеремонно заглянул под капюшон, пока поставленный в тупик обвинением в принадлежности к наемным убийцам зеленоглазый менестрель пытался разобраться в мутном течении беседы.

Наконец знаменитость подобрала самый «подходящий» в этой ситуации вопрос:

— Неужто я чем-то обидел вас, милая дева, что вы так

спешите удалиться?

— Талантам обычно прощается многое, если не все, а лучше и вовсе ничего про них не знать, — серьезно ответила девушка. — Я вряд ли смогу слушать песни о дивной любви, верности и не думать о безответственном родителе, чьи дочери — две сестры — лишь недавно узнали о своем родстве, а одна из них никогда не видела отца.

Лойтарэль поперхнулся воздухом и сконфуженно замолчал, а потом тихо-тихо, почти жалобно (ну вот, опять это случилось!) спросил:

— Кто? Я не помню, чтобы мы с вами, прелестная, прежде встречались…

Хаг загоготал, хлопнул себя ладонями по бокам, захихикал Лис, серебристым ручейком зазвенел искренний смех Стефаля, лишь Яна едва заметно нахмурилась и непонимающе захлопала ресницами.

Неодобрительно поморщился не привыкший быть объектом насмешек эльф. Не откидывая с головы маскировочного капюшона — зашиты от особо оголтелых фанатов — он, отвесив легкий полупоклон, подчеркнуто любезно осведомился:

— Не поведаете ли мне имена, не сообщите ли, где, когда и как я могу убедиться в истинности ваших слов…

— Выходной же, не знаю, — озадаченно принахмурилась Яна. Девушка решила, что у Лойтарэля проснулась совесть и он готов приступить к исправлению ошибок юности, потому с готовностью выложила: — Ириаль и Юнина сейчас могут и в АПП быть, и в городе.

Теперь настала очередь менестреля хлопать ресницами, а Лис, подвывая от смеха, растолковал Яне суть происходящего:

— Светлый Лойтарэль, очевидно, решил, что ты, Яна, некогда была в числе его мимолетных ночных спутниц и в одиночестве растила дар той поры, а теперь предъявляешь претензии по отцовству.

— Я? — до глубины души изумилась девушка. Даже отступила от странного типа на шаг.

— Нет? — озадаченно переспросил менестрель, в свою очередь наступая на собеседницу и желая разобраться в ситуации. И вообще, никогда от него, легендарного Лойтарэля, девушки не бегали!

— Ни в коем случае, — поскорее призналась Яна и в темпе, пока никаких более диких предположений о случайной связи со звездой выдвинуто и высказано не было, пояснила: — Наши однокурсницы, блюстительницы пророчеств — ваши дочери. О том, что Юнина Ройзетсильм ваша дочь, мы случайно узнали на

занятии, когда Ириаль Шойтарэль попробовала кровь напарницы.

Лойтарэль замер статуей имени себе прекрасного, переваривая простенькую, в пару предложений, историю. Несмотря на феноменально-нетипичную для эльфа плодовитость, закономерно проистекающую из куда более характерных для расы остроухих качеств — внешней привлекательности и любвеобильности, — менестрель, к его чести, о своих потомках пытался худо-бедно заботиться. Обо всех, кого знал, разумеется. Старался хоть иногда участвовать в их жизни, помогать советом, а порой, в случае нужды, звонкой монетой. Весть о новой дочке эльф принял стоически и сейчас лишь определялся со своими дальнейшими шагами на пути к обязательному знакомству.

— Думаю, нам и в самом деле пора, — пророкотал Хагорсон, от внимания которого не ускользнули ни состояние эльфа, ни иные интересные вещи, происходящие на площади. — Господин Лойтарэль может продолжить разговор об отцовстве со своими дочерьми. Они как раз с улицы Листиков вместе с Еремилом выходят на площадь. Небось на концерт собрались.

— Или не продолжать, завернуться в плащ поплотнее и дернуть в противоположную сторону, — весело подключился с рацпредложением ехидный дракончик.

— Благодарю за важные вести, я пойду, — отважно решил светлый Лойтарэль и, отыскав взглядом в толпе Ириаль (не узнать вампиршу было мудрено), направился приветствовать известную и знакомиться с пока еще незнакомой дочерью. Вампирша папашу тоже увидала или, вероятнее, учуяла и теперь целенаправленно, с хищным оскалом на прелестном личике, волокла в его сторону буксир из Еремила и Юнины. В кои-то веки представился случай убить пару зайцев одной стрелой: представить отцу сестру и жениха.

Кажется, концерт знаменитости в очередной раз откладывался. Публике, ожидавшей выступления певца, сегодня суждено было в полной мере насладиться инструментальной музыкой. Хорошо еще поклонники попались в целом культурные, и громко скандировать, требуя вожделенного менестреля на сцену, никто не стал. Впрочем, не каждый же день даже такой многодетный папа, как Лойтарэль, встречался с незнакомыми дочерьми. Ради такого можно немного и задержать концерт.

Глава 22
«КОТОРЫЙ ЧАС? УЖЕ ОБЕД!»

— Насыщенная прогулка получается, — хмыкнул Хагорсон, вразвалочку вышагивая по брусчатке. — Кого только, оказывается, в Дрейгальте не встретишь: аудиторы Серой Смерти, духи, исполняющие последнюю волю, многодетные — ха! — знаменитые менестрели… Мне уже страшно загадывать, какая встреча будет следующей. И сколько мы всего пропустили в четырех стенах из-за Гадова запрета. Не копились ли встречи, дожидаясь нас?

— Давайте лучше не загадывать, а обедать, — с энтузиазмом предложила проголодавшаяся девушка. — У меня на родине есть ритуал — обмыть дорогую покупку, чтобы носилась или работала получше. Поскольку мы с вами не особые охотники до безудержной пьянки, предлагаю покупку «объесть»! Я плачу!

— Ну почему не охотники? Если найдем хорошее пиво, то чуток можно, — пожав плечами, ухмыльнулся Хаг. — Лис вон от красного кисленького точно не откажется, а Стеф какое-нибудь свое фруктовое закажет.

— Тогда тем более! Чтобы мои заколочки носились и моими праправнучками! — провозгласила Яна и попросила дракончика как самого чуткого: — Веди туда, где вкуснее всего пахнет!

— Хорошая идея, — заулыбался Машьелис и закрутил головой, принюхиваясь, чтобы выловить самый аппетитный букет ароматов.

Нашел! Маленький ресторанчик или кафе (с идентификацией местных заведений Яна все еще затруднялась), незатейливо именуемый «У нас вкусно», был заполнен на треть. Причем публикой, не пьянствующей или болтающей, а именно сосредоточенно работающей челюстями и столовыми приборами. От кафе тут, на взгляд землянки, была только все еще заполненная в погожий, типично осенний денек веранда. Она отгораживалась от улицы живописными плетями разноцветного плюща, вьющегося по столбам-опорам и создающего живую крышу, и легкими занавесями, достаточно плотными, чтобы сдержать мелкую морось, гордо именуемую в Дрейгальте дождем. Зато широкие листья легко пропускали дневной свет. А в сумерках, вероятно, веранда освещалась размещенными на столбах и свисающими с потолка фонарями наподобие венецианских. Светлые плетеные стулья с изящно-лебедиными обводами, широкие столы под ажурно-белыми скатертями и

запахи вкусной еды — Янке понравилось все!

На веранде друзья и разместились. Меню давало возможность щедрого выбора, и гуляющая компания ни в чем себе отказывать не стала. Заказ четверке друзей со здоровым аппетитом принесли два официанта на трех подносах — официанток столь неподъемной тяжестью нагружать не стали.

Под ненавязчивый перебор струн, доносившийся из залы, нагулявшиеся студенты слаженно налегли наеду. Когда первый голод был утолен, Машьелис откинулся на спинку стула и, попивая красное вино, умиротворенно объявил:

— Признаться честно, друзья, я соскучился по прогулкам в Дрейгальте. Как хорошо, когда в выходной можно не торчать за воротами, а пройтись…

— И найти на свою голову еще какие-нибудь приключения, — со смешком закончил за напарника трезвомыслящий Хагорсон.

Сытая Янка украдкой расстегнула замочек на кошеле, чтобы заранее отсчитать деньги, и охнула. Кошель был под завязку забит золотыми листиками.

— Лис, ты мне сколько монет за заколки отдал? — осторожно уточнила девушка.

— Пятнадцать. А что, не хватает?

— Наоборот, — растерянно ответила напарница и изумленно объяснила друзьям: — Я всю стипендию — тридцать монет — брала на всякий случай. На две трети кошель полон был, а теперь там точно больше.

— Давай посчитаем! — тут же предложил дракончик, обожающий наглядную и осязательную арифметику такого рода. Слово с делом у Машьелиса не расходилось. Он отставил бокал, наклонился к Янке и без лишних церемоний запустил пальцы в кошель напарницы. Позвенел монетками и выдал результат:

— Сорок пять золотых листиков.

— Это что же, выходит, либо ты обсчитался, когда ей деньги за заколки отдавал, во что я не верю, — иронично отметил Хаг, — либо дух Лограна ни монетки за украшения не взял, только вид сделал.

— Ты получила воистину бесценный дар, Яна, — промолвил эльф. — Переданный с добрыми пожеланиями артефакт уходящего за последний горизонт.

— Жаль, что заколки женские, я бы их поделила на всех, — улыбнулась девушка и тут же загорелась, предлагая от всей души: — А ведь и правда, мне шести много, давайте я тебе, Стефаль, для невесты, а Хагу для Рикхи по две заколки отдам?

— Не выйдет, — серебристо рассмеялся Стефаль и поделился мудростью: — Такие дары невозможно потерять, украсть, сломать

и передарить. Только передать по наследству.

— Ян, этот набор заколок — по сути один артефакт. Они, коли магическим зрением рассматривать, плотно переплетены нитями чар. И пусть в прическе лишь пара, работают все шесть, — добавил Машьелис, уже даже не удивляясь щедрости невесты, скорее, любуясь ею.

— Жалко, — немного огорчилась землянка.

— Не жалей, — поспешил утешить подругу эльф. — Наши невесты не блюстительницы, а тебе защита джайги пригодится.

— Машьелис о Либеларо! Почему я вынуждена искать тебя по всему Дрейгальту?! — Властный голос леди, привыкшей повелевать, оборвал дружескую болтовню. Все, не только студенты АПП, повернулись, чтобы увидеть статную блондинку в длинном голубом платье из загадочно мерцающей, очень дорогой даже с виду ткани. Никакого плаща, будто и не царила в мире Игиды прохладная погода, леди не носила.

— О, ясного дня, бабушка. — Дракончик вздрогнул от знакомых звуков, привстал и поприветствовал родственницу.

Команда также встала и почти хором исполнила традиционное драконье приветствие:

— Ветра в крылья, леди Левьерис!

— Прости, я не думал, что ты решишь навестить меня именно сегодня, — начал возводить бастионы оправданий Лис.

— Не думал он, хм, после всего, что мне написал, — будто себе под нос, но достаточно громко буркнула красавица.

При ее появлении к столику, за которым обедала компания, со всех ног кинулись сразу три официанта и, кажется, сам хозяин.

— Приличный согревающий напиток в вашем заведении есть? Принесите! — выгнув бровь, распорядилась леди и опустилась на предупредительно отодвинутый Лисом стул.

— Яне надо было заколки купить, — продолжил оправдываться Машьелис, банально перевешивая вину на подругу.

— Украшения для невесты — это достойный повод, — неожиданно согласилась сменившая гнев на милость дама.

— Рады были встрече, леди Левьерис. Машьелис, мы отойдем в книжную лавку, — встал из-за стола Хаг, мгновенно нашедший более-менее подходящую причину, чтобы смыться и не мешать беседе.

Левьерис благосклонно кивнула и повела рукой с грацией королевы, отпускающей вассалов в поход. Ребята вскочили со стульев и испарились так проворно, словно использовали лист Игиды для переноса.

— А ты, голубушка, останься. Мы теперь как-никак почти

родственники, — краем рта усмехнулась леди, возвращая на место привставшую Яну. Драконша приняла с подноса, преподнесенного лично хозяином ресторанчика, высокий непрозрачный бокал, в котором дымился какой-то неизвестный, терпко пахнущий специями напиток.

Яна осторожно опустилась обратно на стул, заслужив благодарно-признательно-виноватую улыбку дракончика, которого не оставила в одиночестве на растерзание бабушке.

— Итак, я тебя слушаю, — распорядилась леди, легчайшим наклоном головы дав понять подавальщику, что напиток одобрен и его услуги более не требуются, а заодно и возвела какую-то магическую защиту, заставившую всех посетителей потерять к ним интерес.

— А… — Лис набрал воздуха в грудь, выдохнул, сдулся как проколотый воздушный шарик и снова виновато покосился на Яну.

— Ты забыл слова или прикусил язык, внук? — насмешливо фыркнула бабушка.

— Нет, — помотал головой дракончик и выпалил: — Я люблю Яну и хочу на ней жениться!

Девушка, никак не ожидавшая такой речуги, икнула и едва не потянулась, чтобы пощупать лоб приятеля. Не заболел ли, не скушал ли какой пакости в Дрейгальте? Но потом Янке в голову пришла мысль, что все происходящее сейчас — какой-то далекоидущий план друга, о котором тот не успел ей рассказать. Бабушка явилась раньше времени.

— Кажется, невесту ты со своими чувствами и намерениями познакомить не успел, — строго проронила леди-бабушка. Янка покосилась на величественную драконшу, ожидая бури, грома и прочих стихийных явлений глобального масштаба. После таких-то слов единственного внука, которому прочили в невесты принцесс и прочих богатых особ благородных кровей! Но в голубых глазах Левьерис совершенно очевидно плясало не пламя кровожадного гнева, а… и ой… смешинки!

— Как? — в отчаянии взвыл Машьелис. — Она же меня не слушает! Я ей говорю, что люблю, а она: «Я тебя тоже люблю, ты настоящий друг. И вообще, дождь начинается, и ты простудишься, поэтому пошли горячий чай пить!» Всю романтику на корню рубит! А я… Я ее и в самом деле люблю.

— Смотри-ка, сообразил, — насмешливо фыркнула бабушка, пока Яна, впавшая в ступор, переводила взгляд с Лиса на Левьерис, с Левьерис на Лиса и обратно. — Не прошло и вечности.

— Сложно понять, когда самое нужное все время рядом. Его

тогда и не замечаешь, — покаялся Лис и, упрямо вскинув голову, высказался: — Яна, я хочу, чтобы ты стала моей женой, когда АПП закончим, а пока считалась настоящей невестой. И, бабушка, даже если ты против, я все равно этого хочу. А если ты, Яна, против, я буду очень долго тебя убеждать, и ты все равно согласишься, я упрямый, поэтому лучше соглашайся сразу!

Леди Левьерис поставила полупустой бокал на стол и от души расхохоталась. Звонко, как девочка, и зааплодировала.

— Браво, внук, это самое оригинальное признание в любви, какое мне только доводилось слышать. Право слово, Яна, тебе и в самом деле лучше согласиться сразу, боюсь, Дрейгальт и стены АПП не выдержат полета фантазий юного радужного дракона.

— О, а… — Вконец запутавшаяся, смущенная, красная, как помидорка, землянка подняла на бабушку взгляд и наконец произнесла единственный здравый вопрос, пришедший в голову: — Вы же были против выбора Лиса.

— Одобри я его, он бы еще лет пятнадцать, если не четверть века, в своих чувствах путался, — припечатала бабушка, звонко хлопнув ладонью по столу. — Ненавидит давление. Чуть прижать попытаешься, на дыбы, как жеребчик необъезженный, встает. Сам должен был выбрать, проверить и поверить — тоже сам. Вот от противного и пришлось действовать. Кинтэора подбила, чтобы в академию заскочил, намекнул в беседе, что помолвку пора разрывать, поудачнее кандидатуры, дескать, сыскались. Словом, Машьелису я лишь альтернативу показывала, чтобы не расслаблялся и не вздумал на потом поиск суженой отложить. Немало пришлось потрудиться, чтобы этот шалопай сделал окончательный выбор. Вы будете чудесной парой, девочка. Танец аур столь гармоничен — истинная услада для очей и духа.

— Но я не дракон, совсем не богатая и не знатная, — растерянно пролепетала Яна.

— Богатства и знатности нашего рода хватит на всех. Зато душа у тебя яркая, щедрая! Настоящая радуга! — прижмурилась леди Левьерис, будто и в самом деле видела душу собеседницы (а может, и впрямь видела). И практично добавила: — К тому же бедра широкие, детишек родишь легко. Внуку моему род придется восстанавливать. Я уже слишком стара, чтобы дать потомство.

— Но я человек, — снова попробовала возразить Яна, упирая на расовое несоответствие. В голове шумело, жизнь казалась рассыпанным пазлом, вместо привычной картины складывающимся в какой-то дикий узор. Поверить в него было столь же невыносимо желанно, как и страшно.

— Дети крайтарского радужного дракона, рожденные в

любви, всегда драконы, — снисходительно пояснила старшая женщина. — И ответь наконец моему внуку, пока он не обернулся в дракона прямо здесь и не разнес милый ресторан по бревнышку. Ты его любишь?

— Люблю, — тихо согласилась Яна.

— Ох, дети, какие же вы еще дети, — протянула леди Левьерис, решительно беря переговоры в свои руки. — А коль любишь, согласна терпеть в женихах и дальше, а в положенный срок мужем назвать?

— Согласна, — снова серьезно и смущенно подтвердила девушка.

Из груди Машьелиса вырвался тихий, но бесконечно искренний вздох облегчения:

— Спасибо, Ян! Я, конечно, балбес, но очень постараюсь, чтобы ты ни о чем никогда не пожалела! Клянусь!

На руках парочки зашевелились, обдавая приятным теплом, браслеты-дракончики, полученные в храме Ветров. Синхронно ойкнувшие студенты уставились на запястья. Браслеты изменились. Они словно переплелись, раздвоились и перемешались, голубой дракончик от Янки переполз к Лису, а желтенький крылатик с его руки примостился на браслете у девушки, подарив тепло и уютное ощущение защиты. Кажется, храм, Силы или кто-то еще услышали обещания будущих супругов, приняли и одобрили их.

— Что ж, с этим разобрались, а теперь мне пора. Стоит навестить вашего декана и спросить, отчего на имя студента-третьекурсника присылают копию рабочего контракта с грифом Института пророчеств и предсказаний.

— Э-э-э, бабушка, это… — начал было оправдываться Лис, но леди оборвала его взмахом руки:

— Достаточно, в ИПП я уже побывала и исчерпывающие объяснения получила, но это не значит, что исключу мастера Гадерикалинероса из списка визитов. Не стоило ему пренебрегать заблаговременным предупреждением ближайших родственников студентов. Сейчас лучше побеседуй с невестой, твою блистательную карьеру блюстителя обсудим попозже.

Леди встала, ласково улыбнулась Яне и покинула ресторанчик. Вроде бы она не доставала кошель, однако на столе осталась тонкая золотая пластинка-листик — плата за пришедшийся по вкусу напиток.

— Ох, бабуля… сильна! Про все уже узнала и шибко недовольна, что узнала поздно, теперь в отместку декану пойдет настроение портить! — хихикнул Машьелис, испытывая ни с чем не сравнимое облегчение. За одну короткую беседу решились

сразу две серьезные проблемы: Яна согласилась стать его настоящей невестой, и Силы одобрили это решение — раз, отпала необходимость в разработке дипломатического способа уведомления леди-бабушки о работе в ИПП — два.

Зато теперь дракончик немедленно озаботился третьим вопросом:

— Яна, ты на меня не сердишься? Я знаю, вы, девушки, любите, чтобы все было красиво: свечи, вино, романтическая музыка, цветы, признания наедине. А тут…

— А тут пришла бабушка и все решила за нас, — немного нервно хихикнула Яна.

Протянув руку, девушка взлохматила мягкие локоны жениха. Пожалуй, сейчас она тоже испытывала душевный подъем и облегчение. То чувство, которое Яна упрямо не пускала в сердце, чтобы не испытывать мучительной неловкости и боли, не доставлять проблем друзьям, оказалось взаимным. Пусть они с женихом стояли лишь в самом начале общего пути, почему-то казалось, что все обязательно получится. Покачав головой, землянка призналась:

— Нет, я не сержусь. Наверное, просто привыкла, что как обычно у нас никогда не бывает…

— Вечно все пинком наизнанку, — поддакнул Лис, перехватил пальцы невесты и запечатлел на них легкий, точно взмах крыла бабочки, и очень щекотный поцелуй. Палец от щекотки непроизвольно дернулся и угодил точно в ноздрю героя-любовника. Тот зашипел от боли.

— Вот об этом я и говорю, — сострадательно прикладывая смоченную в воде салфетку к пострадавшему носу дракончика, шепнула Янка.

— Ну и пусть! — упрямо объявил тот, подводя итог условно романтического обеда на троих. — Пусть пинком наизнанку! Так веселее и интереснее! Пусть будет скучно другим, а не нам! И вообще, я тебе все никак сказать не успеваю, ты очень-очень красивая! Самая-самая!..

— Эй, вы там как? Бабушка не съела? — участливо прогудел над головами сладкой парочки голос Хагорсона.

Погруженные в личные переживания и не заметившие приближения напарника Янка и Лис дернулись и со звучным «бамц!» треснулись лбами. Отложенная на стол прохладная салфетка тут же понадобилась вновь, вдобавок пришлось смочить еще одну. Тролль сконфуженно крякнул, пряча улыбку. По счастью, к друзьям поспешил Стефаль, и его целительные чары оказались куда эффективнее влажных компрессов.

После экстренного исцеления друзья покинули ресторанчик и

продолжили прогулку по городу. Настойчивый Хаг повторил свой вопрос и даже получил ответ в словах, а не в форме новых травм вопрошаемых.

— Нет, не съела, только прожевала и выплюнула! — запросто сдал бабулю Машьелис и, хихикнув, добавил: — Теперь пошла жевать нашего декана.

— За что? — удивился эльф, глубоко уважавший и ценивший дэора.

— За ИПП, — емко ответил дракончик, коварно присовокупив: — Оказывается, они ввиду нашего несовершеннолетия рабочий контракт отослали старшим родственникам. Потому, Стеф, жди в гости папу!

— Вряд ли отец найдет время на посещение АПП или ИПП, он в достаточной мере доверяет моему выбору и суждениям, а заботы о Лесе и младшей дочери не позволят срываться с места по пустякам. В худшем случае пришлет бабочку или вовсе отложит беседу до каникул, — поразмыслив, заключил Стефаль и — счастливчик! — сочувственно улыбнулся дракончику. Бабушка Лиса всегда являлась во плоти и наводила ужас на академию в целом и внука персонально.

— Сам-то жив? — уточнил тролль.

— И даже счастлив, — расплылся в широкой улыбке Машьелис, подхватил ойкнувшую от неожиданности Янку на руки, покружил, крепко прижимая к себе, осторожно опустил, взял за руку и нежно чмокнул в мягкую щечку. На сей раз, вот диво, при всех манипуляциях дракончик ухитрился не покалечиться сам и не навредить избраннице. После чего с возмущением продолжил: — Представляете, друзья, моя коварная бабуля давным-давно одобрила мой выбор невесты и как за представлением наблюдала за моими метаниями, сомнениями и прочими безобразиями!

— Тебе сразу скажи, метаний и безобразий точно было бы раз в десять больше, — хмыкнул тролль, трезво оценив характер напарника.

— Наверное, — прикинул и вынужденно согласился Лис, сморщив нос. — Но теперь я с собой разобрался! Точно знаю, чего хочу, и Яну ни за что не отпущу!

— Ян, как ты такое сокровище терпеть-то будешь? — громко принялся сочувствовать подруге Фагард с самым серьезным видом, если, конечно, не заглядывать в смеющиеся глаза.

— Все равно работать вместе, так что наличие мужа под боком даже удобно — никого искать не надо и за супругом приглядеть можно, — практичным рассуждением подхватила шутку Донская. — Опять же, бабушка энергичная есть, будет кому

с детьми посидеть, если что…

— А любовь? — жалобно уточнил растерявшийся Стефаль, очень надеявшийся, что друзья соединят судьбы не из практичных соображений, а по зову сердец.

— Да люблю я его, балбеса. Так, пошутила немножко, — искренне улыбнулась Яна и нежно чмокнула возмущенно хлопающего ресницами дракончика в уголок губ. Вообще-то метила в щеку, но жених слишком быстро крутил головой. Целоваться по-настоящему на людях девушке казалось не то чтобы непристойным, а скорее неправильным. Все равно как ходить в купальнике по городу вместо пляжа. Каждому месту и времени — свое действие, а нежности для двоих и должны быть нежностями для двоих, а не для публики.

— И правильно, не все же ему нервы тебе трепать! — громыхнул Хагорсон.

— Я, между прочим, извинился, — тихо буркнул нежащийся в обществе законной невесты Машьелис.

Глава 23
ПЕРВЫЙ ВЫЗОВ В ИПП

— Что ж так холодно-то стало? — поежилась Яна, передернув плечами, и попутно заехала по челюсти жениха. Та щелкнула, заставив Машьелиса слегка прикусить болтливый язык. На всякий случай девушка даже голову задрала к небу для проверки — не собирается ли дождь или аномальный снег, и потерла ладонями плечи, пытаясь согреться.

— И впрямь, — настороженно нахмурился мало чувствительный к естественным перепадам температуры Хаг.

— Это вызов, — первым определил источник нежданной прохлады Стефаль.

Если положить пальцы на цветущую ветвь-браслет, их кончики тут же начинало ощутимо покалывать морозными иголочками.

— Безобразие! Работа в выходной должна оплачиваться в тройном размере! — возмутился Лис и тут же, ухмыльнувшись, добавил: — Она, кстати, так и оплачивается. В контракте пункт есть, но все равно безобразие! Такое свидание мне испортили!

— С бабушкой, — вкрадчиво подсказал тролль.

— Почему до сих пор не в Зале порталов ИПП, работнички? — громыхнул голос Атригиса, донесшийся, вероятно, через активированный знак СУАЗ.

— У нас при себе знаков портала нет, — нахально отбрехался Лис.

— Впредь иметь! Живо давайте! — прямо посреди улицы взвилось серое марево, через которое четверка ребят прошла, наверное, в Институт пророчеств и предсказаний. Зал порталов был очень похож на академический, только раза в три больше. Судя по постаментам с пюпитрами для крепления свитков пророчеств, установленным на значительном расстоянии друг от друга, и стационарным аркам для будущих порталов, в здешнем зале могли функционировать сразу три двери в миры пророчеств. Наверное, на случай аврала в работе блюстителей. Правда, для жеребьевки использовался единственный и такой же заурядный внешне «лототрон», как в АПП.

Все это друзья отметили лишь мельком. В первую очередь внимание приковывала фигура Атригиса, нетерпеливо притоптывающего ногой. На периферии в удобном рабочем кресле под яркой лампой просматривался человек в желтой мантии. Кажется, местный вариант летописца, бросающего

жребий и фиксирующего исполнение пророчеств. Тот на блюстителей почти и не смотрел, что-то строчил в большой книге.

— Вопросы есть? — уточнил один из тройки руководителей ИПП, дождавшись четверки свежеиспеченных работничков и кивнув в сторону сияющего красной печатью свитка.

— А глаз вы потеряли, когда пророчество блюли? — нахально осведомился вконец обнаглевший Машьелис. Не пришибут же его на месте за любопытство, а то некому за пророчеством следить будет! Тайна повязки директора ИПП не давала покоя неугомонному дракончику.

— Кто тебе сказал, что я его потерял? — хмыкнул Атригис, но коварно не стал ничего объяснять и показывать. Лишь еще раз ткнул пальцем в пюпитр, где корчился под пульсирующей печатью свиток.

Друзья не стали медлить. Они обступили постамент со свитком пророчества, жаждущего воплощения, и изучили «штрих-код» печати. Мир зеленого спектра, то есть магии в нем серединка на половинку, зато многорасовый.

Хаг подцепил печать когтем, эльф помог бумаге аккуратно расправиться на пюпитре. Друзья прочитали текст пророчества, как всегда довольно краткий и не в меру загадочный, мало пригодный для использования в качестве указания к действию:

Не должен ОН в зерцало заглянуть,
И тем определить дальнейший путь!
К добру иль к худу это приведет,
Сейчас никто не скажет наперед!
Но нить судеб, сплетенная вольней,
Полезней будет для вселенной и людей.

«Как я не люблю загадки!» — тяжело вздохнула Янка. Для нее сейчас были ясны только два пункта из стишка: субъектом пророчества является особа мужского пола — раз, его ни в коем случае нельзя подпускать к какой-то разновидности зеркала — два. Прочие «где, куда и как», что и следовало ожидать, скрывались в тумане грядущего. Порядок есть порядок, все-таки работали блюстители с предсказаниями и пророчествами, а не с четкими инструкциями по эксплуатации приборов. Додумать мысль Яне не дали, стремительный неодноглазый Атригис поторопил студентов-работничков:

— Прочли? Портал активирован?! Выбирайте знаки и вперед, за дело!

Серая пелена между колоннами приглашающе колыхнулась, готовясь принять блюстителей.

— Прикинуть надо, — крякнул Хаг. — Вот так навскидку и не сообразишь, какие пять знаков понадобятся.

— Тьфу, вы же не в АПП, здесь любые, какие надо, берите — и в путь! — небрежно отмахнулся мужчина.

Нет, не отмахнулся, это он указал на зал, не меньший по размеру, чем портальный. Все стены его были одним круговым шкафом с мелкими ящичками, промаркированными знаками Игиды.

Хаг крякнул вторично, у Лиса от жадности загорелись глаза, Яна откровенно растерялась, а Стефаль серьезно задумался, безмолвно шевеля губами. Возможно, повторял пророчество и старался сообразить, какие знаки могут пригодиться в работе, кроме обычных — мимикрии, круга тишины и знака дружбы.

Короткое совещание принесло свои плоды: знаки ЛИАП (сон), ИДЕС (слепота) и АСТА (туман) добавились к основному набору большинством голосов.

— Готовы? Ступайте! — снова поторопил компанию Атригис и, подмигнув единственным видимым обществу глазом, добавил: — Рука у вас легкая, ребятки, самое то, чтобы нужные нити судьбы увязать!

— Дельный совет, — покритиковал новое начальство Лис.

— Советы тебе пусть бабушка дает, — мстительно ввернул Атригис, вероятно успевший тепло пообщаться с несравненной леди Левьерис, — а я блюстителям никогда под руку с напутствиями не лезу, чтобы настрой не сбивать.

Хаг прихватил собирающегося продолжить пикировку дракончика за плечи и фактически внес его в портал вместе со всей командой, над которой Яна торопливо активировала знак мимикрии. Стефаль на всякий случай зажал в пальцах листок с символом невидимости. Миг — и блюстители оказались в ином мире.

Их обступили горы! Величественные, окутанные серой таинственной дымкой, пронзаемой розовыми и золотыми солнечными лучами. Само воплощение вечности, в сравнении с коей любой смертный кажется ничтожнейшей из букашек, а проблемы и огорчения отступают.

Из состояния благоговейного любования Яну разом вышибли две вещи: пронизывающий ветерок, коварно дунувший в левое ухо, и выкрики небольшой толпы продавцов, от которых едва не заложило правое:

— Веревки, веревки! Факелы! Огоньки!

— Кому одежу теплую, справную, перчатки на волчьем меху?

— Фляги, фляги с водой, с настойкой, с вином крепленым!

— Свежая карта пещер подземных, до поворота-закоулочка

все начерчено! Тем, кто на поиски озера Вещего — Зерцала черных вод — отправляется, верней помощника не будет! Отдаю почти даром!

Новоприбывшие и новооглушенные синхронно развернулись к последнему крикуну. Тощий, нет, не парнишка, все-таки мужчина, больше похожий на решившую превратиться в человека крысу. Выступающие передние резцы, остроконечные уши, проглядывающие из-под жесткой шапки черных волос, пальцы с коготками, вытянутый и шевелящийся нос. А еще хвост — тонкий и длинный, помахивающий в такт словам хозяина.

— Крысюк, — определил расу продавца Хаг и довольно хмыкнул: — Первый раз такое встречаем, чтобы сразу часть пророчества ясной стала. Хоть объект определить удалось! Стало быть, озеро нам нужно отыскать. Неужто у мужика и впрямь полная карта здешних пещер есть?

Тролль покосился на подножие ближайшей горы, в котором даже не непривычный к полевым наблюдениям взгляд отродясь не бывавшей в горах Янки ясно различал три зияющих входа, а чуть выше еще пара…

— Врет, конечно, — прикинул степень правдивости рекламного текста чующий не только запахи, но и истинность слов дракончик, — но не до конца врет.

— Покупаем карту? — предложил Стефаль.

— Нет, подожди, — возразил Лис и, опередив эльфа, шагнул к крысюку. Пошептался с ним на пределе слышимости. Прозвенели монетки, перешедшие из рук в когтистые пальчики, прошуршали два куска пергамента, и продавец скачками, помогая себе хвостом поддерживать равновесие, понесся по тропинке прочь.

— Паломники сюда обыкновенно не раньше середины дня добираются, через перевал проход тяжелый. Кроме Гирга, карт тут никто не составляет. Дело невыгодное, пещеры-то непростые, лишь несколько основных проходов всегда неизменны, прочие в любой миг измениться могут. Надо разбираться, зачем нас сюда к этому часу кинули.

— Думаешь, мы не рано, а поздно? — наморщил лоб Хаг. — Тогда я бы еще веревок прикупил, — озвучил предложение тролль и вразвалку подошел к старику, торгующему нужным товаром.

Торговаться Хагорсон не стал, сколько запросил старик, столько отдал и был щедро вознагражден информацией:

— Сразу видно обстоятельных людей! А то несутся всякие как оглашенные, ни вещей, ни веревки, ни припасов не купят, глаза выпучат — и в пещеры, будто у них чего свербит, а под кустом за камешком не присядешь! — похвалил дедушка Хага.

— То-то и оно, дед, — подхватила все еще надеявшаяся продать что-то из своих припасов женщина-торговка. Россыпь блекло-зеленых искорок, окатившая говорящих, подсказала блюстителям, что слова их важны для исполнения пророчества. — Умчался вчера раньше, чем Гирг на пятачок поднялся. Теперь, небось, через пару дней только появится, голодный да злющий, как волк!

— А не помрет? — насторожился, чуя нужный след пророчества, тролль.

— Нет, — беспечно отмахнулась женщина. — Поголодает чуток, померзнет, а от жажды в недрах Великой Матери никто еще не помирал, роднички, капель, может, и на озеро набредет.

— Давайте хлеба, колбасы и флягу с настойкой, — решила практичная Яна. Если уж им сейчас придется искать нужного субъекта пророчества в пещерах, то еда всяко пригодится. За сутки без пищи никто, понятно, не помрет, так ведь с пустым животом бросать в темноте заблудившегося все равно плохо.

Факелов и светляков блюстители брать не стали. Лис и Стефаль замечательно умели создавать сверкающие шарики для освещения местности. Зато еще колбасы и хлеба прикупил тролль.

Яна озадаченно покосилась на горку колбасных изделий и хлеба, запихиваемую Фагардом в купленную здесь же заплечную сумку. Неужели заблудившийся вчера человек может настолько проголодаться? Хаг поймал взгляд девушки и, оскалившись, признался:

— Больно хорошо пахнет. Идти и не откусить лишний раз от такой колбаски — преступление!

— Угу, — вот теперь все встало на свои места, и землянка понимающе улыбнулась. Отличным аппетитом отличались все в команде, кроме тонко-звонкого эльфа. Тот, можно сказать, голодал за троих, обходясь большей частью салатиками и фруктами, мясо употреблял редко.

— Скажите, а мы знак поиска взяли? — растерянно озираясь и вглядываясь в темные провалы далеких коридоров, ляпнула Яна. Только сейчас, застыв на пороге первой пещеры, она вспомнила совет декана. Здесь у входа, было достаточно светло от лучиков утреннего солнца, украдкой заглядывающего в царство камня.

— Сказать можем, — крякнул с досадой Хаг и поскреб затылок. — А вот взять мне в голову не пришло.

Слаженно-виноватым дуэтом вздохнули Лис и Стефаль. Почему-то ни одному члену команды не взбрело в голову обзавестись полезным знаком. Вот не пришло, и все, а раз не

пришло, то интуиция не требовала!

— Не переживай, Ян, отыщем так. Я чую здесь лишь единственный след! Готов спорить, именно он нам нужен! — Дракончик потянул носом воздух и беспечно махнул рукой в сторону самого левого темного провала в недра горы.

— Думаешь, вчерашний торопыга наследил? — прикинул тролль.

— Больше некому. Искрило при словах о нем, значит, он и есть субъект пророчества. В крайнем случае, ступень к нему, — пожал плечами Машьелис. — Впрочем, чего рассуждать, давайте проверим! Как там мастер Гад учил?..

Лис сунул руку в карман и вытащил мелок с пылью Игиды. Чуть заметно поморщился Стефаль, с превеликой осторожностью относящийся к использованию этой слишком ненадежной разновидности магических средств. Юный потомок Дивного Народа предпочитал использовать листья Игиды и эльфийскую магию, а мел хоть и имел при себе, на памяти друзей не доставал ни разу.

С гордой ухмылкой дракончик небрежно смахнул рукой какие-то веточки и случайно занесенные снаружи листья и прямо на камнях пещеры изобразил знак поиска.

На незамутненный Янкин взгляд, чертеж напоминал безнадежно запутавшуюся в самой себе стрелку, и вовсе не из-за отсутствия мастерства у художника. Знак сам по себе был таков. Встряхнулась тонкой взвесью меловой крошки витиеватая стрелка, засияла истово-синим и сложилась в указатель, нацеленный как раз туда, куда махал Лис.

Магическое доказательство слов дракончика продержалось всего несколько долей секунд и потухло. Одновременно с его исчезновением с потолка упал камушек и метко саданул чертежника прямо по маковке. Лис зашипел, потирая пострадавшее место, а Хаг с усмешкой заметил:

— Кажется, тебя только что наказали за замусоривание пещер!

— М-да, тут и без мела хлама хватает, — рассудил парень, отряхивая руки и колени. — Но главное — проверка удалась! Искать надо того, чей след я чую!

— Главное в пути не переломать ноги, — поправил друга Хагорсон и предложил: — Подсветите, парни? У вас это получше выходит.

Эльф и Лис охотно запалили россыпь световых шаров. У Стефа они получились травянисто-зелеными и покрупнее, а у Лиса мелкими, желтыми и пушистыми, словно выводок цыплят. Так же шустро, как живые птенчики, желтые шарики разлетелись

по пещере и зашмыгали по ближайшим коридорам. Только что не пищали по дороге. Разулыбалась Яна, почувствовавшая себя гораздо уютнее. При таком забавном освещении грозные своды пещеры казались декорациями к сказке.

Команда зашагала по камням под своды новой пещеры. По наводке Машьелиса выбрали тот путь, которым вчера побежал торопыга. Первые несколько десятков шагов под ногами шуршал и похрустывал мусор — листва, ветки, какие-то непонятные комочки, мох. Зато чуть дальше камень стал ровным, пусть не гладким, как паркет, но вполне удобным для ходьбы и почти чистым. Через редкие трещины, рассекающие породу, легко перешагивалось. Время от времени, как и рассказывали торговцы, по стенкам сбегали ручейки. В темноте практически ничего не росло: грибы на тонких ножках с белесыми широкими шляпками аппетитными никак не смотрелись. Янке они и вовсе напомнили мутировавшую да севшую на диету бледную поганку.

Движение в свете пестрой россыпи шариков представлялось девушке походом на оригинальную дискотеку. Шарики хулиганистого Лиса мигали, вальсировали в воздухе под неслышный ритм, но исправно выполняли осветительную миссию наравне с дисциплинированными светильниками эльфа.

Вел команду уникальный нос Машьелиса, уловивший нить живого запаха разумного создания и отсекший от нее все чужие ароматы местной немногочисленной живности вроде насекомых и летучих мышей. Дракон и прежде обладал удивительным обонянием, а уж когда на него наложился дар Сил из храма Ветров, вовсе заполучил выдающееся преимущество. Хаг на всякий случай развернул свои уши-локаторы. Кто знает, куда за сутки мог запропасть потенциальный герой пророчества? Вдруг он сделал по пещерам круг и вышел к исходной точке? Если верить карте, купленной Лисом в двух имеющихся у крыса экземплярах, шанс на такое был.

За почти час пути блюстителям не попалось, не послышалось и не привиделось никого живого и двуногого. Большая колония летучих мышей выразила посетителям свое «фу!» ковровым бомбометанием, от которого спас лист Игиды со знаком щита. За обиталищем зверушек Стефаль изумленно воскликнул:

— Крапива!

— Да ну, в темноте? — не поверил глазам Хаг.

— Бывает, — вдруг щегольнула осведомленностью Янка. — У меня мама как-то для урока информацию отыскала. Крапива вообще-то не растет в пещерах, но исключения встречаются! Наши ученые нашли такую особенную. Предполагают, что в эпоху оледенения, спасаясь от холодов, крапива могла перебраться в

пещеры и приспособиться жить без света.

— Он тут был. — Лис ткнул в протоптанную по краю крапивных зарослей тропинку, на которой растение не успело подняться.

Друзья осторожно, цепочкой, просочились по тропинке в следующую пещеру, где опять не было ничего, кроме малого родничка и россыпи поганок. В очередном зале, отделенном от предыдущего длинным вертлявым коридором, магические огоньки Стефа не понадобились. По пещере, на пороге которой замерли блюстители, разливался зеленовато-синий свет. Мириады светящихся точек созвездиями покрывали потолок, как это бывает в детских комнатах, и, не останавливаясь на достигнутом, продолжали украшение «квартиры» свисающими занавесями из отдельных нитей, унизанных яркими каплями.

— Ох ты ж, красотища какая! — благоговейно выдохнул тролль, проникнувшись нерукотворным величием природы.

От звука его голоса сияние быстро погасло. Словно кто-то невидимый щелкнул выключателем и вырубил свет.

— Они живые. — В голосе эльфа послышалась улыбка. — Светлячки! Право слово, воистину вид прелести неизъяснимой.

— А гаснут, когда пугаются, умно, — оценил Машьелис и, сверившись с картой, двинул из Пещеры светлячков налево.

Стоило друзьям отойти подальше, как за их спинами успокоенные обитатели вновь начали включать освещение. Да так ярко, что хоть читай! Еще минут пятнадцать пути прошли скучно, безопасно и впустую.

— Ничего не слыхать? — поинтересовался Лис у тролля.

Тот приостановился, поводил из стороны в сторону головой, слазил в сумку, достал колбаску и, надкусив ее, промычал:

— Не слыхать!

— Может, сами покричим? — растерянно предложила Янка.

Казавшееся почти простым пророчество после перемещения на место обрастало сложностями буквально на глазах. Особенно очевидной стала сия истина, когда девушка покосилась на карту в пальцах Машьелиса. Паутина сумасшедшего паука, страдающего манией величия, должно быть, выглядела именно так.

— Яна, это горы, коридоры, каверны, звук в пещерах распространяется непредсказуемо, — посетовал Стефаль и поежился.

Средь тонн камня, обступивших его, эльф чувствовал себя не слишком уютно. Не спасали даже минутки любования местными красотами. До яркой фобии дело не дошло, юноша терпел и даже не морщился, но удовольствия от прогулки гарантированно не получал, тогда как трем остальным членам команды экскурсия по

пещерам ни малейшего дискомфорта не доставляла. Впрочем, особого удовольствия тоже, все силы мысли сейчас прилагались к поиску решения задачи с пророчеством. И первым действием в нем числилось обнаружение куда-то запропастившегося субъекта. Чем глубже друзья заходили внутрь горы, тем четкий на первых порах след представлялся носу дракончика все более смазанным. Но пока он мог вести компанию вперед, пусть и с трудом.

Лис нагло откусил кусок колбаски, зажатой в пятерне тролля, и, сглотнув, неожиданно согласился с невестой:

— А давайте по традиции покричим?! Обычно нам это помогало! Вдруг Стеф прав и звук распространяется в недрах Великой Матери с выгодной нам причудливостью? Если получим отклик, найти нашего торопыгу труда не составит.

И они разбрелись к входам в четыре коридора и покричали каждый у своего. Поскольку имени разыскиваемого никто в пророчество тиснуть не удосужился, а торговцы у пещер его и не знали, орали от души немудреное:

— Эй! Э-ге-гей! Отзовись! Ты где? Ау! — и так далее, у кого на что хватило фантазии.

Эхо, до сих пор радовавшее блюстителей лишь короткими звуками падения отдельных камней, монотонной капелью и журчанием ручейков, дополнилось криками команды. Крики друзей еще гуляли в недрах Великой Матери, когда откуда-то (Яна точно уловить направление не смогла бы) раздался еле слышный отклик.

— Кайрая бы сюда, — пожалел тролль, усиленно шевеля ушами. — Он бы нам сразу сказал, куда и сколько еще идти.

— Ничего, мой ушастый друг! Твои лопушки и мой нос, — Лис гордо щелкнул по кончику своей носопырки, — укажут нам дорогу не хуже.

— Не уверен, но кажется, нам туда, — ткнул Хаг пальцем по направлению к самому большому проходу, у которого роль оратора играла Яна.

— Проверим! — беспечно согласился дракончик и первым, как самый чуткий и легкий, вошел в очередной коридор, где и замер в истинном восхищении. В свете шариков Стефа на стенах пещеры переливались золотисто-зеленые искорки. На наивный Янкин взгляд выглядело это россыпью драгоценных камней. Как в детской сказке Волкова «Семь подземных королей».

— Не пойму, — почти обиженно насупился Машьелис.

С его точки зрения блестки на стенах тоже выглядели драгоценностями, но там, где ходят люди, никакие драгоценности так просто в каменных стенах не залеживаются — это раз, и два — дракон не чуял аромата сокровищ, каковой полагался бы

такому блескучему великолепию.

— Мох. — Одного слова из уст эльфа — знатока природы оказалось достаточно для остужения разумов, едва не попавших под власть золотой лихорадки.

— Все равно красиво, — оценила Яна и тихо хихикнула, любуясь и искрами мха, и комичным выражением разочарования на мордахе жениха.

Еще два зала, три коридора, один из которых круто опускался вниз, и друзья оказались в громадной пещере, нет, скорее это был тронный зал ее величества Природы. Лучи утреннего солнца, многократно отраженные сглаженными водой золотисто-розовыми стенами, проникали в самые дальние уголки. Над озером поднимался золотой туман испарений.

Даже Стефаль замер, пораженный и готовый в этот миг пересмотреть свое эльфийско-негативное отношение к бездушному камню. В этом точно была жизнь во всем ее торжественном великолепии.

«Как жаль, что под рукой нет фотоаппарата», — пожалела Яна, и тут же созвучно ее мысли прозвучал шепот Машьелиса:

— Я это обязательно нарисую!

— И я! — согласился эльф.

— Главное, чтобы не стала рисовать Яна, — подмигнул невесте язвительный женишок и получил подзатыльник от тролля. Впрочем, девушка не обиделась. Она не стала бы и пытаться передать величественную золотую красоту пещеры, чтобы не портить ни свое, ни чужое впечатление от великолепия природы бездарной мазней. Не дано, значит не дано, зато она пирожки вкусные печь умеет! Вот! Каждому свое!

Глава 24
СПАСЕНИЕ, ПРОЗРЕНИЕ, ВИДЕНИЕ

— Эй, — хриплый неуверенный голос из тумана прервал разговор. — Может, вы мне сначала поможете, а потом уж рисовать станете?

— Конечно, поможем, если найдем. Ты где и чем помочь? — мгновенно отреагировал дракончик, впиваясь взглядом в пещерный полумрак.

— Здесь, рядом, только идти не могу совсем. В трещине нога застряла. К озеру пошел, напиться хотел, засмотрелся и вот… — сконфуженно объяснил пострадавший.

Осторожно следуя на голос и рассеивая золотой туман под ногами светом магических шариков, команда добралась до злополучной трещины, разрезавшей камень пещеры. Там и обнаружилась жертва невнимательности. Красноватый с чуть заметным проблеском желтого ореол вокруг субъекта пророчества говорил сам за себя. Янка тут же тихонько разломила знак доверия — ТИО, а Хаг, подмигнув компании, на всякий случай добавил КИМУ — симпатию. Обеспечив мощную знаковую поддержку миссии, компания внимательно оглядела живую находку, для исполнения пророчества о которой предстояло хорошенько потрудиться всем.

Юноша, довольно пухленький, с едва начинающими пробиваться над губой усиками, сидел на неловко свернутом плаще. Правая его нога по голень проскользнула в коварную расщелину и застряла намертво. Рядом валялись сломанный нож и раскрошенные камни. Кажется, герой-торопыга пытался освободиться самостоятельно, но безуспешно. Прогресс в его работе был слабым. Впрочем, не найди застреванца поисковая команда еще денек-другой, наверное, у него был бы шанс продолбить себе дорогу к свободе ценой неимоверных усилий. Опять же, в непосредственной близости от воды смерть от жажды узнику пещер не грозила, а вот другие не столь смертельные заболевания от долгого сидения на холодных камнях — вполне.

Хаг взялся за работу: присел на корточки рядом и, аккуратно ощупав камни, ставшие ловушкой, принялся отщипывать от них куски, будто имел дело с мягкой глиной.

— Ну и силища! — восхищенно прошептал пленник и закашлялся.

Янка тут же захлопотала, доставая флягу с горячим травяным отваром и колбасу. Пока тролль пытался вызволить конечность,

благодарный юноша успел выдуть весь отвар, проглотить, почти не жуя, три копченые жирные колбасы и один каравай хлеба.

— Со вчерашнего утра не ел, — пожаловался найденыш команде.

— А чего с собой-то не взял? Или в какую-то другую трещину обронил? — удивленно прогудел тролль, заканчивая работу по извлечению ноги из камня.

— Обычай вроде такой есть, — замявшись, признался пленник Великой Матери. — Если желаешь в Зерцало черных вод взглянуть и будущее узреть, не след осквернять плоть пищей. И… сглупил я, думал, быстро смогу пещеру отыскать. У отца в столе карту старую нашел. Только неверная она. В третьем зале слева от центрального входа, где Зерцалу быть полагалось, ничего, кроме крапивы, не отыскал. Дальше наугад брел, с молитвой, и вот…

Юноша замолчал и беспомощно пожал плечами. Хаг вытащил ногу бедолаги, а Стефаль тут же поспешил озаботиться ее исцелением. Кость и мышцы оказались целы, но несколько глубоких царапин нуждались в обработке.

— Вы тоже Зерцало ищете? — доверчиво продолжил беседу спасенный, после того как закончил с горячими благодарностями, перекусом и знакомством. Никаких титулов, разумеется, не было, темноглазый крепыш назвался просто Тердицием, соответственно и в ответ получил лишь имена. А может, таков был здешний обычай — оставлять за порогом пещеры все земные звания, дабы приобщиться к вечной мудрости?

— Нет, не ищем, мы приходили сюда за иным и уже закончили свои поиски. Но, если хочешь, составим тебе компанию! — шустро и с виду совершенно невинно предложил Машьелис и коварно прибавил: — Кстати, постоянной карты этих пещер нет, здешний люд сказал, они меняются по воле Великой Матери.

— Я тоже слышал, да не поверил, — с досадой и стыдом признал Тердиций.

Встав, он оказался на полголовы ниже Яны и на треть толще. Эдакий прямоугольный параллелепипед в низких сапожках без каблука. Точно в роду гномы когда-то потоптались! Жаль, навыка работы с камнем потомку не оставили.

Пленник пещер с явственной радостью принял приглашение дракончика присоединиться к компании. Кажется, натощак и в одиночестве он больше никуда и никогда ходить категорически не собирался. Может быть, за исключением кабинетика задумчивости.

Что задумал шустрый напарник, его друзья пока не

понимали, но, зная изворотливую натуру Машьелиса и его нюх на опасность, решили подыграть о Либеларо. Тем паче в пещерах оказалось очень красиво, не слишком грязно и вообще вполне мило, особенно если сравнивать с недавним пророчеством, исполнявшимся на заболоченных просторах у реки, где ноги довелось промочить каждому.

Сжевав по колбаске и запив прохладной озерной водой с легким солоноватым минеральным привкусом, пятеро двинулись в путь. Через коридоры, залы, полные природных красот: где-то родники, где-то грандиозные колонны сталактитов и сталагмитов, где-то причудливые завесы мха… Полюбоваться было на что. И вот очередной коридор распался проходами сразу на пяток маленьких пещерок. У крайней справа вся стена являлась отполированным до блеска черным, как ночь, камнем, по которому струился ровный поток воды.

— Зерцало! — вскрикнул радостный Тердиций, зевнул, сделал еще шаг и, свернувшись уютным клубком прямо на каменном полу, сладко засопел.

Машьелис стряхнул с пальцев пыль знака Игиды — ЛИАП.

— А дальше? — полюбопытствовал Хаг. — Вечно мы его тут не продержим.

— Дальше… мы сейчас… нет, ты… — поправился Машьелис, ткнув пальцем в широкую грудь тролля, — отнесешь нашего героя в соседнюю пещерку. — Палец дракончика указал на третий в ряду проход. — Я мельком видел, она по размерам и форме подходит. А наш великолепный Стефаль сотворит иллюзию Зерцала и всего, чего к нему тут прилагается. В это «зеркальце» пусть Тердиций хоть до посинения смотрится. Увидит лишь себя, что тоже по-своему неплохая судьба. А проход в этот зал прикроем двойным набором: ИДЕС и АСТА.

— Слепота с туманом, дельно, — одобрил Хаг. — А повод не увидеть будущее есть — жрать меньше надо! Это ж кому только сказать, быстрее тролля лопает!

— Что вы паренька оговариваете? — пристыдила друзей Яна. — Он, бедняга, сутки не ел, вот и проголодался! Да еще и перенервничал!

— Его организм потратил изрядно сил на борьбу с переохлаждением и исцеление травмы, — поддержал подругу эльф в благом деле защиты спящего субъекта пророчества.

— Травмы? Там и было-то — пара царапин! — отмахнулся Лис.

— Там была трещина в кости, — поправил Стефаль, укоризненно качнув головой.

— Тогда ладно, тогда я ему, болезному, пожертвую, когда

проснется, свою последнюю колбаску, — хмыкнул дракончик, оставляя наскучивший спор. Машьелис торопился воплотить в жизнь задумку.

План о Либеларо приняли без голосования, ибо других ценных идей на тему «как заставить упрямого субъекта не смотреть в Зерцало черных вод», по тексту пророчества просто «зерцало», у блюстителей не возникло. Силовые методы воздействия, к некоторому сожалению Хагорсона, любящего простоту решений, не засчитывались! Порой кое-кого из непонятливых типов, отчаянно упирающихся на пути осуществления предсказанного, очень хотелось малость (или посильнее) подпихнуть для полета в нужном направлении, и временами даже ногой.

Сграбастав с пола пещеры плотно сбитую тушку Тердиция, Хаг крякнул от натуги и зашагал к пещере, избранной в качестве центра мистификации. Компании тролль бросил:

— Одно радует, он человек, пусть и с гномьей кровью, а не минотавр или каменный голем.

— М-да, на них сонные знаки, как говорил Гад, иногда плоховато действуют, — согласился Лис.

— Я вообще-то о том, что будь наш приятель еще чуток потяжелее, то его пришлось бы катить, — хохотнул Фагард, опуская спящего на новое место.

Стефаль сразу же приступил к сотворению иллюзии нужного качества. Через несколько минут пещера номер два ничем не отличалась от пещеры номер один. Все тот же струящийся черный водопад в дальнем углу, все та же черная, как кусок смолы, гладь воды, почему-то не взбаламученная струйками, все те же серые камни стен, пола и сводов. Великая Мать то ли страдала минимализмом и ни моховой, ни светлячковой подсветки в пещере не обеспечила, то ли Зерцало черных вод негативно действовало на любой тип жизни, даже самый примитивный.

— Все, — выдохнул явно утомленный работой Стефаль. — Минут пятнадцать надо подождать, давая иллюзии обрести материальность, и можно будить юношу.

— Насколько материальным будет Зерцало? — мгновенно уточнил характеристики творения Лис.

— В течение пары часов вид, цвет, текстура при физическом контакте ничем от настоящей пещеры отличаться не будут, — с гордым достоинством пояснил Стеф.

— Растешь, друг! — приятно удивился дракончик, не ожидавший таких высот в сложном искусстве.

— Отец занимался со мной на каникулах, — коротко улыбнулся юный эльф, наслаждаясь заслуженной похвалой и

уважением команды.

— Гхм, — откашлялся Хаг и почесал затылок. — Я тут подумал, коль нам все равно ждать, давайте, что ли, сами в настоящую пещеру сходим и в Зерцало поглядим, а?

— Почему нет? — загорелся Машьелис, схватил Янку за руку и, не слушая протестов (после зеркального ритуала у Сейата Фэро девушка побаивалась предсказаний такого рода), отбуксировал к Зерцалу черных вод.

Вся компания — Стеф не отстал от друзей — минут пять-шесть стояла над черным-черным водоемчиком, вглядываясь в его глубины в поисках истины, которая вечно бродит где-то рядом. Бесполезно! Никаких картин прошлого, настоящего или грядущего от щедрот Великой Матери блюстителям явлено не было. Черная-черная вода так и оставалась просто водой, где отражался лишь блеклый свет огоньков, зажженных эльфом.

— Я одного не пойму, зачем мы, то есть я, волокли Тердиция в другую пещеру да иллюзию плели? — фыркнул Хаг, тряхнув головой.

— Заботились о поддержании твоей великолепной физической формы, — мгновенно среагировал разочарованный Лис.

— Возможно, видения ниспосылаются лишь жителям этого мира? — рассудительно предположил эльф.

Еще раз фыркнув, тролль первым прекратил бесполезное топтание на месте и, вскинув голову, резко напружинился и протянул:

— Нет, друзья мои. Мы все балбесы, не только Лис. Поднимите головы и посмотрите на водопад. Зерцало черных вод — вот оно!

Яна вскинулась прежде, чем успела обдумать сообщение Хага. Черный камень, по которому плавно струилась вниз вода, действительно казался ростовым зеркалом, где не отражалось ничего, кроме все того же света огоньков. А в следующий миг темнота просветлела. Она будто распахнулась порталом или включилась трансляцией на широкоэкранном цифровом телевизоре.

Четверо видели одно: большую комнату, овальный стол, на столешнице которого искусным мастером было сотворено изображение Первого Древа — Игидрейгсиль, кресла и сидящих в них блюстителей в зеленых мантиях. Много ума не требовалось, чтобы узнать самих себя, пусть повзрослевших, заматеревших или, если говорить о Яне, обретших всю силу расцветшей женственности.

Характерные фибулы скрепляли мантии у горла. Точно такие

же не так давно видели студенты на Лехеси, Атригисе и Клодрене — троице, являвшейся руководством Института пророчеств и предсказаний.

Правда, цвет мантий у той троицы был куда менее традиционным и соответствующим направлению деятельности. С другой стороны, зеленый тоже идет не всем. Седую даму Лехеси он точно превратил в родственницу лягушки, а Клодрена в зомби. Атригису, пожалуй, ярко-зеленый пошел бы, но, как успели убедиться студенты-блюстители, одноглазый-неодноглазый не слишком жаловал формальные рамки. Наверное, и положенную протоколом мантию он отвергал чисто из принципа.

Мысли Янки метались как растерянные солнечные зайчики по водной ряби. Потому и схватилась она за отвлеченные рассуждения о цветах, чтобы не думать о главном: она — и вдруг руководитель ИПП. Какой из нее начальник-то? Вот Стефаль и Хаг — понятно. Они умные, эрудированные, к любому вопросу вдумчиво и скрупулезно подойдут, в каждой мелочи разберутся. Эльф, четыре года пробывший старостой факультета, управлять людьми умеет, красивый, обходительный, с каждым общий язык найдет. Даже Машьелис, хоть порой и ведет себя как капризный ребенок, маг сильный, замечательные идеи генерирует, память абсолютная, в финансах разбирается. Такой точно в кресле руководителя пользу принесет, особенно если друзья крылышки радужные придержат, когда дракончика заносить начнет на поворотах. Все трое на своих местах будут в правлении ИПП, а она, Яна, там зачем? Если только как приговорщица. Умение полезное и, наверное, разбивать команду нельзя, потому и она в зеленой мантии за руководящий стол угодила.

— Ого! — присвистнул приосанившийся Лис. — А высоко мы взлетим!

— Лучше бы деток показали, — вздохнула Янка, никогда не стремившаяся делать карьеру.

Зеркало — возможно, потому, что само являлось творением Великой Матери — услышало просьбу девушки и исполнило ее. Теперь друзья видели не рабочую обстановку, а жанровую сцену «отдых на природе».

Народа на картинке существенно прибавилось. Стефаль сидел на гостеприимно подставленной низкой ветке бок о бок с прелестно-длинноухой златовласой эльфийкой. Красавица находилась в явно прекрасном положении ожидания чуда. На траве у их ног возились с куклами две уже явленные миру золотоволосые чудинки с зелеными папиными глазищами и маминым пухлыми ротиками. Стефаль был единственным кавалером в этом девичьем царстве, хотя, как знать, возможно,

дивная супруга как раз готовилась подарить ему для комплекта сына.

К парочке девчушек отчаянно спешил серокожий карапуз, еще не очень твердо стоящий на ногах, но уже имеющий на поясе игрушечный (или все-таки настоящий?) топорик. Девочка и мальчик постарше, лет семи-восьми, белокурые в отца и темноглазые в мать, заливисто смеясь, качались на качелях-лодочке.

Яна и Машьелис, кажется, веселящиеся не меньше детей, лодочку с удовольствием раскачивали. Хаг и та самая студентка Рикха с тремя насечками на топоре шли в обнимку к друзьям и играючи несли две здоровущие корзинки. Если судить по торчащему из левой горлышку бутылки и окороку, прорвавшему полотенце правой, внутри была еда для легкого, в понимании троллей, перекуса.

Позади троллей рука об руку следовали Иоле и Йорд. Василиск не обнимал и не сжимал пальчики жены в своей ладони по очень веским причинам. Одна из причин висла на папиной правой руке, вторая обезьянкой цеплялась за левую. Сквозь завесы полосатых волос сложно было определить — девочки это или разнополые, вопреки традиции ифринг, дети, или вообще два пацана. Какая разница, если оба ребенка буквально купались в родительской любви? Хотя Янке почему-то казалось, что это мальчишки, а значит, проклятие поиска пары над ними не властно.

— Спасибо, — искренне поблагодарила ту, или того, кто показал будущее, Яна и счастливо улыбнулась. — Малыши — чудо!

— Наши малыши! — вставил дракончик одновременно с гордостью и с немалой оторопью. Жениться-то на любимой он был готов хоть сейчас, а вот над тем, чтобы стать отцом, пока не задумывался.

Между прочим, не он один! Если Хаг свою семейную будущность встретил с полным умиротворением: все правильно, все так, как и должно быть, как планировалось, то Стефаль немного растерялся. Кажется, юный эльф, робко ступающий на тропу романтичных свиданий с невестой, тоже был не готов испытать все радости многодетного отцовства прямо сейчас.

Зерцало, отработав обязательную и произвольно-заказательную программы, вновь стало обычным необычным водопадом, стекающим по черному камню. Если кто-то из друзей и жалел, что в стремлении узнать о детишках Янка всех опередила, то возмущаться не стал. В конце концов, узнать о таких деталях будущего никто бы не отказался. Руководить

Институтом пророчеств — это, конечно, круто, но ведь и семейное счастье важно. Хороший начальник — счастливый начальник и наоборот. Вот если бы у Гада не было дракессы Шаортан, даже представить страшно, как бы он деканствовал!

— Теперь я не удивлен тому, что Тердиций так стремился к Зерцалу. Небось, после смерти отца паренек совсем растерялся, и куда идти, а тем паче, куда вести за собой, не знает, — почти посочувствовал несчастному будущему правителю Хаг.

— Нельзя значит нельзя, судя по упертости нашего знакомца, он все, что увидит, воплощать в жизнь станет. И никто не знает, каким образом истолкует видения. Кажется, о том даже Силам Судьбы и Великому Древу Игидрейгсиль пока неведомо, потому и пророчество подкинули в АПП, — решительно объявил Машьелис. — Лучше пусть Тердиций импровизирует, чем пытается по зашифрованной карте топать. Потому, друзья мои, делаем, как решили!

И Лис решительно сломал знак ИДЕС, который должен был превратить вход в истинную пещеру в слепое пятно для субъекта пророчества, Стефаль активировал знак АСТА, добавив на всякий случай еще и туманную дымку.

— Что стоим? Пошли будить! — бодро предложил тролль, первым поворачивая к иллюзорному подобию пещеры Зерцала.

Сладко спящего, причмокивающего во сне Тердиция могучий серокожий верзила играючи вздернул на ноги и подпер собой для страховки. Стефаль сделал пасс рукой, посылая в тело субъекта пророчества бодрящую волну. Юноша сладко зевнул, потянулся и промямлил:

— Чего-то меня малость разморило.

— Это после еды. Когда долго не кушаешь, а потом сытно поешь, тело требует сна, чтобы пищу переварить, — участливо пояснила Яна.

Тердиций, и до этого с удовольствием посматривавший на фигуристую, как раз в его вкусе, девушку, расплылся в ответной улыбке. А чего бы не улыбнуться? Покормила, сочувствует, ни в чем не упрекнула и глазу приятна!

Зато неожиданно неприятно стало будущему отцу двух детишек и любителю качелей по совместительству. Оттереть невесту себе за спину получилось не очень — пусть в росте Лис и Яна сравнялись, но приятные округлости девушки никакие условно широкие плечи и грудь дракончика пока скрыть были не в силах.

Потому, переключая внимание субъекта пророчества на исполнение пророчества, Машьелис эдак невзначай, тактично, как слон, наступающий на ногу муравью, намекнул:

— Ты вроде как в Зерцало черных вод глядеть шел, нет?

— Да. — Не без усилия Тердиций отодвинул на задний план свои чувства.

Он потер лицо ладонями и, решительно расправив плечи, широким шагом направился к Зерцалу. Хорошо еще Великая Мать или иные силы позаботились о поддержании порядка в недрах священной горы. Залежей камней, через которые пришлось неторжественно скакать козликом, не было на всем протяжении пути. А этот зал и вовсе казался выметенным веником и отдраенным каким-нибудь спецсредством.

Минуту, другую, третью, потом четвертую и пятую юноша таращился в озерцо, как и команда из АПП до него. Тихое отчаяние и позор неудачи все сильнее овладевали искателем знаний о тайнах грядущего. Он уже хотел отойти, но тут с воскресшей надеждой вскинул голову и вперил взор в водопад.

У Янки не выдержало сострадательное сердце, она сунула руку в кошель, нащупала лист со знаком ЭЛТ и сломала его. Взметнулась фиолетовая искристая дымка, накрыла Тердиция. Бездна отчаяния в его темных глазах сменилась выражением глубокой задумчивости, спустя еще пару минут к нему добавилось выражение бараньего упрямства. Наследник, получивший ответ, решительно отвернулся от водного Зерцала.

— Увидел, что хотел? — не утерпел с вопросом Лис, изнывающий от желания узнать последствия Янкиного экспромта.

— Да и нет, — поразмыслив, оформил впечатления Тердиций. — Мне показали образ дороги и… вроде бы объяснили, что многое на ней будет зависеть от моих действий.

— А ты чего хотел? Чтобы план выдали: тут поворот налево, там свернуть на третью тропинку, а тут на холмике пикник устроить? И так всю жизнь распланировать по часам? — насмешливо бросил дракончик, намеренно стараясь поддеть юношу.

— Мгм, — неуверенно нахмурился юный властитель.

— И чья это тогда жизнь будет? — сурово прогудел Хаг. — Твоя? И жизнь ли вообще или пляска марионетки?

Лис хотел было ляпнуть что-то шутливое, открыл рот и снова закрыл, давая человеку время на раздумья. Тердиций сопел несколько минут, хмурил брови, жевал губами, играл желваками на скулах, чесал шею и, в конце концов, родил мысль:

— Правильно мне все показали. Спасибо, Великая Мать, — до земли поклонился иллюзорному черному Зерцалу искатель истины. Команда блюстителей самодовольно перемигнулась.

Однако недолго держалось этакое выражение на лицах студентов. Будто в ответ на слова Тердиция где-то справа

загрохотали камни, словно рассмеялся кто-то большой, могучий и мудрый. А потом вся иллюзия Стефаля, кропотливо создаваемая и рассчитанная еще на пару часов существования, рассыпалась брызгами черной воды.

Встревоженная компания бросилась из пещеры на звук обвала. Вход в настоящую пещеру Зерцала черных вод, прикрытый двумя знаками Игиды, ныне закрывала куда более надежная свежая россыпь камней. Завалило наглухо! А едва команда оказалась в коридоре, как такая же каменная преграда со звуком, очень уж походящим на женский смешок, выросла перед пещерой-муляжом.

Кажется, хозяйка местной достопримечательности, богиня ли, дух места или иное могущественное создание, не сердилась на блюстителей, устроивших свое шоу, даже по-своему оценила его, но теперь отчетливо намекала: погостили, пора и честь знать. Доказательством завершения миссии стал гаснущий вокруг Тердиция красный ореол субъекта пророчества.

— Пора возвращаться! — промолвил впечатленный Стефаль. — Правильного тебе пути, король Тердиций! Правь мудро!

— Счастливо! — от души пожелала Яна хмурому крепышу.

— Вы знали?! — разочарованный раскрытым инкогнито, уныло вздохнул юноша. — Потому и помогли?

— Ты, как Янка говорит, теплое с мягким-то не путай. Нам твои титулы без разницы, своих хватает. У каждого своя работа, парень, — пожал плечами Машьелис и, ухмыльнувшись, пожелал: — Удачи тебе и хмурься поменьше, тогда точно найдешь такую же замечательную девушку, как моя невеста. Хотя нет, не найдешь, она у меня одна такая!

Дракончик обнял зарумянившуюся от неожиданного комплимента невесту, а Стефаль произнес сакраментальные слова:

— Пророчество исполнено!

Глава 25
ПРИЗНАНИЯ

Команда перенеслась в Зал порталов ИПП, чтобы принять похвалы и награды, заслуженные первым успешным завершением работы с красным пророчеством. Летописец, впрочем, как стоял за конторкой и чиркал в книге, так и продолжил сидеть и раздавать комплименты новичкам не спешил. Зато Атригис встретил их одобрительной ухмылкой, чем-то напоминающей хищный оскал матерого морского волка, что в сочетании с повязкой на глазу производило нужный эффект. Не хватало только попугая на плече и деревянной ноги. Бегло осмотрев команду на предмет отсутствия конечностей или прибавления лишних (порой после миссий блюстителей бывало и не такое), представитель руководства института скомандовал:

— За мной!

Никаких объяснений касательно того, куда, зачем, почему и насколько долго, разумеется, не дал. То ли информация являлась секретной, то ли мастер не посчитал ее важной и нуждающейся в немедленном оглашении. Если все равно идти, то зачем тратить время на объяснения?

Все последовали за начальством. Не спешил возмущаться даже Машьелис, обыкновенно не лезущий в карман за словом, склонный к ехидным комментариям и неудобным вопросам. А вдруг их ведут жалованье получать? Вот сейчас влезешь, возмутишься, и чего-нибудь вычтут за пререкания. Нет, к своим настоящим и будущим капиталам дракон относился очень трепетно, почти как к невесте, только по-другому.

Из Зала порталов через типовое Хранилище свитков Атригис провел ребят в коридор, а оттуда, открыв неприметную серую дверь, куда-то вниз, вниз и еще раз вниз по узкой лестнице.

— Или нас прикопают в подвале как проваливших миссию, или это опять он, — поделился с друзьями странными соображениями дракончик.

— Кто? — не поняла и простодушно переспросила Яна.

— Здешний Сад Игиды, — дернул носом Машьелис, уже давно уловивший знакомый запах.

А спустя несколько секунд в истинности предположений о Либеларо получили возможность убедиться остальные члены команды. На лестнице появились первые извивы золотисто-туманной дымки — неизменного спутника Сада Игиды.

— Угадал, — согласился Атригис.

— Путь похож, — повел плечом дракончик и все-таки не удержался от шпильки: — Только у нас в АПП лестница пошире раз эдак в пять будет.

— Тебя еще и по парадной лестнице вести надо было? — поразилось наглости начальство и резко затормозило. — Что ж сразу не сказал? Давай тогда вернемся и потратим лишние полчаса вашего выходного дня на переход к центральной лестнице.

— Не-не-не, это я так, я вообще очень скромный, да и друзья мои такие же или еще большие скромняги. Нас все устраивает, это так, к слову пришлось. Чисто исследовательский интерес, — мгновенно сориентировался и залебезил Машьелис, совершенно не желавший идти в обход ради призрачных амбиций. Если оные у дракончика и были, то на ширину и парадность лестниц для передвижения плевать хотели.

Атригис в ответ на вдохновенный спич парня хмыкнул и возобновил спуск. К счастью, спуск в здешний сад оказался немного короче, чем в академии. Туман на лестнице вскоре расступился, путь закончился в не имеющей стандартных и постоянных габаритов пещере-вместилище деревьев Игиды — детей Игидрейгсиль: одного из нескольких садов или той общей части, которая может быть явлена миру материальному в этой точке пространства, или дверью в Единый Сад Игиды. Со всеми этими версиями на истории Игиды студентов педантично знакомил еще год назад мастер Ясмер.

В Саду Атригис провел команду к одному из самых больших деревьев. Выбирал он его методом научного тыка или именно к этому конкретному растительному великану и намеревался доставить студентов, Яна не знала. Почему-то сейчас этот вопрос показался девушке неуместным и совсем не нужным.

Рассредоточив четверку новичков перед Древом Игиды непостижимым для умов студентов образом, Атригис вполне буднично сказал:

— Новые работники Института пророчеств и предсказаний. Прошу принять!

— Это чего, у них такой отдел кадров? — озадаченно хлопнула ресницами Яна, выискивая среди стволов что-то или кого-то. Вдруг в ИПП всей бумажной волокитой дриаданы заведуют?

Вопрос отпал сам собой, потому что ответ последовал от самого дерева, вокруг которого блюстителей так тщательно — как фигуры на шахматную доску перед партией — выставил одноглазый проводник. Четыре самые низкие ветки синхронно опустились на макушки юных блюстителей и не то погладили, не

то похлопали, оставляя дары.

— Забирайте фибулы, — скомандовал Атригис, и команда принялась выпутывать из волос листья Игиды. Если у Стефа с его послушными мягкими прядями и у коротко стриженного Хага это вышло запросто, то Лис и Янка помучились изрядно. Их листья каким-то чудом успели запутаться в волосах на макушках и ни за что не соглашались добровольно расстаться с избранным местом в шевелюрах носителей.

Наконец все четыре листа оказались в руках владельцев. Гладкие, кожистые, как обычные свежесорванные пустышки Игиды, листья преобразились, стоило им несколько секунд полежать в ладонях юных блюстителей — сменили цвет на насыщенно-зеленый, с серебристым контуром Древа Игидрейгсиль в центре.

— Поздравляю, теперь вы не только приняты на работу в Институт пророчеств и предсказаний, но и прошли посвящение, — буднично проинформировал компанию Атригис.

— Могли не пройти? — вскинулся Машьелис.

— Всякое случается, Великое Древо проверяет блюстителей первым заданием и принимает окончательное решение, — ухмыльнулся одноглазый и почему-то коснулся рукой повязки. Уж не после ли посвящения этот аксессуар стал необходим мужчине? Задавать вопрос не стал даже хамовато-нагловатый дракончик. Возможно, когда-нибудь потом, под настроение, в подходящей ситуации, но не сейчас.

— Фибулы приложите к ткани у горла, — тихо и почти торжественно посоветовал Атригис. — Они, как и браслеты, непосвященным не заметны, да и вам мешать не будут.

Еще несколько минут друзья потратили на размещение фирменного знака отличия Института пророчеств и предсказаний на одежде. Удивительно, но фибула, скорее действующая как липучка, а не булавка, действительно не кололась и не мешала. Она словно бы присутствовала лишь видимым контуром, а не всей физической массой и формой.

Почему так, Янка спрашивать не стала. В ответ ей могли бросить пару многозначительных слов «магия Игиды» или, что хуже, прочесть лекцию о философской концепции символа ИПП. Донская еще не настолько хорошо знала одноглазого, чтобы рисковать единственным выходным в цикладу!

Этот денек и без лекций о могуществе Игидрейгсиль выдался насыщенным! Пошла, называется, за заколками! С каким-то подозрительным мафиози на улице столкнулась, с бабушкой жениха отобедала, помогла исполниться пророчеству, а на закуску узнала о собственной судьбе и судьбах друзей.

Никогда Яна не любила гаданий и не ждала от них добра, однако видения Зерцала черных вод принесли ей не тревогу, а совершеннейшее умиротворение и довольство судьбой, жизнью и своим местом в мире.

Теперь девушка как-то особенно ясно поняла, что не только имеет шанс, просто обязана быть счастливой, и все у команды в целом и каждого из ее членов будет хорошо. А воспоминание из будущего — хохочущий на качелях Лис и двое озорных ребятишек — наполняло душу тихой радостью.

— О чем думаешь? — шепнул на ухо невесте дракончик, когда они вышли через главные ворота из главного корпуса Института пророчеств и предсказаний на улицу Дрейгальта.

— О тебе, — столь же тихо ответила Яна.

— Это правильно, обо мне надо думать, я замечательный, — заулыбался Лис и чмокнул невесту в щеку.

— Ты самый лучший… для меня, — улыбнулась девушка и нежно погладила Машьелиса по щеке. Тот, ловя ласку, потерся о ладонь, как большой кот, и ответил:

— А ты для меня, Ян, и если что не так, сразу говори, ты же знаешь, да и Хаг постоянно, твердит: я балбес.

— Не важно, пусть. Все равно ты мой балбес, — отмахнулась землянка.

— Твой, — довольно согласился дракончик и зажмурил потемневшие до синевы от переполнявших его чувств глаза.

Замерло, а потом сильно-сильно забилось сердце Янки, в этот миг осознавшей, что никакие иные, даже самые синие-пресиние глаза больше не заставят ее плавиться в неясном томлении. Зачем? Если рядом есть радужный дракон — жених, друг, соратник, будущий муж и отец ее детей!

Стефаль, Хаг, Машьелис, Яна — команда блюстителей пророчеств — вместе шли по улочкам города Дрейгальта к воротам Академии пророчеств и предсказаний. Шли своим собственным путем и одновременно той дорогой, которую предназначили для них Силы Судьбы. Когда эти две вероятности совпадают, приходит ощущение правильности, полноты бытия, своего места во вселенной и, пожалуй, счастья!

Пусть впереди еще были два с половиной года учебы, но свое будущее отныне Яна Донская, обычная девушка с Земли, приговорщица и блюстительница пророчеств, видела ясно.

А Землю по окончании Яной третьего курса ждал сюрприз — маленькое очень магическое сливовое дерево, способное пусть не сразу, мало-помалу, сделать мир чуть более волшебным уголком, где иногда совершаются чудеса! Все благодаря АПП —

уникальной академии, где под сенью Великого Древа Игидрейгсиль всегда находится место для чуда. Чуда, оборачивающего любое, даже самое страшное пророчество, предсказание и событие к лучшему!

notes

Примечания

1

Аполлон Майков «Колыбельная».